

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

**ГЛИНА
ГОСПОДА БОГА**

**ГЛИНА
ГОСПОДА БОГА**

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

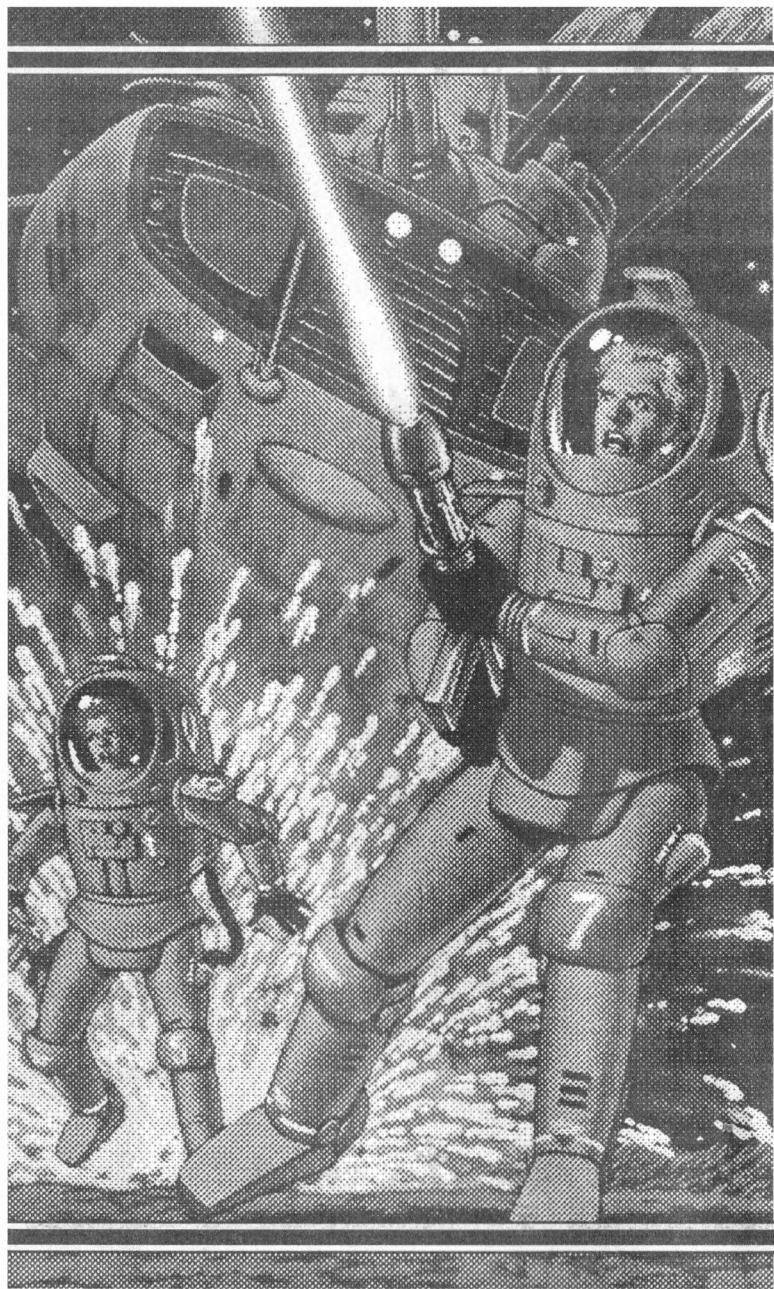
З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д А Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

**ГЛИНА
ГОСПОДА БОГА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • СРМАК

МОСКВА 2003

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84 (2Рос=Рус)6

Г87

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 17.07.2003. Формат 84х108^{1/32}
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3164

Громов А.Н.

Г87 Глина господ бога: Сб. / А.Н. Громов. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 412, [4] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-008812-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0435-0 (ЗАО НПП «Ермак»)

Бог создал человека из глины. По крайней мере — это одна из самых распространенных версий. История умалчивает, какой именно сорт пошел на изготовление Адама — однако явно не самый лучший. А те, кто был создан из материала высшего сорта, — прекрасно устроены в жизни и практически бессмертны.

На то он и **ВЫСШИЙ СОРТ**.

Однако жизнь более простых изделий нельзя назвать скучной — как вы и узнаете из новой книги Александра Громова. Автора, по праву считающегося лучшим в отечественной **НАУЧНОЙ** фантастике.

Впрочем, если **ВЫ УЖЕ ЗАСЛУЖИЛИ** потомственное дворянство в космофлоте; Или же — **ВАМ ДОВОДИЛОСЬ** входить в пещеру Али-Бабы (и что более важно — **ВЕРНУТЬСЯ** оттуда);

Если ваш житейский опыт **ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ** дуэли с членом правительства; А может быть — **ВАМ УЖЕ ПРИХОДИЛОСЬ** спасти от истребления последнюю горстку землян —

НЕ ЧИТАЙТЕ эту книгу. Право же, вы не найдете в ней ничего нового для себя.

В противном случае — присоединяйтесь, поговорим. Как глина — с глиной.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84 (2Рос=Рус)6

© А.Н. Громов, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

ПОВЕСТИ

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

Глава 1. ИЗГНАННИКИ

Если бы кому-нибудь взбрело на ум отведать здешней воды, он, несомненно, нашел бы, что она горька, имеет внятный тухлый привкус и вдобавок заметно солоновата — не настолько, чтобы ее совсем нельзя было пить, однако вполне достаточно, чтобы напрочь отбить такое желание у любого, кто не издыхает от жажды.

И вид воды тоже не радовал глаз. Вдавлив кружку или котелок в упругий ковер из переплетенных растений, жаждущий мог нацедить порцию бурой от торфяной взвеси жижицы, часто с маслянистой пленкой на поверхности и всегда с полчищами суетящихся крошечных организмов, совершенно безвредных, но вызывающих омерзение даже у не слишком брезгливого человека.

Бредущий по болоту не умер бы от жажды, не имея при себе опреснителя или фильтра с ионообменником, совсем нет. Более того, потребление солоноватой воды не грозило его здоровью по меньшей мере в течение нескольких недель, а что до неприятных ощущений, то это, как водится, дело сугубо личное и мало кому интересное. Равным образом никого и никогда не интересовало, грозило бы обезвоживание организма тому, кто проведет на болоте свыше нескольких недель. Не интересовало просто потому, что прожить на болоте столь долго — уже из разряда невероятных чудес, требующих столь же невероятного везения, и вода тут совершенно ни при чем.

Легенды были, да. Но не статистика. Ни на Хляби, ни на любой другой планете, освоенной людьми, статистика не оперирует категориями невероятного.

Большой автобус без окон, со значком департамента юстиции на борту низко протянул над плоским берегом, погасил скорость возле вышки энергоизлучателя, убрал антиграв и с коротким скрежетом опустился на щепнистую почву. Судя по скучной невыразительности подлета и посадки, управлялся он киберпилотом, давным-давно нащупавшим оптимальную последовательность маневров на данном маршруте и не склонным экспериментировать. Чмокнув, лопнула дверная мембрана. Подобно дразнящему языку выдвинулся и лег на щепень трап.

Те, кто вышел из автобуса, четко делились на две категории: люди с оружием и небооруженные. Последние были скованы между собой наручниками в длинную цепочку. Их было десять: семеро мужчин и три женщины, одетых в тюремную униформу — тяжелые башмаки, черные обтягивающие штаны, мешающие чересчур быстрой ходьбе, не говоря уже о беге, черные тюремные робы с большим белым кругом на спине, светящимся и в темноте, однако же не настолько ярко, чтобы помешать прицеливанию.

Одна из женщин всхлипывала. Мужчины угрюмо молчали. Кружилась и лезла в глаза мошкара.

По знаку старшего в команде, немолодого плотного служаки со скромными нашивками лейтенанта и лицом кирпичного цвета, конвойные рассыпались цепью и взяли оружие на изготовку. Пусть у осужденных нет ни малейшего шанса избежать наказания, в деле исполнения приговора случается всякое. Кто-то может вообразить, что умереть, попытавшись убить другого, — легче.

Первым от человеческой гирлянды отцепили ничем не примечательного мужчину лет тридцати пяти. Подтолкнув в спину — мимо вышки, к болоту, начинавшемуся шагах в ста, — сообщили сиплой скороговоркой:

— Туда. Пройти двадцать шагов, повернуться, ждать. Марш. Мужчина потер запястье. Оглянулся через плечо.

— Кордонный невод снят?

— Специально для тебя оставили, — ухмыльнулись сзади. — Пошел, умник. Других задерживаешь.

Мужчина сделал шаг. На втором шаге он по-футбольному пнул носком ботинка кучку мелкого щебня — веером брызнули камешки. В трех шагах впереди они наткнулись на что-то невидимое, взвизгнули и повисли серым облачком. На землю посыпался песок.

— А я думал, что на Хляби смертной казни не существует, — кротко произнес мужчина. — Я ошибался?

— На вышке! — гаркнул служака, задрал к небу кирпичное лицо. Наверху показалось другое лицо, не кирпичное, заспанное. — Спишь? Гауптвахты захотел? Почему не снял кордон?

— Виноват, — отчаянно пискнули сверху. — Э... на болоте замечено движение, господин лейтенант.

— Врешь, как всегда. — Кирпичный служака презрительно сплюнул под ноги. — А хоть бы и так — что мне твое движение? Живо снимай кордон. Жду три секунды, о четвертой пожалеешь.

— Готово, господин лейтенант.

— Отставить словоблудие! Как положено рапортовать?

— Кордонный невод снят, господин лейтенант.

Несколько мгновений служака зло сопел, в то время как отделенный от гирлянды мужчина смотрел на него с ироническим сочувствием. Затем осужденный получил тычок промеж лопаток и разом проскочил место, где еще висела пыль от камешков. Из того, что он остался цел, а не был расчленен на тысячу-другую кусочков, можно было заключить, что теперь кордон и вправду временно отключен.

Только для пропуска приговоренных.

— Двадцать шагов вперед. Повернуться, ждать.

Мужчина послушно выполнил требуемое.

Следующей отцепили полную низенькую женщину средних лет. Получив ту же команду, Кубышечка завертела головой на короткой шеенке, как бы что-то высматривая, и, видно, не высмотрела, поскольку, округлив и без того круглые от природы глаза, спросила кирпичнолицего:

— А... где космодром?

Лейтенант сделал ленивое движение, отчего голова женщины мигом втянулась в плечи.

— Марш.

— Меня ведь... к изгнанию, — плаксиво проговорила Кубышечка, пятясь от кирпичнолицего мелкими шажками. — К изгнанию только... — Она всхлипнула, готовая разрыдаться. — Я ведь не здешняя, я туристка, меня вообще по ошибке... Я думала... космодром...

Еще одно ленивое, но со значением движение лейтенанта — и она пошла, семена коротенькими тумбами ног, часто оглядываясь через плечо с ужасом и надеждой.

С остальными проблем не возникло. С каждым раскованным укорачивалась человеческая цепочка. Каждый получал и безропотно исполнял однообразную команду: пройти двадцать шагов за кордон, повернуться, ждать. Последний, крупный мужчина со стрижкой ежиком, демонстративно сплюнул лейтенанту на ботинок и, против ожидания, не получил в ответ ни порции брани, ни тычка стволом лучемета под ребра. Кирпичнолицый лейтенант, сам чем-то похожий на этого осужденного, лишь благодушно ухмыльнулся:

— Полегчало, Юст? Ну иди, иди, не задерживай людей.

Теперь цепочка выстроилась вновь — в двадцати шагах за незримым барьером, в ста шагах от нечеткой береговой линии. Двое солдат с некоторым усилием выволокли из автобуса большой металлический ящик и, занеся его за барьер, поспешно отступили назад. Глядя вверх, лейтенант буркнул: «Давай», — и лишь через несколько секунд, когда голос солдата с вышки доложил о восстановлении кордонного невода, лениво наклонился, стер пучком жесткой травы плевков с носка ботинка и небрежным движением швырнул пучок перед собой. Чуть дохнувший ветерок подхватил и понес травяную крошку.

— Так, — негромко произнес тот, кого расковали первым. — Отрезано.

Вряд ли лейтенант его слышал. А если и имел тонкий слух, то обратил на слова осужденного еще меньше внимания, чем на едва слышное гудение кордонного невода.

Оставалось покончить с последней рутинной процедурой.

— Канн Эрвин, — на одном выдохе проорал он в жестяной рупор, — Отлок Мария, Хольмер Джоб, Касада Хайме, Вейденрих Матиас, Дашиева Лейла, Обермайер Ян, Бузенко Валентин, Шульц Анна-Кристина, ван Борг Юст! — Он перевел дух и продолжал: — Именем народа и правительства Хляби за совершенные вами преступления вы приговорены судом к высшей мере наказания, существующей на нашей планете: изгнанию. Приговор вступает в силу в данную минуту.

Кубышечка охнула. Остальные молчали. У одного из осужденных по лицу пробежала короткая судорога. Лейтенант энергично прочистил горло, сплюнул и заговорил вновь:

— Ящик — ваш. Хотя, по мне, нет смысла на вас тратить, но по закону изгнанники должны быть обеспечены необходимым минимумом пищи и снаряжения. У вас десять часов на то, чтобы убраться с материка. Тот, кто останется на берегу свыше этого времени, будет сожжен. За полчаса до срока дадим сирену. Счастливые острова строго на восток, порядка трехсот километров через Саргассово болото. Удачи я вам не желаю. — Он повернулся и зашагал к автобусу.

— Подождите! — с привизгом закричала Кубышечка. — Почему здесь? Изгнание — это же с планеты! Я... я требую доставить меня на космодром!

Лейтенант не обратил на нее никакого внимания. Конвойные солдаты, переставшие держать приговоренных под прицелом после включения кордона, заухмылялись.

— На Хляби власти удовлетворяются изгнанием опасных преступников из социума, — пояснил первый раскованный, — это дешевле и эффективнее.

— Но я должна улететь отсюда!

— Попытайся, — мужчина пожал плечами, — если умеешь летать. Кстати, — обратился он ко всем, — нам надо познакомиться. Фамилии и прегрешения перед законом предлагаю опускать. Я Эрвин. Ты, — он скосил глаз в сторону Кубышечки, — Мария. Кто еще хочет назвать себя?

— Заявнь, мальчик, — с величавой ленцой проговорил тот, кого расковали последним. — Я — Юст. Кто-нибудь тут меня не знает?

— Юст ван Борг, более известный как Полярный Волк. — Эрвин кивнул, и легкий шорох прошел среди приговоренных. — Как же, слышали. Но я думал, тебя убили, когда брали Пантеру Хабиба.

— Заткни пасть, я сказал. Будешь говорить, когда я разрешу. Твое имя, шкет? — Палец с палладиевым кольцом, украшенным геммой с изображением оскаленной волчьей морды анфас, указал на вертлявого парнишку лет семнадцати.

— Хайме, — с готовностью ответил тот. — Э... Хайме Касада из братства Савла. Счастлив встретиться, Волк!

— Зато я не очень счастлив, — покривил губы Юст, глядя на парнишку насмешливо. — Прежде в братстве Савла таких сопляков не водилось. За что схлопотал вышку?

— За мокрое дело, Волк... Случайное.

— Ну и сдохнешь теперь. Ты? — Палец с кольцом ткнулся в грудь молодого мужчины, низенького и пухлого. Тот вздохнул.

— Валентин Бузенко. Обвинен в шпионаже в пользу Земли... и Лиги. Ложно обвинен.

— И Земли, и Лиги? Важная фигура... — Полярный Волк комически искривил углы рта. — Тоже сдохнешь.

Как бы в ответ на его слова болото всхлипнуло. Шагах в двухстах от берега вырос бурый горб, по всколыхнувшейся поверхности болота побежали прочь от него кольцевые неспешные волны. Истошно завизжала Кубышечка. Прорвавшись на вершине, горб осел, зато из разрыва взметнулся в серое небо длинный лиловый язык или, может быть, шупальце — покачался туда-сюда, затем одним быстрым движением обшарил пространство шагов на пятьдесят вокруг себя и с сочным хлопаньем уполз обратно. Болото успокоилось. Видно было, как понемногу затягивается дыра в растительном ковре.

— Язычник, — пояснил Эрвин.

— Что? Кто? — Истратив на визг запас воздуха, Кубышечка поперхнулась, со всхлипом вдохнула и закашлялась, давась мошкаррой.

— Язычник. Так зовут эту тварь. Языкастая потому что. Что-то близко от берега. Пари держу, там яма.

— Много их тут? — нервно спросил мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, утирая рукавом залысый череп.

— Хватает. Этот еще маленький.

— Как же мы дойдем до этих... как он назвал? До Счастливых островов?

— Никак, — мрачно отозвался чернявый живчик помоложе. — Передохнем по пути. Да и нет никаких Счастливых островов, сказки это.

— Кажется, я велел всем назваться, — негромко обронил Юст.

— Не ты, а он. — Рыжеволосая девушка указала на Эрвина. — Только не велел, а предложил. — Демонстративно повернувшись к Эрвину, она назвала себя: — Анна-Кристина.

— Я буду звать тебя Кристи, — сказал Эрвин.

— Это имеет значение?

— Так короче. На болоте все имеет значение, в особенности лишние четверть секунды.

— Закрой хайло, ты, ублюдок! — Не сводя с Эрвина пристального взгляда, Юст подался вперед. — Будешь делать то, что я скажу, иначе... — Движение желваков должно было показать строптивцу, как с ним может быть «иначе». — Уразумел, или помочь?

— Помочь. — Эрвин ухмыльнулся.

Угрожающе оскалившись, Юст двинулся к нему. Волк волком. Шевельнулся и Хайме — с явным намерением зайти со спины. Кое-кто отшагнул назад, не желая вмешиваться.

— Между прочим, — вразумляюще сказал Эрвин, — разборки среди осужденных квалифицируются как попытка помешать исполнению приговора суда. Во всяком случае, до тех пор, пока мы маячим в пределах прямой видимости. Солдаты обязаны вмешаться. Хочешь получить в задницу снотворную капсулу, Юст? Можешь поспать, впереди у тебя еще почти десять часов...

— А потом тебя поджарят, — плотоядно улыбнулась Кристина, мотнув рыжей прядью. — Будет жареная волчатина. А из этого гаденыша, — указала она на Хайме, — жареная крысятина.

Юст Полярный Волк подвигал желваками, но ничего не сказал и отступил на шаг. Конвойные солдаты удобно расположились на граните, с ленивым любопытством наблюдая за

приговоренными. Некоторые поднялись на наблюдательную площадку вышки.

— Сейчас для них начнется самое интересное, — вполголоса буркнул Эрвин.

— А что? — спросила Кристина.

— Будем делить снаряжение.

Круто повернувшись, Эрвин направился к металлическому ящику. Было ясно видно, что свою долю он не уступит никому, даже Юсту, и лишь во избежание свары хочет оказаться у ящика первым.

Глава 2. БЕРЕГ

Избежать свары все-таки не удалось. До поножовщины не дошло, и то ладно. Хотя среди того, чем департамент юстиции пожелал снабдить осужденных, ножи как раз имелись — десять дешевых изделий охотничьего образца в ножнах со шнурками для ношения на шее. Кроме того, ящик скрывал в себе десять легких рюкзачков, трехдневный запас пищевых брикетов в расчете на десятерых, стометровый моток прочной веревки, два топорика на пластмассовых рукоятках, десять пластмассовых же мисок, десять «вечных» зажигалок, два фонарика и компас.

Один захваченный нож Эрвин тут же сунул Кристине, другим взрезал штаны по швам на внутренней стороне бедер. Когда он покончил с этим делом, к ящику было уже не протолкаться: каждый спешил урвать как можно больше. Семь человек сопели, ругались, визжали, пытались отшвырнуть друг друга. Восьмой, громадный костлявый старик с пышной седой гривой, стоял в сторонке, глядя на копошащуюся человеческую кучу со снисходительным сочувствием.

— А ты, дед, что же? — спросил его Эрвин.

— Сильные отнимут у слабых, — отозвался тот густым звучным голосом. — Затем сильнейшие отнимут у сильных. Так хочет Господь, так тому и быть вовеки.

Эрвин улыбнулся углом рта.

— Где-то я это уже слышал. Не в церкви ли Господа Вездесущего? Миссионер с Осанны, надо полагать? За проповеди и загремел, паства заложила? Что ж не продолжаешь? Насчет того, что впоследствии хитрейшие отнимут у сильнейших, и это также угодно Богу?

— Господь Вездесущий пребывает повсюду, — был ответ. — Нет в мире ни былинки, ни частицы вне Господа нашего, ни толики малой. Ни мысли, ни поступка, ни шевеления бесцельного, ни дрожи на холоде, ни пота в жару. Бог в каждом человеке во веки веков, аминь.

— И поэтому любой поступок человека угоден Богу, следовательно, оправдан? — с иронией спросил Эрвин.

Глаза старца гневно вспыхнули.

— Богомерзкая ересь сочится из уст твоих! Любой поступок человека и есть поступок Бога!

— В том числе приговор суда?

— Господь посылает мне испытание, — с неколебимой твердостью отвечал старик. — Он же пошлет мне спасение ради несения света истины заблудшим душам, погрязшим в неверии и ереси!

— Ты Ян Обермайер по кличке Скелет, — сказал Эрвин. — Я слышал о тебе. Зря ты заявился на Хлябь, у нас твоя секта под запретом. Или не знал?

— Господь знает, куда посылать своих чад. — Старик величаво отвернулся и стал смотреть на болото.

Тем временем схватка за снаряжение подошла к закономерному концу. Над металлическим ящиком, ухмыляясь, возвышался Юст Полярный Волк, и топорик в его руке грозил всякому, кто дерзнет приблизиться. Ближе других к Волку и тоже демонстрируя неудачникам глумливую ухмылку замер в хищной позе Хайме Касада. Совершать без приказа пахана лишние движения он не дерзал, ограничившись перебрасыванием ножа из руки в руку — небрежно и не глядя.

Продолжала всхлипывать Кубышечка.

— Зря, Юст, — сказал Эрвин. — Тебе такой вес по болоту не снести, да и ему, — лезвием ножа он указал на Хайме, — тоже.

Юст будто не слышал его. И демонстративно не замечал.

— Вы! — выдохнул он, обращаясь к остальным, и начал цедить медленные слова — словно тянучку жевал: — В первый раз вижу столько слабаков. Саргассово болото сожрет вас в один прием и не заметит. Поэтому тот, кто хочет живым добраться до Счастливых островов, будет слушать меня. Я знаю, как вести себя на болоте, а вы нет. Поняли? Беспрекословно выполнять все, что я скажу. Тогда, может быть, вы останетесь живы. Кто не хочет, пусть убирается. Есть такие?

— Я желаю убраться, — сказал Эрвин. — И она. — Он указал на Кристину и на этот раз заслужил беглый взгляд Полярного Волка.

— Разве я против? Убирайтесь.

— Сперва мы получим свою долю.

— Ну так иди и возьми! — ухмыльнулся Юст.

Эрвин успел сделать лишь один шаг, прежде чем на него кинулся уловивший движение брови Юста Хайме. Легко уклонившись от ножа, Эрвин ударил мальчишку по шее и не дал ему разбить голову о гранит. Со стороны это выглядело так, будто один споткнулся, а другой неловко поддержал его. Хайме взвыл, когда чужая ступня притиснула его запястье к гранитному щебню, но ножа не выпустил. Голос Эрвина остался ровным:

— Не лучше ли тебе поделиться с нами, Юст?

Одно мгновение Полярный Волк колебался — метнуть в Эрвина топорик или уступить? По всему было видно, что он не из тех, кто уступает. Но видно было и то, что он оценил квалификацию невзрачного с виду противника: не диво сбить с ног сопляка, труднее догадаться раньше дележа взрезать швы на обтягивающих тюремных штанах, что сковывают движения не хуже кандалов. Он, Юст, не догадался... Вдобавок еще двое — чернявый живчик и смуглокожая женщина — отделились от кучки осужденных, легонько наметив заход с тыла.

— Мы тоже хотим получить свое, Волк.

Теперь Юст заговорил без ухмылки:

— Хотите сдохнуть в болоте — дело ваше. Группа может прийти, одиночка — нет.

— Нас двое, — возразил Эрвин, указав на Кристину. — Мы хотим попробовать.

Юст не удостоил его ответом. Хайме дернулся, пытаясь высвободиться, и снова взвыл.

— Мы тоже, — сказал живчик. — Только мы никуда не пойдем, верно, Лейла? Надо быть идиотами, чтобы верить в Счастливые острова.

— Не понимаю, с какой стати нам делиться с самоубийцами? — Юст смачно сплюнул, но наклонился к ящику. Шесть запакованных в пластик пищевых брикетов полетели в сторону одной пары — шесть в сторону другой. — Подавитесь. Болотные твари жирнее будут.

— Это не все, Юст.

Стуча по камням, к ногам Эрвина покатила зажигалка.

— Вторая.

Снова стук по камням.

— Замечательно, Юст. Я бы назначил тебя старшим по блоку. Теперь два рюкзачка, две миски и нашу долю веревки. Кристи, подбери.

На глаз в отрезанном Юстом куске веревки было от силы пятнадцать метров вместо двадцати, но Эрвин не стал спорить.

— Теперь топорик.

— Подавишься.

— Зря, Юст. Заметь, я не требую ни компаса, ни фонарика. Только топорик, и то всего на один час. Потом ты получишь его обратно.

— Я сказал, подавишься!

— Мне кажется, ты боишься. — Эрвин обаятельно улыбнулся. — Всего на один час, Юст. Обещаю.

— Лови!

Умышленный недолет, топорик зазвенел по камням. Прежде чем Хайме успел схватить его и рубануть Эрвина по ноге, оружием завладела Кристи. Юст уже держал наготове второй топорик, но метнуть все же не рискнул.

— Ты добрый человек, Юст...

Лицо Полярного Волка искривила короткая судорога.

— Попадешься ты мне на болоте... Убирайся!

— Сей момент уберусь, — сказал Эрвин, улыбаясь. — Но видишь ли, мне нужно еще кое-что. Этот ящик. Понятно, когда он опустеет.

Кажется, ему все же удалось привести Полярного Волка в некоторое замешательство.

— На кой он тебе, умник?

— Он большой и без дыр. Когда вспотею, нацежу воды и приму ванну.

Юст колебался. Кое-кто хлопал глазами.

— Купи.

Эрвин показал издали три пищевых брикета.

— Мало. — Губы Полярного Волка тронула усмешка. —

Гони все шесть.

— Согласна? — Эрвин посмотрел на Кристи.

— Нет.

— Да, — сказал Эрвин. — Да.

Огромное кирпично-красное солнце, изнемогая, валилось куда-то за плоский берег, за единственный на планете Хлябь материк по имени Материк, за низкий кусок суши с заболоченным шельфом посреди чуть солоноватого океана. Две луны — одна маленькая, серпиком, другая большая и почти полная — висели в потемневшем небе. Мошкеры стало больше. В воздухе посвежело. Ветер дул с берега на болото, унося миазмы.

Болото дышало приливами и отливами. Сейчас был отлив. На обнажившейся литорали груды лежали водоросли, живые и разлагающиеся. Некоторые лениво шевелились. Мелкие существа суетились в них — не то рачки, не то насекомые. Во множестве появились крылатые твари. Они пикировали и жировали. Жизнь поедала жизнь, хищная плоть проедала себе дорогу в иной плоти, менее хищной.

— Ты уверен, что сделал правильно? — спросила Кристина.

— Ты о еде? — Эрвин повернул голову. — Абсолютно правильно. Лучше сразу перейти на местную пищу, да и груза меньше. Эти брикеты больше чем на неделю не растянешь, а нам в лучшем случае идти недели три. Что с брикетами, что без — шансы равны.

— Ну ладно, компас не нужен, пойдем по солнцу и луннам... А почему ты не выторговал фонарик?

— Компас не нужен еще и потому, что он в этих местах врет. А фонарик — зачем таскать лишнее? Ночи здесь светлые. Кроме того, свет привлекает змей.

— Откуда здесь змеи? — Кристину передернуло.

— Моллюски, — пояснил Эрвин. — Беспозвоночные, вроде голых слизней, только здоровенные и чертовски проворные. Кстати, отнюдь не вегетарианцы. На болоте много всякого зверья... Ты плети, плети! Думаешь, по одной паре мокроступов нам хватит?

— Пальцы устали. — Кристина виновато улыбнулась, помахав кистью.

— Отдохни и продолжай. Вон те кустики на болоте видишь? На них не надейся: прутики ломкие, плести их невозможно. А дальше и кустов не будет. Пока мы здесь, глупо не попользоваться местными ресурсами.

— Сколько еще? — спросила Кристи.

— Чего сколько?

— Сколько осталось до срока?

— Три часа десять минут. Плюс-минус три минуты.

— Откуда ты можешь знать так точно?

— У меня вообще хорошее чувство времени, — пояснил Эрвин. — Мы успеваем. Осталось сделать не так уж много.

— Например, придумать, чем крепить эти плетенки к ноге...

— Разрежь на полоски один рюкзачок.

В двухстах шагах от них все так же лежал на брюхе тюремный автобус со значком департамента юстиции на борту. Солдатам давно уже надоело торчать возле невидимого кордона, лишь наблюдатель на вышке, изредка окидывая равнодушным взглядом опостылевшее болото, проявлял какой-то интерес к происходящему на берегу.

Некогда на краю мыса, уступом выдающегося в болото и отсеченного кордоном от материка, росла рощица. Тощие хлыстоватые стволы, сумевшие зацепиться корнями за гранит, служили осужденным на протяжении многих десятилетий, пока роща не расточилась по деревцу, по шестуку, по гибкому прутику с верхушки. Разве что совсем глупый не понимал: без оснастки, хотя бы и примитивной, на болото лучше не соваться, ступишь в невидимое «окно» — и нет глупого.

Теперь от рощицы осталось немного. Несколько десятков обреченных топору деревьев из тех, что потолще или потоньше, чем желательно, или вовсе кривых, еще росли в окружении частокола пеньков, покорно дожидаясь своего часа. Большинство пеньков давно почернело от старости, но некоторые выглядели свежими.

Кремнистая древесина сопротивлялась топору со всей яростью: не час, а целых три часа понадобилось Эрвину, чтобы вырубить два кривоватых шеста — себе и Кристине. После этого он в самом деле отдал затупившийся топорик белому от бешенства Юсту.

— Не завидую тем, кого приведут сюда через год, — заметил он, указав на жалкие остатки рощицы.

Осужденные широко разбрелись по берегу. Хныкала Мария-Кубышечка, бесполезно тюкая топориком в неподатливый стволик. Юст командовал. Старик Обермайер бесстрастно подгонял лямки рюкзачка. Мрачный Хайме и мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, отзывающийся на имя Джоб, занимались тем же, чем Эрвин: строгали корявые шесты, снимая кору и колючки. Пухлый Валентин озабоченно ходил по болоту в десяти шагах от берега, пробуя, как держит болотный ковер. Без дела сидели, пожалуй, только чернявый живчик по имени Матиас со смуглокожей Лейлой.

— Спорим, он сутенер? — шепотом сказала Кристина, плетя шестой мокроступ.

— Тут и спорить нечего, сам вижу. Дело знакомое: одалиска не рассчитала дозу, клиент не проснулся, версия непредумышленного убийства суд не убедила. Хотя... по нынешним временам их могли взять и не за это.

— Они что, так и будут сидеть тут и ждать луча?

— Ты когда-нибудь слыхала о сутенере-самоубийце?.. Нет? Вот и я тоже. Он хочет затаиться и выждать. Может, и в болото пойдет для виду, но обязательно вернется. Воображает, будто кордон завтра снимут. А невод, между прочим, расходует энергию, только когда кого-нибудь режет, но откуда об этом знать сутенеру?

— От тебя.

Эрвин усмехнулся.

— Он не поверит. Да и кто он мне такой, чтобы его просвещать: отец? брат?

— Человек, — с вызовом сказала Кристи.

— Просто дурак, вообразивший, что он умнее всех. У меня нет времени уговаривать слабоумных.

— А если они обойдут кордон краем болота?

— Их дело. Кордон режет мыс и тянется вдоль самого берега километров на двести—триста в обе стороны. Дальше тоже немногим лучше: следящие датчики, патрули. Проще пойти к Счастливым островам. У берега меньше язычников, зато больше всякого иного зверья. Пойдут эти двое берегом или останутся здесь — в любом случае шансов у них нет.

— А у нас? — ядовито спросила Кристи. — У нас они есть?

— У нас есть шанс, — сказал Эрвин. — Один из тысячи или из миллиона, не знаю. Но есть.

— Ты слышал, что сказал сутенер? — Кристина резко дернула щекой, отчего рыжая прядь упала на глаза. — Нет никаких Счастливых островов, это легенда.

Эрвин размеренно строгал ствол дерева, срезая по одной неподатливые колючки.

— Это не легенда, — сказал он наконец. — Счастливые острова существуют. Понятия не имею, насколько они счастливые, но там их целый архипелаг, это я знал и раньше. А семь часов назад узнал, что до них в принципе можно дойти.

— Как это?

— Я думал, ты заметила, — усмехнулся Эрвин. — Я был крайним в цепочке, меня расковали первым. Случайность? Допустим. Солдат не снял кордонный невод. Тоже случайность? Если бы здесь и впрямь царило такое разгильдяйство, осужденные бежали бы пачками. Однако никто и никогда не слышал об удачном побеге. Следовательно, меня хотели уничтожить наверняка, списав на несчастный случай. А зачем уничтожать того, кого, по идее, и так убьет болото?

— Ты уверен? — В голосе Кристи насмешка боролась с надеждой. — Не слишком ли сложно?

— Наоборот, очень просто. Взгляни, кстати, на вышку. Куда нацелен лучемер — все еще на меня?

— Точно.

— Я и не сомневался. Значит, нам надо убраться с берега раньше других. Я не хочу никаких случайностей.

Кристина всматривалась в него долго, с новым интересом.

— Ты что, большая шишка? В смысле, был большой шишкой?

Ответа не последовало: уколовшись о колючку, Эрвин сосал палец.

— Ладно, — вздохнула Кристина. — Твое дело. Захочешь — расскажешь. В конце концов, не важно, кем ты там был, важно, что прежде ты бывал на болоте.

Эрвин вынул палец изо рта и сплюнул.

— С чего ты взяла? Я здесь в первый раз, как и ты.

— Шутишь.

— Нисколько. Так что тебе еще не поздно переменить решение.

Без всякого сожаления Кристи покачала головой.

— Поздно. Теперь меня Волк не возьмет.

— Возьмет.

— В качестве рабыни? Или наложницы? Каждый день валяться под ним или его прихвостнем в грязи? Делать то, что он велит, и не вякать?

— Как хочешь. Учти, со мной тебе тоже придется делать то, что я велю.

— Интересно... С какой это стати?

— С той стати, что я лучше тебя знаю Саргассово болото.

— Ты же никогда здесь не был?

Срезав последнюю колючку, Эрвин придирчиво осмотрел трехметровый кривоватый шест, покачал его в руке, еще раз пробуя на вес, и недовольно поморщился: тяжеловат.

— Быть и знать — разные вещи...

Примерно за час до срока они сидели на камнях и отдыхали. Кристи разминала натруженные пальцы. Багровое солнце давно кануло за горизонт, зашел и серпик меньшей из лун. Вторая луна — начищенная медная тарелка — упрямо карабкалась в зенит. Третьей не было видно. Фигуры людей, деревья, камни, сторожевая вышка отбрасывали четкие тени.

Неподалеку продолжали суетиться люди Юста. Все спешили. Кто-то спешно доплетал мокроступы. Матиас и Лейла растворились в сумраке. Тюкал топорик — Кубышечка Мария продолжала всхлипывать, не в силах справиться с узловатым, явно непригодным деревом. Никто не пожелал вырубить для нее шест.

— Может, поможешь женщине? — предложила Кристи.

Эрвин отрицательно покачал головой.

— Мне надо отдохнуть...

— Ну тогда я пойду помогу.

— Тебе тоже надо отдохнуть.

— Ты уже начал мне приказывать? — Кристина поднялась на ноги.

— Сядь, — отозвался Эрвин лениво. — Я пока не приказываю, я советую. Избегай бесполезного. Эта женщина, считай, уже мертва. На ее месте я бы не сдвинулся с места. С шестом ли, без шеста ли — она не дойдет и до Гнилой мели. Пользы от нее — ноль. Юст не гонит ее взащей только потому, что надеется подставить... как, впрочем, и остальных. Всех погубит, лишь бы самому дойти. Но ее первую.

— И ты можешь об этом спокойно рассуждать? Ну вот что... — Кристина тряхнула волосами, и цвет их в сиянии медной лунной тарелки напомнил о темной бронзе. — Она пойдет с нами, понятно? Я без нее не пойду, так и знай.

— Тогда я выберу себе кого-нибудь другого, а вам с Марией придется идти вдвоем, — невозмутимо возразил Эрвин. — Мне ее жаль, но помочь ей я не в силах. Предпочитаю, чтобы в ее смерти был виноват Юст, а не я.

— Знаешь, — Кристина помедлила и все же села, — а ты негодяй.

— Да, мне говорили.

— Почему ты выбрал меня? Тебе нравится рыжий цвет?

— Ненавижу.

— Тогда объясни, на кой черт я тебе сдалась?

— Остальные еще хуже. Притом у тебя ноги кривые.

— У меня-а?!

— Кривые, кривые. Когда человек идет по болоту, он поневоле ставит ноги особым образом. Это отчасти компен-

сирует кривизну. Я видел, как ты идешь посуху. Душераздирающее зрелище. Хочу, чтобы у меня перед глазами был приятный вид.

Она не задохнулась от злости — сумела смолчать, ничего не выразив на лице. Потом осведомилась с едким сарказмом:

— Стало быть, я пойду первая?

— Да.

— Ты в этом уверен?

— Вполне. Ты пойдешь впереди меня, причем добровольно.

— А если откажусь — пойду одна, так? — Глаза Кристины сузились, лицо окаменело.

— Нет, — возразил Эрвин, — тогда первым пойду я, и я же буду чаще проваливаться, а ты — меня вытаскивать. Я тебе нужен, как и ты мне. Юст сказал истинную правду: один по болоту далеко не уйдет. Будь я легче, а ты сильнее, я пошел бы впереди.

Кристина помолчала, осмысливая.

— У тебя что, заранее все просчитано?

— Только то, что можно просчитать.

— Ну тогда я спокойна, — сказала она насмешливо.

Эрвин не ответил.

— За что хоть ты сюда попал?

— Тебе это обязательно надо знать?

— Хотелось бы.

— Ни за что. И за все.

— Убил, наверно, кого-нибудь? — понимающе усмехнулась Кристина.

— Прямо — никого. — Эрвин пожал плечами. — Косвенно — да, безусловно. Так всегда бывает. Только не спрашивай кого, я не знаю.

— А я убила. — Кристина вызывающе тряхнула копной волос. — Знаешь кого?

— Своего любовника.

— Откуда ты знаешь?

— Нетрудно сообразить. Ты не местная, у тебя акцент уроженки Тверди, прожившей на Хляби несколько месяцев. Следовательно, не туристка. На служащую по контракту не похо-

жа. Стало быть, тебя привез сюда любовник не из бедных, но не миллиардер. Иначе я о тебе слышал бы. Кто он: член городской управы какой-нибудь? Директор фирмы средней руки?

— Муниципальный инспектор по охране среды, — мрачно сообщила Кристина. — Толстое сопящее дерьмо.

— Дерьмо не сопит.

— Это у вас на Хляби не сопит. А у нас на Тверди есть одно животное...

Она не договорила — в этот момент тянуще завывла сирена.

Глава 3. ДЕВЯТЬ ЧЕЛОВЕК И ЯЩИК НА ВЕРЕВОЧКЕ

Оглушительный мерзкий звук ударился о гранит, расплескался по болоту. Кристи подбросило. В голос зарыдала Кубышечка. Ян Обермайер — неустрашимый миссионер церкви Господа Вездесущего — и тот, вздрогнув, втянул голову в пугающе костлявые плечи. Джоб зажал уши.

Звук оборвался, и тишина оглушила людей. Стало слышно, как тихонько шумит, словно дышит, болото. Что-то поскрипывало и пощелкивало в водорослевом ковре. Начинался прилив.

— Пора, — сказал Эрвин, вставая. — Не забудь свой шест.

Он разделил ножом веревку на две неравные части, конец большего куска обвязал вокруг пояса Кристины, конец меньшего привязал к ручке опустевшего металлического ящика; оба свободных конца обмотал вокруг своего пояса ниже того рюкзака и скрепил узлом.

— Ну, двинулись.

Сразу же загрохотало, загремело гулко. Громоздкий легкий ящик изрядно резонировал, скача по камням. Хайме Касада захохотал и выгнулся дугой, изображая приступ буйного веселья. Юст ухмыльнулся и сплюнул вслед:

— Не попадись мне на болоте, умник.

Очень скоро ящик перестал грохотать и зашуршал по водорослям. Ударило в нос зловоние. Гранит полого, незаметно

для глаз понижался, и трудно было понять, где же в точности проходит граница Саргассова болота. Поначалу под слоем водорослей, живых и гниющих, еще чувствовалось каменное ложе, и под ногами смачно лопались пупырчатые гроздья соплодий. Потом гранит перестал ощущаться, а еще через несколько десятков шагов ковер растительности начал колыхаться при каждом шаге. Под мокроступами зачавкало.

— Я ноги промочила, — сообщила Кристи. Помедлив, она добавила: — А эта жижица совсем не холодная.

— Мелкое, почти пресное окраинное море, — пояснил Эрвин. — Оно хорошо прогревается. Мелкое-то оно мелкое, но утонуть нам глубины хватит, так что держи шест как полагається.

— Поперек, что ли?

— Вот именно. Если ноги провалятся, постарайся лечь на него животом. Я тебя вытяну.

— Мы будем идти всю ночь?

— Да, если не будет явной опасности.

— А днем мы что будем делать?

— Тоже идти. Чем скорее, тем лучше.

— «Скорее»! Это с ящиком-то на буксире?

— Он не помешает. Погоди... Стой, говорю!

— Что случилось? — Кристи остановилась.

— Кажется, кто-то идет за нами...

И верно: ритмичное колыхание болота выдавало бредущего человека надежнее, чем медный лунный свет. Топоча мокроступами, как водоплавающая птица своими перепонками, Эрвин повернулся к берегу. Шест остался в левой руке — правая невзначай легла на рукоять ножа.

— Стой, — скомандовал Эрвин.

Если Лейла и была вооружена, то в глаза это не бросается. Низкий голос с чувственной хрипотцой произнес:

— Можно мне пойти с вами?

Шеста при ней не было, мокроступов тоже.

— Нет, — отрезал Эрвин.

— Я не стану обузой, обещаю.

— А что же твой... работодатель? Не передумал?

— Матиас? Он остался, прячется. Там щель в граните... маленькая, на одного. Велел мне искать другое место, только нет там никаких других мест, да и ночь светлая — обязательно заметят. Или заложит кто-нибудь из тех... — Лейла кивнула через плечо в сторону берега. — Ну и пусть он сохнет, если ему хочется, — продолжала она с ожесточением, — а я решила уйти. Так можно мне с вами?

— Я же сказал: нет. Возвращайся, просись к Юсту, он возьмет.

Ни спорить, ни умолять Лейла не стала — ожгла ненавидящим взглядом, круто повернулась, всколыхнув болотный ковер, и зашагала прочь, к берегу.

— У нас есть запасные мокроступы, — тихонько сказала Кристи.

— Которые нужны нам самим, — оборвал Эрвин. — Мы зря теряем время. Вперед.

— Между прочим... ты точно заметил, откуда вылез тот язык? — Кристи завертела головой.

— Не беспокойся, язычника мы оставляем справа. Если только он не переполз... Давай двигай. И в следующий раз выполняй команду сразу, без болтовни. Кстати, не топчись подолгу на одном месте — затянет.

— Даже в мокроступах?

— Не знаю. Но лучше не искушать судьбу.

В медном свете луны водорослевый ковер отсвечивал антрацитовым блеском. Лужи казались покрытыми ржавой пленкой. Смачно, жирно чавкали мокроступы. То и дело какие-то мелкие создания, панически попискивая, спешили убраться с дороги и затаиться, слившись с упругим ковром. Не то крошечные тритоны, не то головастики.

— Хоть раз признался, что чего-то не знаешь о болоте, — насмешливо проговорила Кристи, оглянувшись через плечо. — А то послушаешь тебя — прямо знаток...

— Что ты этим хочешь сказать?

— Признался — значит не безнадежен. Это комплимент.

— Я тронут... Между прочим, советую смотреть вперед. Да и под ноги тоже.

— Эти головастики опасны?

— Только если объешься ими. В них слабый токсин, но вообще-то они съедобны.

Крестину передернуло.

— Ты хочешь сказать, что нам придется ими питаться?

— И ими тоже... Стоп. Видишь впереди кочку?

— Да.

— Обойди-ка ее справа шагах в десяти.

Они обошли кочку. Ничего не случилось.

— Не поняла, — сказала Кристи. — По-моему, кочка как кочка. Комок водорослей.

— Возможно. Но экспериментировать мы будем днем, а не ночью. Пройди еще двадцать шагов и остановись.

— Зачем?

— Хочу взглянуть назад.

— На Юста и компанию?

— Ага.

Похоже, Эрвин в самом деле обладал незаурядным чутьем: выбранное им место казалось вполне надежным, и Кристина удержалась от язвительного замечания. Возможно, неглубоко под слоем спутанных, пропитанных болотной жижой водорослей пряталась каменистая мель.

— Так и есть, — сказал Эрвин, взглядевшись, — уже идут. Точно по нашему пути. Фонариками светят, идиоты.

— А недалеко же мы ушли, — разочарованно протянула Кристина. — Я думала...

— Что ты думала? Это болото. Торопливых оно любит — питается ими.

— Сам же говорил: чем скорее, тем лучше.

— Что, уже и глупость нельзя сказать?

— Сколько их там? — спросила Кристи, помолчав.

— Не вижу... Семь, наверное, считая одалиску. Сутенер наверняка не примкнул — знаю я таких. Упрямый идиот.

— Пойдем. — Кристи потянула за веревку.

— Подожди. Полчаса сейчас кончатся.

Ждать пришлось не больше минуты — и снова над болотом повис тягучий вой сирены. Загорелся и забегал по берегу луч прожектора, выхватывая из сумрака валуны, комки водорослей, остатки обреченной рощицы.

Затем, на мгновение развалив ночь надвое, на западе что-то ярко вспыхнуло и погасло. Донеслось короткое шкворчащее шипение — словно плюнули на раскаленную сковородку. И сейчас же что-то гулко лопнуло — вероятно, треснул не выдержавший нагрева гранит.

— Все, — констатировал Эрвин. — Одним меньше.

Когда занялся рассвет, Эрвин объявил привал. Третья луна, самая маленькая, бледнела на глазах, поглощаемая разгорающимся алым заревом. Легкая дымка висела над болотом. Оживали стаи насекомых, несомненно, из породы убежденных кровососов, но, по-видимому, человеческая кровь их не привлекала. Кусаться не кусались, но лезли и в глаза, и в уши, и за ворот.

Пожалуй, лишь в хорошую оптику отсюда удалось бы разглядеть верхушки деревьев на покинутом берегу да площадку наблюдателя на дозорной вышке. Сам же берег исчез бесповоротно, как и не было, — ни знака, ни намека, ни едва угадывающейся темной полоски на западном горизонте. Казалось, что здесь уже середина Саргассова болота, хотя фактически было еще побережье.

Мелей больше не попадалось, с середины ночи и до утра шел сплошной зыбун. Эрвин уложил параллельно оба шеста, взгромоздил на них ящик и, усевшись на край крышки, приглашающе похлопал ладонью рядом с собой:

— Отдыхай.

— Сперва отвернись.

— Зачем еще?

— Мне надо кое-что сделать.

— Мне тоже, и можешь не отворачиваться. Привыкай.

Через минуту они сидели на ящике спина к спине, с наслаждением вытянув гудящие ноги. Не сговариваясь, оба посмотрели на запад. Километрах в полутора брела по направлению к ним цепочка людей Юста. За ночь они отстали не менее чем на час.

— Как ты догадался? — спросила Кристина.

— О чем?

— Насчет ящика. А то пришлось бы валиться прямо в грязь.

— Еще придется, — утешил Эрвин. — Спать ты где будешь — на ящике? Ради одного лишь сиденья не стоило отдавать за ящик еду.

— А для чего еще?

— Переплывать полыньи, например.

— Вдвоем?

— Поодиночке. На неширокую полынью веревочек у нас хватит.

— Не вижу ни одной полыньи.

— Еще будут. Погоди-ка... Не скажу наверняка, но, кажется, нам везет... Оно или нет?

— Что?

Не ответив, Эрвин вскочил с ящика и, прочмокав мокроступами по зыбуну, добрался до малоприметной былинки, поднявшейся над водорослевым ковром на какую-нибудь пядь. На вид — первый чахлый росток будущего куста, проклюнувшийся из занесенной ветром споры. Внимательно и с величайшей осторожностью осмотрев былинку, Эрвин покачал головой и, скинув робу, ухватился за росток через плотную ткань.

Ответный рывок растения был таков, что Эрвина едва не швырнуло лицом в грязь. Водорослевый ковер прогнулся, ноги в мокроступах ушли до середины икр в выступившую коричневую жижу. Кристине было видно, как под очень белой кожей на спине Эрвина отчаянно напряглись мышцы, она слышала, как он застонал, но не выпустил растение. Пядь за пядью упругая лоза — или хлыст? — сдавалась, покидая зыбун. И вдруг — сопротивление разом ослабло. Эрвин упал на спину. Чавкнуло болото.

Гибкая петля хлестнула, безошибочно найдя человеческую плоть, оставив на коже красный рубец, и пошла, пошла опутывать ворочающегося в грязи человека. Кристи вскрикнула. Вскочив с ящика, неуклюже заметалась, выбивая мокроступами фонтанчики грязной воды, не зная, бросаться ли на помощь, или резать веревку и бежать прочь.

— Ножом наискось! — прохрипел Эрвин. — Не здесь! Дальше...

Натянувшаяся лоза страшно заскрипела под лезвием, но поддалась. Обрубок шустро втянулся в болотный ковер. Кряхтя, Эрвин поднялся на ноги, попробовал почиститься, размазывая грязь.

— Спасибо...

— Дурак! — бросила Кристина. — Тебе что, все потрогать надо?

Эрвин засмеялся. Опутавший его обрезок лозы вяло шевелился. В длину в нем оказалось метра четыре.

— Сойдет...

— Не поняла, — сказала Кристи.

— Счастье, что я все-таки не выпустил эту дрянь, — заметил Эрвин, надевая робу через голову, и поморщился, задев рубец. — Если бы хлестнуло концом... Я видел такие раны — зрелище не для слабонервных. Бывает, помирают от одного удара.

Обрезок шевельнулся в последний раз и замер. Эрвин аккуратно смотал бич.

— Так это что — оружие?

— Угу.

— Против людей?

— Против всех.

Они снова сели на ящик.

— Лучше бы ты нашел что-нибудь поесть, — заметила Кристина.

Эрвин покачал головой.

— Здесь — нет. Если хорошо пойдём, то завтра — может быть. Сегодня придется поголодать. Пей воду, помогает.

— Меня от нее тошнит. А твои местные ресурсы?

— Были бы, если бы до нас здесь никто не ходил. Изгонять закоренелых преступников в Саргассово болото начали на Хляби еще лет сто назад. Можешь не сомневаться: что у берегов не подъедено, то распугано. Здесь мы ничего не найдем, кроме головастика. Да и тех мало.

— А дальше?

— А дальше доходят не все. Слушай, может, хватит говорить о еде? Давай поболтаем о чем-нибудь другом.

— О чем? — спросила Кристина, не оглядываясь.

— Например, о том, почему ты решила пойти со мной, а не с ними. — Эрвин кивнул в сторону приближающейся команды Юста.

— Тебе это интересно?

— Не очень. Но не молчать же.

— Я думала, ты крутой мужик.

— И кем же я оказался на самом деле? — спросил Эрвин с усмешкой.

— Кабинетным работником, — объявила Кристина. — Когда ты снял робу, мне все стало ясно. Белое тело, жирок даже... Ты и вправду никогда не бывал в этих краях.

— Жалеешь?

— Теперь нет. Но если бы пришлось выбирать снова... не знаю, не знаю. Юст, конечно, подонок, но выглядит понадежнее тебя... уж прости за прямоту.

— Прощаю. Кстати, еще не поздно переиграть.

Кристи не ответила, и Эрвин не настаивал. Отдыхая, оба долго смотрели, как, растянувшись по болоту шагов на пятьдесят, к ним приближаются люди Юста.

Первой в связке шла Лейла. Поравнявшись, скользнула по Эрвину ненавидящим взглядом и остановилась. Веревка провисла, попала под ноги шумно дышащей Кубышечке. Запутавшись, та рухнула на четвереньки. Колыхнулся зыбун, Кубышечка охнула.

Все тяжело дышали.

— Тесны дороги на Хляби, — объявил Эрвин, дождавшись Юста, идущего предпоследним в связке. — Двоим никак не разойтись.

— Ты! — прорычал Юст. — Я тебе говорил: не попадайся мне на болоте? Говорил, нет?

— С удовольствием, если ты не будешь наступать мне на пятки.

Не вставая с ящика, Эрвин поигрывал бичом. Очевидно, этот предмет был хорошо знаком Юсту ван Боргу, поскольку тот сразу сбавил тон:

— Полярный Волк ходит там, где хочет. Между прочим, — Юст помедлил, прищурившись, — я раздумал продавать тебе этот ящик. Верни его.

— Ты его уже продал.

— Да? Что-то не припомню. По-моему, ты добровольно отказался от своего рациона, только и всего. Кто думает иначе? Но так и быть, можешь получить назад свои брикеты.

Кристина сглотнула.

— Нет. — Эрвин с улыбкой покачал головой.

— А если я очень хорошо попрошу? — Глаза Юста угрожающе сузились.

— Попробуйся.

— А если попросим мы все?

Свистнув, бич рассек веревку между Юстом и Джобом. Еще один свистящий удар окончательно отделил Юста от связки.

— Так тебе будет удобнее просить...

— Сволочь!.. — выхаркнул Юст. Шест, что он держал, как пику, оканчивался острием примотанного за рукоятку ножа, отнятого, как видно, у Кубышечки. Собственный нож Юста висел, как положено, у него на шее. — Ты уже труп, понял, придурок? — Однако, против ожидания, Юст шагнул не вперед, а назад.

— В следующий раз я уполовиню твой шест, — зловеще предупредил Эрвин. — А потом тебя самого. Устраивает?

— Отстань от человека, Волк, — проговорил Обермайер. — Что продано, то продано, он в своем праве.

Вряд ли Юст всерьез накинулся на старого проповедника, скорее, обрадовался возможности сохранить лицо.

— Ась? Как ты сказал? А ну повтори! От че-ло-ве-ка?!!

— Господь Вездесущий внушает ему нечто, нечто же Он внушает и нам. Нам не отнять ящик, а значит, Он того хочет.

— Козел старый, — прокомментировал Хайме.

Лейла угрюмо молчала. Кубышечка опять начала всхлипать. Джоб нагреб под себя ком мокрых водорослей и сел, тяжело дыша. Валентин тупо топтался на одном месте, выдавливая болотную жижу.

— Эй, Юст! Твои люди не могут поискать место для привала где-нибудь еще? — спросил Эрвин.

— Сам поищи!

— А что, и поищу. — Эрвин встал. — Пойдем, Кристи, пора. А вам — счастливо оставаться. — Он насмешливо сделал

ручкой, обращаясь преимущественно к Юсту. — Между прочим, не советую идти по нашему следу.

— Тебя, умника, не спросили, — огрызнулся тот.

— Ты что, не мог их прогнать? — спросила Кристи, когда они удалились на полкилометра.

— Мог, наверное. Но зачем? Они устали, а мы уже в порядке. Можем идти. Спорим, они пойдут по нашему следу?

Мутное красное солнце дрожало на востоке, путаясь в болотных испарениях, и не резало глаза. Зыбун не кончался. Маслянистая пленка на поверхности луж казалась ржавой и при свете дня. Чавканье и чмокание мокроступов накладывалось на однообразный шорох ползущего за Эрвином ящика.

— Как это глупо, — глуховато сказала Кристина, не обратив внимания на ответ. — Глупо и унижительно. Я о приговоре. Нам приказали — мы ушли. Без слова, без писка. Месим вот грязь. Один Волк огрызнулся... и тот по-шакальи.

— Он не Юст Полярный Волк, — сказал Эрвин. — Полярного Волка застрелили полгода назад. Я видел труп. Этот тип самозванец.

— Он бывал на болоте, — уверенно возразила Кристина.

— Ну и что? По-твоему, всякий мелкий паханчик, кого раз-другой угораздило промочить здесь ноги, — уже Полярный Волк?

— Я этого не сказала... Кстати, откуда здесь вообще люди?

— Какие люди? Никого здесь нет... разве что подальше, на Гнилой мели. На севере — да, бывают. Там безопаснее. Кормятся у берега, далеко не ходят. Изгой всякие, сектанты, беглые преступники... словом, шваль болотная. Настоящий Полярный Волк тем и прославился, что сколотил из них банду и терроризировал прибрежные поселки. Так она и называлась: братство Волка — в пику братству Савла и иным бандам. Как перебрался в столицу, так и погорел. Его свои же подставили. А кроме того, этот наш Юст не знал, что солдатам на нас начхать, они не стали бы вмешиваться в разборки. Я соврал, а он поверил.

— Тогда почему ты не рассказал это остальным? — оглянувшись, спросила Кристина.

Эрвин пожал плечами:

— А зачем?

— Сам же говорил: всех погубит, только бы самому дойти.

— Так и сделает. — Эрвин кивнул. — А нам-то какое дело?

Не несмышленыши ведь — взрослые люди, у каждого есть голова на плечах... теоретически. Выбор у них был. Они выбрали.

— Лейла хотела выбрать нас, — поддела Кристина. — То есть тебя. Или тебе не по душе профессионалки?

— Я тоже выбрал. Лейла нам не нужна. И никто другой. Вдвоем всего безопаснее, только они этого еще не знают. Ходить по болоту толпой — только кормить язычников и прочую фауну. Юст — кретин.

Несколько минут Кристина двигалась молча.

— А кого бы ты взял, если бы я отказалась?

— Зачем тебе знать?

— Просто хочется. Каприз.

— Избавляйся от капризов. Но так и быть, скажу. Бухгалтера. Или проповедника.

— А почему не Валентина?

— Амеба.

— И Джоб — амеба.

— Он был бы послушной амебой. Ему нужен начальник, особенно на болоте. Окажись он здесь в одиночку, не думаю, чтобы он рискнул пойти к Счастливым островам. Но и подставить себя под луч у него не хватило бы духу — так и мыкался бы невдалеке от берега, пока не сгинул бы. Но что толку об этом говорить — он выбрал Юста.

— А почему вдвоем безопаснее?

— Скоро увидишь. — Эрвин оглянулся. — Ага, тронулись. Точно за нами, как я и говорил. — Он коротко рассмеялся. — Возьми-ка чуть правее.

— Прямо надежнее.

— Я вижу. Вправо, я сказал. Нет, не так круто... Хватит. Держи это направление.

— Ты что затеял? — тревожно спросила Кристи.

— Немного поучу их уму-разуму. Урок здравого смысла. Не беспокойся, не утонут. Не должны.

Очень скоро под мокроступами зачавкало сильнее. Водорослевый ковер отчаянно прогибался под весом людей, при каждом шаге приходилось словно выбираться из ямы, вот только яма никак не кончалась.

— Хватит, — тяжело дыша, сказал Эрвин. — Теперь держи левее. А то и мы провалимся, веселого мало будет.

Они двигались еще с полчаса, прежде чем сзади их нагнал крик. Кричали двое: Кубышечка и, кажется, Хайме.

Эрвин засмеялся.

— Теперь можно не спешить — у них покамест есть занятие. Может, сообразят, что по Саргассову болоту гуськом не ходят. Давай-ка возьми еще левее. Кочки видишь? Там и пождем.

— Зачем нам их ждать?

— Послушай, ты не могла бы не задавать лишних вопросов?

— Это и меня касается. Ты что, намерен заботиться обо всех?

— Еще не хватало. — Эрвин хмыкнул. — Но сама подумай: зачем они нам за спиной? Пусть идут впереди или хотя бы тащатся параллельно, больше проку будет.

Прошлепав по последней ржавой луже, Кристи выбралась на относительно надежное место и с облегчением перевела дух.

— А не лучше ли нам рвануть как следует и оставить этих копуш далеко позади?

Ответа не последовало, и Кристи обернулась. Эрвин молча качал головой — со снисходительным сожалением и немного насмешливо.

Глава 4. ВСЕ ЕЩЕ ДЕВЯТЬ

Костер зажегся с первой попытки: стоило поднести огонек зажигалки к кучке ломкого хвороста, как огонь взвился и загудел, зашипели мокрые водоросли. Должно быть, корчащиеся в пламени ветки болотного кустарника содержали в себе немало эфирных масел.

К ночи изнемогли все: и люди Юста, и Эрвин с Кристиной. Связка из семи человек теперь двигалась по правую руку, держась метрах в двухстах, и видно было, что, наученные опытом, они плетутся не гуськом друг за дружкой, а уступом, напроць забыв о том, чтобы тропить тропу по водорослевому коврику, превращая зыбун в трясину. Надежный упругий ковер под ногами все чаще сменялся вязким гниющим месивом, где только остановись — затянет и в мокроступах. Пробылькывая сквозь грязь, с важной медлительностью лопались крупные пузыри, распространяя гнилостную вонь. Появились «окна» заведомой топи.

В полдень Эрвин увидел первую змею и показал Кристине. Метровое тело небольшой твари жирно лоснилось. Не напав, змея легко обогнала людей, пересекла их курс и исчезла, скользнув в водорослевый субстрат. Немного позже далеко на юге показалось стадо каких-то некрупных животных. Они передвигались с поразительной быстротой, словно скользя по болоту. Неожиданно в воздух взвилось шупальце язычника, проворно очертило круг и исчезло. Схватил ли хищник кого-нибудь, нет ли — разглядеть не удалось.

Еще через час Кристи нагнулась и подобрала вываленную в грязи тряпочку. Судя по обрывку лямки, это был фрагмент рюкзака. Никаких иных следов человека, дошедшего до этого места, на глаза не попало.

Последние километры перед местом ночевки — длинной, хорошо заметной издали мелью, где рос кустарник и даже сумели укорениться несколько чахлах деревьев, — Кристи шла чисто механически, мечтая лишь об одном: бросить тяжелый шест, упасть и забыться. Так и сделала, чуть только ковер под ногами перестал колыхаться. Не хотелось ни разговаривать, ни двигаться, ни жить.

Спустя час, однако, она очнулась и с удивлением обнаружила, что больше не хочет лежать. Вряд ли пропитавшую водоросли грязную воду можно было назвать холодной, но тем не менее женщину начал колотить озноб. В пяти шагах от нее Эрвин нагреб кучу гниющих водорослей, которой, очевидно, предстояло послужить постелью. От потрескивающего костра приятно тянуло смолистым дымком.

— Грейся, — предложил Эрвин, и Кристи благодарно подседа к костру. Скоро от ее робы повалил пар. Слышно было, как поодаль на той же мели переговариваются и хрустят кустами люди Юста. Там тоже горел костер, пожалуй, более яркий.

— Вообще-то таких экспериментов без острой нужды лучше не делать, — сказал Эрвин, подбросив в огонь скупую порцию дров. — Вдруг рядом с нами вызревает метановый пузырь? Пшикнет — от нас с тобой, пожалуй, только ящик и останется.

— Ничего не имела бы против, — глуховато отозвалась Кристи.

— А я имел бы, — без усмешки возразил Эрвин. — Это у тебя с непривычки. Трудно, я понимаю. Будет еще труднее... и опаснее. Это тоже могу обещать. Но я решил дойти до Счастливых островов, а значит — дойду. Я собираюсь выжить. Следовательно, и у тебя есть шанс.

— Я хочу есть.

— Представь себе, я тоже. Еда будет завтра, обещаю. Вряд ли здесь много головастика, так что не стоит их ловить, тем более ночью.

— А помнишь у берега? Там их много было...

— Еще бы! Кто из осужденных не знает, что они съедобны, тот их и не ловит, а кто знает, тот еще не голоден. Впрок их не запасешь, а питаться ими можно только при зверском аппетите. Понятно, что тут их уже ловят... Мель удобная. Как еще все дрова до нас не сожгли — удивительно...

Кристи передвинулась на ящике, подставив огню другой бок. Убрала с лица прядь слипшихся волос.

— Как у тебя все всегда логично получается...

— Ты удивлена?

— Не очень. Когда ты сегодня молчал почти целый день — ты думал о наших шансах?

— И о них тоже. Немного. Больше развлекался.

— Чем же это?

— Считал. Известная задача трех тел из звездной динамики — никогда не слыхала? Задаются массы, скажем, один, три и пять, задаются векторы начальных скоростей, а дальше —

численное решение дифференциальных уравнений, расчет траектории каждого тела с учетом их взаимного притяжения. В конце концов одно из тел, обычно самое легкое, вышвыривается из системы ко всем чертям. Я пытался подобрать начальные условия, при которых система потеряла бы не самое легкое, а самое тяжелое тело.

— Ну и как, подобрал? — саркастически спросила Кристи.

— Пока нет.

— Ты что, математик?

— Я не получил степени. Да, по правде сказать, она мне никогда не была нужна. Но я хорошо считаю.

— Тогда лучше бы подсчитал, как нам не загнуться в этом болоте!

— Уже. Еще тогда, на берегу. Естественно, появляются новые данные, вносится коррекция, кое-что приходится просчитывать заново... Но это, как правило, несложно. Есть стандартные математические методы. Есть методы, которые разработал я сам.

— Врешь, — убежденно сказала Кристи.

— Твое право не верить.

— Значит... ты выбрал меня в напарницы по математическому расчету?

— Значит, — кивнул Эрвин.

— Все равно я тебе не верю.

— Я и не сомневался.

— Все-таки кем ты был на воле? Мозговым центром преступной шайки?

— Вроде того. Советником президента Сукхадарьяна. Меня взяли на третий день после переворота.

— Ты? — Кристи хрипло расхохоталась. — Ты был советником президента Хляби?

— Представь себе.

— Что-то я о тебе ничего не слышала.

Эрвин вздохнул.

— Беда в том, что не все черпают информацию из программ новостей, как ты... Но есть советники и советники. Помнишь дело о банкротстве корпорации «Империя» три года назад? Хотя да, откуда тебе знать... Я оставил их без

гроша. Они поддерживали не тех, кого надо. Ударил Сукхадарьян, да так, что никто не понял, чьих рук дело, а я лишь просчитал, куда и когда ударить, чтобы не отбить кулак... кстати, это было нетрудно. Последние шесть лет президент делал ходы, просчитанные мною, и, кажется, об этом не жалел.

— А потом, естественно, возник какой-нибудь неучтенный фактор... — Кристи фыркнула.

— Ничего подобного. Конечно, один-единственный неучтенный фактор может радикально изменить всю картину — задача вычислителя в том и состоит, чтобы при любом неожиданном раскладе у системы оставался достаточный «запас прочности». Хуже, когда президент сам пилит под собой сук. Всего один раз Сукхадарьян меня не послушал, и только потому, что Прай был его другом со школьной скамьи. Если бы этот друг вовремя погиб в катастрофе, Сукхадарьян не сидел бы сейчас под домашним арестом и не проклинал свою сентиментальность в ожидании смерти «от сердечного приступа». А я не сидел бы на этом ящике.

— Так ты вроде компьютера?

Эрвин похмыкал, покрутил головой.

— Это ты сказала, не подумав... Ладно, я не сержусь. Неужели ты полагаешь, что Сукхадарьян не мог бы по примеру иных политиков обзавестись собственным аналитическим центром с лучшими компьютерами и раздутым штатом? Он выбрал меня, что обошлось ему несколько не дешевле. И он ни разу об этом не пожалел.

Костерок прогорал. По-видимому, Эрвин не собирался поддерживать его всю ночь.

— В миллионе случаев машина переиграет человека. Но обязательно найдется хоть один человек, который переиграет машину.

— Ты не наломаешь еще хвоста? — спросила Кристи.

— Нет.

Кристи поежилась. Обхватила руками плечи. Над болотом слоился туман, сырость пропитывала только что высохшую одежду. Малая луна исчезла, крупную размыло в мутное пятно.

— Все равно не понимаю, как можно просчитать действия людей. Одного — и то, по-моему, невозможно. А уж целой толпы...

— Толпы как раз проще, — отозвался Эрвин. — А вообще уже давным-давно наработано немало методов расчета поведения отдельных людей и сколь угодно больших их групп. Как правило, все они оказываются бесполезными из-за недостоверной вводной информации. Как раз машина не умеет отличать вранье от правды. У меня это получается лучше.

— Как же тебя взяли... такого хитроумного? Неужели ты не догадался позаботиться о себе?

— Я дал деру накануне переворота, — неохотно признался Эрвин. — Та еще была комбинация... моя гордость, можно сказать. Вмешалась случайность, которая входила в процент разумного риска. Из-за пустячной поломки перед нуль-прыжком лайнер вернулся на Хлябь. Последние сутки перед посадкой я сидел в судовой библиотеке и читал все, что мог найти о Саргассовом болоте. Самое трудное началось потом: мне надо было получить высшую меру по приговору, а не луч в спину при попытке к бегству.

— Что тебе инкриминировали?

— Пособничество преступному режиму, что же еще. Как будто бывают режимы не преступные...

— Что же ты не рассчитал так, чтобы тебя оправдали? — ехидно спросила Кристи.

— Я не рассчитываю невозможного...

Долгий вздох раздался со стороны болота. Что-то большое, скрытое туманом, ворочалось в трясине к западу от мели — там, где недавно прошли люди. Кристи вскочила. «Сядь», — прошипел сквозь зубы Эрвин, и она послушно опустилась на ящик.

В болоте всхлипнуло, чмокнуло, поворочалось еще немного и стихло.

— Что это было?

— Не знаю, — ответил Эрвин. — Я о таком не читал. Между прочим, здесь могут существовать твари, еще неизвестные человеку. Саргассово болото никто по-настоящему не исследовал.

Еще минуту он находился в напряжении. Затем немного расслабился.

— Ну ладно, — сказала Кристи, когда прошел испуг. — Допустим, я тебе поверила. Это имеет значение в твоих расчетах?

— Незначительное.

— А эту ночевку ты тоже рассчитал заранее?

— Мель — нет. Откуда мне было о ней знать?

— А теперь?

— У нас есть полночи. Потом начнется прилив, мель затопит, и нам будет лучше уйти. А до того — выспаться... В ближайшие часы Юст и его шпаненок к нам не сунутся — слишком устали.

— Мы будем спать не по очереди?

— Да. Стоит рискнуть. Мы должны отдохнуть, завтра будет трудный день.

Прижавшись друг к другу в попытке сохранить тепло, они лежали на куче мокрых водорослей, то проваливаясь в сон, то просыпаясь и с тревогой прислушиваясь к реальным или кажущимся звукам болота. Мутное лунное зарево медленно смещалось на запад. Временами в болоте начинали негромко вещать какие-то мелкие существа — застрекочет и смолкнет в одном месте, отзовется в другом. С той стороны, где устроились на ночевку те, кто видел вожака в Юсте, тоже доносились слабые звуки: потрескивание непогашенного костра, шорох водорослей, иногда кашель и приглушенные стоны полуспящих-полубодравших людей.

Пронзительный вопль — мужской, долгий, страшный, полный боли и ужаса — подбросил обоих. Такой крик мог бы издать человек, схваченный громадным хищником, почему-то медлящим сомкнуть челюсти на бьющейся жертве.

— Жди. Отсюда — ни шагу! — Эрвин схватил бич.

— Нет! — Кристи вцепилась в его рукав, замотала головой.

— Пусти... Я скоро.

Чавкая грязью, он исчез. Туман величаво тек через мель. Дрожа, женщина съезжилась, стараясь казаться меньше и незаметнее. Мерещилась огромная пасть, что вот-вот выдвинется из тумана и пожрет ее.

Крики, свист бича. Прыгали тени. Было слышно, как хрипло командует Юст и визжит Кубышечка. Затем крики изменили тональность — возле костра начали переругиваться.

Минуту спустя вернулся Эрвин.

— Змеи, — объяснил он, тяжело дыша. — Явились на свет костра, как я и говорил. С пяток, не больше. Но крупные. Нож их берет, но бич лучше. Одна присосалась к Валентину, ну он и завопил. Ничего, оклемается. Если быстро убить эту дрянь, потеряешь лоскут кожи, но жив будешь.

— Он сможет идти? — спросила Кристи, пытаясь справиться с дрожью.

— Дурацкий вопрос, извини. Он так же хочет выжить, как и ты. Кстати, он легко отделался — догадался перекатиться в костер. Змея отвалилась сразу.

Заснуть снова не удалось: прилив превратил мель в непролазное месиво, и Эрвин объявил, что нет смысла сидеть в грязи, дожидаясь рассвета. Мель могла бы спасти изгнанников от нападения малоподвижных тварей вроде язычника, но не от змей и не от иных, пока не встретившихся на пути охочих до человечины порождений болота, больше привычных искать добычу, нежели поджидать ее. Эрвин крикнул в туман, предупреждая об уходе, и почти сразу люди Юста завозились, собираясь в путь.

Мутное пятно луны временами гасло в тумане. Кристи только удивлялась, как Эрвин умудряется ориентироваться, держа направление на восток. Шли медленно, пробуя путь шестью. Людей Юста не было ни видно, ни слышно. Один раз Кристи провалилась по пояс, и Эрвин, вытащив ее, дал здоровенный крюк, обходя трясины. В другой раз Кристи не удержала равновесие и упала, когда в каких-нибудь полтора-двух десятках шагов от нее кто-то отчаянно заскрипел, заверещал, забарахтался в топи, а потом что-то резко хлестнуло по мокрым водорослям, и звуки стихли.

Больше ничего не произошло до самого рассвета. К утру туман поредел, зато небо заволокло сплошной серой пеленой, заморосил мелкий дождь. Стало встречаться больше глубоких луж, по которым привязанный к Эрвину веревкой ящик не

полз, шурша, а плыл с важной неспешностью ковчега. Зыбун колыхался сильнее, ноги утопали по колено.

Вскоре провалился Эрвин — там, где только что прошла Кристи. Он успел лечь грудью на шест и, крикнув, что справится, сумел выбраться сам, выбившись из сил и потеряв мокроступ с правой ноги. Пришлось взять из рюкзака запасной.

Отдыхали, как и вчера, на ящике, дотащив его до места, показавшегося относительно надежным. Юста и его людей по-прежнему не было видно, впрочем, видимость не превышала полукилометра, насколько глаз мог оценить расстояние на болоте.

— А они не заблудятся? — спросила Кристи, дав Эрвину отдышаться.

— Вполне возможно. Это только по карте до Счастливых островов триста километров — на деле нам повезет, если уложимся в пятьсот. Потеряем направление и будем кружить... Солнечные дни, как вчера, здесь редкость.

— А ты еще не потерял направление?

— Думаю, что нет. Плюс-минус, конечно. Но пока еще есть смысл идти. Примерно вон туда. — Эрвин махнул рукой. — Когда я не буду уверен, я скажу.

Они не двигались с места до тех пор, пока морось окончательно не выела туман, и тогда заметили далеко справа медленно движущуюся цепочку людей. Их по-прежнему было семь. За это время Эрвин наловил в лужах с десятков мелких существ, прозванных Кристи головастиками, и первый попробовал местную пищу. Еда оказалась отвратительной на вкус, еще вчера Кристи стошнило бы от такого завтрака, а позавчера — от одной мысли о нем, но сегодня голод уже успел сказать свое слово. Они поделили головастиков поровну, затем нацедили в миску грязной солоноватой воды и по очереди напились. Когда с завтраком было покончено, стало видно, что цепочка из семи человек приблизилась и все сильнее забирает влево, явно стремясь выйти на параллельный курс.

— Ага, — сказал Эрвин. — Так я и думал.

— Что ты думал?

— У Юста все же есть толика разума. Впереди нас он, конечно, не пойдет, но и тащиться сзади я его отучил. Теперь он думает, что мы с ним в равных условиях.

— А разве нет?

Эрвин поскреб в затылке.

— Положим, всемером отбиться от змей легче, чем вдвоем. Но видишь ли, какое дело... вот, скажем, сидит где-нибудь на дне язычник, этакий здоровенный моллюск, ждет... Над ним торф и водоросли. Зрение и слух ему ни к чему. Считается, что он нападает, когда чувствует колыхание зыбуна в пределах досягаемости щупальца... Не знаю, так ли это, и никто не знает, но если так, то идти всемером в одной связке — глупость...

Змея атаковала его снизу, прорвав в броске водорослевый ковер. Разматывать бич было некогда. Взвизгнула Кристи. Эрвин отмахнул рукой тварь, нацелившуюся в лицо, и тотчас рука его опустилась под тяжестью лоснящейся гадины. Больше всего она напоминала полутораметровую пиявку и присасывалась, как пиявка. Рукав представлял для нее преодолимую помеху — полетели клочья ткани.

Змея умирала долго — ее пришлось буквально состругивать с руки, но и уполовиненная она продолжала висеть, сосать, грызть... Когда Эрвин со стоном отодрал от себя то, что осталось, на уцелевшем брюхе твари обнаружились два ряда круглых отверстий, окаймленных мелкими коричневыми зубами. Некоторые пасти продолжали открываться и закрываться, сжимаясь в точку.

Ему повезло: змея не успела вьесться как следует, пострадал только рукав, да на предплечье кровоточил лишенный кожи круглый пятачок. Всего-навсего один. Эрвин совсем оторвал мокрый разодранный рукав, и Кристи перевязала ему руку.

— Пора двигать, — морщась, произнес Эрвин.

— Больно? — участливо спросила Кристи.

— Нет, приятно. Обожаю, когда меня едят живьем. Исключительное удовольствие.

— Извини... Хочешь возьму рюкзачок?

— Нет... Направление запомнила? Ну, вперед.

Они шли, и поверхность болота все так же прогибалась под ногами, напоминая сгнивший и непрочный, но все-таки еще упругий батут. Мелкий дождь не прекращался. Шагах в ста справа держались люди Юста. По-прежнему связанные в одну цепь, они двигались не гуськом друг за другом, как вчера утром, и не одним уступом, как вчера вечером, а двумя: впереди два человека, за ними сзади и сбоку три, позади еще двое. Юст шел четвертым.

— Научились кое-чему, — сообщила Кристи не без злорадства. — Еще немного, и догадаются пойти порознь, тремя связками.

Эрвин отозвался не сразу — завязла нога, и он старался вытащить ее, не потеряв мокроступ.

— Они бы догадались — пахан не позволит. Кто его тогда будет прикрывать спереди и сзади?

— Может, устроят бунт...

— Разве что Юст станет для них страшнее болота. Только это вряд ли.

Они замолчали на целый час. За этот час Лейла, по-прежнему возглавляющая вереницу людей, проваливалась дважды, и один раз с привычным визгом провалилась Кубышечка. Тогда Кристи останавливалась без команды Эрвина, и оба ждали, когда, вытащив тонущих, люди Юста продолжат путь. Опасность грозила отовсюду, но справа она была несколько меньше.

Когда Лейла провалилась в третий раз и Джоб с Яном Обермайером, надсаживаясь, тянули ее из трясины за веревку, давно утратившую белый цвет, Юст заорал, привлекая внимание Эрвина:

— Эй, придурок! У тебя нет запасных мокроступов? На время.

Он махал над головой рукой с зажатым в ней пищевым брикетом, возможно, последним из оставшихся, но Эрвин и не подумал отвечать. Смолчала и Кристи.

Они дождались, пока облепленную грязью Лейлу вновь поставили во главе цепочки, и тоже двинулись. А еще через полчаса справа, правее людей Юста, болото со всхлипом выперло наружу крутой бугор, из его прорвавшейся вершины

выметнулся в морозящее небо гибкий лиловый язык, даже не очень длинный, рухнул между Джобом и Хайме, мигом нащупал веревку, рванул... Закричали люди.

Хайме первым успел освободиться. Джоба потащило волоком по водорослям и грязи, но справился и он, ухитрившись рассечь лезвием ножа именно веревку, а не собственное бедро. Лиловый язык отдернулся. Одно мгновение казалось, что он утащит обрезок веревки и на время оставит людей в покое, но, по-видимому, колоссальный донный моллюск оказался не столь туп, как надеялись люди.

Бросив веревку, язык хлестнул вновь — горизонтально, над самой поверхностью, вихрем пронесся над ворочающимся в грязи Джобом и молниеносно обернулся вокруг Хайме, на свою беду успевшим вскочить на ноги. Рывок — и в воздух на мгновение подняло не только Хайме, но и Валентина, орущего и режущего веревку, связывающую его с обреченным. Зыбун заходил ходуном.

Валентин шлепнулся в грязь плашмя, выбив собой ошметки гнилых водорослей. Поднимаемый все выше над болотом Хайме извивался, выл и кромсал ножом язык-щупальце. Не обращая никакого внимания на эти мелочи, язык, выпрямившись подобно обелиску, начал быстро втягиваться в трясиину. Последний отчаянный вой, громкий чавкающий всплеск — и стало слышно, как вокруг кричат люди.

Шесть человек бежали в сторону Эрвина и Кристи, а кто никак не мог встать на ноги, тот полз, спеша уйти от смерти хоть на карачках. Лейла снова провалилась и движением, ставшим уже рефлекторным, выбросила в стороны руки, опираясь на зыбкий ковер. Связанный с нею веревкой Ян Обермайер орал, буксовал на месте, рискуя провалиться сам, возможно, убежденный, что Господь Вездесущий пребывает своей частицей и в этой кошмарной твари, причем в наихудшей своей ипостаси.

Лиловый язык не высунулся вновь, не стал шарить вокруг себя в поисках другой добычи. Понемногу к людям возвращалось самообладание. Кубышечка прекратила визжать и начала всхлипывать. Юст рычал, раздавал плюхи и наводил порядок. Джоб, пытаясь связать себя с Валентином, неумело соорудил

морской узел. Беззвучно шевеля губами, молился Ян Обермайер по прозвищу Скелет и гладил гнилые водоросли костлявыми ладонями. Проповедники Господа Вездесущего обходились без четок и прочей религиозной атрибутики. Вытащенная из топи Лейла осмелилась подобраться ползком и спасти вываленный в грязи шест Хайме. Пробитая лиловым языком дыра в водорослевом ковре понемногу затягивалась. Ничто более не выдавало присутствия затаившегося в засаде хищника — на какое-то время сытого.

Глава 5. ВОСЕМЬ

— Что у него там? — содрогаясь, спросила Кристи, когда место трагедии потерялось в мороси далеко позади.

— У кого и где?

— У язычника... там, внизу. Пасть? — Ее передернуло. — Или он высасывает человека, как паук муху?

— Ты действительно хочешь это знать? — поинтересовался Эрвин.

— Нет... Ты прав. Идем.

— Мы и так идем. А я бы хотел знать, что у него там. Но я не знаю.

Они по-прежнему двигались двумя параллельными связками — короткой, слева, и длинной, справа, но уже не такой длинной, как вначале. Как и прежде, Юст держался четвертым.

К полудню дождь пошел сильнее. Болото раскисало, рябые лужи не желали впитываться в водорослевый ковер. Эрвину все чаще приходилось останавливаться, подтаскивать к себе ящик и избавляться от накопившейся в нем дождевой воды. Крышку с ящика он снял, пресную воду объявил драгоценностью, пил сам и заставлял пить Кристи, несмотря на ее уверения в том, что ее ничуть не мучит жажда. Опустошив ящик и завалив его набок, он взбирался на него, высматривая более надежный путь. Иногда он надолго задумывался, пытаясь сориентироваться по сторонам света, и, случалось, командовал взять общее направление чуть правее или левее, но осо-

бой уверенности в его голосе не было. Шестеро справа продолжали держаться в одной-двух сотнях шагов и чутко реагировали на изменение курса. По-видимому, Юст не доверял своим способностям ориентироваться.

— Что это? — спросила Кристи.

Их путь пересекала широкая грязевая полоса — но не полынья, как определил Эрвин, осторожно приблизившись и попробовав полосу шестом. Водорослевый ковер имелся и в полосе — но растрепанный, вдавленный, перемешанный с бурой грязью. Кое-где побулькивали пузырьки выходящего из глубины болотного газа. Казалось, громадная змея толщиной с вагон протащила здесь по болоту свое тело.

— Глупости, — буркнул Эрвин, услышав мнение Кристи. — Гигантских змей тут нет. Стадо каких-нибудь животных — другое дело. Это может быть. Натоптали.

На ту сторону перебрались по шестам, кинув их поперек грязевой полосы. Это оказалось даже более простым делом, нежели показалось вначале. Хищный лиловый язык, рисовавшийся воображению Кристи, пока она переползала на ту сторону, не выметнулся прямо из-под нее, не схватил, не уволок в топь. Лишь гораздо левее переправы из грязи вроде бы ненадолго высунулось что-то округлое, не очень большое, и скрылось без звука. Эрвин не был уверен, что это не игра воображения.

На всякий случай все же отошли от полосы подальше и уже там отдохали на ящике, дожидаясь, когда переправятся люди Юста. И снова начался поход под дождем — нудный, нескончаемый, выматывающий. Чавкал и качался под ногами зыбун, болото равнодушно разрешало людям углубляться в него все дальше и дальше.

Поднять ногу, перенести на полметра вперед, опустить... Поднять — перенести — опустить. С чмоканием вырвать мокроступ из вязкого капкана, потыкать перед собой шестом и опять: поднять — перенести — опустить, поднять — перенести — опустить...

Спустя часа четыре Эрвин объявил, что потерял направление и не может ни за что ручаться. Кристи приняла его слова почти с благодарностью. Они остановились, уложили в грязь

шесты и взгромоzdили сверху ящик. Оба вымокли насквозь еще утром, но только сейчас их начала колотить дрожь.

— Надо поесть, — сказал Эрвин.

— Я не хочу.

— Скоро захочешь. Я тоже пока не хочу, а надо. Иначе так и будем дрожать до утра.

Они обшарили каждую лужу в радиусе ста шагов и поймали всего-навсего семь головастикав. Болото словно вымерло: то ли его обитатели, съедобные и несъедобные, и впрямь не любили дождя, то ли, что вернее, отсиживались глубоко в грязи, блаженствуя. Эрвин поделил добычу поровну: трех головастикав покрупнее оставил себе, четырех помельче отдал Кристи.

— Лучше глотать их живьем.

— Я уже поняла.

— Ты молодец, — серьезно сказал Эрвин. — Хорошо держишься.

Кристи слабо улыбнулась.

— Разве у меня есть выбор?

— Разумеется. Ты можешь начать ныть. Но это не пойдет на пользу нам обоим.

Добыча разошлась по желудкам без особых тошнотных позывов. Сейчас же захотелось спать, и они подремали на ящике, привалившись спинами друг к другу.

Оба проснулись от того, что поверхность болота вздрогнула, и сейчас же уши заложило ревом. Видимость была скверная, но им все же удалось разглядеть гигантский фонтан грязи. Целую минуту он бил в низкое небо навстречу дождю, потом опал, и снова дрогнуло болото. Дождь изменил цвет; по коже потекли грязноватые ручейки.

— Откуда здесь гейзер? — спросила Кристи. — Или это... животное?

— Прорвался большой пузырь газа, только и всего, — пренебрежительно заметил Эрвин, вновь присаживаясь на ящик. — А может, сработал грязевой вулканчик, в Саргассовом болоте их хватает...

— Не опасно?

— Опасно на нем сидеть, а около — на здоровье. Хм... Вообще-то я считал, что они начинаются восточнее, километрах в ста от берега...

— А мы сколько прошли?

— Километров сорок.

— Что-о? За двое суток?

Она почувствовала спиной, как Эрвин пожал плечами.

— А ты сколько думала?

— Минимум семьдесят—восемьдесят.

— Десятую часть пути до Счастливых островов — прошли, не спорю. При условии, что сегодня шли верно. Но не больше. Мы в болоте, а не на беговой дорожке.

— Я заметила.

Дождь продолжал моросить — уже не грязный, обычный. Поодаль, едва заметные, копошились на своем привале люди Юста.

— Я прожила на Хляби почти год, — произнесла наконец Кристи, — и ни разу не слыхала ни о каких Счастливых островах. Они правда существуют? Ты их видел?

— Только на карте.

— А на снимке из космоса?

— Нет. Такие снимки редкость, сама видишь, какая здесь погода. Но если бы даже я не видел карты и ничего не слышал ни о каких островах за болотом, я все равно знал бы, что они существуют. Саргассово болото — просто мелкое окраинное море. Не будь оно отгорожено от океана цепочкой островов, его давно размыло бы океанскими волнами. Раз есть болото, значит, есть и острова.

— И люди...

— Только если кто-то из осужденных сумел до них добраться. Иного населения там нет, это я знаю точно.

— Откуда?

— Ты не представляешь, сколько информации приходится перелопачивать советнику президента... особенно вычислителю. Мне нетрудно нарисовать карту плотности населения всей Хляби, летом и зимой, во время отпусков и в пик наплыва сезонных рабочих. Счастливые острова — всегда белый цвет.

Это аксиома. Лет пятьдесят назад на северном острове был полигон, но его давно прикрыли. Теперь там никого нет.

Кристина молчала, обдумывая.

— Ты еще говорил про какую-то Гнилую мель...

— Есть такая. Мы дойдем до нее дня через три, если сумеем сориентироваться, и будем идти по ней полдня, а то и день. Я предпочел бы ее обойти, но выйдет чересчур большой крюк.

— Почему обойти?

— Люди. Дойти до Счастливых островов почти невозможно, до Гнилой мели — реально. Представляешь себе, какая там подобралась компания?

— Понимаю... — Кристи задумалась.

Медленно гасли сумерки. Дождь почти кончился, или, вернее, морось измельчала и уже не сеялась с неба, а висела над болотом сплошной непроницаемой завесой. Когда совсем стемнело, Эрвин встал с ящика и шепнул:

— Пошли.

— Куда? — Кристи захлопала глазами.

— Тише. Переберемся на другое место. Спорим, ночью к нам заявятся? И не один Юст — он не такой дурак, — все скопом... Хотя что тут спорить, и так ясно.

— За ящиком?

— За всем, что у нас есть.

Стараясь не шуметь, они прошли вперед шагов триста, и Эрвин решил, что этого хватит.

— Заблудится еще кто-нибудь, — вполголоса предположила Кристи.

— Не мы гоняли их по болоту, — отрезал Эрвин.

Он сел на ящик верхом и, обняв женщину за плечи, прижал к себе. Кристи не возражала: так было теплее, и в объятиях Эрвина не было ничего непристойного. У обоих урчало в животах, мешая дремать.

Прошел час, и два, и три. Потом из тумана донесся крик — негромкий, вполголоса. Кто-то кого-то окликал. Вскоре послышался ответный крик.

— Так и есть. — Эрвин негромко рассмеялся. — Заплутали. Следопыты! Аборигены Хляби, люди с перепонками на пальцах!

— Ты говоришь так, будто ты не настоящий хлябианец.

— Точно, — кивнул Эрвин. — Мать разродилась мною на космолайнере за три часа до посадки. Так что формально я не абориген и ругать Хлябь имею полное право.

— А откуда твои родители?

— Из Астероидной системы. Слыхала? — В ответ Кристина помотала головой. — Звезда там хорошая, желтая, не то что здешний красный пузырь, зато планет нормальных нет, вместо них тьма астероидов. Там мало кто живет, чаще прилетают работать по контракту. Отец был местный. Когда он погиб при метеоритной бомбардировке, мать решила, что оставаться там незачем, ну а со мной, понятно, никто не советовался... Да оно и к лучшему. В Астероидной системе образование ребенка не дашь, разве что начальное, а моя мать хотела, чтобы я чего-то в жизни добился. Университеты на развитых планетах были ей не по карману, а вот на Хляби — другое дело... Очень она радовалась, когда я в люди вышел. Так и умерла год назад — счастливая...

Крик в тумане повторился. На этот раз кричали громче и тревожнее.

— Кто-то завяз, — прокомментировал Эрвин. — Кого-то тянут. Вольно же им было по ночам где попало шляться, топографическим кретинам...

Эта ночь была ужасна. Два вымокших до нитки человека, мужчина и женщина, просидели на ящике до утра, обнявшись, иногда проваливаясь в дремоту, но и в дремоте чутко прислушиваясь к каждому звуку болота. Но еще хуже, вероятно, пришлось шестерым, не имевшим иной постели, кроме охапки мокрых водорослей. Когда Кристи думала о них, холодные мурашки стаями бегали по ее коже. И вместе с тем она чувствовала злорадство: не нашли! не ограбили! не убили, чтобы отобрать ящик — трон для своего пахана...

Ее злорадство усилилось, когда она подумала о том, что их пищевые брикеты уже, вероятно, поделены и съедены. Тем лучше! Сделка была честной. Пусть-ка поохотятся на головастиков, любители мокро сидеть, зато сытно есть, давно пора!

Перед самым рассветом немного развиднелось; в грязной мути неба проступило слабое зарево какой-то из лун. Можно было идти, но на этот раз Эрвин решил дожидаться дня. Когда стало светло и в редеющем тумане удалось различить вдали лежку неудачливых ночных охотников, он покричал им и помахал над головой шестом.

— Мы не будем их ждать? — осипшим голосом спросила Кристина.

— Зачем? По-моему, мы легко обойдемся без них.

— Вчера ты говорил иное. — Кристи попыталась откашляться, но ее голос остался осипшим.

— Шучу. Но они должны поверить, что это не шутка.

Очертания шести человек, оставшихся позади, долго не желали таять в тумане. Встающее на востоке красное зарево споро подбирало сырость над болотом, и два человека, связанные между собой грязной веревкой, шли навстречу зареву, а за ними по потревоженному зыбуну с шелестом и шипением волочился ящик.

Через полчаса сделали большой крюк, обходя заведомую топь, и подверглись нападению небольшой змеи, которую Эрвин заметил вовремя и просто-напросто отшвырнул концом шеста. А спустя еще час неожиданно наткнулись на человека.

Даже Эрвину потребовалось усилие, чтобы поверить, что перед ним именно человек, а не очередной представитель болотной фауны. Все в нем протестовало против определения «человек» — и крайнее истощение, и перемежающиеся слои давнишней и свежей грязи, совершенно скрывшие обрывки одежды, и волосы, сбившиеся в невероятный колтун, и полная грязи и водорослей борода, и черное лицо. Лишь глаза — воспаленные, полные гноя и боли — говорили о том, что это все-таки человек, а не человекоподобное пресмыкающееся.

Человек не шел — полз. Он не мог идти: его правая нога была сломана и, раздувшаяся, примотанная оторванными от штанины полосами к обломку шеста, безжизненно волочилась по грязи. Упорно, неостановимо, оставляя за собой борозду, человек с глухим рычанием подтягивался на локтях,

подтаскивал под себя здоровую ногу, бросал тело на полшага вперед и медленно, с мучительным стоном поднимал лицо над болотной жижицей, моргая и шурясь перед следующим броском.

Эрвина и Кристи он заметил в пяти шагах, а заметив, перестал стонать и с рычанием попытался сесть, опираясь на левую руку, тут же ушедшую в зыбун по локоть. В правой руке оказался обломок ножа. Черные губы шевельнулись:

— Не... под... хо... ди... у... бью...

Брезгливость и жалость боролись в глазах Кристины. Потянув носом воздух, Эрвин обошел ползуна, заходя с наветренной стороны.

— Не тронем. Давно ползешь?

Человек не то зарычал, не то застонал, с ненавистью глядя на Эрвина.

— Между прочим, Счастливые острова в противоположной стороне, — заметил тот.

Судя по всему, человек это знал.

— Надо найти головастиков, — сказала Кристи.

— Зачем?

— Он умирает с голоду.

— А ты хочешь, чтобы умерли мы? Ты еще скажи, что мы должны взять его с собой к Счастливым островам, куда он вовсе не хочет.

— Все равно. — Кристи вызывающе тряхнула головой. — Ты как хочешь, а я поохочусь. Для него. Пусти!

Эрвин придержал ее за веревку.

— Хорошо подумала?

— Да! И не вздумай мне мешать!

Казалось, Эрвин колеблется. Затем он ухмыльнулся и почесал щетинистый подбородок.

— Идет. Поохотимся вместе.

Поиски в лужах дали четырех головастиков. Эрвин подвигал кадыком, когда Кристи завладела ими, но сказал только: «Поосторожнее», — и вовремя, потому что человек внезапно махнул наотмашь обломком ножа, едва не распоров женщине ногу.

— Предупреждал ведь, — проворчал Эрвин, завладевая пищей. — Эй, ты! Есть будешь? В нашей забегаловке закуска бесплатная.

Новый взмах обломком ножа. Не удержав равновесия, человек плюхнулся лицом в грязь, но сейчас же с рычанием поднял голову.

— Дурак, — прокомментировал Эрвин, садясь на корточки. — Дают — бери. Мы не голодны. Нас выгнали на болото всего три дня назад, не видно разве?

Человек со стоном перевалился на другой бок. Было ясно, что он ни за что не хочет расстаться со своим жалким оружием, но все же решил рискнуть опереться на вооруженную руку. Вслед за тем грязная лапа в одно мгновение сгребла извивающихся головастиков с ладони Эрвина и, не уронив ни одного, столь же мгновенно вбила их в распахнувшийся провал рта. Человек яростно заработал челюстями.

— Мы не враги, — участливо проговорила Кристи.

Человек не обратил на нее внимания. Его воспаленные безумные глаза вперились в Эрвина как приклеенные.

— Еще, — сказал он. — Есть. Ты кто? Почему? Еще.

— Давно ползешь? — спросил Эрвин.

— Давно. Нет. Не знаю. Еще.

— Ты с Гнилой мели?

— Нет. Не дошли. Заблудились. Солнца нет. Еды мало. Совсем нет еды. Людей много... было. Еще!

— Куда ты ползешь?

— Назад. На берег. Где твердо. Не мягко, не жидко. Твердо. Меня простят, я знаю. Я доползу. Болото кончится. Меня простят. Еще еды!

Эрвин жестом остановил Кристи, собиравшуюся что-то сказать.

— Дорога впереди безопасна? На каком протяжении?

— Еще еды!

— Сначала расскажи о дороге.

— Чисто. Два, три дня ползком. Может, четыре, не помню. Еды! Дай еды!

— Извини, — сказал Эрвин, поднимаясь с корточек, — у меня больше нет. Мне очень жаль.

Ползущий человек был еще виден, когда Кристи на ходу обернулась к Эрвину, готовая вылить на него гнев и презрение, и осеклась — занятый какими-то своими мыслями, Эрвин молча качал головой.

— Что? — спросила Кристи.

— Ничего. Чистоплюй я, оказывается. Всегда полезно узнать о себе новое, но не всегда приятно.

— У него гангрена, да?

— Она самая. Но он умрет не от нее. Хорошо бы на него наткнулся Юст и утопил из жалости. Я, как видишь, не смог.

— Юст — из жалости?

— А мне плевать, ради чего. Пусть хоть для удовольствия... или зарежет на мясо для себя и своих остолопов. Только это вряд ли: животы еще не подвело, побоится бунта. Заметила, как наш ползун успокоился, когда узнал про наши три дня на болоте? Мы еще не готовы к людоедству, вот в чем дело. На его беду. Далеко он не уползет, это ясно. Достанется змеям, а это... малоприятно.

— Мог бы по крайней мере найти ему еще пару головастика.

— Хватит и того, что мы дали. За информацию надо платить. Мы заплатили.

— Он человек! — Кристи попыталась крикнуть, но ей удалось лишь просипеть.

— Он мертвец, и нам с тобой этого не изменить. А мы с тобой хотим дойти до Счастливых островов.

Несколько минут они шли молча, держась возле борозды, оставленной ползущим человеком. Понемногу плечи Кристины начали вздрагивать, и когда рыдающий крик перепугал мелких крылатых созданий, кормящихся на лету болотными насекомыми, Эрвин был готов к этому.

— Сволочи! Гады! Чистенькие! Изгнание — высшая мера! Нет презренной профессии палача! Не существует за ненадобностью! Жечь людей лучеметом — гуманизм не позволяет! Толкнуть в кордонный невод, чтобы порвало на мелкие кусочки, — тоже нельзя, человеческая жизнь священна! Ни один законопослушный кретин не должен быть запятнан убийством! Идите — впереди Счастливые острова! Ах, сволочи!..

— Перестань, — хмуро приказал Эрвин.

— Это придумали такие же чистоплюи, как ты! Скажешь, нет? Ну скажи!

— Да, — сказал Эрвин. — Это придумали такие чистоплюи, как я. Другие чистоплюи возвели придумку в закон, третьи не возразили. Четвертые за чистоплюйство платят. А теперь прекрати истерику, успокойся и смотри под ноги.

— Я спокойна!

— Тебе так кажется. Можешь заодно опротестовать закон всемирного тяготения. Очень перспективно.

— Ты! — Кристи с яростью обернулась. Какое-то мгновение Эрвину казалось, что она кинется на него, как дикая кошка. — Скотина! Мразь! Ублюдок!

— Я ублюдок, который хочет дойти до Счастливых островов, — напомнил Эрвин.

— Засунь их себе в задницу, свои острова!

— Рад бы — не влезут. — Эрвин улыбнулся углом рта. — Стоп. Клади шест. Привал до готовности.

— Я могу идти!

— Ты — можешь. А я не пойду с тобой в связке, пока ты не придешь в себя. Садись отдыхай. Я пока поищу головастика, перекусим. Вон та лужа, по-моему, перспективная. Любишь головастика, а?

Глава 6. СЕМЬ

Борозда, вспаханная ползущим человеком, неровно извинаясь, упрямо вела к востоку. Успокоившись, Кристи приободрилась. В самом деле, если уж полумертвый от голода калека сумел проползти здесь и уцелеть, двое здоровых людей, пусть уставших, но еще далеко не обессиленных, пройдут точно. Жаль, конечно, несчастного, погибнет... но ведь он так и так обречен. До материка ему не доползти ни при каких обстоятельствах, а если небеса все же сжалятся над безумцем, уберут с его пути гиблые топи и прожорливое зверье, если дадут ему сил выползти на берег, то сделают это лишь для того, чтобы там его сожгли лучеметом. А Эрвин... Эрвин прав. Жесткий

рациональный подход — только так, по-видимому, можно здесь уцелеть... и рано или поздно прийти, дочавкать, доползти, если придется, до Счастливых островов. Пробриться к тверди через болотные хляби — и жить. Просто жить, не дрожа от страха каждую минуту. И ходить по твердому, и спать на твердом...

Она попыталась представить себе глубину болотной хляби под ногами. Сколько там ее — десять метров трясины? двадцать? сто? К своему удивлению, Кристи не ощутила ужаса. Мысль о холодной вязкой ловушке под тонким ковром живых и гнилых водорослей сделалась привычной и больше не вгоняла в дрожь. Где-то там, в черной глубине, сидят в засаде гигантские хищные твари, зреют пузыри газа, готовятся к извержению грязевые гейзеры — что ж, ни у кого и не было сомнений, что это болото не совместимо с человеком, все правильно. Жить в нем нельзя, но можно уцелеть какое-то время и успеть прийти до Счастливых островов. Особенно если не быть жалостливой душой и не испытывать без нужды терпение Эрвина... Он знает, что делает. Что можно принять умом, то можно принять и сердцем.

И чем раньше, тем лучше.

Не успели пройти вдоль борозды и трех километров, как Эрвин вновь распорядился устроить привал. Несмотря на данное себе слово, Кристи не удержалась от недоуменного вопроса:

— Зачем?

— Подождем наших попутчиков. Вон там, в сторонке.

— Какой смысл? Тот человек прополз тут без проблем.

— Вот именно, — сухо ответил Эрвин и вдаваться в более пространные объяснения не пожелал.

Размытое пятно солнца давно собралось в аккуратный оранжево-красный диск, большой, как суповая тарелка. Заметно пригревало. Ночное оцепенение покинуло головастика; выбравшись из сплетения морских трав, они кишмя кишели в лужах и не так-то легко давали себя поймать. Большие глянцево-черные черви — возможно, личинки местных змей, — пресмыкались на поверхности, временами легко ныряя в зыбун. От мошкары звенело в ушах. Питающиеся ею мелкие крылатые создания поднялись повыше и жировали, попискивая. Одна

крупная крылатая тварь сделала несколько сужающихся кругов над присевшими на ящик людьми, заставив Эрвина на всякий случай подобрать шест, но не решилась атаковать, сглотнула на выраже мелкого летуна, зловеще квакнула и улетела. Очень далеко на севере один за другим поднялись два хищных языка, покачались и втянулись в болото. Кристи, охнув, хлопнула себя по щеке и продемонстрировала Эрвину раздавленное насекомое.

— Оно меня укусило!

— Это хорошо.

— Не поняла! Больно, между прочим...

— Кто бы сомневался. А хорошо потому, что вообще-то у здешних кровососов иной пищевой ресурс. Не человеческий.

— Ну и что?

— Похоже, до Гнилой мели не так далеко, как я думал. Если, конечно, эта букашка не залетела с материка. Но это вряд ли: ветер восточный.

Кристи яростно поскребла ногтями зудящую щеку и охнула. В месте укуса уже успел возникнуть болезненный волдырь.

— На Гнилой мели что, в самом деле много людей?

— Думаю, да. Есть кого кусать.

Кристи передернуло.

— Мы ведь там не останемся, правда?

Эрвин молча кивнул.

— О чем ты думаешь? — спросила Кристи.

— Я не думаю. Я считаю.

— Наши шансы?

— Отстань.

Людей Юста пришлось дожидаться дольше, чем предполагала Кристи. Вероятно, они тоже встретились с ползущим калеккой и потеряли время, зато теперь продвигались довольно быстро, держась возле борозды. Как видно, сегодня Лейле дали передохнуть — на этот раз первой шла Кубышечка, без шеста, но все-таки в мокроступах. Юст, как и прежде, держался четвертым.

Эрвин разматал бич, но он не понадобился. Шесть человек прошли мимо, не остановившись для отдыха, не сделав попытки напасть. Проверенная дорога вела их на восток. Никто

не сказал ни слова, только Юст одарил Эрвина тяжелым взглядом и сплюнул сквозь зубы.

— Мы пойдем за ними, да? — спросила Кристи.

— Умница, — проворчал Эрвин, сматывая бич. — Все понимаешь.

— Ты боишься идти первым? По пробитой дороге?

— Вот именно поэтому. Язычники чувствуют движение болотного ковра. И умеют ползать там, в трясине.

— Так быстро?

— Я не знаю, быстро или нет. И никто не знает. Зато я знаю наверняка, что наш ползун соврал. Безопасных дорог на болоте не бывает. Юст поверил — я нет.

— Зачем ему врать?

— А зачем ему говорить правду? В глубине души он знает, что не выползет из болота. Он измученный калека, а мы пока нет — разве это не повод ненавидеть нас? И потом, разве мы вернемся, чтобы наказать его за обман?

Покачивая головой, Кристи принужденно рассмеялась.

— И за что только ты ненавидишь людей...

— За глупость. Хотя живу только благодаря ей. Забавный парадокс.

— А я — за подлость.

— Это то же самое. Подлец — не более чем эгоист, прорчитывающий свое будущее лишь на один шаг, а значит, тот же глупец. Мудрый эгоист слывет альтруистом.

— Особенно ты! — не удержалась Кристи.

Эрвин улыбнулся:

— Я не мудрец, а вычислитель... Готова? Пошли.

Они шли час, и два, и три. Шестеро впереди также не останавливались на отдых. Красное солнце, удобно устроившись в зените, добросовестно жарило, словно собралось иссушить болото. Вонючие испарения заставляли дрожать горизонт. Пот заливал глаза. Болотные насекомые тучами роились вокруг путников, набивались за пазуху, норовили залететь в нос, но ни одно не ужалило. Никакой опасности не наблюдалось ни снизу, ни сверху, ни с боков. После полудня Кристи потребовала от Эрвина признать, что он ошибся в своих расчетах, однако тот отрицательно мотнул головой:

- Гляди в оба.
- А тот... ему что, перебили ногу в драке?
- Может быть.
- Ты в это не веришь, да?
- Я не знаю... Стой!

Сказано было не громко и не веско — Кристи остановил не голос, а рывок натянувшейся веревки.

— Что такое?

— Когда я говорю «стой», это значит именно стой, а не иди, — пробурчал Эрвин, отмахивая от лица мошкарю. — Глянь вправо от себя. Да не вдаль, оно от тебя в двух шагах... Видишь? Вон тот грязный пятачок.

— Вижу. — Кристи опасно отшагнула влево.

— Здесь росла лоза-бичевка. Только что. Не знаю, как называется это растение по-научному, а на местном жаргоне — лоза-бичевка.

— Это на каком местном жаргоне? — прищурилась Кристи.

— На жаргоне прибрежного населения, разумеется, — пояснил Эрвин. — Один раз я сопровождал Сукхадарьяна в его поездке по побережью.

— Ну и что?

— Только то, что у Юста теперь есть бич. Пошли, нечего стоять.

— Обязательно надо было показывать? — зло спросила Кристи. — Словами сказать не мог, да?

— А ты моим словам веришь? — ухмыльнулся Эрвин.

Прошел еще час, и красное солнце начало жечь затылок, а под ноги идущим легли короткие тени. Временами среди плотного сплетения водорослей попадались кочки, поросшие ядовито-зеленым мхом, и даже кусты. Сразу две стайки некрупных животных быстро-быстро пробежали в отдалении и исчезли.

— Они съедобны? — спросила Кристи, провожая их голодными глазами.

— Кажется, да. Но поймать их можно только случайно. Чересчур прыткие.

— Как это случайно?

— Отнять у хищника. Или наткнуться на гнездо. Должны же они где-то выводить свое потомство... Вот что, прибавь-ка ходу. Эти ненормальные прямо бегут.

Люди Юста и в самом деле ушли далеко вперед, и пришлось поднажать, чтобы приблизиться к ним. Километр за километром оставался позади, а борозда, вспаханная проползшим здесь человеком и уже понемногу затягивающаяся, по-прежнему вела на восток. Иногда угадывалась лежка — здесь калека отдыхал или коротал ночь. Ни один хищник не попался на глаза, и болотный ковер казался надежным. Проверенная, безопасная дорога... Идти и идти по ней без остановки, уходить в болото все дальше и дальше, а там и Гнилая мель, где наверняка нет кошмарных донных моллюсков-язычников, где даже живут люди, — но не останавливаться там, а сразу двинуться к Счастливым островам... только бы подольше не кончалась эта надежная дорога...

Так думала Кристи, пока до нее не долетел отчаянный вопль Кубышечки. Было хорошо видно, как люди Юста метнулись в сторону и остановились, пробежав несколько шагов.

— Так я и знал, что это не язычник, — проговорил Эрвин. — Там что-то другое, не пойму что...

Это и вправду оказался не язычник. Над болотным ковром, низко стелясь, покачивалось нечто змееподобное, похожее на покрытую чешуей пожарную кишку, шарило на ощупь безглазой головой, беззвучно разевало усеянную зубами пасть. Захлебываясь слезами, Кубышечка надрывно кричала и, волоча окровавленную ногу, пыталась отползти. Понемногу это ей удавалось — как удалось обреченному, встретившемуся утром. Не найдя добычи, «пожарная кишка» негромко заскрипела, встопорщила зеленоватые чешуйки, похожие на мелкие листья, отчего стало ясно, что это скорее растение, нежели животное, и, раззявив пасть, поднявшись над болотом во весь рост, замерла, как видно, в намерении принять солнечную ванну. С мощных зубов-пил срывались капельки прозрачной жидкости.

— Ядовитая тварь, — объяснил Эрвин, отвернувшись. — Но, похоже, на человека ее яд не действует. Голень насквозь прокусила — это да.

- Заткнись! — крикнула Кристи и всхлипнула.
- Пожалуйста. Заткнулся.
- Ты все знал заранее!
- Ага. И ты тоже.

Навзрыд, как ребенок, рыдала Кубышечка, размазывая по лицу слезы и грязь. На нее старались не смотреть, но все-таки смотрели украдкой. Ян Обермайер по прозвищу Скелет беззвучно шептал, прося о чем-то Господа Вездесущего. Во взглядах, бросаемых на Эрвина, читалась неприкрытая ненависть проигравших к выигравшему.

- Ты за это заплатишь, — с угрозой пообещал Юст.
- За твою глупость заплатят они. — Эрвин небрежно кивнул на его спутников.

— Тебе конец, умник! Ты труп, запомни!

Эрвин не ответил, но снял с плеча бич. Опомнившаяся Кристи судорожно ухватилась за рукоятку ножа.

Широко размахнувшись, едва не задев Джоба, Юст стегнул бичом. Со второго удара «пожарную кишку» перебило надвое, отсеченная часть принялась бешено извиваться, кусая водоросли, брызгая зеленой пеной; обрубок втянулся в зыбун.

Никто не напал на Эрвина и Кристи, когда они обходили людей Юста по широкой дуге, хоть Лейла скрипела зубами от ярости, а на грязном страшном лице Юста катались желваки.

Борозды впереди больше не было — встреченный утром человек дошел до этого места и, брошенный товарищами, начал отсюда свой путь ползком в никуда.

Не успели отойти на полсотни шагов, как Эрвин объявил, что пойдет первым. На один миг болезненная гримаса Кристи сменилась удивлением.

- Ты — первым? Что-то новенькое.
- Кусачая тварь — растение. Многие растения растут группами. Ты не умеешь драться бичом, а у меня какой-никакой опыт, понятно?
- Понятно.
- И будь добра, не заставляй меня всякий раз объяснять тебе то, что я делаю!
- Извини...

То ли хищное растение росло и поджидало добычу в одиночестве, то ли выбранный Эрвином путь оказался удачным, но повторных атак не последовало, и бич остался без работы. Кристи снова начала всхлипывать.

— В чем дело?

— Она улететь отсюда хотела...

— По-моему, ты тоже не отказалась бы. А я даже попытался. В чем разница?

— В том, что искалечена она, а не ты. Ты подумал о том, что с ней будет?

— Отберут у нее мокроступы и пойдут дальше. Ей мокроступы уже ни к чему. А нож у нее давно забрали, что досадно. Нам бы пригодился третий нож — пику бы сделали. Полезная вещь. Пожалуй, за нож я бы даже рискнул схватиться с Юстом на бичах.

— Ты всех их подставил!

— А ты бы хотела, чтобы они нас?

— Она на твоей совести!

— Вовсе нет. Она подвернулась под руку во время переворота, и здесь никто не виноват, даже судья. Случайность. А другая случайность состоит в том, что она не утонула в трясине в первый же день. Признаюсь, не ожидал... Оглянись назад: та компания идет за нами?

— Идет.

— Значит, не стали добивать. Милостивцы!.. Вот что, давай-ка иди вперед, опасное место мы, кажется, прошли.

Отчаянные крики Кубышечки мало-помалу затихали вдали и наконец перестали быть слышны. Размеренно чавкали мокроступы. Шурша, полз ящик. Огромное красное солнце клонилось к закату. Казалось, оно оглушительно зашипит, коснувшись болота.

— Ха! — сказал вдруг Эрвин. — Я нашел решение.

Кристи оглянулась — ее спутник улыбался и был, по-видимому, чрезвычайно доволен собой.

— Какое решение?

— Численное, конечно. Не общее. Решение задачи трех тел с массами один, три и пять. Я нашел начальные усло-

вия, при которых из системы выбрасывается самое массивное тело.

Кристи смолчала.

Этой ночью они почти не разговаривали и не сидели в обнимку — ночь выдалась теплой. При свете трех лун сумели даже поохотиться на головастиков, в изобилии шнырявших в мелких лужах, и кое-как заглушили голод. Спали по очереди: трехлунной ночью далеко видно, заметят люди Юста, что сон сморил обоих, — нападения не избежать. И кто знает, не шастают ли по болоту негуманоидные хищники? Не все же они сидят в засаде, ожидая, когда колыхнется под дичью болотный ковер. Помимо язычников и зубастых растений, могут быть и иные плотояды: бегающие, ползающие, летающие...

Кристи дежурила вторую половину ночи, и ей все казалось, что она слышит далекий, безнадежный плач брошенной на болоте Кубышечки. Конечно, только казалось, и она понимала это, но не раз вскакивала с ящика и прислушивалась.

Ночь не принесла беды. Утром компания Юста попыталась было нагло пристроиться сзади чуть ли не след в след, но отстала, едва Эрвин демонстративно свернул в сторону заводной трясины. После нескольких хитрых маневров пошли как раньше: двумя параллельными связками, с той разницей, что более длинная укоротилась на одного человека и находилась не справа, а слева. Впереди нее на этот раз вышагивал Джоб. Как видно, Юст, по-прежнему идущий в середине связки, решил побережь доказавшую свою живучесть Лейлу.

— Пахан, пахан, а политик, — фыркнул Эрвин, кивнув влево, и тут же, ругнувшись, хлопнул на щеке кусачее насекомое. — Справедливость, мол, и очередность. Соображает, что близко Гнилая мель.

— И что?

— Перед Гнилой мелью ему обиженных и озлобленных не надо.

— Ты просто не слышал, — возразила Кристи. — Он с этой девкой полночи возился, сопел на все болото. Надо думать, понравилось.

— И поэтому решил ее побережь? — насмешливо отозвался Эрвин. — Зря так думаешь. Одно другому не помеха.

Утро еще не перетекло в день, когда горизонт на юго-востоке покрылся неровной корочкой. Кристи невольно ускорила шаги.

— Это... лес? Там остров?

— Не знаю. — Голос Эрвина выдавал недоумение. — Может быть, дальше щупальце Гнилой мели. Подойдем поближе — увидим.

Прошел час, и корочка, переместившись по правую руку, действительно превратилась в рошу, но стало также ясно, что это еще не Гнилая мель. Округлый заболоченный островок приютил на себе сотни низкорослых деревьев и непролазные заросли кустарника. Над весело зеленеющим подростом корявыми свечками торчали мертвые сухие стволы задушенных болотом деревьев постарше. Многие накренились, но еще держались, и после смерти продолжая цепляться за неверную почву подгнившими корнями.

— Свернем? — предложила Кристи.

— Нет. Лишний крюк.

Кристи вздохнула.

— Жаль, вчера не дошли до этого места. Костер бы развели, высушились, погрелись...

— Ты разве замерзла?

— Я устала. А там хорошее место для отдыха. А то и для дневки.

Эрвин колебался, скреб пальцами щетинистый подбородок. Кристи оглянулась с надеждой:

— Может, все-таки свернем, а? Хорошее место.

— Даже очень. Первое приличное место из всех мест, какие мы видели. Это-то и плохо. Не нравятся мне приличные места в Саргассовом болоте. Пари держу, что оно занято.

— Кем? Людьюми?

— Если не хуже. Перетерпим. Давай-ка вперед помалу. Не нашумим, так, может, и проскочим.

Не проскочили. В одно мгновение лесной подрост взбурлил, подобно кипящей воде, и воздух над рошей почернел. Донесся шум, как от налетевшего шквала. Уже знакомые чер-

ные крылатые твари на сей раз всерьез заинтересовались людьми. Их были тысячи, тысячи, тысячи... Гигантская стая затмила солнце, выбирая момент для атаки на двуногую пищу, осмелившуюся прогуливаться возле ее гнездовий. Как дождь, заморосил помет.

— Спина к спине! — крикнул Эрвин. — Маши шестом во всю дурь! Отступаем к этим... — Он не договорил, к кому, но Кристи поняла. Семь шестов лучше двух.

Потом командовать стало некогда. Атаки шли волнами, одна за другой. Хриплый ор повис над головами. Сбитые наземь твари корчились, злобно разевая пасти, угрожающе выставляя вперед бритвенно-режущие кромки крыльев. От шестов летели щепки. Одну тварь, вильнувшую вбок от шеста, немедленно рассекло пополам точно такой же тварью. Шесты вносили неразбериху в волны штурмующих, и только это позволило двум изгнанникам добраться до другой кучки осажденных и всемером составить единый оборонительный круг.

Позднее даже Эрвин со своим чутьем времени не мог сказать, сколько продолжалось сражение: пять минут или час? Он помнил лишь то, что под конец руки онемели и уже с трудом управлялись с шестом. Ни одна боеспособная тварь не прорвалась в оборонительный круг, но то и дело валились подбитые и, уже издыхая, кусали, кромсали, царапались, пока их не втапывали в хлябь мокроступами. Одна вцепилась зубами Эрвину в шею, и он сумел стряхнуть ее под ноги только вместе с клочком кожи и мяса. Никто не заметил перелома в битве, когда волны атакующих тварей стали пожиже и набегали уже не так часто. Затем как-то вдруг выяснилось, что черная туча над головами расточилась по всему окоему, твари нападают поодиночке и все реже, а еще несколько минут спустя семеро окровавленных, столпившихся на угрожающе прогнувшемся зыбуне людей поняли, что на сей раз смерть прошла стороной и можно подсчитать потери.

Никто, даже Юст, не избежал ран. И хотя раны в большинстве были мелкие, поверхностные, кровь хлестала так, словно всю жизнь мечтала выбраться на свежий воздух. Кристи отделалась резаной раной предплечья, не считая царапин. Джеб сосал половинку отрубленного мизинца. Лейла

замывала водой из лужи рассеченное ухо. У всех от тюремной одежды остались окровавленные, перемазанные пометом лохмотья. Режущие кромки черных тварей рассекли веревку в десятке мест. У Валентина, пострадавшего меньше других, уполовинило шест.

— Сволочи, — густым басом пробубнил Ян Обермайер, по примеру Лейлы промывая рану на колене соленой болотной водичкой. — Могли бы по крайней мере кинуть в ящик аптечку.

— Так было угодно Господу Вездесущему, — зло отбрил Джоб, на секунду вынув изо рта кровоточащий обрубок пальца.

Никто его не поддержал, и тема неожиданного богоборчества проповедника развития не получила.

— Уходим? — шепнула Кристи.

Эрвин отрицательно мотнул головой и поморщился от боли. Небольшую, но обильно кровоточащую рану на шее он зажал ладонью.

— Сейчас они опомнятся...

— Я знаю.

Юст получил многочисленные, но неглубокие ранки и, казалось, не обращал на них внимания. Нарочито не спеша, хлюпая мокроступами, он вразвалочку подошел к ящику и, усевшись верхом, демонстративно поерзал сидением, устраиваясь поудобнее. Поигрывая бичом, вожак не скрывал глумливого удовлетворения. Как ни странно, настроен он был, по видимому, благодушно.

— Что, умники, раздумали спастись вдвоем? Прибежали под крылышко?

Кристи молчала. Эрвин через силу кивнул.

— Ты был прав... Полярный Волк. Прав с самого начала.

— Хочешь присоединиться, а?

Новый кивок. Ленивый замах, свист бича — и испачканный пометом клочок волос соскользнул с головы Эрвина и упал к ногам.

— С тобой беседуют, обосранный. Невежливо молчать.

— Всемером... легче, — выдавил Эрвин.

— Умница! — похвалил Юст. — А куда нам теперь идти, не подскажешь? Что-то я компасу не верю.

— Туда. — Эрвин покорно указал на восток.

— Уверен? — Юст широко ухмыльнулся. — Вот и покажи нам дорогу вместе со своей девкой. А мы уж за вами как-нибудь... мы не гордые. А если не согласен — не держим.

— Согласен. — Эрвин наклонил голову. — Я пойду первым.

Низенький пухлый Валентин скользнул по нему внимательным взглядом и смолчал. Зато торжествующе захохотала Лейла, и хриплый смех отогнал последнюю крылатую тварь, кружащуюся над людьми.

Глава 7. ГНИЛАЯ МЕЛЬ

— Может, скажешь, для чего тебе это нужно? — вызывающе спросила Кристи, едва тронулись в путь и расстояние, отделившее ее и Эрвина от остальных, внушило уверенность, что ее голос не будет услышан Юстом. — Или ты просто струсил?

— Нет, соскучился. — И Эрвин подмигнул. — В компании веселее.

— А может, тебе нравится роль миноискателя?

— Может, и нравится. Должны же язычники чем-то питаться.

Вымученно улыбнувшись, Кристи покачала головой.

— Я тебя совсем не понимаю.

— И не надо, — хмыкнул Эрвин. — Поверь, так будет лучше.

— Подсчитал оптимальный вариант, что ли? А меня ты спросил?

— Нет. А что, надо спрашивать? Я же сказал: доверься мне. Как по-твоему: почему Юст не потребовал наше оружие? Все будет хорошо, вот увидишь.

— Ты правда пойдешь первым? — недоверчиво спросила Кристи.

— Ага.

— Тебе решать. Я, конечно, не напрашиваюсь... Но вспомни, что ты сам мне говорил.

— Я помню. Устану — сменишь. Пока расслабься.

За день одолели всего ничего. Мало того что потеряли время, перевязывая раны обрывками одежды, мало того что потеря крови ослабила людей, а Ян Обермайер охромел и ковылял через силу, так еще дорога вконец испортилась. Не успел остров крылатых тварей отодвинуться к горизонту, как стало ясно, что никакая пуповина не связывает его с Гнилой мелью. Напротив, по всем признакам, глубина болота здесь увеличилась, и зыбун казался не столь надежным. Появились обширные участки топей и открытые полыньи затхлой воды. В иных шумно булькали пузыри болотного газа.

Металлический ящик теперь волочился на веревке следом за Кристи и дважды пригодился всем семерым, когда полыньи смыкались, закрывая путь на восток. Тогда искали пролив поуже и поодиночке переправлялись в ящике, как в пароме. Оба раза Эрвин переправлялся первым под глумливые понукания Юста и завозил конец веревки на тот берег, с величайшей осторожностью загребая шестом, пробуя собой неизведанную пучину под тонким металлическим дном. Во второй раз что-то огромное всплыло к поверхности неподалеку от ящика, но не вынырнуло и не напало, зато ящик закружился в водовороте над НИМ, когда ОНО вновь ушло в глубину.

И все же к вечеру опасная зона была пройдена, под ногами зачавкал обыкновенный зыбун. Проклятый лесистый остров, все еще ясно различимый на западе, иззубрил снизу багряный полукруг заходящего солнца. Все выбились из сил, зато далеко на востоке смутно обозначилась темная полоска, и Юст, взобравшись на ящик, долго вглядывался в горизонт, после чего объявил, что это и есть Гнилая мель.

Еще вчера это известие приободрило бы каждого — сегодня оно не произвело должного впечатления. Никто не пошел собирать головастиков, сил у людей едва хватило на то, чтобы нагрести под себя сырых водорослей и провалиться в сон, как в омут. Юст пинками расталкивал спящих.

— Первую половину ночи дежуришь ты, — сказал он Эрвину, — и ты. — Палец ткнулся в Валентина. — Вторую — ты и ты, — указал он на Джоба и Кристи. — Попробуйте мне заснуть. Кто не понял?

— Я понял, Волк, — торопливо отозвался Эрвин. — Не сомневайся, все сделаем как надо.

Кристи отвернулась. Саднила рука под уродливой повязкой, и ныла, жалуясь на усталость, каждая мышца. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не разреветься в голос от боли и обиды. Она ошиблась, ошиблась в выборе! Тот, кто казался ей надежным спутником, пусть не героем, но все же мужчиной, защитником, сдал ее обыкновенному бандиту, не авторитету даже, а просто самозванцу... Неужели и вправду вычислил шансы выжить — свои шансы! — и совершил гнусность, выгадывая лишний процент? Вряд ли. Скорее всего он с самого начала морочил ей голову байками о несуществующем советнике-вычислителе поверженного президента этой гнусной планеты и идиотской задаче трех тел... Трус и болтун, вырядившийся циничным рационалистом! Безголовый и безвольный моллюск! Какой же надо быть дурой, чтобы сразу не распознать его, чтобы увидеть твердь там, где ничего нет, кроме хляби...

Смрадно, тяжело дышала трясина, и волнами колыхался зыбун. Нападали змеи — десятки, сотни проворных гибких тварей, глянцево блестящих в свете многих лун. Язычник высовывал свое лиловое щупальце, хватал луны по одной и утаскивал в топь. Мириады летающих тварей с крыльями, подобными бритве, атаковали стебли хищных растений, извивающихся и клацающих зубами. Кристи хотела бежать, но мокроступы намертво вросли в болотный ковер, пустили упругие ветвистые корни, и не хватало сил нагнуться, чтобы перерезать ремешки. Одна срезанная зубастая «голова», разбрызгивая зеленый сок, упала на нее сверху, впиалась в раненую руку и стала поедать живое мясо, причмокивая, давясь и захлебываясь.

Кристи закричала и выплыла из трясины сна. Эрвин тряс ее за плечо. Она села рывком, потревожила руку и от боли проснулась окончательно. Ну конечно! Пришел черед ей storожить.

— Уже середина ночи? — сердито спросила она и, взглянув на небо, поняла, что ночь уже далеко зашла за половину и вот-вот зарозовеет восток. Невдалеке, сидя на ящике, мирно дремал Джоб. Валентин давно спал и стонал во сне.

— Прости, — сипло выговорил Эрвин, и Кристи поняла, что он держится из последних сил. — Не хотел тебя будить, но... Словом, мне надо поспать хотя бы пару часов, иначе днем я буду ни на что не годен. А день обещает быть незаурядным.

— Конечно. — Кристи с усилием покинула лежку. — Ложись тут.

— Возьми бич. Тут вроде безопасно, но... сама понимаешь. Увидишь змею — бей, но осторожно, иначе отхватишь себе что-нибудь.

Эрвин свалился кулем на примятую кучу водорослей, благодарно пробормотал: «Нагрела место», — и минуту спустя уже блаженно похрапывал, ни о чем не заботясь, словно буквально только что закончил труд титанического объема и неизмеримой сложности. Кристи даже показалось, что он улыбается во сне.

Она толкнула Джоба — тот недовольно забормотал и попытался вновь уснуть. После шлепка по щеке он поднял голову и проныл:

— Не сплю я, не сплю, отстань...

— Вижу, как ты не спишь, — отрезала Кристи. — А ну встань!

— Чего еще? — недовольно пробубнил клерк. — Сказал же: не сплю.

— Тихо!

— Что? — Сон с Джоба слетел в одно мгновение.

— Кто-то ходит...

— Где?

— Не вижу.

Джоб долго прислушивался.

— Никого нет, — сказал он недовольно. — Показалось.

— Тш-ш-ш!.. Нет, не показалось. Кто-то был только что.

Вот... Чувствуешь, опять?

— Что опять? — Джоб перешел на шепот.

— Зыбун колышется. Но теперь слабее.

— Ничего не чувствую.

— Это не под нами. Кто-то ходит вокруг...

— Кто тут может ходить? — забубнил Джоб. — Эти твари либо ползают, либо летают.

Кристи изо всех сил сжала руку Джоба и, наверно, потревожила обрубок мизинца, потому что Джоб коротко взвыл не своим голосом, выдернул руку и зашипел сквозь зубы, как прохрудившийся шланг.

— Тише ты, — шикнула она. — Вот опять... Неужели не чувствуешь?

— Еще как чувствую, — со злобой объявил Джоб в полный голос. — Тебе бы так почувствовать! Иди спи. Истеричек мне тут не хватало! С видениями!

Кристи не могла сказать, показалось ли ей или обострившийся слух в самом деле уловил чуть слышное чавканье мокроступов, удаляющееся прочь.

До утра ничего не случилось. Она еще дважды пыталась растолкать клюющего носом Джоба, но тот лишь ругался и ныл, прежде чем вновь уснуть верхом на ящике. Угроза разбудить Юста, чтобы навел порядок, подействовала ненадолго, и в конце концов Кристи оставила попытки. К ней самой сон не шел, а в лунную ночь одного часового вполне достаточно.

Рассвет наступил даже раньше, чем она предполагала. Красное распаренное солнце еще не успело выглянуть из-за горизонта, как стало ясно, кто бродил ночью возле спящих. Две вертикальные черточки вдали, с первого взгляда вроде бы замершие на одном месте, а на самом деле быстро уходящие к Гнилой мели, могли быть только людьми, и никем иным.

Ночной визит незнакомцев встревожил всех, даже Юст казался обеспокоенным и не вполне уверенным в себе.

— Перейдем Гнилую мель ночью, до вечера будем отдыхать, — объявил он и, поколебавшись, добавил без угрозы: — Кто не согласен, пусть скажет.

День занимался ясный, не обещая ни волглой мороси, ни непроглядного тумана. Видимость — как назло — от горизонта до горизонта.

— Через Гнилую мель только ночью, — подобострастно, как показалось Кристи, поддержал Эрвин. — Проскочим, если не нашумим. И лучше обойтись без фонариков. Лун не будет, зато большой прилив обеспечен, и, думаю, мель затопит. Надеюсь, местным будет не до нас.

Юст посмотрел на него с подозрением.

— Насчет прилива и лун — точно?

— Я подсчитал.

— Гляди, умник, не ошибись... Ну-ка все осмотрелись! Ни у кого ничего не пропало?

Не пропало ни одной вещи — как видно, ночные гости испугались голосов дежурных и не решились приблизиться, — но все понимали главное: новых встреч с обитателями Гнилой мели скорее всего не избежать, и готовились к худшему. С утра никуда не тронулись. Юст обрезал обломатившийся конец веревки, велел расплести ее и привязать ножи к шестам. Долго рыскали по болоту вокруг лагеря в надежде найти лозубичевку, но не нашли. Почти не нашлось и головастика — не иначе, на них был изрядный спрос далеко вокруг Гнилой мели. Знакомых хищников не попадалось, а незнакомого либо не увидишь, либо не поймешь, что это хищник, пока он тебя не схватит. Но и незнакомых любителей человеческой плоти не встретилось, кроме жгучей мошкары, ожившей с рассветом. Эрвин первым вымазал лицо грязью и подставил солнцу, чтобы быстрее затвердела защитная корка. Очень скоро его примеру последовали и остальные.

Пищу не делили. Кто замечал головастика, тот, дрожа от голода и вожделения, не мог успокоиться, пока ему не удавалось схватить его и отправить в рот, и был безутешен, если головастик успевал ушмыгнуть в зыбун. Ян Обермайер, чья благообразная седая грива давно уже превратилась в грязный ком, а колено за ночь распухло до того, что пришлось дополнительно надрезать штанину, страдая от боли, попробовал жевать соплодия водорослей, но сейчас же выплюнул их с отвращением и долго отплеывался, мыча и мотая головой.

Он так ничего и не нашел, если не считать нескольких крошечных слизнеобразных созданий, прицепившихся снизу к ленточным водорослям, слишком ничтожных, чтобы тратить силы на их поиски. Проповедник явно это понимал. Никто не знал, могли ли они вообще служить пищей, но, по-видимому, яда в них не содержалось.

Полоска Гнилой мели, растаявшая было в лучах восходящего светила, теперь отчетливо различалась на горизонте. Две спешащие к ней далекие фигуры давно исчезли. Ни вблизи, ни вдали ничто не выдавало чужого присутствия.

— Чего им сюда хлюпать? — мрачно озвучил Валентин. — Разведали, сколько нас, теперь ждут. Мимо Гнилой мели не промахнешься.

Никто ему не ответил — глупо возражать против очевидного. Сколь бы недалек умом ни был человек, пять суток в Саргассовом болоте собьют доверчивость с кого угодно. Люди Гнилой мели... можно себе представить, каковы они!

Кристи не пыталась обмануть себя. Многочисленные люди, раз основательно подъели головастиков чуть ли не на полдня пути вокруг своего обиталища! Вероятно, вечно голодные и наверняка опасные двуногие болотные крысы... Опаснее любого болотного зверя. Расчетливее Эрвина. Цепче Лейлы. Коварнее Юста.

До полудня отдохали, набираясь сил перед ночным рывком. Спали, разморившись под лучами солнца, искали головастиков, цедили и пили солоноватую грязь, отходили опорожниться и снова спали, пока Обермайер не поднял тревогу, первым заметив медленное колыхание зыбуна. Кто-то большой и грузный нетерпеливо пропихивал громоздкое тело сквозь гиблую торфяную взвесь под зыбуном, торопясь добраться до беспечных существ, осмелившихся топтаться в его владениях. В ста шагах от бивака он ощутил под собою дно, отчего водорослевый ковер над чудовищем вздулся пологим бугром. Бугор рос, приближался.

Был ли это язычник или иная, еще незнакомая тварь, никто не собирался выяснять.

Теперь первую связку возглавлял Валентин — так распорядился Юст. Эрвина он поставил вторым, за ним Кристи. Сам встал во второй связке между Лейлой и Джобом, которому выпало послужить буксиром для Обермайера — тот плелся последним, сильно припадая на больную ногу.

Кристи заметила, что Эрвин держит голову несколько набок.

— Как твоя шея, болит? — не выдержала она.

Эрвин с усилием повернул голову. Кристи показалось, что, не будь его лицо скрыто под коркой грязи, оно все равно было бы черным.

— Кусаная рана. Я бы предпочел резаную. Наверно, в слюне той твари была какая-то гадость...

— Я могу взять твой рюкзачок.

— Не нужно. Ты и без того тянешь ящик.

Чем яснее вырисовывалась темная полоса на горизонте, тем легче становилось идти. Никто больше не проваливался, хотя жижя по-прежнему охотно выдавливалась из-под мокроступов. Ленточных водорослей стало меньше, появился мох. Кое-где укоренились чахлые корявые кусты. Болото словно вывернулось наизнанку, явив иную свою сторону — надежную и по сравнению с оставшимися за спиной хлябями почти приветливую.

Солнце еще висело высоко, когда полоса на горизонте расширилась и придвинулась. Отсюда уже можно было разглядеть сплошные заросли кустов, обрамляющих Гнилую мель, а может быть, и покрывающих ее целиком. Здесь и остановились, чтобы дождаться темноты. Юст проткнул шестом пружинящий субстрат под ногами и, вогнав в него шест едва ли не на всю длину, нащупал дно. Пожалуй, нападения язычника здесь можно было не опасаться.

Люди не показывались.

— За нами наблюдают, да? — шепнула Кристи Эрвину, улучив момент.

Тот кивнул:

— Наверняка. Ты устала?

— Немного. Больше есть хочется. Язычника бы съела, двустворчатый он там или нет. Вместе со створками.

— На, держи.

Эрвин разжал грязный кулак — на ладони оказались три некрупных головастика, неподвижных и помятых. Два черных, глянцевого, и один пятнистый. Когда Эрвин успел их поймать, как сумел припрятать и чего ему стоило отказаться от них самому, осталось неизвестным.

Кристи непроизвольно сглотнула.

— Это... для меня? — Ее голос дрогнул.

Эрвин кивнул. На добытую пищу он старался не смотреть. Не в силах отвести взгляд от ладони Эрвина, Кристи замотала головой.

— Я не могу их взять...

— Мне силой тебя кормить? — В голосе Эрвина прозвучала злость. — Ешь быстрее, пока никто не видит.

Этот последний толчок разрушил хлипкую запруду гордости. В одну секунду от трех пропахших мужским потом жалких созданий не осталось и следа.

— Спасибо...

— После будешь благодарить, на Счастливых островах, — проворчал Эрвин. — А пока считай, что я это сделал из эгоизма. Сегодня ночью... придется поработать. Всем, даже Юсту. И тебе тоже. Так что шататься от голода погоди пока.

— А потом? — спросила Кристи.

— Что потом?

— Ты пресмыкался перед Юстом только для того, чтобы вместе перейти Гнилую мель? Потом мы уйдем от него, да?

Эрвин пожал плечами.

— Там посмотрим.

Треск ломаемых кустов — и луч фонарика выхватил из темноты коренастую человеческую фигуру. Над кустами возникли головы и плечи еще нескольких.

Даже многих.

В единый миг надежда обмануть карауливших рассыпалась в труху. Напрасно сделали обманный зигзаг, до захода последней из лун двигаясь к Гнилой мели наискось на север и уже при свете одних только звезд резко повернув к югу.

Начинался прилив. Зыбун медленно поднимался вместе с кустами. Влажный мох под ногами превращался в зыбучее месиво.

Веревка ослабла — Валентин подался назад. Юст выругался и сплюнул.

Выступивший вперед человек был одет в лохмотья, но все-таки не гол, чего нельзя было сказать о его спутниках. Но спутанные бороды у всех равно спускались на грудь, и корка засохшей грязи равно покрывала лица.

— Меня зовут Крюк. Просто Крюк, понятно? Я тут главный.

— Рад познакомиться, — оскалился Юст. — Ты там главный, а я тут.

— За право ступить на мою землю вы отдадите мне одну женщину, пять крепких ножей и всю веревку, — продолжал Крюк, не обращая внимания. — Ваше право жить среди нас обойдется вам еще в два ножа, два топора, семь шестов и этот ящик. Наконец, за то, что вы пытались обмануть нас и увильнуть от пошлины, вы заплатите штраф: отдадите обеих женщин, все оружие, всю одежду и все ваши вещи, кроме мисок. Миски оставьте себе.

— Ха! — бешено крикнул Юст.

— Мы не собираемся у вас оставаться, — высоким и как бы жалующимся голосом встрял Джоб. — Сами живите на Гнилой мели! Мы пойдем к Счастливым островам.

Крюк засмеялся. Загоготали, заухали, заперхали его подручные.

— Туда многие уходили, а вернулись только те, кто видел, как подыхали их дружки, — объяснил он, отсмеявшись. — Кто хочет жить, живет здесь. Мы никого не гоним и никого не держим, кроме баб. Надоело жить — иди хоть на материк, хоть к Счастливым островам.

— Это без снаряжения-то? — крикнула Лейла.

Вопрос позабавил аборигенов — в кустах снова заухали. Кто-то залился было радостным смехом с привизгом, но сейчас же подавился хриплым кашлем.

— Конечно, без, — снисходительно усмехнулся Крюк под одобрительное хрюканье подпевал. — Зачем добру пропадать вместе с вами? К тебе, девка, это, кстати, не относится.

— Бери баб и дай пройти нам, — угрюмо высказался Юст.

— Нет! — Кристи дернулась и натянула веревку. Лейла зашипела на вдохе.

И снова — хрюканье в кустах.

— Не торгуйся, малыш. — Крюк картинно погрозил пальцем. — Ты знаешь цену.

Не прячась Юст в кромешной темноте — и тогда было бы ясно: он колеблется.

— Нам надо посоветоваться и решить.

— Здесь решаешь не ты.

По знаку главаря вновь затрещали кусты — выломившись из зарослей, аборигены Гнилой мели споро и привычно брали новоприбывших в кольцо. Их было десятка полтора. Только один из них приволок с собой самодельную пику из шеста и ножа — прочие поигрывали бичами.

— Режь веревки! — неожиданно и дико закричал Эрвин. — Ничего не бросать! Сдвинься теснее!

Оттолкнутый в сторону Валентин едва устоял на ногах, а фонарик из его руки был выхвачен. Эрвин коротко хакнул. Крюк заморгал, ослепленный конусом света, попытался заслонить глаза рукой, отшатнулся назад и с хрипом схватился за шест, ударивший его в грудь и почему-то не отскочивший. По мере того как шест опускался под собственной тяжестью, а Крюк медленно заваливался навзничь, пятнадцать сантиметров стали, вошедшие ему в подреберье, описывали дугу, расширяя и без того смертельную рану.

Мощного рывка, на который, видимо, рассчитывал Эрвин, надеясь успеть подобрать брошенное с десяти шагов оружие, не получилось: разгонный толчок вогнал ногу вместе с мокроступом по колено в зыбун. Зато опомнился Юст. Его бич свистнул едва ли не раньше бичей грабителей. В непроглядной тьме кто-то взвыл дурным голосом. С рыком, похожим на рев действующего гейзера, Юст прыгнул вперед, заняв подобающее вожаку место на острие прорыва.

Грабители попятились. Нет, они не отказались от лакомой добычи, но поножовщина их ничуть не привлекала. Два-три удачных удара бичом издали — и делай с жертвой что угодно, она уже не поднимется. А поднимется, так все равно истечет кровью и далеко не уйдет.

Бичами они владели умело. Подобно собаке, чья лапа хрустнула на зубах конкурента в драке за пищу, скуляще взвыл Валентин. Фонарик выпал из руки Эрвина, рвущего ногу из цепкой трясины, и упал в грязь. Вскрикнул Обермайер.

— В кусты-ы-ы! — стонал Эрвин, получивший режущий удар бичом, и сам хлестал в ответ, рискуя задеть своих.

Вопли, стоны, хриплый ор... Свист бичей. Длинный поросший визг. Выброшенная наугад пика входит в мягкое, уда-

ривший бьет еще раз, не понимая, что орудует уже не пикой, а половинкой шеста, вторая же половинка с примотанным ножом, сбритая ударом бича, осталась неведомо где.

Наступая друг другу на пятки, сослепу ввалились в непролазь зарослей, колыхающихся вместе с зыбуном, но успели, успели продраться, проломиться сквозь самую гущу живым, терзаемым корявыми ветвями тараном и не дали снова замкнуть себя в кольцо.

Словно спина исполинского дышащего животного, ворочалась под двадцатью парами ног переплетенная корнями полутвердь-полухлябь, оторванная приливом от каменного дна. Трещали кусты, хрипели и дрались люди. Кристи вскользь ожгло бичом, и сейчас же кто-то голый, грязный, невыносимо зловонный налетел на нее из темноты, попытался сбить с ног...

Закричав, она оттолкнула его и сама удивилась, когда нападавший, потеряв равновесие, шлепнулся в грязь и очень некстати для себя задергался, зашелся хриплым кашлем. Вскрикнув еще громче и страшнее, Кристи пырнула его острым обломком шеста, стараясь попасть в живот, и попала. Исступленная радость убийства заставила ее ударить еще раз и еще, пока укол чьей-то уцелевшей пики не заставил дергающееся тело скорчиться и замереть. Тогда она увидела, что драться больше не с кем.

Хлестал бичом Эрвин, добывая кого-то визжащего. Юст крушил кусты топором, и в кустах вопили, пытаясь отползти. Сопящий Ян Обермайер с миссионерским усердием втаптывал в грязь чье-то бьющееся, пускающее пузыри тело, и хромота не была ему помехой.

Уцелевшие грабители вовсе не хотели умирать. Они вечно цеплялись за жизнь, называли жизнью собственное гниение на относительно безопасном участке посреди Саргассова болота и тысячу раз были готовы купить такую жизнь ценой чужой жизни. Десятки раз им удавалось обирать новоприбывших до нитки, и это было хорошо, потому что увеличивало шансы прожить подольше, может быть, лишний год или два. Иногда они встречали отпор, и это было плохо, потому что уменьшало шансы на выживание. Тогда лучше было отступить

и дожидаться более удобного момента. А может быть — такое тоже случилось — признать жоака пришельцев своим новым жоаком.

— Хватит! — рыдающе воскликнула Кристи. — Да хватит же!

В корявых зарослях вскрикнули особенно пронзительно и смолкли. Тяжело дыша, из кустов выдрался Юст.

— Бегом! — выдохнул он. — Кто отстанет — пожалеет!

Когда бежать стало невозможно, задыхаясь, повалились друг на друга. До восточного края Гнилой мели было еще далеко, но каждый был готов кричать от радости и кричал бы, если бы воздух, со свистом врывающийся в легкие, не причинял такой боли, если бы не плыли перед глазами круги — багровые и зеленые...

И если бы каждый не был уверен: первое нападение не станет последним.

— Все здесь? — скорее простонал, нежели прорычал Юст.

Все были здесь, даже хромой Обермайер. Все, кроме Лейлы. Из оружия удалось сохранить один бич, один топорик, две пики и острый обломок шеста Кристи. Что было совсем удивительно, уцелел даже помятый ящик, влекомый на буксире по кустам и кочкам.

Не было только Лейлы. Когда она исчезла — во время боя или позже, во время бегства, — не мог сказать никто.

Глава 8. ШЕСТЬ ПЛЮС ОДИН

— А ты, оказывается, герой, — хрипло выдохнула Кристи. Эрвин тоже не мог отдышаться и поминутно сплевывал.

— Приходится... Я боялся... что Юст попытается... прорваться назад в болото. И попытать счастья в другом месте. Так... ох... так, наверно, другие и делали. Заметила, как Крюк удивился?

— Заметила, как он умер.

— Да, но удивиться он все-таки успел...

— Может быть... Самое главное, что он покойник, а мы прорвались.

Эрвин помотал головой, и от этого движения на лицо Кристи упала капля то ли крови, то ли жидкой грязи.

— Ты думаешь, его некому заменить? И считаешь, что на Гнилой мели только один пахан?

— Она слишком велика для этого?

— Да. Не разговаривай, дыши... Сейчас опять рванем. Чем быстрее проскочим мель, тем живее будем, это даже Юст понимает...

До восхода первой луны успели отмахать километров пять, ориентируясь по звездам. Должно быть, в сухой сезон на Гнилой мели не везде хлюпало под ногами, но большой прилив превратил ее в сплошное месиво грязи. Продирались вслепую, напролом, то и дело застревая в кустах, проваливаясь в неожиданные ямы, хрипя и ругаясь. Не раз и не два Кристи казалось, что кто-то осторожно и ловко движется параллельно, ни на минуту не упуская из виду крохотный отряд и оставаясь невидимым сам. Она не знала, так ли это было на самом деле.

За час до рассвета все почувствовали, что идти стало легче. Прилив пошел на спад, а в небо выползла вторая луна. Кусты здесь росли не так густо, что давало надежду избежать внезапного нападения. И все же люди не останавливались, даже Обермайер не заикался о привале и ковылял из последних сил.

А потом в миазмы Гнилой топи вплелся иной, полузабытый запах, и среди куп кустов мелькнул дрожащий огонек.

— Костер... — сипло выдохнул Валентин и всхлипнул.

Это действительно был костер, и три голых человекоподобных существа сидели вокруг него на корточках. При первом треске ломаемых кустов они вскочили, дико озираясь, и одно из них схватило бич.

— Ловушка, — безнадежно предположила Кристи, ловя запахи и чувствуя, как ее рот неудержимо наполняется слюной. Сейчас ей больше всего на свете хотелось ошибиться. Ну пусть кто-нибудь возразит ей и высмеет ее! Пусть хоть раз случится чудо и болото сжалится над людьми!..

— Они сами боятся, — возразил Эрвин, снимая с плеча бич.

И верно: увидев шестерых, не расположенных шутить, трое не стали испытывать судьбу и, быстро похватав что-то разло-

женное возле костра, наперегонки кинулись туда, где кусты росли погуще. Двое из троих хромали, кажется, на обе ноги, и Кристи мельком подумала, что даже теперь смогла бы, пожалуй, обставить их. Ревматизм у них, что ли? Наверное. Гнилая мель — все-таки не остров...

— Мясо! — алчно выдохнул Джоб.

— Да, — бесцветно подтвердил Эрвин. — Тоже мясо.

Костер больше дымил, чем горел. В дыму коптился надевший на палку окорок, явно принадлежавший самому хищному существу, обитающему на Хляби. Правда, не самому удачливому экземпляру.

— Вот такая, значит, здесь жизнь, — сдавленно произнесла Кристи, отвернувшись от копченой человечины. — Такое, значит, право предлагал нам купить этот Крюк...

— А ты что думала? — рявкнул Юст. — Отдали бы мы им оружие — тут бы нам и конец.

— На Гнилой мели полно народу, всех головастиками не прокормишь, — подтвердил Эрвин и добавил: — Я подсчитал.

— Заткни хайло, умник! — Юст угрожающе двинулся к Эрвину. — Будешь вякать тогда, когда тебя об этом попросят. Понял, нет?

— Понял.

— Поди сюда.

Эрвин покорно подошел и покорно повернулся спиной, повинувшись короткому приказу. Юст поколебался и сплюнул под ноги.

— Пшел вон. Ты! — Кивок в сторону Валентина. — Бери это мясо, клади в рюкзак. Отвечаешь за него башкой, понял? Казалось, Валентин вот-вот захнычет, как ребенок.

— Почему я?!

— Заткнись и делай. Повторять не стану.

Какие движения души отражались на лице Валентина, когда он выполнял приказ, рассмотреть не удалось: большая луна скрылась за облаком.

— Так нельзя, — шепнула Кристи, сглотнув слюну. — Я не стану это есть. Оно когда-то было человеком.

— Сначала человеком, потом изгнанником, потом дичью, — констатировал Эрвин. — А теперь это мясо. Просто мясо.

* * *

На рассвете удалось взять языка. Голое худосочное создание, сплошь покрытое грязью и фурункулами, пыталось ударить на ревматических ногах, но было схвачено, за звериный вой получило удар по зубам и обещание, что не будет убито и съедено, если начнет говорить членораздельно.

Пленника звали Марк Вонючка, его фамилией никто не поинтересовался. Давно ли он живет здесь? Очень давно. Может быть, полтора года, а может, и два. Он не помнит. Кому это надо — считать время? На Хляби нет смены времен года, а считать дни — глупое занятие. Удалось поесть и увильнуть от охотников за человечиной — ну и жив. Далеко ли восточный край Гнилой мели? Нет, совсем недалеко, говорил пленник, принюхиваясь к рюкзачку Валентина. Он с удовольствием проводит, если ему дадут немного поесть...

— А жив остаться хочешь? — усмешливо спросил Юст, поигрывая топориком, после чего пленник выразил готовность вести эту странную шестерку, куда прикажут, не задавая лишних вопросов и не докучая просьбами.

В самом деле, часа через два под ногами привычно заколыхался болотный ковер. За это время путники трижды видели вдали небольшие шайки аборигенов и не останавливались, понимая, что те не решатся напасть малым числом. Марк Вонючка подтвердил: грабители и охотники за человечиной предпочитают охотиться наверняка, и только самые могучие шайки вступают в схватки с противником, способным огрызнуться. Конечно, на Гнилой мели безопаснее, чем на болоте, язычников нет, и змей совсем мало, зато климат... Даже малая рана, нанесенная ножом или бичом, обязательно загноится и вряд ли когда-нибудь зарубцуется. Во всяком случае, он, Вонючка, таких случаев не знает. Бывает, от пустячной царапины люди живьем гниют, да только еще никому не удавалось спокойно догнить... Обезножишь — конец, ползи в кусты и помирай с голоду, если прежде не найдут. Когда бы с материка постоянно не гнали сюда все новых и новых дурачков, жизнь совсем была бы никуда: большие банды, вроде банды Крюка — не слыхали? — живо подъели бы одиночек, а потом принялись

бы друг за друга... Нет, кто из новичков посильнее и при оружии, те, конечно, устраиваются. Если набрать десятка полтора верных людей, можно отбить кусок на западном побережье — встречать новеньких. Он, Марк Вонючка, далеко не из самых худших, и пусть его проверят в деле, он не подкачает...

— Ты пойдешь с нами, — бросил Юст.

— Куда? — Замешательство Вонючки длилось недолго. Он с ужасом уставился на восток. — Туда-а?

— Туда. И заткнись. Сто-ой!!!

Отчаянному стартовому рывку Вонючки позавидовал бы любой чемпион по спринту. Правда, прыти в ревматических ногах хватило ненадолго, и через полминуты пленник был достигнут и сбит с ног.

— Я не люблю повторять дважды, — процедил Юст.

— Никто... — Вонючка задыхался, растратив на рывок весь небогатый запас сил. — Никто еще не доходил до Счастливых островов...

— А ты откуда знаешь? — прищурился подошедший Эрвин.

— Никто... — Пленник не слышал. — Лучше уж здесь...

— Побежишь еще раз — и вправду останешься здесь, — сказал Юст. — Но сначала я ударю тебя бичом, запомни. Ударю сильно, чтобы ты не так долго гнил. Я не садист. Ты понял? Повтори.

— Я пойду. — Вонючка усиленно закивал.

— Ты пойдешь первым.

У последней купы кустов остановились наломать корявых веток, чересчур ломких, чтобы послужить добротным материалом для починки уцелевших мокроступов и плетения новых взамен потерянных, но выбирать не приходилось. Ведь выходят же аборигены на болото промышлять головастиков? Выходят. И не босыми. Лучше иметь плохую вещь, чем ничего.

Еще до полудня изнемогли все. Чуть только Юст объявил привал, как люди попадали кто где. Вонючка, выбившийся из сил раньше других, моментально заснул, свернувшись вроде эмбриона. Болото здесь было почти таким же, как до Гнилой мели, и зыбун гнулся и пружинил под тяжестью тела. Уронив голову во вдавленную руками ямку, Джоб жадно хлебал соле-

ную торфяную бурду. После ночного броска через Гнилую мель люди напоминали огромные, слабо шевелящиеся комья грязи.

— Может, ты бросишь наконец этот ящик? — едва слышно просипела Кристи, не уверенная, что Эрвин услышит. Но он услышал и отрицательно замотал головой.

Она впала в забытие, даже не удивившись тому, что ей уже не хочется ни есть, ни пить, ни жить. Только спать. Ее жалили кусачие насекомые — она не чувствовала укусов. Ей было все равно, проснется она или нет.

Однако она проснулась, когда Эрвин потряс ее за плечо, и поняла, что надо встать и идти. Валентин и Джоб уже стояли на ногах. Юст пинками будил Вонючку. Кряхтя, стараясь зря не тревожить раненую ногу, поднимался Обермайер. Солнце понемногу клонилось к закату, но до темноты еще оставалось несколько часов, а значит, можно было пройти еще несколько километров и устроиться на ночевку чуть-чуть ближе к Счастливым островам.

— Вот где болото начинается, — сказал Эрвин.

За час до заката все заметили, что идти стало труднее. С каждой сотней шагов болото становилось все менее проходимым. В иных местах непрочный растительный ковер тонул под ногами, и люди шли по колено в бурой жиже. Провалился и с трудом был вытасчен Джоб. Теперь уползающий за горизонт краешек солнца ясно освещал обширное топкое пространство, раскинувшееся на востоке. Где оно кончается, разглядеть не удавалось.

— Ночуем здесь, — скомандовал Юст, указав на относительно прочное место. — Завтра мы пройдем эту дрянь.

— Завтра надо повернуть, — неожиданно для всех заявил Вонючка.

Губы Юста искривились в саркастической усмешке.

— Назад на Гнилую мель?

— Не назад. — Вонючка старательно замотал головой. — То есть чуток назад, понятно, а там направо или налево. Все равно. Впереди сплошняком топи, прохода нет. Я помню, я ходил... давно когда-то...

— Думаешь, правее или левее есть проход?

— Я не знаю... Может, и есть. Только идти надо долго, несколько дней.

Юст выругался.

— Ты уверен? — спросил Эрвин.

— Еще час пути прямо, и все равно придется возвращаться. Только будет гораздо труднее. Там такая жижа... — Вонючку передернуло.

— А в других местах?

— Не знаю, можно ли пройти там или там, — Вонючка махнул рукой на север и на юг, — но прямо идти нельзя, это точно. Умные здесь не ходят, а глупые тонут. Ну конечно, бывает, что возвращаются чуть живые. Иной раз сидишь себе, смотришь на болото — оттуда еда ползет... Зато помню, однажды собралось человек пятнадцать, сразу двинули на север. Обошли они топь или нет, не знаю, а только больше их на Гнилой мели никто не видел. Может, и дошел кто до Счастливых островов...

— Значит, надо идти вдоль Гнилой мели? — ласково спросил Юст. — Сбежать захотел? — В ответ Вонючка мелко-мелко затряс головой. — Нет? Умный мальчик. Завтра мы пойдем прямо на восток, и ты пойдешь первым. Усвоил?

Вонючка обреченно взглянул на восток и закивал.

В лунном свете Юст разделил еду. Вонючке досталась кость с ошметками мяса, и он набросился на нее по-волчьи, урча и подвывая. Остальные вели себя более сдержанно. Юст первым подал пример, вонзив зубы в копченую человечину.

— Я не стану это есть! — резко заявила Кристи.

— Твои проблемы. — Некоторое время Юст пребывал в размышлении, не съесть ли ему прямо сейчас второй кусок, затем, раздумав, бросил его обратно в рюкзачок и затащил горловину. — Дежуришь первая — ты. И ты, — кивнул он на Джоба. — Если этот, — кивок в сторону Вонючки, — ночью удерет, пеняйте на себя.

Эрвину выпало дежурить с Обермайером вторую половину ночи. Мучимый икотой, он с трудом заснул на куче мокрых водорослей, но спустя час проснулся и довольно хмыкнул, увидев, что спят только Юст и Валентин. Остальные сгрудились вокруг ящика и о чем-то шептались.

— Стоит начать, и дальше это уже не остановить, — разобрал он голос Кристи. — Кто станет следующим, когда у всех подведет животы? Вонючка? А может быть, ты или я?

Эрвин встал и, разминая затекшие мышцы, подошел к шепчущимся.

— Не спится, — благодушно сообщил он. — Кто хочет спать, ложитесь на мое место. Я подежурю.

— Они хотят уйти, — робко сообщил Джоб, указав на Вонючку и Обермайера. Он явно колебался, не зная, стоит ли вопить, поднимая тревогу.

— О! — удивился Эрвин. — Вдвоем?

— Я говорил с ним о Господе Вездесущем, и он понял, — низко пророкотал Обермайер. — Пока человек не чувствует Бога повсюду, а главное, в себе, он только червь. Марк первый в моей пастве. Вместе с ним я вернусь на Гнилую мель и буду проповедовать истину. Господь Вездесущий дал нам с тобой разные дороги. Хромому не дойти до Счастливых островов, а проповеднику не должно искать счастья вдали от заблудших душ. Господь Вездесущий указал мне мое настоящее место, и не мне с ним спорить.

Эрвин поскреб в голове и стряхнул с руки ком грязи.

— Ты не передумаешь?

Ян Обермайер медленно покачал головой.

— Желаю вам всем дойти до Счастливых островов.

— Желаю тебе не быть съеденным в первый же день, — негромко сказал Эрвин. — Постой... Оставь шест, он тебе не нужен. Иначе я разбужу Юста. Так хочет Господь Вездесущий.

— Бери, червь. — Шест воткнулся в кочку, качнулся и замер в наклонном положении. Зачавкал зыбун под осторожными шагами. Некоторое время было видно, как два нечетких силуэта — человека голого и человека, одетого в лохмотья, — уходят на запад, к тонкому серпу заходящей средней луны. Потом они исчезли из виду.

Первым нарушил молчание Джоб.

— Юст... — сказал он жалобно и вздрогнул всем телом.

— С Юстом придется объясняться тебе, — объявил Эрвин. — Мы с Кристи тоже уходим.

— Как? — выдавил Джоб и вздрогнул еще раз.

— Пешком. Мы вольные люди, разве нет? Кстати, мы заберем свое имущество и этот шест. Сейчас отойдем немного и дождемся утра. А утром двинемся разными дорогами.

Кристи заморгала. Эрвин выглядел таким же, как всегда, с поправкой на оборванность, грязь и растущую щетину. Скучный, заурядный и непостижимый. И однако же она все еще жива только благодаря ему.

Интересно знать: о чем он беседовал с Валентином и Джобом в ночь перед Гнилой мелью?

— У нас нет даже ножа, — шепнула Кристи. — Правда, у тебя есть бич...

— Вот именно. Бич в драке лучше топора.

— Ты еще скажи, что подсчитал, как на болоте можно обойтись без ножа...

— Я подсчитал другое. Идем.

Он потянул за веревку, и помятый ящик, тихо шурша, пополз за ним по гнилым водорослям. Помедлив, двинулась и Кристи.

Джоб смотрел им вслед. Он так и не решился поднять тревогу.

К удивлению Кристи, уже через какую-нибудь сотню шагов Эрвин начал искать место понадежнее и, найдя его, сел на ящик, кивком предложив Кристи последовать его примеру.

— Поспи, если хочешь. А я буду ждать.

— Утра? — спросила Кристи, положив голову ему на плечо, и зевнула.

— Гостей.

Гостя выдало колыхание зыбуна. Разбуженный Джобом Валентин едва не прошлепал мокроступами мимо, как видно, убежденный, что Эрвин выбрал место на гораздо большем расстоянии от общего бивака.

— Значит, уходите? — выдохнул он.

— Извини, что не попрощались, — отозвался Эрвин. — Не хотели будить. Тебя Юст послал?

Несколько секунд Валентин о чем-то напряженно думал. Затем, видно, решил взять быка за рога:

— Он не Юст Полярный Волк. Настоящего Юста на Гнилой мели должны были узнать. Настоящий Юст не отдал бы

свою женщину. Настоящий в три дня прибрал бы к рукам местную шваль. Если бы ему захотелось пойти к Счастливым островам, он погнал бы перед собой сотню шестерок, чтобы насытить язычников и расчистить путь, и скорее всего дошел бы! А может, нашел бы способ вернуться на материк — поквитаться...

— Допустим. — Эрвин усмехнулся. — Но какое мне до всего этого дело?

— Ты еще не понял? — Валентин кривил губы, и корка грязи шевелилась и трескалась на его щетине. — Он легко отдал Лейлу, отдаст и нас. Гнилую мель мы прошли, ему теперь от толпы проку нет. Он всех нас сдаст по дешевке кому угодно: змеям, язычникам, местным дикарям на мясо... если только не утопит завтра в трясине.

— Вас, — поправил Эрвин. — Вас, а не нас. Мы пойдем так, как сказал Вонючка. А Юст пусть идет прямо. Трясины там хватит на миллион Юстов.

— Ты никуда не уйдешь отсюда? Я сейчас.

И хотя Эрвин отрицательно покачал головой, Валентин торопился, точно боясь, что Эрвин передумает и все-таки уйдет.

— Я опять тебя не понимаю, — сказала Кристи.

— Разве? По-моему, все яснее ясного.

Кристи замотала головой.

— Тебя трудно понять. Сперва мы идем вдвоем и не позволяем себя ограбить. Потом присоединяемся к Юсту, терпим унижения и рискуем гораздо больше, чем нам нужно. Ты дерешься с людоедами на Гнилой мели и сам ешь человечину... — Кристи передернуло. — Я думала, мы сразу покинем Юста и остальных, как только снова окажемся на болоте. Почему мы не ушли сразу?

— Напомни, что я сказал тебе насчет этого перед Гнилой мелью.

— По-моему, ты сказал «посмотрим», только и всего.

— Вот именно, — хмыкнул Эрвин. — Посмотрим, кто уйдет, а кто останется.

Валентин вернулся не один, а с Джобом.

— Мы хотим пойти с вами, — сказал Валентин, и Джоб усиленно закивал. — Можно?

Эрвин задумчиво щипал пальцами оттопыренную нижнюю губу.

— Какое у вас оружие?

— У нас есть нож, — быстро ответил Валентин.

— Один нож на двоих? — Эрвин саркастически усмехнулся. — И ни одного шеста? А сколько у вас веревки?

— Остальное у Юста. — Джоб развел руками. — Второй нож, топорик, шест. Он спит с барахлом в обнимку.

Общее молчание нарушало только одышливое дыхание Джоба. Эрвин продолжал щипать губу.

— Это надо решить, — сказал Валентин, и Джоб снова кивнул, соглашаясь. — Сегодня же решить. Лучше прямо сейчас.

Оба смотрели на Эрвина. Первым, не выдержав встречного взгляда, отвел глаза Джоб.

— Это не мое дело, — бесцветным голосом сказал Эрвин.

— Верно, — понимающе хмыкнул Валентин, — это наше дело. Пошли, бухгалтер.

Зыбун заколыхался под двумя парами мокроступов и успокоился. Два силуэта растаяли. На болото ложился туман.

— Они не прогонят его, — сказала Кристи. — У них духу не хватит ограбить и прогнать. Они собираются убить его, да? Сонного?

— Это не мое дело.

— Вот как? Какое же дело, любопытно знать, ты считаешь своим? — почти крикнула Кристи.

Эрвин улыбнулся, и несколько чешуек грязи упали с его лица.

— Не шуми, там человек спит. Какое мое дело? Дойти до Счастливых островов, только и всего. Дойти самому и довести тех, кто хочет туда дойти, понятно? Тебя, например.

Двое ушедших вернулись минут через десять, когда Эрвин уже начал проявлять признаки нетерпения.

— Юст? — спросила Кристи.

— Уснул и не проснулся, это бывает, — объявил Валентин. У него дрожали руки.

Джоб усиленно закивал, подтверждая, и, протянув Эрвину рюкзачок, искательно заглянул в глаза.

— Там нож и топорик. Все остальное тоже цело.

Эрвин благосклонно кивнул.

— Можете спать.

Когда оба заснули, он пошарил в рюкзачке и достал кусок подкопченного мяса.

— Ешь, — сказал он, протягивая кусок Кристи. Ей с трудом удалось заставить себя отвести от еды взгляд и изобразить гадливость.

— Я... я не могу, — сказала она и сглотнула.

— Ты должна. Иначе тебе не дойти до Счастливых остров. А я хочу, чтобы ты дошла.

— Зачем?

— Если тебе на себя уже наплевать, сделай хотя бы одолжение лично мне, ладно?

— Ты... правда хочешь, чтобы я дошла? — Кристи сморгнула непрошеную слезу.

— Да. Не спрашивай зачем. Мне так надо. Поверь, мы еще забудем весь этот кошмар. Бери и ешь, я отвернусь.

Холодное мясо пахло дымом и оказалось сладковатым на вкус. Разжевав с усилием первый кусочек, Кристи ожидала, что ее тут же мучительно вывернет наизнанку, однако этого не произошло. Кусок еды исчез удивительно быстро.

Глава 9. ЧЕТЫРЕ

Восемь дней спустя они были еще живы и упрямо шли на север, держась ничейной полосы между Гнилой мелью и полыней, больше похожей на море. Кое-где полоса расширялась до полутора дневных переходов, и путь уклонялся в сторону от Гнилой мели; в иных местах полоса сужалась до нескольких сотен метров, эти места старались пройти быстрее, избегая возможных встреч с людьми. На ночлег устраивались ближе к полыне, куда вряд ли часто заходили собиратели головастиков, всегда мучимые голодом и всегда готовые убить, чтобы насытиться.

Один раз путники были атакованы небольшим язычником, по суждению Эрвина, очень голодным, потому что он начал

атаку преждевременно и не сумел дотянуться языком до людей. Больше язычников не встретилось, вероятно, потому, что здесь не водились быстроногие стайные создания, служившие им пищей, а человеческий ресурс был ненадежен. Хищных растений не попадалось вовсе, зато змеи встречались в изобилии, и дежурным не приходилось скучать по ночам.

Гиблые топи по краю полыньи тянулись не сплошняком, но легче с того не стало. На темную торфяную воду, разлившуюся до горизонта, не хотелось и смотреть. Во время приливов она, вероятно, незаметно для глаза поднималась вместе с «берегом», но никому до этого не было дела. Тем, кто бродит по зыбуну, опасны не приливы, а совсем другое.

Запасных мокроступов больше не было, а те, что еще спасали путников от увязания, приходилось чинить каждый вечер. Лучше они от этого не становились.

Никто уже не жаловался на режущие боли в желудке — рези остались в прошлом вместе с пищей. Ловля головастиков давала самые ничтожные результаты. По примеру проповедника пытались есть комочки слизи, обирая их с ленточных водорослей.

Миазмы Гнилой мели ощущались и на расстоянии от нее; у всех четверых воспалились раны. Джоб едва плелся, держа ноги раскорячкой. Валентин надоедливо ныл и был готов забиться в истерике, как капризный ребенок. Нет, ему ничего особенного не нужно, но пусть Эрвин громко признает, что ошибся направлением. Сколько можно тащиться все на север да на север? Надо было двинуть на юг — небось уже давно обошли бы полынью. И почему, спрашивается, бросили в пищу змеям тело Юста? Были бы сейчас сыты. Ах, Кристи настояла, чтобы бросили? А кто она такая, Кристи, и по какому праву распоряжается? Сама ела человечину ничуть не меньше, чем другие. Вон Лейла слово боялась сказать без одобрения Юста, писк не решалась издать, не то что командовать! А эта шлюшка что творит? При правильном вожаке и порядки правильные, а при неправильном...

На восьмой день, когда его жалобы стали звучать в полный голос, Эрвин молча рассек ножом веревку.

— Иди ищи себе правильного вожака. Удачных поисков.

Целых полдня после этого Валентин не решался ныть.

На девятый день слева показался край темной полосы. Гнилая мель кончилась, а чудовищной полынье еще не было видно ни конца ни края.

— Наверное, многие доходили до этого места, — поделился соображениями Джоб. — Например, та компания, о которой говорил Вонючка. По идее, должны быть какие-то следы...

— Если эти люди сгнули, от них вряд ли остались следы, — оборвала его Кристи. — Болото все подберет. А если они как-то прошли, то следов не осталось тем более.

Через день заметили, что топкий берег мало-помалу поворачивает на восток, и приободрились. Но уже к вечеру того же дня путникам стало ясно, что они всего лишь вышли на мыс, а полынья простирается дальше на север. С оконечности мыса удалось разглядеть несколько островов и далекую полосу на востоке, отличающуюся цветом, — видимо, противоположный край полыньи. Но какой смысл видеть, если не можешь достичь?

Валентин и Джоб стояли потерянные. Упав без сил, Кристи разразилась горьким смехом.

— Дошли... Это я понимаю — дошли...

— Не мешай, — бросил Эрвин. — Я считаю.

Он больше ничего не сказал за весь вечер и не пошел ловить головастика. Но утром подозвал Кристи и указал на восток.

— Ничего не замечаешь?

— Нет.

— Острова сдвинулись. Я так и думал, что это просто обрывки болотного ковра. Они плавают.

— Собираешься переплыть на ту сторону на острове? Ты правда сумасшедший?

— Что, очень заметно? — улыбнулся Эрвин.

Кристи не приняла шутки.

— За один день не переплыть, а ночью нас отнесет назад. Если эти острова вообще двигаются, то их мотает туда-сюда. Ночью ветер дует с материка, днем — на материк.

— Умница, — похвалил Эрвин. — Это бриз. Если мы сумеем днем замедлить дрейф острова, общий результат будет в нашу пользу. У тебя есть иное решение?

— Идти на север! Когда-нибудь эта полынья кончится!

Эрвин покачал головой.

— К тому времени у нас могут кончиться силы. Еды нет, и дождей нет, как назло. Нельзя все время пить соленую бурду — опухнем и умрем.

— На Гнилой мели живут подолгу...

— Наверное, они тоже как-то собирают дождевую воду. И еще они едят человечину, а мы вроде больше не собираемся... Или собираемся?

— Нет! — крикнула Кристи. — Ни за что!

Всколыхнулась потревоженная память, кошмарное видение явилось наяву: ночь, треск кустов, тяжелое дыхание, свист бичей, крики, хрип и кашель... и старожилы Гнилой мели, грязные, голые, покрытые нарывами человекоподобные существа, стайные хищники, добычкики двуногой дичи... И зачем только Эрвин напомнил о них? Нельзя превращаться в таких существ даже ценой сохранения жизни. Лучше смерть, какой бы она ни была — медленной, от голода, или быстрой, в желудке болотного хищника.

— Ладно, — сказала она, тяжело дыша. — Говори, что ты придумал. Пока что мы здесь, а твои острова вон где.

— Мы вырежем остров сами. Думаю, ковер под нами не толще метра. Работа тяжелая, но выхода все равно нет. У нас есть топор и два ножа. Нам нужен очень небольшой островок, чтобы только держал четверых... или троих, если ты отказываешься плыть.

— Четверых, — решительно сказала Кристи. — Черт с тобой, я согласна. Когда начнем работу?

— Прямо сейчас.

На рассвете Эрвин столкнул в воду сооружение безобразного вида и сомнительной эффективности — все тот же памятный ящик с двумя шестами, привязанными к боковой стороне для плавучести и устойчивости. Черпнув черной воды, ящик лег набок и исчез с поверхности. Шесты остались на плаву.

Медленно-медленно натягивалась веревка, привязанная другим концом к обломку шеста Кристи, на две трети вбитому в островок. Натянулась. Обломок шеста чуть накренился. Теперь оставалось только надеяться, что от самодельного плавучего якоря будет какой-то прок.

За ночь островок отнесло от мыса довольно далеко, но восточный берег, казалось, ничуть не приблизился. Измученные люди приняли этот факт почти равнодушно.

Островок имел треугольную форму, был мал и не любил, когда кто-нибудь подходил к его краю. Под тяжестью пяти-шести человек он наверняка затонул бы, но четверых держал сносно. Никто не заикнулся о том, что его надежности вовсе не помешали бы более солидные размеры. Даже ноющий Валентин не трогал эту тему, хорошо помня вчерашний каторжный труд и тупое отчаяние: не успеть до ночи, не успеть...

Успели. Выиграли один день.

— Я дежурю первый, — объявил Эрвин, зевнув с прискуливанием, и потер воспаленные глаза. — Остальным предлагаю лечь спать. Кстати, парусность будет меньше. Вторая смена — Кристи, далее Валентин, за ним Джоб.

Вскоре он привалился спиной к шесту и сам задремал. Вережка оставалась натянутой, а это значило, что все идет как надо.

Он очнулся, когда похожее на раскаленный медяк солнце уже перевалило через зенит, и с беспокойством огляделся. Все спали. Высоко в небе кружили две черные твари; на воде было спокойно. Мыс немного приблизился и сместился вбок. Несмотря на плавучий якорь, плот все-таки мало-помалу сносило на запад.

По идее, уже наступило время дежурства Валентина, но Эрвин решил разбудить Кристи. Пусть нытик выпится, от этого всем будет только польза.

Кристи спала на спине, и многдневная, не раз возобновленная защитная корка грязи на ее лице растрескалась под лучами солнца. Проснувшись, она первым делом захотела умыться.

— Кровососов здесь уже нет...

— Кому что, — философски заметил Эрвин. Он хотел добавить еще что-то, но смолчал.

— Тебе тоже надо промыть раны.

— Уже промыл. Ты поосторожнее там на краю...

— Я знаю.

Только покончив с туалетом, молодая женщина обвела глазами пространство вокруг дрейфующего островка и сердито хмыкнула:

— Тут нам неделю плыть...

— Поменьше. Дня три-четыре, пожалуй. Если только не налетит шторм с океана и не выбросит нас обратно на западный берег.

— Если прежде не растреплет этот лоскуток в клочья...

— Приятно побеседовать с умной женщиной, — кивнул Эрвин и указал глазами на спящих. — Ты только при них этого не говори, хорошо? Пусть не дергаются.

— Ладно.

— А знаешь, — вдруг сказал Эрвин, — ты красивая.

— Ого! — прищурилась Кристи. — Это ново. А кто говорил: ноги, мол, кривые?

— Так я же не на ноги смотрю...

Он потрогал веревку. Сейчас она была натянута сильнее — бриз усиливался. Мелкие сердитые волны мочалили край островка. Очень медленно, но неотвратимо шел попятный дрейф.

— Можно кидать эту штуку впереди острова и подтягивать за веревку! — вдруг осенило Кристи. Она даже вскочила. — Понимаешь, о чем я? Мы и днем сможем плыть вперед! Или хотя бы держаться на месте!

Эрвин прищурился и почесал за ухом.

— Неплохо придумано, — признал он. — Как ни странно, мне это в голову не приходило. Оно, правда, и к лучшему.

— Почему?

— Для такой работы нужны двое, а двоих край островка не выдержит. Это раз. Кроме того, нашумим, набултыхаем и наверняка привлечем чье-нибудь внимание. Это два. Я не знаю, какие твари плавают под нами, да и не хочу знать. И последнее: мы устали, и у нас нет еды. Вряд ли на том берегу стоят

мясные склады, поэтому лучше не надрывать, а спать. Чем больше, тем лучше.

Он и вправду уснул вновь, наглядно показав, что намерен беречь силы, сколько бы их ни осталось.

На закате наступил штиль. Когда веревка провисла, плавучий якорь подтянули к островку и с большим трудом выволокли на зыбкую поверхность. Валентина так и не стала будить, он проспал весь день и проснулся сам от вечерней свежести.

Ночью задул ветер с материка. Можно было не дежурить — в полынье не водились змеи, а в случае нападения из-под воды крупного хищника шансы спастись равнялись нулю, дежурь не дежурь, — но люди спали мало. Они почти не разговаривали, только Джоб бормотал себе под нос что-то неразборчивое, вероятно, моля богов местных стихий послать ветер покрепче, да поскуливал Валентин, кутаясь в лохмотья рубы.

Должно быть, Джоб молился не зря: к утру восточный край полыньи различался яснее и четче западного. Утренний штиль выгладил полынью — ни волны, ни ряби. Асфальтово поблескивала черная вода. С первым дуновением встречного ветерка опять столкнули в воду плавучий якорь и долго смотрели, как разматывается и натягивается веревка.

Новый день не принес особых тревог. Джоб уверял, будто мельком видел в воде далеко от островка что-то большое, но не смог описать, на что оно было похоже. Он сам не был уверен, что не галлюцинировал. В дежурство Валентина над островком упорно кружились несколько крупных крылатых тварей, и он счел за благо разбудить остальных. Твари так и не напали. Эрвин уверенно заявил, что они принадлежат к какому-то иному, еще не знакомому путникам виду. Может быть, они лишены и бритвенных кромок на крыльях?

— Стервятники, — мрачно предположил Валентин. — Ждут. Все с ним молча согласилось.

— Не дождутся, — отрезала Кристи, но ее слова прозвучали как-то не очень убедительно.

Ночной бриз был хорош, но все же недостаточен для окончания дрейфа. На рассвете островок замер в нескольких сот-

нях метров от цели. Спустя час он медленно поплыл назад, таща за собой плавучий якорь.

По мере того как удалялся восточный берег, людьми овладела апатия. Эрвин через силу говорил бодрые слова, но не мог расшевелить никого. С ним соглашались — да, остались лишь сутки дрейфа, все идет хорошо, — и снова впадали в молчаливое уныние. Их можно было хлестать бичом — они лишь вздрагивали бы под ударами, не двигаясь с места.

Они были правы — по-своему, но правы. Эрвин с раздражением понял, что и сам ждал чуда и едва не обиделся, как ребенок, осознав, что сегодня островок ну никак не достигнет берега. Что ж... это пройдет. У всех до единого. Это должно пройти завтра утром... если только с океана не притащится циклон... уму непостижимо, сколько времени держится хорошая погода...

В пору было молиться, как Джобу.

Он проснулся от крика, полного отчаяния. Примерно так же кричал Хайме, схваченный язычником. Но на этот раз кричали двое — Кристи и Валентин. Джоб молчал, уткнув лицо в колени. Спина его мелко вздрагивала.

Эрвин понял все. Во время дежурства Джоба плот потерял плавучий якорь. Джоб заснул, не подперев собою шест. Мало-помалу тот наклонялся, пока узел не соскользнул с него и веревка не уползла в чернильную воду.

Островок довольно далеко отнесло на восток. Плавучего якоря нигде не было видно.

Джоб шевельнулся, приоткрыл воспаленный глаз, встретился взглядом с Эрвином и прикрыл голову руками.

— Успокойся, — с ненавистью сказал Эрвин. — Ты виноват, но мы не станем тебя наказывать. Это все голод и усталость.

— Да? — рыдающе воскликнул Валентин. — А что мы делать будем, а? Помирать? Скажи, умник!.. Я три дня не ел! Тянуть жребий — кого первого?..

— Заткнись. Если погода не изменится, нас все равно принесет куда надо. Только не так быстро.

— Это почему? — без особой надежды в голосе спросила Кристи.

— Волны. Мы ближе к восточному берегу, а значит, волны с запада будут выше и круче восточных. Там у них больше простора для роста. Паршивый, а движитель.

— Теоретик! — скривился Валентин.

— Закройся и спи. Ночью у всех будет занятие: высматривать наши шесты с ящиком. Быть может, сумеем поймать.

Ночь обманула надежды: с запада приволокло сплошную облачность, погасившую лунный свет. Несколько раз начинал моросить дождь, и люди, жалея о пропавшем ящике, собирали дождевую влагу в миски, ловили ее прямо ртом. Каждому удалось набрать по глотку, не больше.

К рассвету островок находился еще дальше от берега, чем вчера, но продолжал едва заметно двигаться на восток. Западный ветер еще не иссяк, но дул неуверенными порывами с большими паузами, словно раздумывая: а стоит ли стараться?

Еще до полудня он стих окончательно. Над темной водой повисла волглая морось — не туман и не дождь.

Потерянный плавучий якорь так и не был замечен.

«Шагов четыреста», — прикинул Эрвин расстояние до берега и поймал себя на том, что Саргассово болото успело сильно изменить его понятие о шаге. Пожалуй, до цели оставалось метров сто пятьдесят.

В полдень морось начала падать косо. Ветер понемногу тащил размокший островок на запад.

— Придется подождать еще сутки, — со вздохом объявил Эрвин.

Джоб и Кристи приняли его слова безучастно, зато Валентин, казалось, только их и ждал.

— Сутки?! Да мы тут сдохнем! Ты взгляни, что у тебя под ногами! Через сутки эта твоя дрянь просто развалится!

— Меньше топчись, и не развалится, — холодно посоветовал Эрвин, уже понимая, что Валентин не успокоится. Чересчур взвинчен. Сил осталось как раз на одну хорошую истерику.

— Это ты нас сюда затащил! Ты-ы-ы!..

Обвинение было столь нелепым, что Эрвин не сдержался:

— Я все рассчитал правильно! Если бы не этот идиот...

— Джоб не виноват! Ты сам дрых во время дежурства! Что, нет? Я видел!

— Дрыхнуть тоже надо с умом!

— Да? Тебе просто повезло, а ему нет! Скажешь, не так? А теперь мы сдохнем, ты понял? Сдохнем! Если бы с нами был Юст...

Эрвин глубоко вдохнул и сосчитал про себя до десяти.

— Брэк, — сказал он спокойнее и поморщился, не дождавшись тишины. — А ну-ка взяли себя в руки! Всех касается. Ты собираешься только вопить или что-нибудь предложишь?

Джоб и Кристи молчали, но апатия начинала терять над ними власть.

— Я поплыву туда, — орал Валентин, указывая на недалекий берег, — а вы оставайтесь, если хотите подчиняться этому придурку! Обойдусь без вас! Без тебя и твоей шлюхи! Джоб, ты со мной?

— Я не умею плавать... — понуро сознался Джоб и покачал головой.

— Тогда я один. Счастливо оставаться. Может, встретимся на Счастливых островах...

— Ты останешься, — сказал Эрвин, снимая с плеча бич.

Валентин моментально выхватил нож.

— Да? Останови меня, умник.

Эрвин медленно замахивался. Долгую секунду Валентин с налитыми кровью глазами решал, прыгнуть ли немедленно в черную воду, или сперва попытаться убить виновника всех бед. Затем коротко размахнулся и метнул нож.

Не умея метать ножи, он взял слишком высоко. Нож, вращаясь, пролетел над головой Эрвина и где-то далеко позади с бульканьем ушел в воду. Спустя мгновение Валентин сильно оттолкнулся и оказался в воде сам.

Ему удалось проплыть почти половину расстояния до берега. Затем асфальтовая вода вокруг него взбурлила, голова пловца скрылась и больше не показывалась.

Кристи отвернулась. По лицу Джоба текли слезы. Эрвин положил руку ему на плечо.

— Иногда не уметь плавать — это достоинство...

Глава 10. ТРИ

Серая крылатая тварь сидела на краю островка, наблюдая за людьми внимательными глазами. Эрвин хрипло закричал, и она нехотя поднялась в воздух. С полдесятка ее сородичей лениво чертили небо высоко над островком.

Крик Эрвина разбудил Кристи. В забытьи, больше похожем на голодный обморок, ей чудились Счастливые острова. Она никогда не видела их, но была уверена, что это они. Там было синее море, и белый песок нестерпимо сиял на солнце, а от морских водорослей пахло йодом, а не гнилью. Разве обязательно надо куда-то идти, чтобы оказаться там? Достаточно просто закрыть глаза...

— Умереть с голоду вам здесь не дадут, и не надейтесь, — зло сипел Эрвин, безжалостно разрушая сладкие сны. — Эти стервятники не станут дожидаться, когда мы порем, им вполне достаточно, чтобы мы не сумели отбиться...

Прошло еще двое суток, прежде чем ветер и волны все-таки подогнали островок к западному краю полыньи. Ночами все трое бодрствовали и, несмотря на плачевное состояние островка, почти все время стояли на сыром ветру, распахнув на себе грязное тряпье, чтобы создать хоть какую-нибудь парусность; днем спали или просто лежали ничком.

На рассвете третьего дня они перебрались на берег, и зыбун показался им надежной твердью. Хотелось плясать. Хотелось гладить и целовать гнилые водоросли. Джоб плакал и смеялся. Даже последовавшая сразу после высадки атака двух крупных змей не сразу погасила лихорадочное возбуждение: одну змею Эрвин исхлестал бичом в лапшу, вторую Кристи насадила на острый обломок шеста и с криком ярости стряхнула в полынью, где извивающаяся тварь и затонула.

— Хорошо, что их было только две, а не пять, — немного погодя сказал Эрвин, покачав головой. — Иначе бы они до нас добрались.

Люди приходили в себя. Понемногу в затуманенные головы возвращалась одна и та же мысль: сколь мала одержанная победа по сравнению с оставшейся частью пути!

Счастливых островов нет и нет, а частные успехи никогда ничего не решали...

Кристи не смотрела в глаза. Джоб сплюнул и безнадежно помотал головой.

От опасного лихорадочного возбуждения до гибельной апатии только один шаг, и этот шаг нельзя было дать им сделать.

— Сколько осталось веревки? — грозно спросил Эрвин. — Всего-то? Мало. Обрывки есть? Вяжи их вместе. Идем одной связкой. Джоб, ты впереди. Кристи, отдай ему шест и возьми нож. Мне хватит бича.

Весь день сеялся мелкий дождь, и пришлось взять направление по компасу, надеясь, что он все-таки не слишком врет в этих местах. За день прошли всего ничего, зато кое-как насытились: крупные жирные головастики изобиловали в мелких лужах. Серые твари отстали, язычников не встретилось. Временами нападали змеи, но до кожи не добрались и никакого ущерба не нанесли.

Следующий день оказался похожим на предыдущий, с той разницей, что к вечеру добрались до купы чахлах кустов, произросших прямо на зыбуне, и заночевали хотя и под дождем, но все-таки не в луже. Одна зажигалка еще действовала, но костер развести не удалось: насквозь сырые прутья категорически не желали гореть.

Как и вчера, Эрвин и Кристи легли, обнявшись. В двух шагах от них кашлял и постанывал Джоб — первый дежурный в эту ночь. Болото слабо фосфоресцировало. Крошечным светящимся организмам не было никакого дела до сорока миллионов человек, топчущих единственный материк планеты и выбрасывающих в заболоченное окраинное море свои человеческие ошметки. Всесильное болото могло даже позволить им пожить подольше себе на забаву.

— Смешно подумать, — шепнул Эрвин, убрав с уха Кристи слипшуюся сосульку некогда рыжих волос. — Когда-то я считал это правильным.

— М-м?.. Ты о чем?

— Об изгнании из социума, принятом на Хляби. Социологи до сих пор спорят о том, что такое приговор: наказание ли,

предостережение ли остальным, искупление ли, шанс ли задуматься, а может, просто-напросто тривиальная месть общества индивиду. Странно, но мне всегда была по душе социальная защита. Нет преступника — и общество защищено от него, а куда он делся, в сущности, не так уж важно... Честное слово, прогулка к Счастливым островам вместо луча в затылок представлялась мне прямо-таки благородной гуманностью! Я не шучу.

— А теперь? — равнодушно спросила Кристи.

Эрвин долго молчал.

— Расскажи, как ты убила своего муниципального инспектора.

— Зачем тебе это знать?

— Просто хочется.

— Ножом... Он визжал, как свинья... Ты не хочешь узнать, за что я его убила?

— Я знаю. Он привез тебя на Хлябь, сулил золотые горы и положение в обществе, на самом же деле завез в гнилую дыру и в конце концов бросил или уступил кому-нибудь. Так?

— Откуда только ты все знаешь?

Кристи показалось, что Эрвин улыбнулся, прежде чем ответить:

— Я же как-никак вычислитель...

— Ты уже вычислил, сколько мы еще продержимся? — спросила Кристи, глотая злые слезы. — День, два? В неделю не верю.

Эрвин вздохнул — и совсем не безнадежно.

— Мы все-таки дойдем, — сказал он. — Я хочу дойти. Мы уже столько прошли, что искупили все мыслимые грехи, прошлые и будущие. Будет обидно, если все это окажется напрасным, понимаешь?

— Не знаю, — всхлипнула Кристи.

— Ну что ты, маленькая, — ласково сказал Эрвин, погладив ее по голове. — Мы уже прошли больше, чем нам осталось. Все будет хорошо, вот увидишь...

Еще три дня они шли на восток под нескончаемым мелким дождем, связанные между собой остатками веревки, шли,

кормясь головастиками, отгоняя змей и вытаскивая провалившихся. Почему-то здесь не встречалось язычников, может быть, в силу большой глубины топи, а может быть, как неуверенно предположил Эрвин, оттого, что у донных моллюсков наступил период сезонного поста, связанного, например, с размножением. Один раз, правда, метрах в пятидесяти позади путников, там, где они только что прошли, вздулся очень знакомый бугор и прорвался с оглушительным хлопком, однако вместо лилового щупальца в небо ударил фонтан бурой грязи, забрызгавшей всех троих, и дыра вzybуне еще долго булькала пузырями остаточного метана.

На четвертый день головастиков стало меньше, а на пятый они пропали вовсе. Куда-то исчезли и змеи, что могло только радовать, тем более что лоза-бичевка, редкая по ту сторону полыньи, по эту сторону не встречалась совсем. Зыбун казался прочным. Если бы не голод, не слабость, не воспалившиеся, плохо рубцующиеся раны... Через каждые сто—двести шагов ноги останавливались сами, и люди ждали, когда рассеется черная качающаяся пелена перед глазами, когда перестанет бешено колотиться сердце.

Кристи чувствовала, что тупеет, и это странным образом не пугало ее. Джоб потерял всякую способность возражать приказам и покорно шел впереди без смены, с каждым днем все сильнее кашляя и постанывая при каждом шаге. Эрвин стал молчалив и лишь изредка нарушал равномерное чавканье шагов короткой хриплой командой взять немного правее или левее.

Шлеп, шлеп. Плюх, плюх. Чвак, чвак.

Зеленые водоросли. Бурые водоросли. Живые водоросли и гнилые водоросли, переплетенные, как гамак, сваляные, как войлок. Гроздья соплодий — еще незрелых и уже выбросивших споры, гниющих, похожих на старые мочалки. Жижа и пузыри под разваливающимися мокроступами.

Болото впереди, болото сзади. Болото и справа, и слева, и под ногами. Лишь сверху — низкая каша серых облаков и заувывный мелкий дождь.

К вечеру дождь пошел косо, ветер быстро усиливался. Облачная каша зашевелилась, словно кто-то огромный орудовал

небывалой поварешкой. Успокоившись на несколько минут, ветер стал налетать короткими злыми шквалами.

Эрвин остановился первым. Кристи не услышала его слов, и ему пришлось потянуть за веревку.

— Что? — крикнула она.

Новый шквал заставил попятиться Джоба.

— Остаемся здесь! — прокричал Эрвин, указывая себе под ноги. — Кажется, это серьезно!

Заслоняясь от ветра, Кристи указала вперед, где кончались рябые лужи и начиналась кочковатая полоса, на вид более сухая и прочная.

— Может, лучше там?

— Не нравятся мне эти кочки, — прокричал Эрвин ей в ухо.

Покорного, безразличного ко всему Джоба подтянули за веревку, заставили лечь и легли сами. Быстро темнело. На Саргасово болото падала ночь, и вместе с нею усиливался ветер. Стало трудно дышать. По небу стремительно неслись облака, плотные и черные, как комья грязи. Дождь бил горизонтально.

Оставалось ждать — и надеяться, что ветер не будет усиливаться бесконечно. Но он усиливался. Лишь несколько слов не сказали — прокричали друг другу в ухо люди, смирившиеся с неизбежным:

— Держись крепче — может снести...

— Держусь... Откуда идет этот ураган — с океана?

Кристи не расслышала ответа, но по кивку поняла, что Эрвин ответил утвердительно.

— Значит, он прошел над Счастливыми островами?

— Значит. И даже был сильнее там, чем здесь.

— Понимаю... Просто жить, дышать и ходить по твердой почве — это уже счастье, верно?

— Вот именно.

Потом разговаривать стало невозможно. Рев ветра перекрыл все звуки. Ураган нес над болотом вырванные кусты, швырял в лицо растрепанные клочья водорослей, водяную пыль. В болото били молнии.

Это было нестерпимо, но это нужно было вытерпеть, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть и не умереть.

Ураган продолжался всю ночь и стал стихать лишь под утро. С рассветом он сделал еще одну попытку усилиться, но быстро изнемог и в полдень сбавил напор до обычного крепкого ветра. Красный диск солнца выглянул из-за туч, но еще долго трое полуобморочных людей лежали неподвижно или слабо ворочались, не в силах встать.

Кристи первая заметила черную тварь, кружащую высоко в небе. Очень скоро к ней присоединились с десятков ее сородичей. Крылатые хищники, удивительно скоро оправившиеся от урагана, высматривали добычу, постепенно снижаясь.

Неизвестно откуда появились несколько крупных серых летунов и отогнали черных. Падальщики собирались первыми получить свою долю. Ловя ромбовидными крыльями восходящие потоки, они терпеливо ждали, по-видимому, нисколько не сомневаясь, что ждать придется недолго.

Эрвин застонал и сел в луже. Затем попытался встать, и у него это получилось.

— Подъем...

Далеко не сразу ему удалось поставить на ноги Кристину, а затем с ее помощью — Джоба. Казалось, тот вот-вот рухнет плашмя, как бревно. Мутный взгляд клерка выражал только одно: уйдите все, не тормозите, мне так хорошо в покое, зачем тащить меня куда-то?..

— Он не сможет идти, — хрипло сказала Кристи, безнадежно покачав головой, — да и я пока тоже... Нужен отдых.

— Я пойду, — сомнамбулически пробормотал Джоб и пошатнулся.

— Ты видишь? — крикнула Кристи. — Видишь?

— Вижу. Пойдем завтра с рассветом, а сейчас только устроимся на ночь. Джоб, сходи вон туда, посмотри место, — Эрвин показал рукой, — там, по-моему, посуше. Мы с Кристи пока соберем барахло.

Джоб механически кивнул и, освободившись от веревки, размеренно, как автомат, зашлепал по лужам к кочкарнику. Эрвин сматывал веревку, неотрывно глядя ему вслед.

— У меня голова раскалывается, — пожаловалась Кристи.

— Резкий перепад атмосферного давления... Ну и недоедание, конечно. Первое пройдет. Второе тоже... когда-нибудь.

— Ты на это еще надеешься?

— Уверен.

Джоб продолжал неуклюже шлепать прямо к кочкам.

— Почему ты вчера сказал, что тебе не нравятся эти кочки? — шепотом спросила Кристи.

— Потому что там суше, а кусты почему-то не растут, — так же шепотом объяснил Эрвин.

— Так, может... — начала Кристи и не окончила. Смысл действий Эрвина стал виден как на ладони, и надо было совсем лишиться рассудка от усталости и голода, чтобы не понять его. Почему она считала Эрвина подлецом? Он лишь цинично рационален, зато кругом прав. Только так тут и можно идти — пробуя гнилые хляби живым зондом, выбирая на эту роль слабейших, которым все равно не увидать края болота. Просто Эрвин понял это сразу, а до нее дошло только что...

Все произошло очень быстро. До ближайшей кочки оставалось несколько шагов, когда, взбив в лужах фонтанчики, навстречу Джобу рванулись какие-то тонкие белые нити и в один миг оплели его по рукам и ногам. Рывок — и сбитый с ног Джоб забарахтался и закричал, скорее удивленно, чем испуганно. Не выдержав, охнула Кристи.

На бегу — если только неуклюжее шлепанье по болоту можно было назвать бегом — Эрвин замахнулся бичом. Свистящий удар упал на белые нити, но не перебил их. Второго удара не получилось: бич был схвачен нитями, с необычайной легкостью вырван из руки Эрвина и утянут в зыбун.

Джоб завопил, по-видимому, скорее от ужаса, чем от боли. Он быстро превращался в белый кокон. Затем он замер, застонал, дернулся два раза и остался недвижим.

— Он... мертв? — сглотнув, спросила Кристи.

Эрвин кивнул. Они стояли и смотрели, как новые белые нити выползают из болотного ковра, безошибочно тянутся к жертве, касаются ее и вроде бы замирают.

— Они прорастают прямо в него, — угрюмо сказал Эрвин. — Он их питательный субстрат.

— Растение? — Кристи хотела отвернуться и не смогла.

— Думаю, гриб. Эти нити — его гифы. Мицелий.

Молча они отошли на безопасное расстояние и выбрали место для ночевки. Солнце садилось в уходящую на запад тучу так нехотя, словно боялось запачкаться. Два лунных серпа проступили в налившимся густой синевой небе.

— А ведь Джоб нас спас сейчас, — сказала Кристи почти равнодушно. — Завтра мы пошли бы прямо туда...

— Да, — глухо ответил Эрвин. — Так и случилось бы. И тогда Джоб спас бы нас завтра.

Глава 11. ДВА

К утру от Джоба осталось немного: кожа, кости и обрывки одежды, наполовину втянутые в зыбун и уже покрытые бурозеленым налетом. Было ясно, что через несколько дней лишь продолговатая кочка будет отмечать место гибели тихого клерка, осужденного за неведомые прегрешения.

Хищный гриб оказался не один — похоже, впереди их притаилось великое множество, и не везде их присутствие отмечали кочки. Привязав веревку к обломку шеста, Эрвин метал его перед собой, как гарпун. Втыкался ли шест в зыбун или падал плашмя — всякий раз к нему тянулись тонкие белые нити, и надо было успеть выбрать веревку, чтобы не остаться без шеста, хотя бы уполовиненного. Прошло полдня, прежде чем двоим путникам удалось обогнуть опасное место, сделав большой крюк к югу.

Хуже было другое: ураган растрепал болотный ковер, и там, где заведомо не могли прятаться хищники, теперь пузырилась болотными газами новорожденная трясина. Словно сбившиеся в плотную стаю льдины, недвижно лежали водорослевые поля, разделенные рваными полосами булькающей грязи. Движение сильно замедлилось, приходилось искать более или менее надежные места переправы с поля на поле, часто останавливаться и, уподобляясь шахматистам, рассчитывать путь на несколько ходов вперед.

— Зато сразу видно, где слабина, — утешал Эрвин.

Ему пришлось сознаться в ошибке, когда Кристи внезапно провалилась по грудь в, казалось бы, прочном месте и, не

будь при ней обломка шеста, неминуемо ушла бы в трясины с головой.

Два головастика составили всю добычу дня, честно поделенную поровну. Кристи пробовала ловить мелких рачков, суеющихся в водорослях, но они оказались отвратительными на вкус и вряд ли съедобными.

За день прошли мало. Засыпая в объятиях Эрвина, Кристи уже спокойно думала о том, что голод убьет их раньше, чем из дымки на горизонте покажутся Счастливые острова. А может быть, карты сознательно врут и вместо островов Саргассово болото упирается в океанский простор? Кто там разберет, почему оно не размывается океаном...

На следующий день им повезло. В первых лучах разгорающегося рассвета Эрвин набрел на ночную лежку одного из стремительных стайных созданий, виденных ранее только издали, и успел прикончить животное ножом, прежде чем оно вскочило и унеслось прочь.

Они остановились на отдых задолго до заката только потому, что опять наткнулись на заросли кустарника. Эрвину удалось запалить костерок и кое-как обжарить на нем добычу. До ночи они упивались сочным мясом, мучаясь необходимостью есть часто, но понемногу, и все равно корчились от рези в желудках.

Весь следующий день они провели на месте и доели пойманное животное до пустой, тщательно выскобленной хитиновой оболочки. Они глодали бы и кости, но существо было лишено костей.

Потом они спали, обнявшись, и сквозь сон чутко прислушивались к тому, что делается на болоте. Когда Эрвин начал снимать с женщины обрывки тюремной одежды, Кристи помогла ему. И они исступленно любили друг друга, ворочаясь в темной пузырящейся луже на болотном ковре, прогнувшемся под тяжестью двух сплетенных тел над гиблой топью, вдыхая гнилые миазмы болота и не ощущая их, удивляясь про себя только одному: как у них обоих еще хватает сил и желания любить.

— Мы ведь дойдем до Счастливых островов, правда?

— Да. Осталось уже не так много.

— Раньше я не верила... А теперь вот верю. И знаешь, я хочу тебя спросить об одной вещи... только ты ответь честно...

— О какой вещи?

— Сперва пообещай, что ответишь честно.

— Честное уголовное.

— Перестань...

— Тогда честное земноводное. Еще пару ночей поспим в лужах, и у нас жабры отрастут.

— Ты не шути, ты пообещай по правде...

— Обещаю. О чем ты хотела спросить?

— Ты ведь все наврал, да? Ты врал с самого начала? Прото, какой ты умопомрачительный вычислитель и как все оптимально просчитываешь? Ты меня успокоить хотел, да?

Она ждала ответа, и ответа не было.

— Почему ты молчишь? Жалеешь меня?

— Да, — глухо сказал Эрвин. — Я все наврал. Ты расстроена?

— Нет, что ты. Я рада. Это ужасно — любить человека, который может рассчитать твою любовь и ввести ее в систему уравнений, правда?

— Правда.

Ночь выдалась чудесная: ясная, но теплая. Не напали змеи, не шевельнулась топь, выдавая медленное приближение язычника. В эту ночь они поняли, что болото может быть щедрым.

Утром Кристи спросила:

— Мне по-прежнему идти впереди?

— Так надежнее, — ответил Эрвин, вздохнув. — Пусть я не вычислитель, но ясно же... Но если хочешь, мы будем идти первыми по очереди.

— Ладно уж. — Кристи махнула рукой и улыбнулась. — Плетись сзади, любуйся на мои кривые ноги.

— Они прямые...

Чем дальше они уходили на восток, тем меньше жизни становилось в болоте. Бывали дни, когда им не попадалось ни одно живое существо. Поиски головастиков изнуряли, не давая результата. Комочки слизи — и те куда-то исчезли с ленточных водорослей. Лишь серые крылатые твари по-прежнему висели высоко в небе, неотступно дожидаясь своего часа.

На девятнадцатый день, считая от Гнилой мели, Кристи стала жаловаться, что ее ботинки жмут. По-видимому, от голода и соленой воды стали опухать ноги. Эрвин с трудом снял с нее обувь и спрятал в рюкзачок, больше похожий на ком грязи. Назавтра он почувствовал, что начинает опухать сам, разулся и, не желая таскать лишний вес, зашвырнул обе пары ботинок в ближайшую лужу.

— Лучше быть босыми, но живыми, — прокомментировал он свой поступок.

На двадцатый день огромный язычник взорвал зыбун в каких-нибудь пятидесяти шагах от них. Его взметнувшееся вверх лиловое щупальце было ростом с телемачту. Когда оно изогнулось и начало обшаривать болото вокруг себя, по водорослевому ковру заходили штормовые волны. Спасаться бегством было бессмысленно. «Не шевелись!» — крикнул Эрвин, хотя Кристи и без того оцепенела от ужаса. Щупальце описало круг, прошло выше Кристи, задело и вдавило в зыбун неподвижного Эрвина, но не схватило. Быть может, ближе к основанию оно было не столь чувствительно.

Они ползли из опасного круга, боясь колыхнуть зыбун, боясь шевельнуть гнилой водорослью, часто и надолго замирая. Им уже удалось отползти на безопасное расстояние, когда язычник вновь почуял добычу и, оставшись ни с чем, принялся бешено хлестать щупальцем во все стороны, мигом превратив болотный ковер в непролазную топь. Они успели убежать, а потом долго лежали в теплой соленой луже, не в силах подняться и продолжить путь.

— А помнишь нашу ночь? — еле слышно спросила Кристи.

— Конечно, — прохрипел Эрвин. — Разве можно забыть?

— Болото швырнуло ее нам, как подачку. Больше у нас не будет таких ночей.

— Наверное... То есть не будет на болоте. Вот погоди, доберемся до Счастливых островов...

— Я буду уродиной там, на Счастливых островах, опухшей злой уродиной. Даже если отмою всю эту грязь. Там прыщи. Ты и смотреть на меня не захочешь. Саргассово болото просто так не отпускает. А по ночам я буду кричать от кошмаров.

— Ты будешь самой лучшей. Самой прекрасной.

— По-моему, эта грязь никогда не отмоеется...

— Отмыть можно все, поверь. Мы забудем прошлое, как дурной сон. А болото забудем в первую очередь, это я тебе обещаю.

— Я не смогу. — Кристи покачала головой. — И ты не сможешь.

— Кто знает. Во всяком случае, мы с тобой очень постараемся, правда?

На двадцать первый день хищное растение незнакомого вида, больше похожее не на растение, а на клубок иссиня-черных змей, пропустило Кристи мимо себя и набросилось на Эрвина. Ему удалось срезать с тела лианы-щупальца и освободиться от рюкзака, очевидно, принятого растением за лакомую добычу.

В тот же день Эрвин нашел лозу-бичевку и срезал ее, но потерял при этом нож, утащенный в зыбун взбесившимся обрывком лозы, и едва не лишился кисти. Горевать не приходилось: только тот, кто никогда не ходил по Саргассову болоту, мог воображать, что нож ценнее бича.

На двадцать третий день Эрвин обнаружил, что передвигаться на четвереньках, оказывается, гораздо проще и приятнее, нежели на двух ногах. И почему он не знал этого раньше?.. Лишь невероятным усилием воли он заставил себя встать, выждать, когда рассеется чернота перед глазами, и в первый раз из многих тысяч раз за этот день выдрать из вязкой грязи ошметок мокроступа.

Чвак. Чвак. Чвак.

Голодные обмороки повторялись с пугающей регулярностью. Когда падала Кристи, Эрвин отмечал этот факт сознанием, но продолжал идти вперед, пока не спотыкался о распростертое тело и не падал сам. Когда падал Эрвин, Кристи некоторое время пыталась идти вперед, зря натягивая веревку, затем нехотя возвращалась. Помогая друг другу подняться, они думали о том, что вряд ли сумели бы встать, не опираясь друг на друга. А главное — не захотели бы.

Вероятно, одна-единственная голодная змея могла бы сейчас без особого труда убить их обоих. Но змей не было. Лишь

стервятники не переставали выписывать круги в веселом безоблачном небе.

— Все, — выдохнула Кристи, остановившись, и не упала только потому, что оперлась на обломок шеста. — Больше не могу. Пусть мы умрем, так будет лучше...

— Мы еще можем идти, — пробормотал Эрвин, с мучительным трудом переставляя ноги. — Мы не умрем...

— Я не хочу жить, не хочу! — Кристи беззвучно плакала.

— Чуешь? — спросил Эрвин и потянул носом воздух.

— Нет. Что я должна чують, скажи? Ну что?

— Морской воздух. Воздух открытого моря, а не Саргассова болота. Так пахнет свобода. Жизнь, твердь под ногами и наверняка пища. Осталось совсем немного.

— Тебе почудилось. — Кристи безнадежно помотала слипшимися сосульками волос. Но голос ее дрогнул.

— А я тебе говорю, что осталось немного. День, может быть, два. Скоро будем там.

— Ты правда в это веришь?

— Конечно. Думаю, при хорошей прозрачности воздуха мы уже сейчас видели бы вершины островов. Они вулканические, гористые.

— А по-моему, этому болоту конца не будет.

— Будет. Мы хорошо идем. Если бы у нас было столько же сил, сколько в первый день, мы дошли бы уже сегодня. А так — завтра.

— Ты уверен?

— Ну или послезавтра. В самом худшем случае. Ну, двинулись...

— Если послезавтра не... — вздохнула Кристи, делая шаг вперед.

Она не успела ни договорить, ни крикнуть. Тонкая растительная пленка, так похожая на надежный болотный ковер, порвалась под ее ногой. Кристи погрузилась в топь со скоростью брошенного в воду камня.

Рывок швырнул Эрвина лицом в грязь. Он заскользил юзом, сумел затормозить ступнями, обеими руками вцепился в мокрую скользкую веревку. В «окне» гиблой трясины лениво колыхалась маслянистая вода.

— Держись! — шипел он, молясь, чтобы веревка не просекла прогнувшийся болотный ковер. — Я вытяну! Я вы...

Ему казалось, что он мало-помалу отвоевывает у болота его добычу, хотя на самом деле его самого понемногу подтаскивало к топкой ловушке. Затем там, в глубине, что-то резко дернуло веревку, будто клюнула голодная рыба немислимых размеров, и обрывок веревки легко выскочил из трясины.

Несколько секунд Эрвин тупо смотрел на обрывок, пока не понял, что спастись бегством незачем. Никакой неведомый обитатель трясины не устраивал здесь западню. Составленная из многих кусков веревка не была перекушена — всего лишь разошелся неумело завязанный узел.

Глава 12. ОДИН

В гаснущих сумерках следующего дня Эрвин выполз на каменистый берег, взобрался выше черты самого высокого прилива, упал и сразу уснул. Какие-то животные бродили вокруг него ночью, но не решились подступить вплотную. Временами выпадая из сна в дрему, он чувствовал их присутствие, слышал шорох когтей по камню, обонял незнакомый запах. Есть зверье — тем лучше. Животные — это пища. Это хорошая пища в отличие от головастиков, которые надоели до рвоты. И Эрвин снова проваливался в сон. Здесь, на твердой теплой гранитной скале, прогретой солнечными лучами и не успевающей остыть за ночь, можно было спать сколько угодно.

Никто не посмел напасть на него в темноте, а когда рассветло, он заметил нескольких чешуйчатых зверьков, с любопытством смотревших на него и не выказывающих ни злобы, ни боязни. Удар бича прикончил одного из них, остальные отбежали подальше, однако и не подумали умчаться восвояси, а, высунув языки, расселись рядком в некотором отдалении и смотрели, как человек готовит себе завтрак. И только когда дым костра вильнул в их сторону, они нехотя разбрелись и исчезли в кустах.

Ничего вкуснее этого зверька, зажаренного на палке, Эрвин не ел с тех пор, как ступил за кордонный невод на мате-

риковом мысу, а теперь ему казалось, что ничего вкуснее он не ел с самого рождения. Истекая слюной, он не стал дожидаться, когда пища прожарится, и набросился на дымящееся полусырое мясо с алчностью пираньи. Пожирая зверька, он взрыкивал и подвывал. Он давился мясом, мучаясь икотой и успевая зорко поглядывать по сторонам: не собирается ли кто отнять его добычу? Даже себя он не стал бы защищать с такой яростью, как полуобглоданную тушку убитого им животного. Как хорошо, что он дошел один! Будь здесь еще кто-нибудь — пришлось бы делиться.

Объевшись «зайцем», как он решил назвать это неизвестное ему животное, он снова уснул, на этот раз крепко, без снов, и проснулся не раньше, чем почувствовал, что больше не хочет спать. Сколько раз во время скитаний по болоту он мечтал вволю наестся и выспаться! — и вот получил разом то и другое. Чего стоит жизнь, если в ней не исполняются мечты? Ломаный грош. А значит, они должны исполняться...

Во всяком случае, для тех, кто умен и упорен.

Пока он спал, остатки зверька куда-то исчезли, но Эрвина это не огорчило: доверчивых зверьков в любой момент можно было добыть сколько угодно, «зайцы» прямо кишели в зарослях на берегу и без боязни подпускали к себе человека на несколько шагов. Похоже, они никогда не встречались с людьми.

Эрвин удержал себя от жгучего соблазна сейчас же перебить как можно больше тупых «зайцев» и обеспечить себя пищей минимум на неделю. Успеется. А пока стоит осмотреть новые владения.

Теперь, когда он достиг своей цели, мышцы не желали трудиться как следует. С трудом поднявшись на вершину невысокой горюшки, Эрвин был вынужден присесть на теплый камень, но и сидя увидел вдаль океан. До его берега можно было пройти за день, одолев несколько холмов и увалов. Как ни хотелось немедленно пуститься в путь, трезвый расчет подсказал Эрвину, что торопиться незачем. Кошмар Саргассова болота остался позади, и теперь некуда спешить.

Спустившись в низинку, он нашел ручей и напился. Вода, к его удивлению, оказалась теплой и минеральной. То и дело отдыхая, он поднялся вверх по ручью и нашел природный бассейн с горячим источником. Несколько животных незнакомого вида валялись на мелководье, явно блаженствуя.

Эрвин прогнал их камнем и решил, что лучшего места ему не найти. Сюда не долетал резкий ветер с океана, здесь почти не обонялись гнилые миазмы болота. Пять дней он жил подле источника, ежедневно подолгу купаясь в бассейне и быстро восстанавливая силы. Он отскреб с себя корку грязи, вылечил гноящиеся глаза, добился шелковистости шевелюры и отросшей бороды и уничтожил лишайную корочку в паху. Спал на куче мха и сухих веток, а если небо сулило дождь, перебирался в шалаш, построенный им под развесистым деревом с изумительно сочными плодами.

Он много ел. Кроме плодов и ягод, на острове бегало, ползало и произрастало все, чтобы вкусно насытить голодного изгнанника. Охота на «зайцев» всякий раз приносила успех. Крупные нелетающие птицы с нежным, но жирноватым мясом без труда ловились голыми руками. Ленивые ящерицы, кормящиеся болотными водорослями в полосе отлива, вносили разнообразие в меню. Ни крупных одиночных хищников, ни мелких стайных, опасных числом, на острове, по-видимому, не водилось, и Эрвин вскоре перестал принимать меры предосторожности во время сна. Даже крылатые твари, ужас Саргассова болота, почему-то избегали летать над сушей. Он, единственный на острове человек, являл собою вершину пищевой пирамиды, что его вполне устраивало. Беспокоиться было не о чем.

На шестой день он почувствовал себя достаточно окрепшим для большой прогулки и к вечеру пересек остров от болота до океана. Вид катящихся к песчаному берегу океанских валов взволновал его. Как ничтожен перед водной стихией единственный материк по имени Материк, плоский и заболоченный не только по периферии! Как ничтожны люди, давшие планете уничижительное имя Хлябь, люди, настолько погрязшие в нескончаемой суетливой возне, в борьбе выгод и тщеславий, что, умея смотреть, они разучились видеть!

Эрвин набрал в ладони соленой морской пены, умылся ею и засмеялся.

Кристи была права: выгнать приговоренного в Саргассово болото, вместо того чтобы скоро и милостиво пристрелить его, и объявить изгнание в ад гуманностью — это по-человечески. Позволить приговоренному пройти через ад и достигнуть рая — это абсурд, а значит, тоже по-человечески.

Он нашел бухточку, защищенную от волн, вволю выкупался, выстирал и высушил на горячем песке обрывки одежды. По правде говоря, от тюремной робы и неудобных штанов осталось как раз столько материи, что в пору было задуматься: надеть ветхие обрывки на себя или обернуть ими чресла на манер набедренника? И что делать, когда ветошь совсем истлеет?

Некоторое время его занимал этот вопрос, затем Эрвин рассмеялся. А ничего не делать! Зимы в этих широтах не бывает, можно обойтись вовсе без всякой одежды. Стесняться некого, людей здесь нет и не предвидится.

Он один достиг Счастливых островов, только один! Другие не смогли бы, а Матиас — самый умный! — сразу понял, что незачем долго мучиться, оттягивая финал. Хотя какая разница, что он там понял... Кто, ну кто мог бы дойти, пусть эту девятку по болоту еще раз? Юст? Пожалуй, этот паханчик мог бы сдохнуть последним, для этого у него были все данные, он даже учиться немного умел, — но все равно не увидел бы Счастливых островов даже издали. Джоб с Валентином? Никогда. Старик Обермайер, миссионер церкви Господа Вездесущего? Дудки. О Марии-Кубышечке вовсе речи нет. Лейла? Тоже вряд ли...

Вспоминать о Кристи не хотелось.

Без сомнения, ему повезло — но другим не помогло бы и хроническое везение!

Он дошел! Он победил! Шансов дойти, доползти, дохлопать было ничтожно мало, шансов практически совсем не было на материке, и после Гнилой мели их почти не прибавилось, разве что чуть-чуть, но он лелеял каждый шанс, он собирал и копил их, как скряга копит медяки, и в конце концов он оказался прав, потому что выиграл.

Разве это так трудно — просчитывать наиболее разумную линию поведения и не отклоняться от нее?

Свою линию он предварительно просчитал еще в тюремном автобусе, исподволь рассматривая тех, кого слепой случай послал ему в попутчики, и уточнил расчет на берегу за кордонным неводом. Уже тогда стало ясно, что надо отделиться от остальных: среди осужденной шушеры оказался лидер, вознамерившийся грубо и примитивно сделать то, что он, Эрвин, собирался сделать тонко и ненавязчиво. Благородный глупец вступил бы с ним в схватку тут же на берегу, чтобы в случае победы служить объектом медленно, но верно растущей ненависти. Отделившись, следовало маячить поблизости, выводя из себя Юста и служа для его покорных двуногих орудий заманчивым примером не только удачливости, но и человечности, которая как капитал многого стоит. Однако не стоило раньше времени провоцировать бунт против пахана: сильный боец отнюдь не помеха при прорыве через Гнилую мель...

Так оно и оказалось.

Непредвиденная смерть Хайме внесла в основной расчет большие коррективы. Эрвин предполагал использовать мелкого гаденыша наряду с Кристи как двойной и, следовательно, более надежный буфер между собой и оставшимся человеческим массивом. Правда, тогда скорее всего пришлось бы собственноручно убить Юста на Гнилой мели... но почему бы и нет? В ночной суматохе сделать это наверняка было бы трудно.

Хайме погиб, и убивать Юста самому не пришлось. Так было даже лучше. Приходилось лишь до поры не поворачиваться к Юсту спиной: покорность бывшего строптивца только насторожила пахана.

Дальше пошло легче, почти как по маслу. Не стоило жалеть об уходе хромого проповедника и Вонючки — эти двое не выдержали бы и двух дней пути. Отработанный, бросовый материал.

Троих оставшихся как раз хватило, чтобы четвертый мог достичь Счастливых островов. Они могли бы спастись, не окажись путь столь труден и долог.

В принципе после смерти Юста можно было узурпаторствовать так же нагло, как он, — у остальных все равно не было выбора. Но тогда впасть в губительную истерику мог не Валентин, а Джоб или Кристи. Пришлось выбирать.

Эрвин не сомневался: мертвецы не станут являться ему во сне, надоедая укоризной. Какие претензии? Честное состязание, чистая победа интеллекта. Он просчитывал каждый шаг... ну почти каждый, а они просто шли, как бараны, надеясь неизвестно на что.

Неужели они верили в него как в спасителя? Да нет, конечно. Но им очень, очень хотелось поверить. Смерть каждого шла ему на пользу, потому что обогащала новым знанием и позволяла точнее просчитывать ситуации.

И потом, разве он врал им? Врать и разумно пользоваться правдой — не одно и то же. Он никого не убил своими руками и никого не заставил идти с ним против воли. Уж Юста — точно нет. Никто не скажет, что он не подвергался опасности. Да, он подставил их всех, одного за другим, прошел по их костям, потому что иного выхода не просчитывалось, и, между прочим, еще на материке понял, что будет вынужден влюбить в себя девчонку, — а кто им мешал поступить так же? Никто и ничто, кроме хилости их умишек.

Аминь.

Через неделю Эрвин знал свой остров вдоль и поперек, оценил расстояние до соседних островов и изучил насколько было возможно силу и направление течений в проливах — пока на всякий случай, без определенной цели. Потом, найдя под корягой гнездо местных зверьков и сосчитав количество детенышей, а также прикинув приблизительно остальные параметры островного биоценоза, вычислил продуктивность местной пищевой базы — выходило, что остров может прокормить восемнадцать человек одними только «зайцами» без ущерба для численности последних. Мозг требовал вычислений, получил их и на время успокоился.

Дичь по-прежнему вела себя доверчиво. Что ей один человек?

Он не любил смотреть на болото, преследующее его в ночных кошмарах, но с некоторых пор стал в ненастные и малолунные ночи зажигать большой костер на ближайшем к болоту холме — маяк, видимый издали.

Кто-нибудь, когда-нибудь...

Понемногу он заплывал жирком, что ему не нравилось. К физическим упражнениям и спорту он испытывал отвращение с детства. Вынужденная физическая нагрузка — иное дело. Может, немного попутешествовать для поддержания формы? Этот остров безлюден, но почему бы не поискать товарищей по несча... по счастью на других островах?

Решено: он обойдет всю островную дугу от края до края. Сначала он двинется к северу, а если не найдет там людей, вернется и пойдет на юг. Нет, в Саргассово болото он больше не сунется — хватит с него болот на веки вечные! Узкие проливы между островами можно одолеть вплавь, а для переправы через широкие придется выдолбить лодку или связать плот. Времени на это не жаль — спешить, в сущности, некуда. Он еще далеко не стар, у него впереди полжизни.

Через три месяца он достиг крайнего северного острова архипелага, не встретив по пути никаких следов человека, и несколько дней жил на заброшенном, заросшем густолесьем полигоне. Зверье расплодилось на острове и не боялось человека. Иногда в лесу встречались обомшелые бетонные конструкции, проржавевший в труху металл. Наткнувшись на старую потрескавшуюся автопокрышку, Эрвин долго гладил ее ладонью, умиляясь и всхлипывая.

Год спустя он точно так же сидел на скалистом берегу крайнего южного острова, глядел в океан и плакал. Долгий и трудный путь был позади. Впереди же не было ничего, только длинный каменистый мыс на южной оконечности острова полого уходил под воду, и пенные морские барашки пачкали на нем свои руна о лохматый край Саргассова болота. Где-то далеко за горизонтом лежал материк — чересчур далеко, чтобы можно было надеяться достичь его на самодельном суденышке из подручного материала.

Эрвин плакал.

Нигде он не оставался дольше, чем было необходимо для того, чтобы осмотреть место и подготовиться к следующему броску на юг. Не спешить, но и не терять времени — таков был его девиз.

Непуганая дичь говорила сама за себя, но Эрвин добросовестно исследовал очередной клочок суши, начиная с тех уголков, где сам устроил бы лагерь. Попадались следы старых пожарищ, но не кострищ.

Он едва не погиб от удушья во время вулканического извержения на одном поганом островке и успел выбраться из горящего леса, хотя огонь гнался по пятам, с неба рушились раскаленные бомбы и в трех шагах ничего не было видно от жгучего пепла. Он спасся, когда при переправе через не самый широкий из проливов какая-то хищная морская тварь перекусила надвое пирогу, и спасся еще раз, будучи унесенным в океан на хлипком плоту, что пришлось построить взамен пироги. Он прошел из конца в конец всю островную дугу, все тридцать девять клочков суши, больших и маленьких, низких и высоких, гостеприимных и не очень, спокойных и усеянных дымящимися кратерами. Он спал на опавшей листве, на ветвях деревьев, на голых камнях, в теплых лужах возле действующих гейзеров, на корявых спинах старых лавовых потоков, содрогающихся от подземного гула. Он разговаривал сам с собой и с мертвецами, не дошедшими до Счастливых островов. Иногда ему начинало казаться, что он в самом деле любил Кристи, и тогда он, боясь сойти с ума, свирепо и едко набрасывался на себя, высмеивая странные фантазии.

Однажды в каком-то умопомрачении он забрался в Саргассово болото на полдня пути и натерпелся страху, возвращаясь. Но по-настоящему пугала мысль: если бы не надежда, гнавшая его вдоль островной дуги, он, пожалуй, побрел бы и дальше — на запад, к материку...

Почти везде он легко находил пищу.

Он не нашел людей.

Один раз на горизонте прошел корабль. Пока он не скрылся из виду, Эрвин жег на скале дымный костер, прыгал и махал над головой остатками одежды, ныне окончательно истлев-

шими и брошенными за непригодностью, сорвал голос в крике — хотя прекрасно понимал, что никакой корабль и близко не подойдет к Счастливым островам. Эти острова не для кораблей.

Они для тех, кто дошел.

Вернее, для того, кто дошел.

Для единственного. Тридцать девять островов — для одного человека!

Слишком много, чтобы хоть в чем-нибудь нуждаться. Ничтожно мало, чтобы со временем не сойти с ума или не отважиться двинуться назад через Саргассово болото. Что, впрочем, в здравом уме и невозможно.

А может быть...

Может быть, в один прекрасный день или в одну не менее прекрасную ночь на каменистый берег выползет еще один полумертвый счастливчик, недоглоданный болотом? Пусть это чудо случится не сегодня, не завтра и даже не через год, лишь бы когда-нибудь оно все же случилось. Ведь оно может случиться? Когда-нибудь...

Эрвин знал ответ: никогда. Чтобы дойти до Счастливых островов, чуда недостаточно. Даже летать по воздуху — чего уж проще! — человек научился по точному расчету, а чудеса остались ни при чем. Он, Эрвин, дошел потому, что считал. Считать приходилось постоянно, ибо обстановка менялась по нескольку раз на дню, и он считал, когда шел молча, выскивая глазами опасность, и когда охотился на головастики, и когда разговаривал с Кристи, зачастую не зная, что будет делать через пять минут, когда закончит расчет.

После всех расчетов, проделанных во время пути, после бесчисленных поправок и проверок вычислений Эрвин мог без труда рассчитать математическое ожидание и дисперсию времени появления на Счастливых островах еще одного спасшегося счастливца — и не мог заставить себя начать расчет, предвидя результат.

Чудо... Даже цепочка чудес, называемая хроническим везением. И еще — человек должен быть уникальным вычислителем или обладать столь же уникальной интуицией.

Эрвин знал, что на Хляби нет никого, кто мог бы сравниться с ним в умении считать. В великих интуитивистов он никогда прежде не верил, как и в не ошибающихся предсказателей будущего.

Но сейчас ему очень хотелось поверить.

И пожалуй, он мог предсказать свое будущее.

2000 г.

ПОГОНЯ ЗА ХВОСТОМ

1

Вот уже вторую пульсацию Бранд жил один. И вот уже дней пятьдесят, не меньше, он отправлялся на охоту в одиночестве. Прежде его всегда сопровождал Гектор, старый пес и верный друг, обладавший редким даже для собаки чутьем и, что еще важнее, неукротимым бесстрашием. Мало учуять хищника издали и предупредить хозяина — часто бывает необходимо отвлечь на себя внимание зверя, пока хозяин ловит его в прицел. Умирая от внезапно подкатившей старости, пес лизал руки Бранда и тихонько скулил, будто умоляя хозяина простить его за то, что он, пес, уходит, оставляя хозяина одного в этом полном опасностей мире. Жизнь пса коротка; Бранд помнил отца и мать Гектора, помнил его бабушек и дедушек. Их короткие собачьи жизни наложились на его жизнь, как лоскуты на одеяло. А ведь Бранд далеко не считал себя стариком: пятьдесят два — разве это возраст? Уже год, как он стал дедом, а все еще силен и ловок, как молодой, и выносливее всякого молодого. Старость придет не скоро, лет через двадцать пять, а то и позже.

Но такой собаки, как Гектор, у него уже не будет.

Сегодня его потянуло туда, в дальний конец своих «владений», на край нагорья, где саванна сменяется лесом, к маленькому холмику на опушке. Собаку нельзя было хоронить поблизости от Дома. Собственно, по всем канонам ее вообще

нельзя было хоронить, а полагалось уничтожить труп без остатка, но Бранд осмелился нарушить традицию. Кто обратит внимание на бугорок взрытой земли?

Обратили. Судя по разрытому холмику, какое-то животное пыталось добраться до трупа собаки, наткнулось на сланцевую плиту, которой Бранд прикрыл могилу от всякого зверья, не справилось с ней и ушло восвояси. Аккуратный холмик перестал существовать.

Бранд горестно постоял у оскверненной могилы. Ему нестерпимо хотелось поправить холмик, но он понимал, что этого делать нельзя. Любая структура на поверхности планеты, превышающая своей упорядоченностью определенный (и очень низкий) порог, способна привлечь внимание тех, чье внимание привлекать совсем не надо. На планете не должно быть ничего выходящего за рамки чисто природных процессов. Во всяком случае, ничего наблюдаемого извне.

Ни одной частицы мусора на поверхности! Ни одного предмета, не замаскированного под что-нибудь естественное и обыденное. Никаких зданий, труб и заборов, никаких плотин на ручьях. Если ходишь по саванне и не пользуешься тропами, протоптанными зверьем, — всякий раз выбирай новую дорогу. Спрячь глубоко под землей все, что можно спрятать, стань камнем или деревом, растворишься в природе, тебя нет! Не пренебрегай ни одним из правил маскировки! Твоя оплошность может обойтись в такую цену, какую человечество еще никогда не платило.

Как пороли детей, беспечно мусорящих где попало! Чересчур чадолюбивых родителей община заставляла пороть своих чад самолично, чтобы больно было всем: и дурно воспитываемым, и дурно воспитывающим. Как правило, одного урока хватало на всю жизнь. Запомни с детства и никогда не забывай: рано или поздно, скорее все-таки поздно, чем рано, но НЕИЗБЕЖНО настанет момент, когда придут ТЕ, ДРУГИЕ.

Спасет ли тогда маскировка жизнь последней человеческой общины, горстки людей, рассеянных по горам и равнинам последней планеты, еще принадлежащей человечеству? Бранд не знал. Этого не знал никто. Но каждый твердо знал: если что-то и спасет, то только маскировка.

Имей Бранд возможность действовать на свой страх и риск — другое дело. Тогда он не колебался бы и секунды. Но на планете, помимо него, жило сто восемьдесят шесть человек, в том числе его дочь и два внука. И Бранд не имел права поступать по своей прихоти. Один раз, поддавшись сентиментальному капризу, он позволил себе нарушить неписанный закон — второй раз не позволит. Ни за что. Ради людей. А собака — это ведь только собака, к тому же мертвая.

Пискнул детектор живой массы. Бранд знал все его тональности: на сей раз в пределах чувствительности прибора оказался зверь с массой от ста восьмидесяти до трехсот килограммов. Умница Гектор учуял бы такую зверюгу за полкилометра — тупой прибор брал его от силы метров со ста.

Беглый взгляд на саванну — вроде пусто. Поодаль мирно паслось стадо жвачных некопытных. Отдельные купы деревьев располагались чересчур далеко, детектор не смог бы засечь прячущегося там зверя. Опасность могла исходить только из леса.

Бранд больше не смотрел на могилу собаки. Пятясь, он отходил, не сводя взгляда с корявых кустов на опушке. Хищник мог прятаться за ними. Впрочем, настраиваться на схватку раньше времени не стоило: скрывающееся в лесу животное, судя по его массе, вполне могло оказаться незрелым травоядным увальнем, существом мирным и безопасным. Хотя и не обязательно...

На всякий случай Бранд ошупью выдвинул приклад плазменника, висящего на шее на коротком ремне. Так будет спокойнее.

Кусты всколыхнулись и пропустили зверя. Еще не видя его, Бранд определил породу хищника. Так ровно и мощно стартует только охотящийся клешняк — чешуйчатый, как шишка, зверь с передними лапами-клешнями, разрывающими добычу в клочья, и на удивление скромной пастью на маленькой голове — столь маленькой, что центральный мозг этого зверя помещается не в черепе, а в выростах позвоночного столба. Клешняк редко скрадывает добычу в засаде — обычно он предлагает жертве честное состязание на скоростную выносливость.

Кто кого? Если против него невооруженный человек, исход ясен.

Бранд побежал.

Первым рывком — на одних задних лапах — хищник выиграл половину расстояния до человека. Затем Бранд почувствовал, как шаги преследователя за спиной изменились — клешняк опустил на четыре лапы и припустил за жертвой спокойной размашистой трусцой, предлагая обычное состязание. Такой побегом он мог бежать часами без видимой усталости. Ты быстрее? Тогда уноси ноги. Посмотрим,охранишь ли ты ту же прыть спустя час или два...

Впереди стадо неопытных травоядных заволновалось и слитно потекло прочь. Смысла в этом было немного: редко какой хищник бросит преследовать слабую жертву, прельстившись сильной, да еще стадной. Человек — плохой бегун. Для него неспешная трусца клешняка — все равно что рывок спринтера на стометровке. Никакой человек не выдержит такой темп более пятнадцати—двадцати секунд.

Тем более в саванне, а не на беговой дорожке.

Зверь догонял. В охоте клешняка на человека не было ничего удивительного: большинство местных хищников охотилось на все, что движется, не утруждая себя сомнениями при встрече с незнакомым существом. Хотя Бранду сейчас казалось, что именно этот клешняк гонится за ним целеустремленнее, чем прочие. А если... тот самый?

Тот самый, что уже однажды попробовал человеческого мяса...

Крутой холм-взгорбок можно было обежать, но Бранд рванул к вершине. Он знал, что клешняку в отличие от человека подъемы нипочем, и понимал, что хищник вот-вот приблизится вплотную. Но так было надо.

Подъем кончился, пошел спуск. Бранд наддал. Ветер свистел в ушах. Пора?.. Да, пожалуй, уже пора...

За спиной Бранд услышал дыхание зверя. Дыхание прирожденного стайера, ровное и мощное, как работа кузнечного меха.

Почему, почему у Эрика не сработал антиграв?

А если и у меня сейчас не сработает?..

Одновременно с нырком вперед Бранд нажал кнопку на поясе, и нырок перешел в полет. Настройка антиграва не сбилась — теперь тело весило граммы, как и положено при охоте на клешняка методом «живца». Вытянув вперед руки, Бранд заскользил по воздуху над травой. Судя по звукам сзади, на клешняка это не произвело ни малейшего впечатления. Жаль, что клешняки не способны удивляться...

И жаль, что их трудно убить выстрелом спереди, в бронированную морду.

Мешкать не стоило — несмотря на обтягивающую охотничью одежду, сказывалось сопротивление воздуха. Бранд приподнял ладони и взмыл свечкой. В опасной близости от пяток отчетливо клацнула зазубренная клешня. Бранд знал: сейчас зверь резко затормозит лапами и хвостом, оставив широкую вспаханную борозду, и начнет недоуменно озираться, напрасно ища то дерево, на которое сумела взобраться жертва и которое нужно перегрызть, чтобы до нее добраться. Клешняки тупы, действуют по шаблону.

Саванна опрокинулась. Не меняя положения рук, чуть выгнув спину, Бранд описывал в воздухе кривую, в незапамятные времена названную Декартовым листом, а чуть позже переименованную в петлю Нестерова. Траектория полета неминуемо должна была вывести его в точку, находящуюся сзади сверху от зверя, откуда так удобно расправиться с ним одним выстрелом в слабо защищенный крестец.

Именно этот момент предвкушал Эрик, единственный сын, пятнадцатилетний юноша, уже убивший на охоте своего первого клешняка и желавший убить второго, ибо глупых хищников, не видящих разницы между травоядной дичью и человеком, следует уничтожать по мере сил. Тогда Хильда еще была жива, и сын говорил ей: «Да что ты, мама, это совсем не опасно, если только клешняк не сядет тебе на пятки, но я же не лихач, ты знаешь. Я буду очень осторожен, обещаю...»

Антиграв сына почему-то не сработал. Быть может, аккумулятор был с утечкой и разрядился во время выслеживания добычи. Быть может, окислился контакт в кнопке. А может быть — Бранду не хотелось об этом думать, — Эрик испугался до потери самообладания и забыл, что надо делать? Или он

упал на бегу, споткнувшись о травяную лиану, или его нога попала в нору роющего животного? Теперь уже никогда не узнать, как все случилось. Но зверь настиг его.

Осталось немного — то, что клешняк бросил, набив брюхо, да еще покореженный, явно побывавший в клешне антиграв, раздавленный детектор живой массы и плазменник, из которого так и не было выпущено ни одного заряда.

Потом люди устроили несколько больших облав, в первую очередь здесь, на нагорье. Было убито свыше сотни клешняков и еще больше других плотоядных существ, опасных и не очень. Падальщики пировали. В общем-то облава оказалась бесполезным делом: на недолгое время нападения зверья на людей стали редкостью. Очень скоро все возобновилось, будто облавы и не было. Люди дали выход ярости, и только.

Честно говоря, и охотиться было совершенно незачем, если не считать того, что это занятие убивало время. Бранд многократно приводил себе доводы против охоты: за тридцать шесть лет жизни на этой планете белковый синтезатор не забарахлил ни разу; большинство местных зверей все равно несъедобно, а немногие съедобные гадки на вкус; охота бывает небезопасна; в уничтожении травоядных нет смысла, а отстрел хищников, нападающих на человека, не приводит к сколько-нибудь заметному уменьшению их численности. Сколько Бранд себя помнил, он не уставал удивляться огромному запасу устойчивости местной экосистемы.

Но тогда, после облавы, Бранду отчего-то казалось, что среди разлагающихся туш мертвых хищников нет того единственного, с кем он мечтал свести счеты...

Быть может, этот?

Бранд завершал виток петли. И в это время высоко в синем небе, находившемся сейчас далеко под ногами, произошло нечто, отвлекшее на мгновение его внимание. Видимо, поэтому выстрел, отчасти погасивший скорость падения, оказался не слишком точен. Пораженный в спину близ крестца клешняк исторг хриплый вой и завертелся на месте. Он был ранен, и, вероятно, ранен смертельно; можно было просто подождать, пока он сдохнет, но Бранд, держась подальше от

страшных клешней и убийственных размахов хвоста, поспешил послать в рану еще один заряд.

Тратить на одного зверя два заряда среди охотников всегда считалось дурным тоном и могло вызвать иронические усмешки. Сейчас Бранду было на это наплевать.

Опрокинутый на бок зверь еще издыхал, однако Бранд уже напрочь перестал им интересоваться. В небе разворачивалось феерическое зрелище.

Над планетой всегда сияли две луны, они были видны и днем. Одна — большая и круглая, другая — угловатый обломок на сильно вытянутой орбите, бродяга-астероид, миллионы лет назад плененный притяжением планеты. Орбиты лун не пересекались. В перигее бывший астероид достигал в видимом поперечнике половины диаметра главной луны — в апогее он сжимался в горошину, не всегда различимую глазом в яркий день. Но сегодняшний день был неярким, и солнце светило оранжевым, а не белым.

Помимо двух лун, на дневном небе всегда можно было заметить не меньше десятка ярких звезд скопления Ориона — «родильного дома» горячих гигантов, — а по ночам в небесах ярко пылали облака Большой Туманности, подсвеченные тысячами и тысячами звездных огней. Планета не знала настоящих, темных ночей.

Колыбель молодых звезд — последнее место, где разум (гуманоидный или нет — все равно) подсказал бы его обладателям поискать землеподобные планеты. И тем не менее одна такая планета была — планета у звезды, не родившейся здесь, а забредшей в Большую Туманность по воле случая.

Лучшее убежище находится не там, где не найдут, сколько бы ни искали, а там, где не станут искать.

Бранд смотрел в небо. Радужная воронка открылась там, где только что сияло пятнышко меньшей из лун. Уже тридцать шесть лет Бранд не видел этого зрелища, но даже тот, кто родился здесь и не видел его никогда, не мог ошибиться: в ближнем космосе открывался гиперпространственный канал. Кто-то извне пробивал путь к планете.

Затем в небе вспыхнуло, и Бранд понял, что планета лишилась меньшей луны. Бывший астероид втянуло в жерло,

словно пылинку, — канал был инверсным и алчно засасывал материю, чтобы выбросить ее неведомо где. Тем, кто его пробил, придется потратить бездну энергии, чтобы туннелировать отсюда сюда, — но вряд ли это их остановит. Канал просто чудовищный, глотает целые планетоиды... Бранд не знал, умели ли люди в пик своего могущества пробивать каналы, способные пропустить разом не один корабль, а целую эскадру. Или корабль-громадину, каких раньше не строили, чудовище размером с астероид... Вряд ли.

— Все-таки нашли, — сказал Бранд.

Затем сложно и скверно выругался.

2

— Мирмикантропы? — спросил Иракий сиплым шепотом. — Ты уверен?

— А кто еще? — зло ответил Бранд. — Люди?

— Ты знаешь, что я допускаю...

— Мы с тобой уже говорили об этом, — перебил Бранд. — Говорили много раз. В качестве последнего оплота Крепость существовала не один десяток лет. Кто уцелел — перебирались туда, к нам. Крайне маловероятно, чтобы где-то в Галактике затерялась еще одна планета, населенная людьми. Тем более невероятно, что мирмикантропы до сих пор ее не обнаружили. Ни один человек в здравом уме в это не поверит. Жаль, но чудес не бывает.

— Я не о том, — проговорил Иракий. — Теоретически возможно, что покинуть Крепость успели не только мы...

— Опять ты за свое? — вздохнул Бранд. — Забыл, как дело было? А я, представь себе, помню. И как эти гады шутя сбивали наши корабли на взлете — помню!

— Кривой Джозеф раньше нас успел увести свой корабль от планеты... — гнул свое Иракий.

— Потому-то мы и смогли оторваться, что мирмикантропы погнались за Джозефом! Как ты думаешь, много он со своими пассажирами имел шансов удрать от погони? Ни одного!

На том конце линии связи старейшина колонии тяжело вздохнул.

— Быть может, ты и прав... Только не будем раньше времени предполагать худшее, хорошо?

— Раньше времени — не будем, — согласился Бранд. — Но пока не станет ясно, кто заявился к нам в гости, наружу никому не высовываться. И меры предосторожности...

— Это ясно, — перебил Иракий.

— Свирепые меры!

На том конце линии Иракий снова вздохнул:

— А какие же еще...

— Связь только в самых экстренных случаях. В самых экстренных! И только через спутник.

— Дураку понятно...

— Дураку, может, и понятно, а некоторым — нет. Предупреди. Я видел, ты видел, а кто-то, возможно, сегодня вообще не глядел в небо.

— Предупрежу сейчас же.

— Тогда пока.

Бранд дал отбой. Он тяжело дышал: после стремительного бега-полета к Дому, сожравшего, между прочим, весь энерго-ресурс антиграва, легкие жгло огнем и мучительно кололо под сердцем. Успел... Спрятался... Юркнул, как мышь в нору.

В какой-то мере Дом и напоминал нору, глубокую и разветвленную. Снаружи он выглядел ничем не примечательной округлой горушкой, гранитным куполом, миллионы лет назад сглаженным древним ледником. В трещинах гранита укоренились кусты и низкорослые деревца. Местные мхи, лишайники и странные шевелящиеся то ли растения, то ли грибы, то ли вообще невесть что отважно осваивали жизнь на голом камне. Три расселины пересекали гору, по ним стекала вода во время дождей. Словом, обычная, ничем не примечательная возвышенность, каких много и на нагорье Бранда, и вне его.

Ни один из трех входов в Дом не располагался в расселинах. Где будут искать? Там, где сами бы спрятали. В чем-то логика мирмикантропов и людей близка. А значит, расселины категорически не годились. Два входа были вообще вынесены за пределы горы и соединялись с основными помещениями

длинными штольнями; третий вход скрывался под многотонной гранитной глыбой, сдвигаемой механизмом, откликавшимся на радиопароль. Обычно Бранд предпочитал дальний путь через штольню.

Когда-то в Доме жили три семьи. Потом старые Дюбуа умерли, а их сын, женившись, перебрался к супруге на другой конец материка. Молчановы ушли жить в Цитадель. Бранд остался. Ему и здесь было хорошо, тем более что он был не один. Старый Бранд, отец, успел понянчить внуков. Жена, Хильда, тоже не слишком страдала от скуки и вполне рассудительно говорила, что в Цитадели и без нее скопилось чересчур много народу, тогда как безопасность настоятельно требует рассредоточенности. Дети — Эрик и Хелен — росли здоровыми и послушными. Что еще надо от жизни?

Эрик погиб — глупо, по молодечеству. Нечестно, когда дети уходят из жизни раньше родителей. Через год ушла Хильда, позволив себе угаснуть от непонятной болезни, а вернее всего — просто от тоски. А Хелен перебралась в Цитадель, вышла замуж за белобрысого дылду Юхана, и теперь у них двое крикливых близнецов — Юхан-младший и Хельга.

Она звала в Цитадель и отца. Бранд остался. По-своему Хелен была права: внуки должны расти среди людей, играть со сверстниками, и, кстати, дед им совсем не помешал бы... но потом, потом. Дом можно законсервировать на годы или просто уступить кому-нибудь, нуждающемуся в одиночестве, — все дело было в том, что в одиночестве нуждался сам Бранд.

Он знал, что его прозвали отшельником. Ему было все равно.

Теперь, когда не стало и собаки, одиночество окутало его, словно ватой, Бранд и страдал от него, и упивался им, как крепким вином. Пустую жизнь надо чем-то наполнять, и он наполнял ее риском, охотясь на клешняков самым опасным, зато самым увлекательным способом — как когда-то Эрик. Иной раз, пережив очередной адреналиновый впрыск, он думал о том, что когда-нибудь погибнет так же глупо, как Эрик, и ругал себя последними словами. А потом приходила простая, спокойная и холодная, как сосулька, мысль: умереть не страшно. Он свое пожил. Бесконечно цепляться за жизнь —

ради чего? Что в ней есть такого ценного, что заставило бы прилипнуть к ней, как муху к патоке? Испытать еще одну потерю, еще одно опустошение? Или, уподобившись Ираклию, разменявшему девятый десяток, просто тянуть и тянуть, как тянет над лесом подбитый флаер, длить жизнь из интереса: придут когда-нибудь мирмикантропы — не придут?

Ясное дело, придут, хотя при бегстве, кажется, удалось хорошо замести следы и вдобавок найти в космосе сносную планету в бесперспективном районе, по идее, вообще лишенном землеподобных планет. Высадились, разобрали пустой корабль по винтику, зарылись в грунт, как кроты, замаскировались — нет, мол, нас. И каждый все равно знал: не бывает абсолютных убежищ. Через сто лет, через тысячу ли — мирмикантропы доберутся и сюда.

Уже добрались...

Отдышавшись, Бранд кинулся к экрану наружного наблюдения. Радужного кольца в небе уже не было видно: не то оно скрылось в лучах солнца, не то гиперпространственный канал успел схлопнуться, пропустив корабль. Последнее казалось более вероятным: как бы далеко за минувшие десятилетия ни продвинулась техника мирмикантропов, вряд ли с тех пор они приобрели привычку швырять в ничто бездны и бездны энергии, сохраняя ненужный канал. Еще никто не мог отказать им в рациональности мышления, оптимальности решений и решительности действий.

Корабля (или кораблей?) в небе тоже не наблюдалось. Можно было запросить через спутник дальних соседей, живущих на другом краю материка, — что видно у них? Бранд с сожалением поборол искушение. Конечно, инфракрасный лазерный луч, несущий сообщение, обнаружить довольно трудно, но лучше не идти попусту даже на минимальный риск в деле, касающемся не его одного. От пытки неопределенностью еще никто не умирал. Потерпеть час-другой — и все станет ясно.

Бесшумно подкатил робот-прислужник, остановился подле Бранда, внятно подскулил, прося ласки и работы. Имел бы хвост — завилал бы, дурак. Бранд пнул его ногой — уйди, не до тебя! Робот послушно откатился в угол.

Переключив экран с зенитного наблюдения на азимутальное, Бранд тщательно оглядел ближайшие окрестности Дома. Север. Тут чисто... Запад. Юг. Восток. Тоже вроде все в порядке, ничто не выдает человеческого присутствия. Если и завалылась где посторонняя соринка, то в глаза не бросается, ее еще найти надо... И протоптанных тропинок, разумеется, никаких нет, если только не натоптало зверье. Первое правило: не топчись вблизи Дома, пользуйся антигравом!

С южной стороны рос молодой лес, посаженный еще отцом Бранда, и посаженный грамотно, иррегулярно: не отличить от дикого подростка. Когда-то на этом месте решили было установить солнечную энергостанцию-невидимку и укоренили сотен пять энергопальм, очень похожих на местные деревья, правда, не растущих, не фотосинтезирующих и, понятно, не съедобных. Затея не прошла: местные жвачные животные с длинными шеями, отчасти напоминающие доисторического земного халикотерия, простодушно пытаясь жевать листья-батареи, получали разряд и, если не падали замертво, начинали в бешенстве драть пластиковые стволы кривыми когтями. С утилизацией энергопальм пришлось помучиться не меньше, чем с их синтезом, и с тех пор Дом питался энергией от не очень-то мощного, зато долговечного ядерного источника, скрытого в толще скалы. Воздух регенерировался, отходы, по возможности, тоже. Ненужное сбрасывалось в глубокие шурфы. Излишнее тепло отводилось в воды подземной речки, текущей под горой неизвестно откуда и неведомо куда. Бранд понимал, что ночью очень чувствительный тепловизор все же отметит чуть-чуть повышенную — может быть, на тысячную долю градуса, — температуру горы, но надеялся, что мирмикантропы при всей их дотошности не придадут этому значения. Мало ли отчего одна гора может быть чуть-чуть теплее другой! Любой человек с ходу назовет полдюжины возможных естественных причин, от близкого магматического очага до радиоактивного месторождения именно под этой горой, а не под какой-нибудь другой.

На всякий случай Бранд приглушил реактор, оставив ровно столько мощности, чтобы хватало на работу внешних «глаз» да аварийного освещения. Хорошо, что солнце палит все жар-

че, — вполне возможно, что уже завтра никакой прибор не сумеет зарегистрировать отличие Дома от заурядного гранитного купола...

Звезда, которую по старинке именовали Солнцем, относилась к классу микроцефеид. Период ее пульсаций почти точно равнялся десяти суткам, период обращения планеты вокруг звезды — двадцати двум пульсациям. Еще вчера солнце висело в небе распухшим багрово-красным пузырем — сегодня оно заметно съезжилось, окрасилось в приятный оранжевый цвет и уже не позволяло подолгу смотреть на него невооруженным глазом. Завтра оно сожмется еще больше и станет желтым, как настоящее Солнце, послезавтра — белым, а послепослезавтра превратится в ослепительную бело-голубую горошину, изливающую яростные потоки ультрафиолета. В такие дни лучше не выходить из Дома. Животные — и те прячутся. Сожмись однажды солнце и перестань пульсировать дней на десять—двадцать — и на планете не останется ничего живого, кроме микроорганизмов, рыб да роющих животных, никогда не выходящих на поверхность.

Конечно, этого никогда не произойдет. Уже на следующий день после максимума цикла звезда начнет остывать, разбухая буквально на глазах, и на третий день снова станет похожей на Солнце — то, изначальное, никем никогда не виданное, — а на четвертый день набрякший оранжевый шар напомнит старикам то солнце, которое они видели в молодости, и, может быть, вызовет ностальгические воспоминания.

Бранд помнил то солнце — солнце планеты Крепость, последней цитадели исчезающей человеческой цивилизации, — но ностальгии не испытывал. Наверное, потому что он был еще мал тогда, когда людям пришлось бежать. Психика подростков пластична, окружающий мир легко лепит из нее то, что ему надо. Бранд быстро привык к новой тверди под ногами и новому, пульсирующему солнцу над головой. Привык к иному составу воздуха, иным животным и растениям нового мира. Но и старый мир не забыл.

Солнце планеты Крепость было оранжевым карликом, всегда усыпанным оспинами пятен. Планета медленно вращалась вокруг оси, и день тянулся долго, а год состоял из пятидесяти

четыре дня. По этой причине Крепость когда-то давно называлась иначе — Игорный Дом, а дни носили имена соответствующих карт в колоде. Год начинался пиковой мастью — от двойки до туза, далее шла крестовая масть, джокер, бубны, червы и второй джокер. Семерки, короли и тузы исстари были выходными днями, джокеры — общепланетными праздниками. Над уникальным календарем Игорного Дома дружно смеялись обитатели всех освоенных людьми миров, однако не упускали случая познакомиться поближе с такой достопримечательностью, чего местной индустрии, ориентированной главным образом на туризм, и надо было.

Потом наступили иные времена. Туризм забуксовал, игорный бизнес плавно сошел на нет, казино закрылись, от прошлого остался только странный календарь. После гибели человеческих поселений на Лагранже и Новом Марсе правительство дальновидно объявило текущее положение предвоенным. Случилось это лет за сто до рождения Бранда, а когда он появился на свет, планета уже называлась Крепостью и в ее космопортах высаживались не развеселые пестрые туристы, а напуганные беженцы. Радикально перестроенная экономика работала почти исключительно на оборону. Создать непроницаемый щит над планетой! Отказаться от излишеств! Не обращать внимания на гибнущую природу — мертвецам ни к чему чистый воздух, прозрачные реки и зеленые лужайки! Перекраивались университетские программы: не время готовить гуманитариев! Больше технических специалистов, больше врачей, больше военных, больше кораблей, еще, еще больше! Остановить мирмикантропов на дальних подступах! Остановить, разбить и отбросить!

Несмотря на постоянный приток беженцев, не хватало рабочих рук. Первыми пали семерки, объявленные правительством рабочими днями. Затем — короли. Удлинились рабочие смены. Отец Бранда, техник на военном космодроме, приходил домой полумертвый от усталости. Тринадцать долгих рабочих дней, вся масть, — затем один выходной туз. Еще тринадцать — и два выходных, туз и джокер. Лет за пять до падения Крепости правительство сделало попытку объявить рабочими днями и тузы, что вызвало яростный

взрыв возмущения — вплоть до забастовок, кровавых беспорядков на улицах и объявления военного положения, не приведшего, однако, к росту производства военной продукции. Человек не мирмикантроп: сколь ни долдонь о нависшей смертельной опасности, ему иногда нужен отдых. Можно работать на износ месяц, год — пять лет не продержится никто.

А тогда казалось, что до решающего момента, до окончательного ответа — быть или не быть человечеству — осталось куда больше пяти лет...

В общем-то правительство (а позднее — военное командование) Крепости не наделало грубых ошибок. Мирмикантропы оказались сильнее, только и всего. В те времена их корабли не превосходили по боевой мощи корабли людей, но кораблей у них было больше. В бою они легко могли менять три корабля на один. И меняли.

Осада длилась долго. Человечество отступало, огрызаясь поначалу на дальних подступах, затем на ближних, дорого продавая одну космическую базу за другой, не давая и не прося пощады. Кому не было известно, что враг не берет пленных? Может быть, в последний раз равнодушная Вселенная увидела примеры величайшей жертвенности и отваги. Патрульные катера бросались в атаку на изливающие огонь линкоры. Расстреливаемые в упор корявые вспомогательные крейсера, переделанные из грузовых посудин, шли на абордаж и зачастую гибли недаром. Ни Бранд, ни кто-либо иной из выживших даже в мыслях не могли упрекнуть защитников Крепости в недостатке воли, храбрости, терпения. Люди сделали, что могли. Их ли вина, что ресурсы оборонявшихся иссякли раньше, чем ресурсы нападавших?

Крепость не была захвачена — даже мирмикантропам оказалось не под силу истребить на ней людей, сохранив планету в относительной целостности для своих нужд. Оккупировать куда труднее, чем уничтожить. Планета была испепелена, на ней не осталось ничего живого, включая микроорганизмы в выкипевших океанах. Разумеется, глубоко вырытые убежища не могли спасти гражданское население. Когда окончательно рухнуло управление обороной и исход битвы стал ясен, когда до

всеобщей гибели остались минуты, с планеты стартовало несколько кораблей, набитых беженцами — случайными, кого удалось подобрать в безумной спешке предстартовой подготовки. Проскользнуть сквозь неприятельские эскадры, оторваться от погони и затеряться в безднах космоса им могло помочь только чудо. Бранду и его родителям повезло — они оказались на том корабле, которому это удалось. Вероятно, на единственном.

Звучно капала вода со сталактита, который Бранд выращивал, не пожелав замуровывать трещину в своде. За тридцать шесть лет выросла сосулька длиной в палец. Кап. Кап. Без конца, без смысла. Кап. Кап. Метроном. Бессмысленно уходит время, а делать нечего: надо ждать. Впрочем, разве не бессмысленна вся жизнь маленькой человеческой колонии? Сохранить себя и продолжить себя же в потомстве — главнейшая и, по сути, единственная, но убогая цель. Жить, рожать детей. Последнее время Бранду все настойчивее предлагали взять новую жену — последнему осколку человечества нужны дети, нужно будущее. Через два-три поколения придется вести генетические карты, следить, чтобы не было вырождения, подбирать пары не по любви, а по генетической целесообразности — и рожать, рожать!

И знать в то же время, что рано или поздно придут те, для кого люди — помеха, подлежащая устранению, и чем скорее, тем лучше.

Когда Большой Взрыв создал звезды и планеты, он создал их достаточно. Даже более чем достаточно для человечества.

Но не для мирмикантропов.

Быть может, им уже и Галактика стала мала? Бранд находил это вероятным. Иначе с чего бы им исследовать малоперспективные звездные задворки?

Без сомнения, старый Иракий был не прав — не люди пожаловали в гости. Неоткуда взяться гостям-людям. Пожалуй, с большей долей вероятности можно было предположить, что канал пробили посланцы чужой, неизвестной цивилизации, чего заведомо не могло быть. В Галактике нет третьей цивилизации, этот факт был установлен давным-давно, еще в золотые времена владычества человека над сотнями планет.

Во всяком случае, нет цивилизации, осуществляющей звездную экспансию подобно людям или мирмикантропам.

Азбучная истина. И тем не менее Бранд, поглядывая на экраны, не раз ловил себя на неосновательной вере в чудо и, опомнившись, злился на себя. Так маленький ребенок верит, что с ним уж точно не может случиться ничего плохого. Так приговоренный к виселице может жить свои последние минуты верой в то, что глупая веревка оборвется, непременно оборвется! Как она может не оборваться?

Лишь повешенные знают — как.

3

После полудня связь ненадолго ожила, и Иракий спросил:

— Как дела?

— Пока никак, — ответил Бранд. — Веду наблюдение.

— Ты его видел?

— Корабль? Да. Здоровенная машина. Орбита почти меридиональная, круговая, высота над поверхностью двести девяносто километров. Пока не предпринимает никаких маневров. Может оставаться на этой орбите суток пять.

— Вряд ли они будут ждать пять суток.

Иракий отключился. Бранду очень хотелось спросить, как там Цитадель, нет ли признаков того, что обнаружена, но он удержался от ненужного вопроса. И так ясно, что пока не обнаружена. Будь иначе — Иракий попрощался бы.

Медленно перемещалось по небу оранжевое солнце, не краснея к закату, а, наоборот, желтея, и лениво плыли облака. Ветер шевелил кроны рощицы. В прерии, полускрытое купой деревьев, паслось стадо пугливых некопытных; к нему вразвалочку приближался клешняк. Экосистема планеты жила своей жизнью, ей не было никакого дела ни до старых пришельцев, ни до новых.

Текли часы.

Бранд дважды плотно поел — нервное ожидание всегда возбуждало в нем зверский аппетит, — поразмыслил над тем, не велеть ли синтезатору изготовить литр-другой пива в само-

распадающейся упаковке, и отверг эту мысль. Подозвав робота, он приказал ему протестировать все системы Дома, в первую очередь охранные, и, дождавшись благополучного доклада, еще раз скрупулезнейшим образом проверил все сам. Невеселительные мелочи существуют для тех, кому не дорога жизнь, а Бранд с удивлением осознал, что он, оказывается, дорожит собой. Это открытие привело его в недолгое замешательство, но он быстро расставил все по полочкам. Умереть от болезни, погибнуть на никому не нужной охоте, убить самого себя, устав жить, — это одно. Такая смерть может выглядеть глупо, но только не с точки зрения ее жертвы. Быть убитым мирмикантропами, да еще не в бою, а прячась под землей, — это совсем, совсем другое! Человек не кролик и не мышь.

Впрочем, это смотря с чьей точки зрения...

Задолго до того как Бранд появился на свет, мирмикантропов в Галактике уже было куда больше, чем людей. С тех пор постепенно, но неуклонно людей становилось все меньше, а мирмикантропов, напротив, больше. Теперь их, наверное, сотни миллиардов, если не триллионы...

А людей?.. Население планеты Крепость в пик наплыва беженцев насчитывало менее миллиарда человек. Той же величине равнялась численность человечества, ибо Крепость оставалась последней планетой, населенной людьми. Она оставалась таковой долго, лет десять... А теперь численность человечества известна с абсолютной точностью и равна ста восьмидесяти семи. Не миллионов и не тысяч. Единиц.

И то, и другое было закономерно, если учесть невероятную для антропоморфных существ плодовитость мирмикантропов и их патологическую неприязнь к людям. «Где увидел человека, там его и убей, — гласил, казалось, их девиз. — Остальные дела могут подождать».

И тем не менее человеческая цивилизация еще жила. Сто сорок три человека ступили на поверхность этой планеты тридцать шесть лет назад. Некоторые погибли от неизвестных болезней и трагически нелепых случайностей, неизбежных при встрече с неизвестным, угасло несколько стариков — но и родилось немало здоровых младенцев. Уже подрастало второе поколение тех, кто не знал иного солнца, кроме вечно пуль-

сирующей звезды. Численность человечества постепенно росла, а набор генов был достаточен, чтобы не бояться вырождения. Ираклий, выборный старейшина, не уставал повторять: «Мы не осколки цивилизации, мы — сама цивилизация. Запомните: цивилизацией называется то, что сознает себя цивилизацией и не собирается это доказывать, зато требует доказательств цивилизованности от всяких посторонних... Запомнили?» Тем трогательней была малоосновательная вера Ираклия в то, что где-то во Вселенной затерялась еще хотя бы одна человеческая община.

Бранд верил и не верил в то, что мирмикантропов создали люди. Он тоже слышал в детстве эту полуполюгенду: в те времена, когда юное человечество едва освоило ближайшие к Солнцу системы, а технические средства уже позволяли осуществить прыжок в Галактику, неисправимое несовершенство человеческого тела побудило генетиков к более радикальным, чем ранее, экспериментам с целью создания «хомо галактикуса» — более неприхотливого, более пластичного, более способного, более долговечного и плодовитого существа, разумеется, вполне человеческого во всем остальном. В сущности, человеческий организм как конструкция был когда-то «пущен в серию не доведенным до ума»: чересчур слаб, недостаточно вынослив, с массой болевых точек прямо на поверхности тела! Не говоря уже об острой нехватке психологической устойчивости, свойственной если не всем, то большинству. Нет, не ему, уязвимому для всего, что хоть немного выходит за рамки тепличных условий, и при этом слишком ценному, шагнуть туда, где тепличных условий нет и быть не может...

Логичным показалось «разбросать» функции работы и воспроизводства по разным особям. Логичным — наделить способностью к продолжению рода лишь одну самку из десяти, зато втрое-вчетверо уменьшить время внутриутробного вынашивания и увеличить количество зародышей с одного-двух до пяти-десяти. Более чем логичным — осуществить тонкую работу по перестройке ряда врожденных инстинктов с целью приведения их в соответствие с особой физиологией и особым предназначением новой человеческой расы.

Обострить до предела все пять чувств и добавить несколько новых? Да. Укрепить насколько возможно иммунную систему, защитив новую расу от известных и неизвестных болезней? Безусловно. Оставить и даже усилить практическую сметку, логику, способность к техническому мышлению? Почему бы нет.

И разве вмешательство в геном было произведено впервые? Если бы так — люди по сию пору страдали бы от зубной боли, а на месте выпавших зубов не вырастали новые. Не говоря уже о великом множестве иных болезней, к которым человек ныне совершенно невосприимчив.

Но где проходит грань между человеческим и нечеловеческим, между человеком и нелюдью? Обыкновенный олигофрен, казалось, куда сильнее отличается от среднего человека, нежели мирмикантроп, и тем не менее считается человеком, хотя и ущербным. На каких, скажите, аптечных весах взвесить совесть, верность, доблесть, гуманность, наконец? Какой поверенный метрологом и опломбированный точный прибор использовать для тестирования новых существ на принадлежность к человечеству?

Кто первый прозвал их мирмикантропами — неизвестно. Название напрашивалось само. Трудно было не заметить определенное сходство между сообществами «хомо галактикусов» и колониями общественных насекомых вроде пчел или муравьев. Само собой разумеется, полной аналогии не было — ее и не должно было быть! Мнилось, что «хомо галактикус» будет всего лишь подвидом человека разумного. Мыслилось также, что со временем неизбежно произойдет перемешивание горстки мирмикантропов с основной массой человечества и модифицированные гены сами собой исчезнут спустя несколько поколений. Неизбежные рецидивы, по сути, не принимались в расчет. В конце концов, если три поколения спустя какая-нибудь юная особа созреет в четыре года и лет до восьмидесяти будет способна производить детей с эффективностью свиноматки, это ее личная проблема, мир из-за этого не перевернется. И что за беда, если у праправнука человека и мирмикантропа вдруг обнаружится атавизм в виде шестика-

мерного сердца, кстати, более чем работоспособного? «Пострадавший» будет только рад.

Так предполагалось. Много чего предполагалось как генетиками, так и социологами...

В Галактике сотни миллиардов планет — по большей части газовых, обледенелых, чересчур горячих, лишенных атмосферы, недостающее вписать. Лишь ничтожная их часть пригодна для жизни человека, да и те, как правило, не идут ни в какое сравнение с Землей. Как быть, если процент кислорода в атмосфере может поддерживать жизнь муравья, но никак не человека? Строить купола? Вообще отказаться от освоения такой планеты? Или все же создать модифицированную расу, способную поселиться там и постепенно преобразовать экосистему планеты под потребности немодифицированного человека? Ответ казался ясным и простым.

И оказался ошибочным, подобно большинству простых ответов.

Самое удивительное — хотя удивляться этому стали много позднее, — что такой метод звездной экспансии поначалу срабатывал безупречно.

Какое-то время, может, пятьсот лет, а может, и тысячу, мирмикантропы успешно осваивали Галактику для человека. Потом... Ходили разные версии, когда и с чего началось «потом». Очень вероятно, что какая-то колония мирмикантропов по забытой причине на непозволительно долгое время оказалась предоставлена самой себе. Не менее вероятно, что какая-нибудь партия «хомо галактикусов» имела генетический брак, впоследствии усугубленный мутациями. Так или иначе, эта колония развивалась изолированно, постепенно забывая о своем предназначении. Почему ее не уничтожили — ответа на этот вопрос Бранд не знал. Похоже, предки нынешней горстки людей были потрясающе легкомысленными существами. И даже когда люди осознали, что в Галактике у них появились деловитые и неуступчивые конкуренты, никто не забил тревогу. Всего две разумные расы на всю Галактику — разве это чересчур много? Неужели нельзя договориться о мирном разделе сфер экспансии?

Интересно, кто-нибудь пробовал договориться добром с походной колонной эцитонов, усевшись на ее пути? А если пробовал, то оказался ли потом способен рассказать о результатах переговоров?

Спохватились поздно. Людям еще не было известно, что каждая частная, тактическая победа над мирмикантропами — лишь еще один шаг к стратегическому поражению. У муравьев, термитов и пчел много общего с примитивными, жестко запрограммированными роботами. Так же, как роботы, они заботятся о личной безопасности — если эта забота не вступает в противоречие с интересами колонии. Гибель одной особи ничего не значит для муравейника; гибель тысячи — ощутима, но далеко не фатальна. Гибель девяноста процентов колонии — нокдаун, но не нокаут.

Сплав рационального мышления, человеческой технологии и инстинктов насекомого оказался не по зубам флотам и эскадрам. В долгой войне на истощение люди не имели никаких шансов на конечную победу.

Правда, это стало ясно гораздо позднее...

До вечера Бранд еще трижды видел проплывающий над планетой чужой корабль. Да, громадина... Пожалуй, такой монстр на планету не сядет, а будет выбрасывать десантников в шлюпках и капсулах. Можно не сомневаться, что десантников в нем никак не меньше тысячи — по шестеро на каждого жителя планеты, будь то мужчина, женщина, старик или младенец. И это еще очень оптимистическое предположение.

Связи не было долго — Бранд даже заподозрил, что чужаки обнаружили связной спутник-невидимку на стационарной орбите, а обнаружив, уничтожили по-тихому, без вспышки. Но на закате снова пискнул сигнал вызова.

— Только что они выбросили первую группу. — Голос принадлежал Стаху, помощнику Ираклия по вопросам маскировки.

— Где?

— На западе, почти у моря. Там, где живут Стефанидесы.

— Они обнаружены? — спросил Бранд.

— Еще не знаем. С ними сейчас говорит Ираклий. — Стах помолчал, потом добавил: — Я думаю, не зря наши гости пожаловали именно к Стефанидесам...

— Почему?

— Шестеро детей, — с ворчливой болью отозвался Стах. — Какая уж тут, к свиньям, маскировка! В Цитадели хотя бы можно выпороть ротозеев — а на выселках? Чадолюбцы! Говорил же я: всех детей — в Цитадель!.. Ладно, конец связи.

— Держи меня в курсе, — попросил Бранд, но Стах уже отключился.

Что верно, то верно: Стефанидесы славились любовью к детям и наотрез отказывались переселиться в Цитадель, где детей бьют, называя это форсированным обучением или вколачиванием ума. И дети у них росли совсем не плохие, скорее наоборот, вот только быть бы им нещадно поротыми, попадись они Стаху на глаза. Как ходишь — почему примял травинку? Пять хлыстов по мягкому месту. Кто сломал ветку поблизости от Цитадели? Ты? Десять хлыстов. Кто натоптал у самого входа да еще бросил обертку от пищевого рациона? Если самому себе не друг, так хоть о других подумай! Тридцать хлыстов, и благодари за науку.

А как иначе?

Солнце уже зашло, когда Бранд вновь увидел корабль и еще раз подивился его размерам. При двадцатикратном увеличении чужая машина заняла весь экран. Разведчик? Ни в коем случае — чересчур велик. Линкор? Пожалуй, тоже нет: слабовато вооружение. Во всяком случае, уничтожить одним бортовым залпом планету чужак не способен. Проломить разумно построенную оборону — тоже. Вероятно, не способен и защитить себя от звена-другого истребителей... Десантная баржа? Гм... Кто прежде слышал о десантных баржах таких несусветных размеров — похоже, вместилищах целой мигрирующей колонии, с матками, трутнями и полчищами рабочих-солдат? В былые времена и мирмикантропы, и люди предпочитали неповоротливым тяжеловозам стаи маленьких вертких судов.

Но где они, былые времена, спросил себя Бранд. Где прежнее человечество, гордое, сильное и беззаботное? Кто хотя бы теоретически может противодействовать высадке?

Другая колония мирмикантропов? Ворон ворону глаз не выклюет. Люди? Если они и уцелели где-то, то отбиваться им нечем, и мирмикантропы это знают.

Мыслей хватило на секунду. А в следующую секунду Бранд перестал думать и о размерах, и о классе чужака.

От корабля отделялись точки. Увеличив масштаб изображения, Бранд присвистнул от удивления: точки не были ни шлюпками, ни десантными капсулами. Человеческие фигуры... Или, во всяком случае, очень похожие на человеческие.

Горохом высыпавшись в космос, они разделились на две стаи; первая начала очень быстро отставать от корабля, вторая некоторое время шла вровень с ним, затем потянулась вбок. По-видимому, чужаки предпочитали обходиться без шлюпок.

— Это что-то новенькое, — сказал вслух Бранд.

Он вызвал Цитадель. На этот раз отозвался Ираклий:

— Что нового?

— У меня сыплются, — доложил Бранд. — Прямо в скафандрах сыплются. Часть пошла на восток, так что предупреди Ружицких и Леклерков. Ко мне тоже гости.

— Понял.

— Что у Стефанидесов?

— Молчат. Передали, что наблюдали высадку километрах в десяти от них, и замолчали. Правильно сделали. — Ираклий вздохнул. — Ты был прав, это мирмикантропы.

— Будто и так не ясно. Что Цитадель?

— Думаю, пока не обнаружена.

— И то ладно. До связи.

Бранд дал отбой. Теперь оставалось только ждать.

4

— Мама, я хочу гулять!

Четырехлетний Марио, сын Бьянки и Луиджи Борелли, раскапризничался не на шутку. Упершись лбом в материнское бедро, карапуз колотил кулачками, хныкал и пронзительно кричал:

— Гулять! Хочу гулять!..

— Уймите своего ребенка, — поморщившись, бросил Стах.

Детский крик не мог вырваться наружу, но действовал людям на нервы. В центральном зале собралось почти все на-

селение Цитадели — более восьмидесяти человек обоего пола и всех возрастов, от грудных младенцев до дряхлых старцев.

— Мама, гулять!

Мать только беспомощно разводила руками. Отец шагнул к Марио, подхватил под мышки, подбросил, поймал.

— Оп! Оп! Давай полетаем?

— Пусти! Гулять!

— Гуляй тут, сынок, — сказал Луиджи. — Вон сколько места.

— Не хочу тут, не хочу! Хочу на улицу!

Он никогда не видел настоящей улицы, да и его молодые родители тоже, разве что в видеозаписи. Для него улица была каменистой полупустыней в ста метрах над сводом центрального зала Цитадели. Туда надо было подниматься на лифте.

— На улицу нельзя, сынок. Никак нельзя.

— Можно! Можно! Можно!

— Уймите ребенка, — резче бросил Стах.

— Ы-ы-ы... гуля-а-а-ать!!! А-а-а...

Скорчив гримасу, Стах размотал хлыст. Свист и громкий хлопок воздуха перед носом малыша заставили того поперхнуться ревом. От стен зала отразилось эхо.

— Ну зачем так, зачем! — с болью вскрикнула Бьянка, защищая сына руками.

Стах отвернулся, не ответив. Смотал хлыст. Все-таки даже в Цитадели родители из рук вон плохо воспитывают детей, и телесные наказания — не панацея. Остается разве что сечь родителей за безответственность, а точнее, за неразумный выбор приоритетов при воспитании молодняка. Да, сечь... И родителей, и детей, причем привселюдно. Ну и что с того, что ребенок может стать заикой? Психологическая травма, видите ли. Велика важность! Лучше всю жизнь заикаться, чем наглухо молчать по причине безвременной смерти. И этот себялюбивый шкет Марио со временем непременно отведаст свою порцию хлыста — что-то не похоже, чтобы на него подействовал пример других секомых. В четыре года уже пора быть умнее. Дай срок — выдрессируем, если на этот раз все обойдется...

Если случится чудо.

Ираклий повернул лысый череп в сторону мамыши с испуганным дитем, посмотрел вроде бы с сочувствием. Потом повернулся к Стаху и тоже посмотрел на него с сочувствием. Мало кто понимает, как тяжело отвечать за все нюансы маскировки Цитадели и каково быть ненавидимым почти всеми, а вот старый мудрый Ираклий понимает, потому что в свое время сам сек безответственных разгильдяев...

Провалился бы он со своим пониманием!

На большой экран, повешенный на стене так, чтобы всем было видно, проецировалась местность километрах в восьмидесяти к северу от Цитадели. С десяток мирмикантропов суетились там, что-то вынюхивая в карстовых воронках. В общем-то это было логично: чужаки уже знали, что на планете есть люди, причем недостаточно многочисленные для того, чтобы имело смысл стерилизовать планету по полной программе. Вероятно, с их точки зрения, надо было всего лишь произвести небольшую подчистку — разумеется, разведав прежде убежища людей. Неудивительно, что их привлекла зона карстовых пещер — чем не естественное укрытие?

Именно поэтому тридцать лет назад люди выстроили Цитадель на дальней периферии обширной карстовой зоны, оградив ее завалами от лабиринта пещер. И то, что мирмикантропы пока еще не нашли Цитадель, говорило в пользу правильности принятого решения.

Полчаса назад пришло последнее сообщение от Стефанидесов — Иоаннис сказал скороговоркой, что вынужден перейти к активной обороне, и попрощался. Мало кто сомневался в том, что Стефанидесов уже нет в живых.

Обнаружен — погиб. Это аксиома. Может быть, если ты герой и решил драться до конца, ты сумеешь уложить нескольких мирмикантропов, прежде чем потолок твоей подземной норы, расплавленный термобомбой, польется тебе на голову, и все равно твоя смерть будет напрасной. Если тебе очень повезет, ты возьмешь десяток их жизней за одну свою — обмен исключительно невыгодный. Если так менять, то к тому моменту, когда на планете не останется ни одного живого человека, кружащая над планетой рукотворная громадина все еще будет набита мирмикантропами, как огурец семечками. В мас-

штабах всей Вселенной и того хуже: миллиард мирмикантропов за одного человека — все еще непозволительно высокая цена.

Но когда это людям удавалось принудить врага к подобному обмену? Разве его солдаты, сохранившие внешнее человекоподобие, утратили инстинкт самосохранения?

Ничего подобного. Хотя долг перед видом — если слово «долг» может обозначать генетическую программу — всегда оставался на первом месте, мирмикантропы ведали и страх, и боль. Безумный риск существовал не для них. Расчетный риск и расчетливая жертвенность — иное дело.

И Иракий, и Стах знали, что будет дальше: пользуясь антигравами, мирмикантропы быстро прочешут оба материка, Большой и Малый, и все четыре архипелага, не пропуская ни одного клочка суши, ни одного подозрительного холмика, планомерно и без суеты выявляя и уничтожая убежища людей. По-видимому, они уже сделали вывод: больших проблем с этой планетой не будет. Нужно лишь подчистить немного, словно перебить тараканов в новой квартире, — и можно вселяться. А планета хороша: годится даже для таких неприспособленных существ, как люди; для мирмикантропов же просто рай! Еще один дом, еще один очаг бурно растущей молодой цивилизации. Мирмикантропам нужно много планет. Им нужно все.

— Что они там делают? — спросил Стах, не отрывая взгляд от экрана, и этот вопрос был единственным членораздельным звуком в тишине зала, наполненной лишь дыханием, сопением и изредка кашлем людей. Даже дети, осознав тревогу взрослых, перестали хныкать. Стаху казалось, что и дышать-то люди стараются потише. На кашляющих и сморкающихся смотрели с осуждением — хотя какая разница? Хоть ори во весь голос, хоть включи сирену, хоть взрывай тут петарды — наверх не долетит ни звука. Если уж враги найдут Цитадель, то никак не по кашлю.

— Тебе лучше знать, что они делают, — ответил Иракий.

— Похоже, закладывают бомбу. Или...

— Что «или»?

— Или бомбы.

Ничего не ответив, Иракий внутренне согласился. Почему бы нет. Логика мирмикантропов, иногда кажущаяся непостижимой, на самом деле предельно проста; по правде говоря, она кажется непостижимой только хитрецам, всегда подозревающим подвох там, где его нет. К сожалению, в свое время такие хитрецы сидели в штабах и успешно одурачивали сами себя, анализируя предполагаемые намерения противника и не будучи в силах найти не самое коварное — куда там, — а самое простое решение. Проще, еще проще! Все еще сложно? Тогда выбрось этот вариант из головы — мирмикантропы наверняка поступят иначе. Как? Думай. Ищи. Ломай голову. Но будь уверен: они найдут выход настолько простой, что он, возможно, будет граничить с гениальностью, как уже не раз бывало. Людей, ошибающихся в намерениях мирмикантропов, всегда подводил избыток фантазии.

Но сейчас можно было не сомневаться: после беглой разведки враг первым делом избавится от запутанного лабиринта пещер, где так легко укрыться людям. Первые годы жизни на этой планете там была пра-Цитадель, и уж следы-то пребывания людей они там, конечно, нашли. Дальнейшее — очевидно.

Через пятнадцать минут экран показал мирмикантропа крупным планом. Легкий десантный скафандр с антигравом у пояса и компактным движком в ранце, по-видимому, нисколько не стеснял движений. Оружие — плазменник неизвестной конструкции, но все-таки именно плазменник. Детектор живой массы — маленький, на запястье, можно принять за часы, если не знать, что мирмикантропам часы ни к чему: у них идеальное чувство времени. Удалось рассмотреть и лицо — на вид вполне человеческое, даже красивое своеобразной холодной красотой, разве что преувеличенно спокойное. Старики, встречавшиеся с мирмикантропами в бою, знали и рассказывали молодым: чтобы заставить мирмикантропа выразить на своем лице хоть что-то, нужно как минимум оторвать ему руку или ногу. При всей чувствительности рецепторов, у мирмикантропов, как ни странно, потрясающе низкая чувствительность к

боли. Любой из них не пикнув перенес бы без наркоза операцию аппендицита.

Впрочем, аппендикса у них, кажется, нет вообще...

Экран погас и снова включился. Теперь сменился ракурс — прежний «глаз» был уничтожен. «Глаз», который нормальный человек не заметил бы и в одном шаге от него, даже если бы знал, что искать.

— Они найдут Цитадель, — шепнул Стах Ираклию. — Рано или поздно, но найдут.

— Тише! — Старейшина глазами показал на толпу. — Паники нам не хватало.

— Смотри!

Второй «глаз» был расположен далеко и неудобно, но и он показал главное: мирмикантропы внезапно полезли из карстовых нор, как муравьи из подземного гнезда. Секунда — и они взлетели. Еще секунда — понеслись прочь, набирая скорость.

— Сейчас рванет, — сказал Стах.

Большой экран погас. Прошло секунд десять, и стены Цитадели вздрогнули. Кто-то охнул и испуганно замолчал. В наступившей тишине было слышно, как где-то сыплется с потолка песок.

— Ты не заметил, куда они дернули? — по-прежнему шепотом спросил Ираклий.

— Кажется, на юго-восток, — ответил Стах без особой уверенности в голосе. — А может, и на юг.

— К нам?

— Возможно.

Следующие десять минут они не разговаривали. О чем? Для чего? Они уже ничего не могли изменить, от них ничего не зависело, им оставалось лишь молча гадать, поможет ли то, что строилось годами. Только Ираклий, приняв паническое сообщение от Макферсона с севера о том, что группа мирмикантропов высадилась вблизи его убежища, ответил «ясно» и отключился, да еще Стах, переведя экран на ближний обзор и взглядевшись, сказал, произвольно дернув щекой:

— Они над нами.

5

Первый мирмикантроп появился на рассвете. Бранд не спал почти всю ночь, наблюдая за окрестностями Дома в инфракрасном свете. Иногда он ненадолго задремывал, но очень скоро просыпался. Трудно спать, когда снятся кошмары.

Гость явился один. Бранд не знал, где остальные. Может быть, припозднились и вот-вот пожалуют? А может, они поделили сушу на квадраты и каждый исследует свой участок? Вполне допустимое предположение, особенно если учесть присутствующий им рационализм и невысокую «стоимость» отдельной особи. Люди — те да, позаботились бы о прикрытии. А эти... Потеряют одного — не беда: без сомнения, у них что-нибудь предусмотрено на данный случай и оповещение остальных не заставит себя ждать. Тот же метод «живца», что и при охоте на клешняков. Надо признать: эффективный метод для тех, кто весьма умеренно дорожит собой и своими сородичами...

Убить мирмикантропа Бранд мог бы, не вставая со стула, причем пятью различными способами. Вызвать на экран прицельную сетку, решить, какое оружие задействовать, и ткнуть в клавишу. А можно врубить все системы и запросить Дом — что оптимальнее? Можно даже приказать Дому самому устранить пришельца, Дом справится с этим пустяком не хуже, а лучше человека.

Вот только с термобомбой, уроненной с орбиты, Дом не справится. Ему помешает кипящий гранит.

Приказать Дому сбить бомбу еще в стратосфере? Собьет, спору нет. Но уже с десятком, если они налетят с разных сторон, у него возникнут проблемы; против пятнадцати у него вообще нет шансов. А кто может усомниться в том, что корабль способен дать залп сотнями ракет сразу?

И кто может знать, чему мирмикантропы научились за последние тридцать шесть лет? Отнюдь не исключено, что при любом мыслимом раскладе им не придется обращаться к кораблю за огневой поддержкой.

Держась невысоко над землей, мирмикантроп выписывал широкие зигзаги. На несколько секунд его заинтересовало стадо

некопытных травоядных, вечно кочующее по нагорью Бранда, и он покружил над ним, совершенно не напугав животных, ничего не ведающих о хищных птицах, да и о птицах вообще, отсутствующих на этой планете. Чуть дальше чужак покружил над неприметным местом, где прятался один из дальних входов в Дом. Затем потянул к востоку и бегло исследовал двуглавый холм километрах в полутора. Осмотрел отдельно лежащий валун. Снизился над глубокой промоиной. И наконец свернул прямо к Дому.

Солнце, сегодня желтое и яркое, слепило глаза — пришлось притемнить и поляризовать изображение. Руки заметно дрожали. Нарочито спокойно Бранд уселся перед экраном поудобнее, приблизил изображение мирмикантропа и стал смотреть. Сердце стучало слишком уж сильно, и тянущая тупая боль поселилась под лопаткой. Глупо, с беспокойством подумал он. Глупо загнуться от инфаркта, еще не встретившись с врагом лицом к лицу. Лапки кверху... Глупо и стыдно. Похоронить сына, жену и Гектора, устать от жизни, ежедневно рисковать собой на ненужной охоте, рисковать сознательно, зная, что когда-нибудь теория вероятностей сыграет в пользу какого-нибудь клешняка или любого из здешних плотоядных, столь же безмозглого, сколь алчного, — и дрожать при виде мирмикантропа! А в чем разница? В том, что мирмикантропов ждали столь долго, что в восприятии людей, и не только детском, они успели заменить собой страшного буку?

Но разве этого мало? Нет. В особенности для того, кто покинул Крепость еще мальчишкой и никогда не видел живого мирмикантропа иначе как в учебных пособиях да спецвыпусках новостей.

Что-то явно тянуло чужака к округлому гранитному куполу, рассеченному тремя расселинами, — но что? Бранд не знал. Утечка в системе регенерации воздуха? Быть не может. Ничтожная разница в температуре этой горы и соседних? Возможно. Глаза мирмикантропов перекрывали куда больший диапазон длин волн, нежели человеческие. Бранд вдруг понял, что эти глаза могут увидеть узкий луч инфракрасной связи через спутник, частично рассеянный на молекулах воздуха, и возмо-

лился о том, чтобы никто сейчас не вздумал выйти с ним на связь. Ладно, что еще?.. Слабые электрические поля от работы многочисленных систем Дома? Тоже возможно — если отвечающие за это дело электрорецепторы создатели «хомо галактикусов» содрали у акул. Конечно, толща гранита неплохо экранирует любые излучения, но ведь абсолютно все под гранит не спрячешь. Те же «глаза».

Вообще-то Дом строился так, чтобы его внешний «фон», какой бы природы он ни был, не превосходил порога чувствительности семи — или сколько их там? — органов восприятия мирмикантропов. Правда, порог этот был известен отцу Бранда довольно приблизительно — да и что можно сказать о биологии и технологии молодой, пластичной, быстро развивающейся расы сейчас, спустя тридцать шесть лет? Вряд ли очень многое...

Мирмикантроп бегло осмотрел гранитный купол и детально — расселины. Постоял возле валуна, прикрывающего ближний вход, вытащил было из-за спины плазменник, но передумал. Взлетел, покружился немного над куполом — и целеустремленно потянул к дальнему входу в Дом.

— Сволочь, — скрипнув зубами, сказал Бранд. Мучительно хотелось срезать чужака в полете — так, чтобы брызнуло и зашкворчало, — но было понятно, чем это кончится. Теперь, когда окончательно стало ясно, что маскировка Дома никуда не годится, на Бранда снизошло холодное спокойствие. Взять жизнь только одного мирмикантропа — баш на баш? Ни в коем случае. Иное дело — прихватить с собой хотя бы десяток чужаков, ну в крайнем случае полдесятка. Пусть в этом нет никакого практического смысла, но умирать недаром все же приятнее...

Прихлопнуть чужака, содрать с него чудо-скафандр и рвануть к чужому кораблю с ядерным зарядом под мышкой?.. Чушь, номер не пройдет. Систему «свой-чужой», притом работающую неизвестно на каком принципе, не обманешь. Кажется, во время последней войны это не удалось ни разу. Смелчак-камикадзе будет испепелен еще в атмосфере вместе со своим фугасом.

Многие биологические существа падки до хмельного. Человек, как правило, не откажется пропустить стаканчик. Копытные едят мухоморы, коты лизут валерьянку. Даже насекомые, в частности, те же муравьи, ищут и находят способы одурманиться. Может, сыграть на этом?

Каким образом? Отбуксировать на орбиту цистерну самогона? Открыть на планете полдюжины бесплатных забегаловок?

Но должен же быть выход! Должен!

Бранд подумал о том, сколько людей до него в свои последние минуты свято верили: должен быть выход, надо только его найти...

Может, самому напоследок напиться в стельку?

Тоже выход.

Мирмикантроп топтался возле входа минут пять—семь. Затем — Бранд не уследил как — открыл его. Кусок поросшей травой земли мягко поднялся на гидравлическом штыре и столь же мягко лег на место, впустив пришельца. Чертыхнувшись, Бранд переключил изображение на входной кессон.

По-видимому, гость чувствовал себя здесь как дома. И еще: по-видимому, он сообщил своим сородичам о находке, но не вызвал подкрепления. Найдено подземное убежище — ну и что? Оно запросто может оказаться пустым. Нерационально гонять разведчиков с места на место, пока в этом нет настоящей необходимости. То, что по человеческим меркам было отвагой, граничившей с безрассудством, для мирмикантропа казалось естественным, как дыхание.

Лепестковая заслонка перед туннелем-трубой раскрылась обманчиво медленно. Закрываясь, она схлопывалась быстрее, чем капкан, — милый сюрприз для незваных гостей. Легированные края лепестков были отточены достаточно остро, чтобы рассечь пополам всякого нетерпеливого, сунувшегося в открывшуюся нору ранее, чем через три секунды, и всякого копушу, замешкавшегося у норы более шести секунд. Если бы гость, подозревая ловушку, повернул назад, кессон был бы немедленно залит градом пуль.

В былые времена все обитатели Дома, особенно дети, периодически проходили тренинг на симуляторе. Ошибка нака-

зывалась ударом тока. Все возможные варианты входа в Дом и выхода из Дома отрабатывались до абсолютного автоматизма.

Мирмикантроп остановился перед заслонкой. Бранд считал секунды: одна, две, три...

На пятой секунде чужак полез в нору. Он не пользовался антигравом и полз на четвереньках. Неужели ему так удобнее, с беспокойством подумал Бранд. Быть не может. Узкая труба, отполированные стенки — включи антиграв, дай малую тягу и скользи себе...

При включении антиграва на участке от заслонки до развилки срабатывал станковый плазменник, некогда снятый с планетарного катера, и по трубе проносился ревуший шквал огня. Любое живое существо в таком пламени взвилось бы облачком пепла и пара. Отключить эту ловушку, как и любую другую, можно было только с центрального пульта, но Бранд, разумеется, этого не сделал.

Мирмикантроп миновал ловушку и остановился у развилки. Нора слева почти сразу делала крутой поворот и вела назад. Правая нора в двух шагах от развилки расширялась до размеров настоящего коридора и полого вела вниз. Оттуда шел легкий поток теплого воздуха с небольшим избытком влаги, углекислоты и более тонких продуктов человеческого дыхания, там по стенам змеились толстые черные кабели и угадывалась массивная металлическая плита, преграждающая дальнейший путь, и панель управления рядом с ней. Выглядело все это заманчиво, но Бранд отдавал себе отчет в том, что не прожил бы в правом коридоре больше десяти секунд, даже зная наизусть все тамошние ловушки. Шагнул направо — пропал и, что самое неприятное, успеешь перед смертью осознать как свою ошибку, так и полную невозможность ее исправить.

Путь прямо оканчивался тупиковой камерой в трех шагах от развилки. Надо было напрячь зрение, чтобы заметить крохотный выступ под потолком, и надо было догадаться, что он не случаен. По виду — сенсор, открывающий дальнейший путь. Однако при нажатии на выступ раскрывался эрзац-потолок, и на чужака опрокидывался чан с плавиковой кислотой; без нажатия это происходило автоматически по истечении семи секунд. Если бы чужак, будь то мирмикантроп или человек, во-

шел в камеру и, заподозрив неладное, быстро покинул ее, на развилке его ждал бы еще один славный сюрприз, насладиться которым ему вряд ли удалось бы, потому что раздавленное в лепешку тело, даже тело мирмикантропа, не умеет наслаждаться. Словом, оставался только левый, с виду наименее заманчивый путь.

Бранд не особенно удивился, когда после секундного колебания мирмикантроп свернул влево. Возможно, так поступил бы и искушенный человек, а уж в искушенности мирмикантропов сомневаться не приходилось — за сотни лет войны с людьми они накопили колоссальный опыт противодействия человеческим хитростям. Делай то, что неудобно, делай то, что делать не хочется, что кажется неперспективным, — и в девяти случаях из десяти не ошибешься. По правде говоря, Бранд не особенно рассчитывал на автоматические ловушки.

Западни, управляемые с центрального пульта, — иное дело. Сейчас мирмикантроп приближался к первой из них.

Раздражающе пищал тревожный сигнал, и в углу экрана мигала красная надпись «Незаконное проникновение!». Бранд поморщился, выключил сигнал и, взглянув на надпись, усмехнулся. Когда-то он помогал отцу отлаживать охранную систему Дома, но все же основную работу делал отец. Он-то и был автором трогательного словечка «незаконное» — как будто все еще продолжал жить в мире, где действовали законы и кодексы, где права личности свято охранялись и где полицейский наряд мог быстро и эффективно пресечь любое посягательство на частную недвижимую собственность.

Куда там! Еще до рождения Бранда от всего этого остались одни руины; теперь же писанные законы исчезли за ненадобностью, заменившись простыми обычаями маленькой общины. Разве обычаи не лучше законов? И разве прежние законы о неприкосновенности жизни, имущества, прав и еще много чего помогли человечеству уцелеть?

Нора расширилась, позволив мирмикантропу выпрямиться. Бранд положил палец на клавишу. Легкое нажатие — и мгновенно выскочившие из стен туннеля лезвия порубят чужака в мясной гуляш. Роботу останется собрать со стен ош-

метки и вынести их вон на прокорм прожорливым местным трупоедам.

Многие ли из ныне живущих могли похвастаться тем, что видели своими глазами смерть мирмикантропа? Разве что старики, и то не все... Приготовившись насладиться зрелищем, Бранд вдавил клавишу до упора.

Но чуть раньше чужак рванулся вперед со скоростью стартового спринтера. Нет, даже быстрее... Его словно швырнуло вперед катапульты. Никто не слыхивал, чтобы хоть один мирмикантроп порвал при рывке связку.

Лезвия с бесполезным свистом молотили воздух за его спиной.

Ругнувшись, Бранд убрал палец с клавиши, и орудия расчленения втянулись в стены. Отец дал промашку: эта ловушка годилась разве что для людей.

Кстати, посторонний человек вообще не дошел бы до этой ловушки — мирмикантроп же, казалось, видел сквозь стены. Бранд не мог понять, в чем тут дело. Да, у мирмикантропов великолепно развито чувство опасности, это всем известно; очень часто их выручает интуиция, ибо они логики и интуитивисты одновременно, но чтобы иметь ТАКИЕ способности... Что-то тут не так. Быть может, они сумели самостоятельно приобрести восьмое, девятое или какое там по счету чувство?

Вот они, новые хозяева Вселенной, — умелые, настойчивые, агрессивные, всегда конкретно мыслящие! Никто ни разу не замечал, чтобы они занимались искусством, философией и вообще чем-нибудь неконкретным. Зачем оно? Разве поэмы и скрипичные концерты — необходимое условие для победы в межвидовой конкурентной борьбе? Мозг мирмикантропа очищен от ненужной шелухи для выполнения основной задачи — служить виду и популяции. А стало быть, подвиньтесь, люди! Как, вы все еще живы и имеете наглость продолжать цепляться за свое жалкое существование? Фи! Ничего не поделаешь, придется помочь вам вымереть естественным путем, ибо в природе нет ничего естественнее, чем вымирание слабого вида под прессом более сильного... Есть более естественное? Вы ошибаетесь.

Ход снова резко повернул и теперь наклонно шел в глубь горы. У Бранда оставались еще три ловушки: падающая плита на тридцатом метре от поворота, внезапно разверзающийся под ногами глубокий колодец с гладкими — не зацепиться — стенками и озерком царской водки на семьдесят втором и комбинированная газо-плазмо-радиационно-пулевая ловушка на сто двадцать пятом.

Палец коснулся клавиши — и не нажал ее.

Почему-то Бранд был убежден, что чужак сумеет пройти все ловушки, кроме, может быть, последней. Но что ему, чужаку, за дело? Мозг, кричащий об опасности, необходим ему только для обслуживания инстинктов, а инстинкты гонят его вперед. Погибнет? Весьма вероятно. Зато его собратья, выждав время и убедившись в потере разведчика, будут знать: в горе скрыто не заброшенное поселение людей, а самое что ни на есть действующее, зловредное. Проще уничтожить его, нежели очищать. Жизнь одного мирмикантропа за такое знание — сущий пустяк.

Значит, все-таки придется взять жизнь за жизнь — одну за одну? Или убить мирмикантропа — черт возьми, это вполне возможно! — и удрать, покинув Дом?

Но куда?

Бранд щелкнул пальцами. Подкатившийся робот сунулся рецепторным блоком в руку: я тут, хозяин, я готов, приказывай.

— Вооружись, — сказал Бранд. — Сюда идет чужак. Враг. Пусть тебя расплавит, но он не должен войти в Дом. Ты понял?

— Понял, — сказал робот. — Постараться не причинять Дому повреждений?

— Постарайся, но не в ущерб основной задаче. И... вот еще что. Можешь впустить его в малую гостиную и не дорожить этим помещением. Будь осторожен — враг крайне опасен. Я включу дезориентирующую завесу. Это тебе поможет?

— Спасибо, — сказал робот.

— Не за что. Катись.

Последняя дверь — броневая плита, снабженная папиллярным идентификатором, — задержала мирмикантропа минуты на

две. Он не стал мудрить с хитроумными запорами, а попросту прожег дыру. Бранд успел подумать о том, что память идентификатора еще хранит пальцевые отпечатки Хильды, Хелен и Эрика, трех человек, из которых двое мертвы, а третья далеко отсюда. Подумал он и о том, что не раз собирался очистить память идентификатора от ненужного, но так и не собрался. Память человеческая держится на реперных знаках — старых фотографиях, вещах, детских игрушках. Что ей, памяти, закодированные символы? Их нельзя ни увидеть, ни потрогать. И тем не менее Бранд не стер их. Пусть хоть Дом по-прежнему считает, что в нем живет полноценная семья...

И еще Бранд с горькой усмешкой подумал о том, что уж мирмикантроп-то, вне всякого сомнения, поступил бы иначе. Разве они понимают, что такое настоящая боль утраты и настоящая любовь? Что они, логичные до механистичности, могут в этом понимать, когда пол для них не играет никакой роли, если, конечно, данная конкретная особь не матка и не трутень. Пройдет время — и естественный ход эволюции разделит нынешних рабочих-солдат на рабочих и солдат, причем и те, и другие окончательно утратят половые признаки, благо они уже и теперь вроде рудимента...

Стоп!!!

Подскочив на табурете, Бранд связался с роботом.

— Препрежнее задание изменено. Приказываю захватить чужака живым. Любой ценой. Повторяю: любой ценой взять живым. Как понял?

Не дожидаясь ответа, он вскочил и побежал, стучаясь обо все углы.

6

— Что они там делают? — спросил на сей раз Ираклий. Стах следил за мирмикантропами через единственный «глаз», причем самый дальний и неудобный. Остальные были отключены, и эта предосторожность не казалась лишней.

— Похоже, уходят... Да, точно уходят!

— Все до единого?

— Да, кажется...

— Ты их не пересчитал, что ли?

— А ты пересчитал? — огрызнулся Стах. — Я видел столько же, сколько ты. Не то их десять, не то одиннадцать.

— Подождем еще, посмотрим?

— Да, и не будем торопиться. Потом включим все «глаза» и обшарим каждую нору. Возможно, они хитрят, но, по-моему, нас пока оставили в покое. Должно быть, они обнаружили поблизости что-то еще более подозрительное.

— Напрашиваешься на комплимент, специалист по маскировке?

— Сам такой. Кстати, я не сказал, что они ушли насовсем.

Ираклий утер с лысины обильный пот. В Цитадели было отключено все, что можно отключить, и в первую очередь кондиционирование воздуха.

— Насовсем или не насовсем — увидим... Хорошо уже то, что они все-таки ушли.

В душном зале зазвучали вздохи облегчения. Кто-то неуверенно всохотнул. Одна из женщин вдруг разрыдалась.

— Ну все, все, — ворчливо сказал Стах. — Можно пока расслабиться. Но вентиляцию не включу — терпите.

— Гулять! — настойчиво потребовал Марио. — Гулять хочу!

7

Наполовину расплавленный робот, основательно залитый пеной из ручного огнетушителя, все еще продолжал слабо дымиться, но Бранд не обращал внимания ни на дым, ни на металлические останки. Робот сделал свое дело и погиб, как верный пес, принявший удар на себя и защитивший хозяина. Он не был Гектором и не был другом, но все же заслужил минуту немой признательности — не сейчас, потом! Сейчас были дела поважнее.

Мирмикантроп лежал на боку, неестественно вытянувшись, — обычная застывшая судорога для всякого, кого угостили оперенной парализующей иглой. Между прочим, второй иглой — от первой он сумел увернуться! Если бы не робот...

Если бы робот не отвлек чужака, то не чужак, а Бранд лежал бы сейчас на полу, причем не в целости, а в обугленных дымящихся фрагментах.

Дезориентирующую завесу в малой гостиной чужак прошел, будто не заметив ее вовсе, и теперь можно было догадываться, в чем тут дело. До полной уверенности было еще далеко, но достаточно было и подозрения: мирмикантроп видел ловушки его, Бранда, глазами! Вот почему он шел тем увереннее, чем ближе подбирался к Дому! Что ему электромагнитные поля от аппаратуры, когда на них накладывается куда более слабое, зато бесконечно более информативное поле напряженно работающего человеческого мозга?

Это еще не телепатия, нет. Не чтение мыслей — улавливание эмоций и ощущений. Это иное.

Тем лучше.

— Что, гад, взял? — с затихающей злостью спросил Бранд. Потом задумался.

Один на один? При непосредственном боевом контакте? Нет, он не справился бы, и сейчас было самое время дать себе в этом отчет. Двое на одного — другое дело, да и то если одним из этих двоих можно пожертвовать.

Скверный расклад. А если учесть общую численность мирмикантропов в Галактике — не проще ли сразу признать поражение?

Может быть. Без сомнения, кто-то так и сделает — поднимет лапки кверху и будет ждать конца, подвывая от жалости к себе.

Будут другие — те, кто захочет не отдать, а продать свою жизнь и, может быть, перед смертью сумеет нанести мирмикантропам ущерб, смехотворный с их точки зрения. Пожалуй, таких будет большинство. Формально достойный выход — и столь же безрассудный, как вообще ничего не делать.

Мысль ускользала. Бранд морщился, вполголоса ругаясь. Что-то ведь мелькнуло в голове, когда он приказал роботу брать мирмикантропа живьем, — что-то очень важное, но что? Почему непременно живьем? На что он годен, пленный мирмикантроп? Тянуть из него сведения вместе с жилами? Какие сведения, зачем? Главное о них и так известно, а от второсте-

пенного вряд ли будет прок. Найти у поганцев ахиллесову пяту, такую, чтобы можно было поубивать их всех одним махом? Ха! Сотни лет искали и не нашли — а он вдруг найдет! Можно придумать и что-нибудь посмешнее.

— Ну и что мне с тобой делать? — спросил Бранд.

Мирмикантроп не шевелился и не моргал. Дышал слабо, но ровно. Доза парализующего препарата в игле была достаточна для того, чтобы отключить человека часов на пять, но у мирмикантропов не совсем обычный метаболизм. Пожалуй, можно было ручаться за час-полтора, не больше. Вкатить еще дозу или связать проволокой? Лучше связать.

— На кой ляд ты мне сдался, не подскажешь?

Мирмикантроп, понятно, молчал. Борясь с отвращением, Бранд критически осмотрел его со всех сторон. Н-да-а... Довольно шуплая особь — средний человек выше и тяжелее. Безбородое округлое лицо, короткий нос, подбородок заметно скошен, на черепе не волосы, а так, какой-то пушок. Гибкий торс, неширокие плечи, вся фигура от плеча до таза какая-то несуразная, сглаженная, как колонна. Талии нет. Вообще ничего нет, что могло бы привлечь взгляд. Интересно, они теперь все такие? Скафандр — легкий, удобный, сразу и не скажешь, что в нем можно входить в атмосферу на космических скоростях. Остальное снаряжение с виду довольно убогое: антиграв, плазменный, компактный ранцевый движок, детектор биомассы, связанное устройство. Больше ничего — ни прибора ночного видения, ни компаса, ни металлоискателя, ни иных полезных мелочей. А зачем они, если их с успехом заменяют органы чувств?

Чувств?

На миг Бранду показалось, что он уловил-таки ускользающую мысль, но она опять легла на дно. Правда, теперь он не сомневался в том, что рано или поздно вытащит ее и осмыслит — хороша ли? Более чем вероятно, что в голове засела и прячется, дразня, заурядная пустышка.

Пол гостя Бранд затруднился определить «на глазок». Пожалуй, пленная особь была скорее женщиной, чем мужчиной, но убедиться в этом наверняка Бранду удалось лишь после того, как он, пововав с хитрыми застежками, содрал с чужака

скафандр. Да, не пленник. Пленница. Хотя какая разница? Всякий ребенок знает, что половой диморфизм у рабочих особей мирмикантропов развит крайне слабо, о половой жизни речи нет вообще, а особенности поведения разнополых особей выражены настолько нечетко, что не выходят за рамки обычных флюктуаций. Вот если бы попалась матка или трутень — тогда да...

А что, собственно, «да»? В любой, даже самой мелкой колонии мирмикантропов далеко не одна матка, это раз. Матку чужаки обязательно попытаются выручить, но не ценой гибели всей колонии, это два. Положат за нее сколько-то рабочих-солдат и отступят, если не добьются своего. Для них все имеет свою цену, и матка тоже. Степень полезности для колонии — вот цена. Должно быть, они сами убивают маток, выработавших свой ресурс, не говоря уже о дармоедах-трутнях с их дряблыми мышцами и раздутыми гениталиями. Пленив матку, наживешь себе неприятностей, но не возьмешь колонию за горло. И наконец, ни матки, ни трутни никогда не участвуют в боевых операциях, это три.

Прошел час, прежде чем пленница начала шевелиться, пробуя на прочность стальную проволоку, и Бранд мысленно поздравил себя с точным прогнозом. Быстро же их организм разлагает нейротоксины...

Какая раса, какая уникальная раса! И пусть их феноменальные способности куплены ценой отказа от себя как личности — что с того? Разница только в том, что лучшие человеческие качества — отвага, настойчивость в достижении цели, благородная жертвенность, сплоченность, верность общему делу — у них не сознательны, а инстинктивны. Разве так не лучше? Разве полезный виду инстинкт не избавляет особь от уймы неприятных эмоций, от необходимости принимать тяжелые решения, от угрызений совести? Разве мирмикантропы не счастливы?

А разве лучшие качества человека полностью сознательны? Не ведут ли они свое происхождение от тех же древних инстинктов, от желания сытно есть и успеть оставить потомство, прежде чем сожрут самого? От обезьяньих стай в горячих саваннах забытой планеты Земля? Разве высокая доблесть

вожака-павиана, не имеющего никаких шансов уцелеть в схватке с леопардом, но все же атакующего его, чтобы прикрыть бегство сородичей, не инстинктивна? А материнская любовь?

Что же получается: человек хорош лишь настолько, насколько его разум не мешает ему следовать природным инстинктам? А мирмикантроп хорош всегда, потому что у него таких проблем не возникает?

Бред...

И все-таки Бранд поймал себя на том, что завидует мирмикантропам. Он уже не злился, злость ушла. Если бы только мирмикантропы оставили людей в покое, если бы они не вытесняли их отовсюду, презирая любые компромиссы, а, удовлетворившись ролью господ Галактики, оставили бы им несколько планет для спокойного прозябания — Бранд не имел бы к ним никаких претензий. Но, видно, двум гуманоидным видам, растущим из одного корня, в одной Вселенной не ужиться, так уж задумано природой. Побеждает сильнейший и упорнейший. Кроманьонцы с аппетитом слопали неандертальцев, не оставив ни одного, питекантропы — австралопитеков. Всегда выживал тот, чья нетерпимость к иным, непохожим была наивысшей. Толерантных ели и переваривали. Удобрляли ими почву.

Теперь мирмикантропы выслеживают последних людей с единственной целью: выковырнуть их из нор и добить.

Без смысла. Жалкая община людей ничем им не угрожает и не будет способна угрожать в течение ближайших тысячелетий. Но так велено природой.

Если бы не мирмикантропы... Тогда все пошло бы иначе, и совсем по-иному прошла бы жизнь Бранда. Тогда никому не пришлось бы бежать с Крепости, и Крепость называлась бы по-прежнему Игорным Домом. Тогда Эрик учился бы в колледже на инженера или врача, а не погиб при встрече с безмозглым клешняком...

Мирмикантроп перестал шевелиться — понял, что у него не хватит сил перервать стальную проволоку. Проволока глубоко врезалась в кожу, но чужак не выказывал признаков боли. Он смотрел на Бранда, и в его взгляде не было ни ненависти, ни страха. Наверное, они и убивают точно так же — без эмоций. И умирают тоже...

Это нетрудно проверить. Прямо сейчас.

Бранд выругался без злости. Вот так и надо с ними, подумал он, чувствуя, что вот-вот поймает за хвост убегающую мысль. Надо хладнокровно, без гнева. Без стыда, без уколов совести, и не обороняться, а нападать. Бить ниже пояса. Как они, так и мы, с той разницей, что мы все-таки умнее... Хочется на это надеяться.

Ниже пояса?..

Пол! Вот оно! Теперь Бранд вспомнил то, что мелькнуло у него в голове перед тем, как он начал действовать, и заставило погубить робота. Он фыркнул: в первое мгновение мысль показалась ему на редкость дурацкой. Потом задумался и хмыкнул.

— Думаешь, я тебя убью? — спросил он пленницу. — Не надейся.

Мирмикантроп не реагировал. То ли не понимал человеческого языка, то ли не интересовался своей судьбой.

Бранд еще раз повернулся к экрану, дал круговой обзор и с минуту всматривался в искаженные объективом пропорции прилегающей местности. Чисто. Как ни удивительно — чисто... Ни одного чужака поблизости от Дома. Похоже, они еще не обеспокоились отсутствием связи с одним из разведчиков.

Тем лучше. Хотя яснее ясного, что Дом доживает последние часы. Вряд ли чужаки пожертвуют вторым разведчиком — скорее, уничтожат подозрительный холм, и все дела. После термобомбы от холма останется кратер с остывающим озером расплавленной породы.

Жаль, но ничего не поделаешь.

— У меня антиграв дохлый, — сказал он. — Надеюсь, твой двоих поднимет? Катера у меня нет, уж извини. Живу небогато.

Мирмикантроп молчал.

— Готовься, леди. Немного летаем.

8

— Он с ума сошел, — сквозь зубы процедил Стах.

— Кто?

— Бранд-отшельник. Только что вышел на связь и сообщил: его нора обнаружена, он отбил, взял одного пленного

и летит с ним сюда. Ты что-нибудь понимаешь? Он свихнулся, это точно. Наведет гостей на Цитадель!

Ираклий тяжело дышал — в его годы бег давался нелегко. А пришлось совершить пробежку по штольням Цитадели, когда оставшийся на центральном пульте Стах прислал за ним младшего мальчишку Шнайдеров, ценного расторопностью и неболтливостью. Не прошло и часа, как миновала опасность, и люди, поддавшись уговорам, мало-помалу разбрелись по жилым штолкам. Никто не успокоился по-настоящему — все понимали, что беда отступила лишь на время. Ираклий заходил ко всем по очереди, беседовал с людьми, подбадривал отчаявшихся, даже шутил через силу... Пришлось все бросить и бежать.

— Может, и не наведет, — отдышавшись и поразмыслив, сказал он. — Куда от нас рванули мирмикантропы — на юг?

— Почти точно на юг.

— Значит, на Обманный полуостров? Понимаешь, о чем я говорю?

Стах кивнул. Выветренные скалистые формации упомянутого полуострова на удивление напоминали рукотворные ландшафты. Взглянуть издали с определенного ракурса — и вот тебе круто изогнутый арочный мост, вот целый ряд жилых домов, вот явная промышленная зона с химическим комбинатом на переднем плане, а вот тут в сторонке — обширный лесопарк, и не сразу поймешь, что деревья в нем каменные...

Потому-то одинокий мирмикантроп-разведчик, купившись на иллюзию, и вызвал подмогу. По той же причине никому из людей никогда не приходило в голову селиться ближе часа полета на катере от Обманного полуострова. Не сошли еще с ума. Зато на Обманном в изобилии водились мелкие стайные клешняки, отличающиеся особой свирепостью, ядовитые насекомые и электрические сунсы, при малейшем испуге стреляющие молниями из-под хвоста. Незванным пришельцам не придется скучать.

— Они скоро вернуться, — сказал Стах. — Если только не отвлекутся по пути на что-нибудь более интересное.

— Тем временем Бранд может проскочить незамеченным.

— Допустим, что так. А на что нам пленный?

Ираклий пожал сутулыми плечами.

— Понятия не имею. Знаешь... я ведь успел повоевать с мирмикантропами немного больше твоего. Иногда мы брали их в плен, это точно. Говорили, что в контрразведке их обрабатывали так, что они выли от боли — это мирмикантропы-то! Человек от такой обработки загнулся бы в две секунды. И ни разу из этого не вышло никакого толку. «Химиотерапия» тоже не слишком эффективна...

— А я что говорю?

— Погоди... Если Бранд тащит сюда пленного, то он наверняка что-то придумал. Я его знаю. Он больше ничего не передавал?

Стах скривился.

— Передавал, но это совсем бред... Велит — не просит, а именно велит нам взять еще одного пленного, по возможности неповрежденного телесно и обязательно мужского пола. Чем скорее, тем лучше. Как тебе это нравится?

— Мы можем это сделать? — спросил Ираклий, озабоченно почесав лысину.

— Не собираюсь пробовать, — отрезал Стах. — По-моему, он тронулся. Не забудь, у него не так давно погиб сын. Я тут, пока тебя не было, побеседовал с Хелен, его дочерью, так она подтвердила, что отец последнее время был какой-то странный...

— Ты тоже станешь странным, если твоего сына разорвет клешняк, — возразил Ираклий. — Может, Бранд и сошел с ума, но я бы все же рискнул к нему прислушаться. Ты не против?

— Против. Но ты у нас старейшина, так что решай сам. Только когда дело дойдет до ловли мирмикантропов, на меня не очень рассчитывай. И за маскировку Цитадели я в таких условиях ответственности нести не могу.

— Потише, — предостерег Ираклий. — Этот разговор не для всяких ушей.

— Извини, — буркнул Стах. — И так тяжело, а когда под руку суются всякие сумасшедшие...

Ираклий покачал головой.

— Ты сам сказал, что мирмикантропы вернутся. Я тоже это знаю, и все знают. Они умеют искать. Нет, я не хочу сказать ничего плохого, ты лучший среди нас эксперт по маскировке, но все же рано или поздно они нас найдут, согласен? Они уже взяли это место на заметку. У нас в запасе есть несколько часов или дней, в самом лучшем случае одна-две пульсации. Ты знаешь, что случится потом. Чем мы рискуем, пожившись на Бранда? В худшем случае несколькими днями крысиного существования.

— Не скажи это при всех, — проворчал Стах. — Кое-кто из наших с удовольствием перегрызет другому горло за эти самые несколько дней. Для приговоренного и час отсрочки — вечность.

— Ты стал плохо думать о людях, — укорил Иракий.

— Я всегда о них так думал. И о себе, кстати, тоже, тут не может быть исключений. Мы люди, а не мирмикантропы. А вот ты стал оптимистом на старости лет.

— Я не понял: ты предлагаешь ничего не предпринимать? Стах промолчал.

— Так я пойду соберу охотников, — сказал Иракий. — Помозгуем насчет второго пленного. И будем надеяться, что Бранд знает, что делать.

— Тебе решать, — бросил Стах.

Прошло два часа, прежде чем навьюченный тяжелым грузом Бранд достиг Цитадели. Мирмикантропы поблизости не появлялись. Один раз далеко на востоке проплыл их громадный корабль и медленно закатился за горизонт. Понемногу вечерело. Желтое солнце, клонясь к закату, не краснело, а, напротив, светлело, заметно уменьшившись в поперечнике. Завтра оно раскалится добела.

За это время только один раз ожила спутниковая связь: Этьен Леклерк напряженным голосом сообщил, что его убежище, похоже, обнаружено. Стах дернул щекой: по части маскировки он никогда не имел к жилищу Леклерков никаких претензий. Не скалистая горушка, как у Бранда, и не лабиринт пещер, как Цитадель, — дом Этьена прятался под рукотворным озером, заполнившим горное ущелье после вроде бы естественного каменного обвала. По словам Леклерка, мир-

микантропы не нашли дальних замаскированных входов, но, по всему видно, собираются взорвать запруду и спустить воду. Для чего — можно не спрашивать. Как они вынюхали полость под дном озера — оставалось гадать. Напоследок Леклерк сказал, что попытается выйти через дальний лаз, напасть на чужаков с тыла и хотя бы ненадолго отвлечь их от дома.

И попрощался.

Помощи он не просил, как не просил позаботиться о семье. Первое немисливо без окончательной демаскировки Цитадели, а второе разумелось само собой. Конечно, лишь в том случае, если семья Этьена уцелеет, что более чем сомнительно.

Стах сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Сиди и жди. И ничего нельзя сделать. Ничего!

Ничегошеньки.

А тут еще этот Бранд со своей нелепой выдумкой...

Бранда Стах увидел очень скоро: забыв, где находятся дальние входы в Цитадель, дурень со своей ношей на плече топтался недалеко от главного входа, рассчитывая попасть в поле зрения одного из «глаз». Хорошо еще, что у него хватило ума топтаться по щебенке, а не по мягкой земле, иначе наставил бы таких следов, что уж проще было бы повесить для микантропов табличку «Термобомбу — сюда!».

Скрипнув зубами, Стах открыл вход. Немного подумал и, поморщившись, пошел встречать: не хватало еще, чтобы давно не гостивший в Цитадели отшельник позабыл расположение и свойства ловушек! Вот угробится сейчас зазря и угробит свою идею, наверняка дурацкую...

9

— Ты думаешь, это получится? — спросил Иракий.

— Не знаю, — тяжело выдохнул Бранд. Он устал от вопросов. — Я за то, чтобы попытаться. Хотя, если есть другие идеи, я готов их выслушать. Они есть?

— Но...

— Есть идеи или нет?

— Пока нет, — басом прогудел Георг Шнайдер. — Разве что выйти наружу и показать этим человекообразным насекомым, чья это планета.

— Смысл?

— Все лучше, чем отсиживать тут зады и ждать своей очереди. Стефанидесы, Леклерки, кто следующий?..

— Вспомни Крепость, — сказал Иракий. — Мы уже показывали им, как умеем драться и умирать. Показывали не раз. Много ли было толку? Мы дрались, и умирали, и убивали их, а побеждали все равно они. Всегда.

— Вот и я говорю...

— Тогда предлагай дело, а не бессмысленное геройство. Сколько всего мирмикантропов на поверхности — сотня, две? А сколько их осталось на орбите — тысячи? Даже если мы каким-то чудом справимся с крупным десантом, во что я ни на минуту не поверю, у противника останется достаточно средств, чтобы подогреть эту планету до полной стерилизации и избавить себя от лишних проблем. Победить мы можем, лишь уничтожив их корабль, при этом все мы знаем, что уничтожить его нам нечем. У нас есть ядерные заряды, но нет ни одной боевой ракеты. У нас есть один планетарный катер, но его сожгут еще в атмосфере. Согласен?

— О том и говорю, — повторил Шнайдер. — Что в лоб, что по лбу. Но лучше драться, чем...

— Лучше обсудить предложение Бранда. Насколько я понимаю, иных предложений у нас нет. Ты за или против?

— Против. Глупость это...

— Учтено. Стах?

— Против.

— Учтено. Виктор, ты?

— По-моему, это пустая трата времени. Я против.

— Твое дело. Джафар?

— Против.

— Ясно. Мелани?

— А ты сам за что?

— За то, чтобы попытаться. Чем черт не шутит. Что скажешь?

Мелани Эверхарт была вдовой, воспитывающей двух дочек. В комнате для совещаний, примыкавшей к центральной аппаратной, собрались только главы семейств, по большей части немолодые мужчины. Исключение было сделано только для Эльзы Шнайдер — все знали, что семья Шнайдеров «двухголовая». Младший Шнайдер стоял снаружи на карауле, не допуская посторонних и одновременно поглядывая на экраны наружного наблюдения. Парнишка был ответственный, Шнайдеры гордились своим младшим.

— Скажу, что я еще не знаю, — проговорила Мелани. — С одной стороны, предложение Бранда похоже на несусветную дичь. С другой стороны, приходится хвататься и за соломинку, когда рядом нет спасательного круга. А кроме того, мне как медику интересно поучаствовать в таком эксперименте. — Она задумалась и махнула рукой. — Пожалуй, я все-таки проголосую «за». Других идей у нас все равно нет, а из этой теоретически может что-нибудь выйти. Если есть хоть один шанс из тысячи — надо пробовать.

— Кто еще «за»? — спросил Иракий.

— Я, конечно, — севшим голосом сказал Бранд. — Надеюсь, ты меня учитываешь?

— Разумеется. Кто еще?

С минуту длилось молчание. Юхан, зять Бранда, не смотрел в глаза. Громоздкий Шнайдер поворочался, шумно вздохнул и снова пробормотал: «Глупость это...»

— Больше никто?

— Мужчины! — с презрением сказала Эльза Шнайдер. — Примитивные, однобокие существа. Такие же примитивные, как мирмикантропы, честное слово. Зря они вас убивают, вот что я вам скажу. Вас надо оставить прозябать — вы сами вымрете от отсутствия фантазии...

— Эльза! — укоризненно произнес Иракий.

— Что «Эльза»? Я говорю, что думаю. Двадцать пять мужиков, и у всех воображение работает на уровне троглодитов! Насилу нашелся один, предложил необычное, так они воротят носы, не в силах осмыслить! Помолчи немного, Иракий, я не о тебе говорю. — Эльза Шнайдер встала, уперев кулаки в толстые бока. — Одно слово: мужские мозги! Самим сгинуть в

драке и детей погубить — тоже мне велика доблесть! А тебе, Бранд, спасибо за идею, у тебя всегда была светлая голова. А вы все, — Эльза обвела взглядом присутствующих, и кое-кто потупился, — чего испугались? Бойтесь выйти наружу, взять еще одного пленного? Да я сама его возьму, если вы такие тряпки!

— Не о том речь, — раздраженно проворчал кто-то в углу.

— О том, о том! Или вы тряпки, или мозги у вас одеревели до самого копчика. Тогда уйдите в сторону и дайте действовать тем, кто верит Бранду. Я — верю!

— Из этой затеи ничего не выйдет, — громко и зло сказал Стах, перекрывая поднявшийся шум. — Ясно и ребенку.

— То есть тебе? — прищурилась Эльза, и кто-то, не выдержав, издал смешок. — Агусеньки, маленький. А я верю, что выйдет! Может выйти и должно! Бранд, тебе никто не говорил, что мозги у тебя работают, как у женщины или инквизитора? Это комплимент. Что? Разные вещи? Да это одно и то же!

— Эльза, помолчи-ка немного... — загудел на жену Георг.

— Не дожدهшься, дорогой. Ираклий, ты чего утих? А ну-ка напомни, мы тебя выбирали старшим или нет? Ах, все-таки выбирали? Значит, в военное время ты наш командир и диктатор, и кто против тебя слово скажет, тот должен об этом пожалеть. Кто-нибудь сомневается в том, что наступило военное время? Или, может быть, кто-то думает, что сейчас у нас ежегодный карнавал? Нет таких? Уф-ф, вы, кажется, не совсем безнадежны... Ираклий, очнись! Рассусоливаешь тут без толку, уговариваешь тупоумных, голосование какое-то выдумал... Командуй!

Белобрысый дылда Юхан фыркнул и замотал головой.

— А ведь в чем-то она права... Пусть Ираклий командует.

Бранд чувствовал себя полностью опустошенным. Поднялся шум, люди орал все разом, не слушая друг друга, кто-то уже хватал соседа за грудки и самозабвенно тряс, а ему было наплевать. Он выложился. Он сделал максимум возможного и предложил путь — фантастический, нереальный, но все-таки путь. Только для того, чтобы изложить вслух свою идею, ему

пришлось учинить над собой настоящее насилие. Язык отказывался нести такую ахинею.

Примут они его план или нет — ему почти все равно. Он свое пожил, и он устал. Если люди решат, что он спятил на старости лет, он не станет их разубеждать. Не все ли равно, что о тебе подумают напоследок? Особенно перед тем, как думать станет некому?

Заботиться до конца о них, последних осколках человечества, до конца веря в то, что из ничтожной искорки когда-нибудь вновь разгорится пламя разума и охватит всю Галактику? Кое-кто в это всерьез верит... вернее, верил до прихода мирмикантропов. Он, Бранд, потерял эту веру после смерти Эрика и Хильды. Собака — и та умерла. Осталась дочь, и остались внуки, но что им до Бранда-отшельника?

Кстати, надо их повидать...

Очнулся он от того, что Эльза Шнайдер трясла его за плечо.

— Бранд! Ау, ты еще тут или уже в нирване? Очнись.

— А? — спросил Бранд и поднял голову. — Что? — Он повертел головой. — А где все остальные?

— Разошлись. Ираклий распустил собрание. Сумел даже гаркнуть. Юхан и Джафар пошли собирать команду для вылазки.

— Для какой вылазки?

Эльза легонько шлепнула его по щеке.

— Спустись на землю. Нам нужен второй пленник или нет?

— Значит, решено?

— Решено. Мелани пошла копаться в своей провизорской. Сказала, что непременно отыщет что-нибудь подходящее. Или синтезирует. Твою Хелен подрядили корпеть в фильмотеке. Пленница помещена в седьмом штреке справа, там оборудовали камеру со всеми удобствами. Все на ушах стоят. — Эльза ухмыльнулась. — Ну и заварил ты кашу, Бранд! Не скажу, что все тебе поверили, но... за работой они поверят. Главное, чтобы работали. Ты сейчас что намерен делать?

— Не знаю, — сказал Бранд и зевнул. — Наверное, повидаю дочь, внуков... Потом выплюсь...

— Валяй. Только имей в виду, что ответственный за план — ты. Так что не особенно расслабляйся. Ты сейчас второй человек в Цитадели. Можешь требовать содействия у всех, даже у Стаха.

— Почему я?

— Очень интересно! А кто предложил план? Вот и выполняй его. Будешь отлынивать — Ираклий тебя накажет.

Бранд помотал головой и сказал «бр-р».

— Не поняла.

— Ладно... Я — значит я. Переживу как-нибудь.

— Лучше сделай так, чтобы мы все пережили мирмикантропов, — веско сказала Эльза. — Лично у меня нет никакой охоты помирать. Между прочим, ты не расскажешь, как тебе вообще взбрела в голову твоя идея? Это я так, мне просто интересно.

— Зачем тебе?

— Не мне, а истории. Если мы уцелеем, люди тебе памятник поставят. А я напишу монографию о способах генерации гениально-безумных идей. Может, кому пригодится.

Бранд задумался, кусая нижнюю губу.

— Логика, просто логика, — проговорил он спустя минуту. — Мы не можем взорвать их корабль, значит, они должны сделать это сами. Я только не знал, как их заставить. А потом вспомнил. Ты когда-нибудь видела, как собака вертится и ловит свой хвост? Гектор часто это делал, когда был щенком...

— Ну и что?

— Мне пришло в голову, что мы должны обернуться назад и попытаться ухватить что-то очень давнее, но еще не потерянное. Поймать себя за хвост, одним словом.

— Почему себя?

— Потому что мирмикантропов создали мы, люди. Создали из себя, правда, сильно изменив, но создали все же на человеческой основе. Какие-то рудименты должны остаться... Нам только кажется, что у мирмикантропов нет слабых сторон. На самом деле — я уверен — слабые стороны у них есть, просто мы их не видим. Их все время не там искали. Быть может, слабость мирмикантропов заключена в том качестве, которое мы, люди, считаем своей силой?

— Что-то не улавливаю...

Бранд собрал кожу на лбу в морщины.

— Пока это догадка, а не факт, — сказал он нехотя. — Но я знал и знаю одно: нам надо найти что-то общее, то, что роднит мирмикантропов с нами. А найдя — сыграть на этом. Поймать себя за хвост. А если мы поймаем себя, то поймаем и мирмикантропов.

— Путаник ты, а не логик, — фыркнув, сказала Эльза. — И врун. Нипочем не поверю, что ты мыслил именно так. Наверняка стесняешься рассказать правду, вот и корчишь из себя философа. Стах давеча верно сказал: и откуда только берутся философы, когда драться надо?

— От невозможности победить в бою, — ответил Бранд, — но это ты уже слышала...

— Ладно, иди, гений, — улыбнулась Эльза. — Смотри на хвост не наступи. А насчет монографии я пошутила.

— Кто бы сомневался... Кстати, что ты сказала насчет второго пленного? Прости, я не вполне уловил.

— Группа захвата выходит через час после рассвета. Сейчас подбирают амуницию.

Бранд поднял бровь.

— Почему не сегодня ночью?

— Сам подумай. Кто ночью лучше видит — мы со своими приборами или мирмикантропы со своими глазами? Сегодня безлунная ночь да еще облака набежали. А завтра будет хороший день, яркий и жаркий. Джафар считает, что днем у группы захвата больше шансов.

— Ерунда!

— По-моему, он прав.

— Это по-твоему. Подарить мирмикантропам полсуток? Снова ждать? Время работает против нас. Пленный нужен немедленно!

— Объясни это Джафару.

Бранд вскочил. Как ни странно, он больше не ощущал усталости.

— И объясню! Недоумки! Было же сказано: начать как можно скорее! Сразу! Сейчас!

Младший Шнайдер просунул в дверь любопытную физиономию: что опять за крик? Эльза сделала сыну знак рукой: сгинь!

— Джафар может отказаться вести группу ночью, — спокойно сказала она. — И я его понимаю. Он разумный человек.

— Тогда группу поведу я!

10

Тело Джафара пришлось бросить в лесу, подожженном сразу в нескольких местах мирмикантропами и людьми; первыми — чтобы выкурить оттуда нахальных реликтов, никак не желающих вымирать, вторыми — чтобы прикрыть отступление и попытаться оторваться от погони. У группы не было выбора: помимо парализованного пленного приходилось тащить двоих раненых. Одним из них был белобрысый дылда Юхан, потерявший в бою правую руку ниже локтя. Хелен построится...

И проклянет отца, если из его затеи ничего не выйдет.

Но лес оказался спасением. Он был чересчур велик, чтобы чужаки могли эффективно контролировать его периметр, — поняв это, они барражировали поверху, готовясь встретить залпами плазменников все, что вылетит из дыма. Часть их преследовала группу по лесу, ловко лавируя между деревьями, проносясь над пылающим подлеском и обезумевшими стадами животных. Бранду казалось, что маленькая — всего шесть человек — группа захвата стянула на себя всех мирмикантропов, сколько их высадилось на континент.

Возможно, так оно и было.

Стряхнуть погоню удалось далеко не сразу — но удалось, потеряв одного убитым и двух ранеными. Из леса вытекала речушка, обрамленная густой растительностью, смыкавшей ветви над водой. По этому зеленому туннелю скользили трое, неся еще троих, и перегретые антигравы тревожно гудели, грозя отказом.

Можно и нужно было выделить отвлекающую группу — увести чужаков подальше от Цитадели. Но из кого ее выде-

лить? Бросить раненых? Бросив обеспамятевшего от потери крови Юхана — как смотреть в глаза Хелен?

Бранд только ругался. Им повезло, хотя по всем канонам не должно было повезти. В везение он давно не верил.

— Успешно? — спросил Ираклий, обнимая Бранда от избытка чувств.

— Потеряли Джафара. На Цитадель, кажется, никого не навели. А пленник — вот он.

— Как вы его взяли? — холодно полюбопытствовал Стах, бурывая мирмикантропа злым взглядом.

— Чудом. Зря вышли на охоту ночью, тут я был не прав. Поняли, отсиделись в укрытии. А на рассвете нашли их банду, зашли от солнца и атаковали внаглую. Пока они опомнились, мы положили не то шестерых, не то семерых. Трех — иглами. Двое оказались леди, а третий вроде мужик. Мелани, взгляни.

— Кажется, это все же мужская особь, — с оттенком сомнения произнесла Мелани, произведя беглый осмотр. — Ладно, выбирать нам не приходится. Пусть кто-нибудь позаботится о помещении для него, а я сейчас введу ему первую инъекцию. По-моему, нет смысла растормаживать его железы — проще регулярно вводить чистый тестостерон.

— А как себя чувствует наша гостья?

— Отказывается от пищи, кормим внутривенно. Заодно вводим ей в вену кое-что, подавляющее выработку мужских гормонов. И в лошадиных дозах.

— Результаты есть?

— Ты хочешь всего и сразу. Изменения станут заметны через несколько дней, не раньше.

— Жаль.

— Всем жаль. — Мелани потрянула копной вороных волос. — Отвали, Бранд, дай мне работать.

День прошел в целом спокойно. После полудня на связь вышел Борис Ружицкий — заметил одиночного мирмикантропа поблизости от своего жилища. Часом позднее он передал значительно повеселевшим голосом, что вокруг все по-прежнему спокойно, разведчик переместился куда-то на запад.

Другие поселения молчали наглухо — стало быть, мирмикантропы до них пока не добрались. Каждая семья, каждая

группа, желающая жить автономно, строила себе не дом, а подземную крепость — недостаточную для сколько-нибудь длительной обороны, но оставляющую время успеть сказать последнее «прости». Молчат — значит живы.

По-видимому, активность мирмикантропов снизилась. Бранду было бы лестно думать, что это он и его группа наделали переполоху, поломав планы противника, но он не высказывался по этому поводу. Куда вероятнее была иная причина: приближение максимума пульсации. Видимо, мирмикантропы, даром что более выносливая раса, подобно людям не любят жгучего белого солнца, предпочитая отсиживаться в каком-нибудь укрытии. А это значит, что еще два, даже три дня можно ни о чем не беспокоиться...

Еще задолго до вечера его умозаключение разлетелось вдребезги. С Цитаделью связался Гедеон Шмидт, давным-давно обосновавшийся с семьей на скалистом острове посреди океана. Все то же: мирмикантропы рядом, убежище обнаружено, прощайте...

Как же быстро мирмикантропы находят норы людей! А ведь на планете пока совсем немного чужаков: ну, сотня, ну, две. На каждого — четверть миллиона квадратных километров поверхности суши! Казалось — ищи-свищи, не найдешь и за год.

Находят. Чувствительности их рецепторов, доскональному их знанию объекта под названием «человек» можно только позавидовать. Совсем нетрудно, вооружившись аппаратом математической статистики, подсчитать, когда, по всей вероятности, будет найдено и после короткой судороги падет последнее убежище людей на планете: примерно через три периода пульсаций здешнего солнца-цефеиды.

Тридцать дней. Вряд ли больше.

Ночью с северо-востока пришла единичная сейсмическая волна — слабая, но зафиксированная приборами. Вычисленные координаты эпицентра совпали с единственным рукотворным объектом в том направлении — Домом, спрятанным под гранитной горушкой, рассеченной тремя расщелинами. Вероятно, после потери разведчика чужаки решили больше не рисковать. Ираклий только вздохнул и похлопал

Бранда по плечу — держись, мол. Бранд молча стряхнул с плеча его руку.

Дом погиб. Дом, помнивший первые шаги Эрика, смех Хильды, лай Гектора, больше не существовал. Дом, построенный еще отцом так надежно, прочно и удобно, что Бранду оставалось лишь улучшать готовое...

Теперь такой не вдруг построишь. Универсальных роботов, пригодных для прокладки штреков, осталось раз-два и обчелся. Ветшающая техника понемногу выходит из строя, а то, что еще кое-как действует, нуждается в перманентном ремонте.

Сумей выстроить новый дом точной копией старого — и все равно в нем не будет души. Она зарождается постепенно, она растет с каждым новым поколением, и не Бранду почувствовать ее незримое присутствие вокруг себя.

И безразлично, как был уничтожен Дом: бомбой, оставленной отрядом мирмикантропов, или атакой с орбиты.

Наверное, все же с орбиты. Проще. Чужакам достаточно обозначить цели на поверхности — зачем им выполнять двойную работу?

Если бы не гигантская боевая мощь чужого корабля — разве сидели бы люди по норам, точно кроты? Пусть у мирмикантропов лучшее снаряжение плюс дополнительные органы чувств, пусть они видят в темноте, как днем, а чувствительность их электросенсоров феноменальна — наплевать! Зато люди лучше знают планету и имеют хорошо оборудованные убежища, а это немало. Можно не сомневаться: без поддержки корабля передовой отряд мирмикантропов стоит недорого. Пожалуй, будет нетрудно истребить его без больших потерь.

Без дела и смысла Бранд обошел всю Цитадель, от рабочего кабинета Ираклия до машинного зала под жилой зоной. Хотелось успокоиться. Он сунулся было в железную клетку, где Мелани колдовала над телом спеленутой по рукам и ногам пленницы, и был изгнан, успев заметить только капельницу да какие-то провода. Затем долго стоял в другой клетке, вглядываясь в пустые глаза рабочей особи с мужскими половыми признаками.

Земной тигр рычал бы и грыз железо. Клешняк — и тот демонстрировал бы агрессию. Мирмикантроп лежал смиренно и молчал. Бранд знал: будь враг способен разорвать путы, атака последовала бы незамедлительно. Он был логичен, этот враг, только и всего. Если невозможно принести пользу муравейнику — какой смысл тратить энергию, тем паче на бесполезные эмоции?

Лучше дождаться благоприятного момента.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказал Бранд вслух. — Не надейся.

Никакой ответной реакции.

— Мы будем и впредь жить на этой планете. Она наша. А вы или уберетесь отсюда навсегда, или умрете. Уловил?

Бревно, и то отреагировало бы активнее.

— Они не понимают человеческого языка, — проговорил Стах. Он специально явился проверить, надежно ли заперт пленник, и, поочередно щелкая запорами на обеих решетчатых дверцах, внешней и внутренней, ждал, когда Бранд покинет клетку.

— Думаешь, ни бельмеса?

— А на что им? Последние тридцать шесть лет они не встречались с людьми за отсутствием последних в Галактике. Наверное, очень удивились, найдя нас.

— Ничего, — сказал Бранд. — Если даже ты прав, введем ему словарный запас во сне или под гипнозом. Думаю, Мелани справится. Слышишь, гаденыш? Языку тебя учить будем. И кое-чему еще.

Мирмикантроп не реагировал.

— Ты слышишь меня? Мы всех вас перебьем, запомни. Сначала здесь, потом повсюду. Понял? Думаешь, вас много и вы неуязвимы? Ошибаешься.

Молчание.

— Я из тебя сделаю человека, — с угрозой пробормотал Бранд, покидая клетку.

Хелен с мрачным упрямством копалась в каталоге фильмотеки.

— Нашла что-нибудь? — спросил Бранд.

— Выше крыши. Каждый второй фильм, если не больше. В мнемотеке, думаю, то же самое. Стараюсь выбрать лучшее из подходящего.

— А-а... Как Юхан?

— Ему лучше. А с детьми вызвалась посидеть Эльза. — Хелен на миг оторвала взгляд от экрана, и только этот взгляд дал понять Бранду, насколько ей тяжело. — Подожди немного, папа. Сейчас заканчиваю.

Заглянув ей через плечо, Бранд нашел глазами список отобранных фильмов.

— «Ромео и Джульетту» — первым пунктом? Одобряю. Молодец, дочка.

— Я знаю. Ты не мешай, ладно?

Бранд просмотрел список до конца и огорченно присвистнул.

— Не то выбрала? — встревоженно спросила Хелен.

— Нет, выбрала ты то, но... — Бранд замялся, — немного не то. Черт, не знаю, как сказать... В общем, тут у тебя по преимуществу слюнявые мелодрамы то о несчастной, то о счастливой любви. Для нашей гостьи это, пожалуй, подойдет, а вот для гостя... Не забывай, он все-таки мужчина.

— Мужчина! — фыркнула Хелен.

— Теоретически и потенциально — мужчина, а не слащавый любовник с набриолиненным пробором. А что для мужчины важнее всего?

— Мыть руки перед едой и не свинячить в доме.

— Двойка, — сказал Бранд. — Подумай еще. В контексте отобранного тобой видеоматериала.

— Пойти на все ради любимой женщины?

— Гм. Я бы все-таки сказал, что главное для мужчины — чувство долга. Но ты права: мы сделаем из нашего гостя такого мужчину, который наплюет на долг ради дамы своего сердца. И розовый идеалист, и машина убийства в рыцарских доспехах. Все в одной упаковке. Мы сделаем из него героя высокой трагедии, пойми это хорошенько. Героя, а не тряпку!

— У нас в фильмотеке нет «Тристана и Изольды».

— Значит, подбери замену. А «Тристана» будем читать ему вслух. По очереди. Да и про Ланселота с Джиневрой неплохо бы

найти что-нибудь. Для начала пусть в его тупую башку войдет мысль: измена сюзерену ради любимой — наказуема, но этически допустима. Любовь оправдывает все. Но начнем мы с другого: с пробуждения в нашем госте чувственных инстинктов.

— Начать с порно? — холодно осведомилась Хелен.

— С мягкой эротики. И не язвы, пожалуйста, а то отшлепаю на правах отца. Мягкая эротика и героические истории — это для затравки. Пусть поймет, что он мужчина, а не бесполой особь. Пусть увидит нашу гостью и разглядит в ней женщину.

— По-твоему, он влюбится в нее? — с сомнением спросила Хелен. — Мирмикантроп — влюбится? Хотя бы и с нашей помощью?

— Ты опять?!

— Извини. Просто в голове все это не укладывается... Ладно, допустим, он влюбится в нее, и даже до безумия. А что потом?

— Любовь зла, вот что потом.

— Конкретнее нельзя?

— Потом мы будем живьем драть с нее кожу, — негромко сказал Бранд. — А его пригласим посмотреть.

— Ты бессердечный негодяй, папа. Ладно, а дальше?

— Он выполнит требуемое.

— И при этом умрет?

— Нет. Они оба умрут позже и без нашего участия. Я не собираюсь убивать из мести. Я вообще никого не собираюсь убивать без необходимости, учти это.

Хелен насмешливо оттопырила губу.

— Даже мирмикантропов?

— Отстань от отца, понятно?

11

Редкие волосенки на черепе пленника были тщательно выбриты, и на голой розовой коже жирными пиявками сидели контакты энцефалоскопа. В набрякшую вену на сгибе локтя поступала из капельницы адская смесь по рецепту Мелани. Когда стало ясно, что организм рабочей особи мирмикантро-

па в считанные минуты нейтрализует вводимый извне избыток тестостерона, врачу колонии пришлось изобретать способы расстроить великолепный гормональный баланс чужака, и это оказалось совсем не простым делом. Даже сейчас Мелани не была уверена в успехе.

Прошла целая пульсация и еще полпульсации. Распухший багровый пузырь солнца, казалось, собрался свалиться на землю, но грел почему-то совсем слабо. По-настоящему день так и не наступил. В дневных сумерках на небе сияли не десятки — сотни звезд скопления Ориона. Любоваться ими было некому — лишь наблюдатель, обшаривающий окрестности Цитадели через внешние «глаза», мог обратить на них внимание. Но наблюдателю было не до звезд.

Никаких вылазок на поверхность, никаких подземных работ, связанных с шумом и вибрацией, полузаглушенный реактор, замкнутые циклы потребления воздуха и воды, однообразная синтетическая пища, экономия на всем. Взрослые становились мрачными и раздражительными, дети капризничали и ныли.

Мирмикантропы пока не появлялись. Это не означало, что они оставили людей в покое, и если за истекшие пятнадцать дней они нашли и уничтожили всего лишь три человеческих поселения, то не они были виноваты в столь низкой производительности очистки планеты от людей. Просто-напросто человеческих убежищ осталось меньше, чем было до прихода мирмикантропов, и их стало труднее находить.

Один раз видели, как с корабля на планету десантировалась новая группа чужаков — особой двадцать пять, не больше. Вероятно, пополнение убыли.

Не многих же они потеряли...

Стах выходил из себя и срывался на крик. Сто тридцать два! Сто тридцать два человека из ста восьмидесяти семи еще жили, дыша затхлым смрадом убежищ, не смея высунуть носа наружу, — вернее сказать, не жили, а доживали последние дни. Сто тридцать два последних представителя рода человеческого! Меньше, чем когда-то высадилось на эту планету! Сто тридцать две песчинки! И это в предположении, что все погибшие успели перед смертью выйти на связь!

Усталый и сам себе противный Бранд сидел на табурете подле спеленутого пленника и вещал осипшим голосом, окольными путями добираясь до главного:

— Планета у нас хорошая, что верно, то верно, но и на хорошей планете хватает опасностей, особенно если ты слаб. Нет, я не про тебя говорю и не про себя. Я про женщин. Слабы они и прекрасны, вот какое дело. Не веришь? Скажешь, одно с другим не совмещается? Ну и зря. Еще как совмещается. Я тебе вот что скажу по секрету, парень: помочь женщине — высшее наслаждение для мужчины и высшее его предназначение, если только он мужчина, а не бесполоый урод. Ты небось такого наслаждения отроду не испытывал, жаль мне тебя...

Он делал паузу. Мирмикантроп молчал.

— На равнине хорошо, если только безоружным не встречаешься с хищником, — продолжал Бранд. — Горы бывают разные. Те, что на севере, еще ничего, только там холодно, а южные хребты вулканические. Нет, на нашей памяти больших извержений не было, зато часто трясет, а иногда сами собой рушатся скалы. По дну ущелий бегут такие реки, что упавшее в воду дерево выныривает стаей щепок. Ни рыбы, ни водорослей в тех реках, конечно, нет, там и инфузория не выживет. Зато в долинах водится много всякой живности. Есть крупные хищники, размером как эта комната. Есть стаи мелких тварей вроде крыс, и они хуже всего. В одиночку там делать нечего — любого мужика сожрут в два счета, не говоря уже о женщине. А я, представь себе, не только дошел один, без антиграва, аж до Бездонного ущелья, но и вывел оттуда по скалам свою жену... то есть тогда она еще не была мне женой и даже не собиралась за меня замуж... впрочем, не важно. Снизу к нам подбирались стаи крыс, едва пятки не объели, а сверху сыпались камни размером с холодильник. Тут Хильда подвернула ногу и ну кричать, а я хватать ее в охапку — не до условностей было — и наверх, наверх! Потом она призналась, какое впечатление произвели на нее мои объятия...

Мирмикантроп молчал и не шевелился. Бранд дорассказал выдуманную им почти целиком историю и поглядел искося — нет ли какой реакции? Мирмикантроп, скотина,

молчал. По ту сторону решетки Мелани чуть заметно качнула головой — значит и энцефалоскоп не зафиксировал никаких необычных биотоков мозга.

Реакции не было. Как вчера. И как позавчера. Как десять дней назад.

Фильмы. Мнемосеансы. Чтение вслух. Любовная классика всех времен, от античности до звездной эпохи. Мужская доблесть и женская нежность. Верность, неверность и ревность. «Задумчивые» беседы один на один. Бесконечные инъекции.

Все напрасно. Мирмикантроп упрямо не желал превращаться в мужчину. Быть может, трутни в их иерархии стоят ниже рабочих особей?

Видимо, так.

Дважды звякнули запоры — Бранд покинул клетку. Прошел сквозь звукопоглощающую завесу. Пронзил электромагнитный экран.

— Ничего? — спросил он Мелани, насилу ворочая онемевшим языком. Будто и так было не ясно.

— Ничего.

— «Ромео и Джульетту» ему сегодня крутили?

— Само собой.

— И как он?

— Нет повести печальнее на свете...

— Пень пнем?

— Вот именно.

— За все это время он не сказал ни единого слова. А?

Мелани покачала головой.

— Он понимает нашу речь. Тут у меня нет сомнений.

— Может, он сообразил, чего мы от него хотим, и сопротивляется?

— Вряд ли. — Мелани сделала пренебрежительный жест. — Уж это я бы поняла.

— Может, я не то ему говорю?

— Самое то. А если его это не устраивает, то вся твоя идея никуда не годится.

— Может, не действует твоя химия?

— Ты заметил, что у него активнее растут волосы? И как они растут. И где. Усы! Пушок на подбородке! Его организм

просто купается в тестостероне. Конечно, существуют и другие мужские гормоны, и не все из них я могу синтезировать в лаборатории... Пытаюсь заставить его железы вырабатывать их самостоятельно, но... это же мирмикантроп! Пойми, я не могу без конца увеличивать дозы! — Голос Мелани дрогнул. — Его организм просто не выдержит. Человек на его месте уже умер бы от интоксикации. А если умрет этот? Разве у нас есть время на поимку и обработку нового пленника?

Помолчали.

— Ладно, — просипел Бранд и тщетно попытался прочистить горло. — Пошли к нашей леди. Насколько я понимаю, с ней у нас дела идут получше?

Мелани пожала плечами.

— Формально — да. То есть внешние изменения налицо. Фигура понемногу округляется, где надо, но еще далеко не Венера Милосская. В смысле необходимых нам эмоций — по-прежнему нуль.

Бранд вздохнул.

— Ее развязали?

— Сегодня утром. Первым делом она пообрывала с себя все провода и потратила час на попытки сломать замок своей клетки. Потом поняла, что это бесполезно, и сейчас спокойно смотрит видео.

— «Ромео и Джульетту»?

— Нет, крутим ей «Антония и Клеопатру». Тоже необузданные страсти да еще со слабым гипнотическим эффектом в придачу. Очень старая запись... тех времен, когда еще был разрешен гипнозэффект. Жаль, что мирмикантропы не очень гипнабельны.

— Не пробовали позволять ей самой решать, что смотреть?

Мелани взглянула на Бранда с любопытством.

— А что, может получиться неплохой косвенный индикатор ее эмоционального настроения... Бранд, ты молодец. Дадим ей на выбор десяток пьес Шекспира и поглядим, что она выберет...

В своей клетке нагая пленница буйствовала, пытаясь разбить небьющийся экран. Охнув, Мелани выключила запись,

но еще целую минуту пленница дубасила его окровавленными кулаками. Затем с воплем ринулась на решетку и, получив электрический удар, ничком упала на лежанку.

— Вот и индикатор, — сказал Бранд. — Поздравляю. Впервые хоть какая-то реакция.

— Сама не ожидала, — призналась Мелани. — Хорошо, что у нее нет никакого инструмента... Теперь надо просмотреть запись, понять, какая сцена ее так взволновала...

— Я заметил. Антоний уже распорол себе кишки, а Клеопатре служанки тащат корзинку со змеей.

— Она не хочет, а?

— Кто, Клеопатра? — улыбнулся Бранд.

— Шутник. Клеопатра тоже не слишком хотела. Сознание нашей подопечной протестует, ему хочется счастливой развязки. Женские гормоны вызвали инфантильную чувственную реакцию. Смотри, она, кажется, плачет...

— По-моему, пора познакомить наших гостей друг с другом, ты не находишь?

Мелани помедлила с ответом.

— Непосредственный контакт? А ты не слишком торопишься?

— Я еще не сошел с ума, чтобы пустить их вдвоем в одну клетку. — Бранд коротко хохотнул. — Вдруг они выдумают, как из нее выбраться? Мирмикантропы тем изобретательнее, чем их больше. Я говорю о трансляции изображения: время от времени показывать нашему искусственному самцу вот эту самую самку. Допустим, она еще не Венера — на любовь с первого взгляда я не рассчитываю. Пусть пока привыкнет видеть ее на экране, а там, глядишь, появится и интерес...

Через час, когда пленница успокоилась и начала бесцельно расхаживать по клетке, ее изображение вывели на экран в клетке пленника. Пустым рыбьим взглядом мирмикантроп смотрел на экран и молчал.

Но Мелани радостно заявила, что, кажется, уловила необычные биотоки его мозга. Пока очень слабые, чуть выше уровня электромагнитных шумов. По окончании пятнадцатиминутного сеанса они затухли не сразу.

На следующее утро сеанс повторили с тем же результатом. И еще раз повторили в полдень. Вечером — дважды. В меру осторожничая, пытались пройти по грани между нетерпением и риском испортить всю работу топорной поспешностью. Через двое суток пленник видел пленницу на экране по двадцать минут в течение каждого часа.

Мирмикантроп молчал.

12

— Ну и долго еще это будет продолжаться? — спросил Стах.

— Что ты имеешь в виду под словом «это»? — строптиво поинтересовался Бранд.

Стах вспыхнул.

— Не притворяйся дураком! Ты знаешь, что я имею в виду: твой эксперимент! Двадцать дней — и все без толку!

— Девятнадцать, — поправила Мелани.

— Пусть девятнадцать! Какая разница!

— Подожди еще, — сказал Бранд.

— Еще? Чего ждать? Дождемся, что эти твари найдут Ци-тадель! Я хочу знать только одно, самую малость: вы сами-то все еще надеетесь на успех или просто тянете время? Имейте в виду, терпение людей не беспредельно!

— Утихни, Стах, — тихо попросил Ираклий.

Он сильно сдал за последние дни, как-то усох, потемнел и на людях прилагал немалые усилия, чтобы не трясти головой. Кажется, он знал, что окружающие замечают его слабость и лишь до поры до времени не говорят о ней вслух, жалея старейшину. И это выводило его из себя.

— Мы все скоро утихнем, окончательно и бесповоротно! Вчера накрыли Ружицких. Кто следующий?

— Не вопи, я сказал, — поморщился Ираклий. — У нас не митинг, а рабочее совещание. Шалят нервы — возьми у Мелани успокоительное. Или придумай план получше.

— Вот-вот, совещание! Сидим тут вчетвером, как заговорщики... А третьей части колонии уже как не бывало!

— Но две трети еще живы, — сказал Бранд.

Стах задохнулся от возмущения. «Полегче, полегче», — запоздало предостерег Иракий.

— Две трети живы, так? Целых две трети! Шестьдесят человек потеряно — чепуха! Народим новых, это нам раз плюнуть! Мне только интересно, как бы ты запел, если бы твоя Хелен и внуки попали в одну треть?

— Запретный прием, Стах, — с отвращением произнесла Мелани. — Не ожидала от тебя.

Бранд медленно сосчитал про себя до десяти. Что он, Стах, понимает в потерях? Разве он терял сына, погибшего не в бою, с чем еще можно было бы смириться, а разорванного безмозглым клешняком? Разве его жена угадала от тоски? Разве жизнь уже довела его до того, что он перестал цепляться за нее, как кошка за занавеску?

Не перестал, в том-то и дело. Бойтся не только за других — бойтся и за себя. До того устал дрожать, что может выкинуть какую-нибудь героическую глупость. А ведь когда-то был разумным человеком...

— Кто кого потерял или мог потерять — считать не будем, хорошо? — сказал Бранд, и в голосе против воли прозвучала угроза. — Мы будем продолжать эксперимент. Я не знаю, что у нас получится, зато я знаю, что у нас нет другого выхода. Идти до конца. Только так.

— Очень хорошо, — неожиданно спокойно сказал Стах. — Насколько я понял из ваших слов, испытуемый не проявляет особого интереса к самке... Мелани, помолчи. Ты сама призналась, что не можешь с полной уверенностью сказать, биотоки какой природы ты уловила, да и уловила ли вообще. Так есть ли смысл и дальше биться лбом о стену? Может, пора скорректировать план?

— Каким образом, например? — спросил Бранд.

— Форсировать обработку пленников. Использовать в решающей фазе ее, а не его.

— Но мы готовим его, а вовсе не ее, — возразила Мелани. — Изменив план, мы потеряем несколько дней. А форсировать еще сильнее, извини, не можем. Некуда уже форсировать.

— Бранд?

— Возможно, мы что-то делаем не так, — высказал Бранд наболевшее. Поморщился. — Но лично я думаю, что прошло еще мало времени. Дай нам время, Стах. Результаты будут.

— Уверен?

— Почти.

— «Почти»! — с презрением выцедил Стах. — Ты знаешь, чего мне стоит держать людей подальше от пленников? Ах не знаешь? Ты слишком занят для этого? Вчера Руфь пыталась проникнуть к мирмикантропу с ножом и зарезать его, чуть меня не зарезала, и я ее не осуждаю, нет...

Мелани поморщилась. Руфь была женой Джафара и ходила сама не своя с тех пор, как погиб муж. По-настоящему, следовало бы заняться ею, помочь... хотя бы настолько, насколько может помочь врач.

Но разве на это есть время?

— Все думают так же, как она, — продолжал Стах. — А то, что после того как мирмикантропы взорвали дальние пещеры, иссякли наши источники воды, тебе известно? Запасов воды при самой жесткой экономии хватит дней на пять, на шесть. И нельзя вечно дышать регенерированным воздухом, надо когда-нибудь выпустить углекислоту. Люди в открытую говорят: ничего у Бранда не выйдет, надо собраться всем и внезапно атаковать. С такими настроениями борюсь я один!

Иракий шевельнулся, будто хотел спросить: «Борешься ли?» Но так и не спросил.

— Сто раз об этом говорили, — мрачно возразил Бранд. — Можно перебить десант, но чем атаковать корабль?

— Катер с добровольцем и ядерным зарядом. Добровольцы есть.

— Никаких шансов.

Нервным движением Стах стер пот со лба.

— Крохотный шанс все же есть. Микроскопический. И почти все за то, чтобы попытаться.

— Ты тоже? — в упор спросил Бранд.

— Мы приняли иное решение, и я его выполняю, хотя и считаю глупым, — ледяным тоном проговорил Стах. — Но

любая глупость имеет свой предел, за которым она становится преступлением...

— Ты полагаешь — уже?

— Это вот-вот случится. — Стах поднялся, чтобы уйти. — И тогда помогай тебе Бог, Бранд!

— Постой! — Забыв о том, что собирался остаться невозмутимым, Бранд вскочил, метнулся следом. — Дай нам с Мелани еще пять дней.

— Не обещаю.

— Три дня! Стах, только три дня!

Стах не ответил. Хлопнула дверь.

— Кажется, он говорил всерьез, — нарушила долгое молчание Мелани. — Ираклий! Почему ты его не одернул? Разве уже ничего нельзя сделать?

Кряхтя, старейшина выбрался из кресла. Голова его тряслась.

— Попытаюсь... А вы попытайтесь уложиться в три дня. Потом... потом я ничего не обещаю. Вот так вот...

И вышел, шаркая.

— Беда в том, что нам понадобится куда больше трех дней, — кусая губы, произнесла Мелани, — если только мы ничего не придумаем...

— Сейчас рвать на куски пленницу нет смысла, — обронил Бранд. — Он не отреагирует.

— Вот именно. Вместо страсти он демонстрирует всегонавсего легкую заинтересованность. А нам нужна настоящая страсть, такая, чтобы за ней голос разума и слышен не был...

— Не уверен, что у мирмикантропов есть разум в нашем понимании, — буркнул Бранд.

— Господи, Бранд, очнись! Какое еще понимание? — Мелани подалась вперед. — Что есть разум? Способность принимать решения при нехватке данных? На это иногда способна и кошка. Умение ставить задачи? Приличный компьютер сделает это лучше нас с тобой. Осознанный контроль над собой? Тогда Стаха следует немедленно посадить в клетку с табличкой «не дразнить». Чувство юмора? Тогда Георгу Шнайдеру не место среди нас, да и с тобой не все ясно... Мы понятия не имеем, что такое разум, Бранд, да нам, к счастью, и не нужны

строгие определения. Требуется лишь подавить разум инстинктом, только и всего.

— С этим-то мы и не справились...

— ПОКА не справились, — поправила Мелани. — Думай, Бранд, думай.

— Когда мне говорят «думай», — криво ухмыльнулся Бранд, — я думаю только о том, что обязан думать, а в результате не думаю больше ни о чем.

— Тогда не думай ни о чем.

— Понял... Приступаю.

Несколько минут он молчал. Затем вздохнул:

— Пойдем сначала, а?

— Пойдем.

— Мы попытались превратить одного мирмикантропа в женщину, а другого — в мужчину. В какой-то степени нам это удалось. Но откуда следует, что между ними обязательно должна возникнуть симпатия?

— Да, собственно, ниоткуда, — пожалла плечами Мелани. — Разве только из того факта, что других кандидатур просто нет. Не с людьми же... — Ее передернуло.

— Допустим, возникновение симпатии, а затем и бурной страсти между ними в принципе возможно, — продолжал Бранд. — Значит, мы что-то делаем не так или не учитываем каких-то факторов... Ты уверена, что они не могут общаться телепатически?

— Экранировка абсолютная.

— Ладно... Мы меняли длительность наших сеансов и время между ними. Мы вправе были ожидать, что после длительного перерыва он... ну, затоскует, что ли. Этого не произошло, так? По-моему, мы топчемся где-то рядом... черт, не могу сформулировать... Не хватает раздражителей?

— Тебе кофе или водки? — деловито спросила Мелани.

— Не мне. Мирмикантропу. Мы транслируем ему изображение и звук. Для человека этого хватило бы, но у них иная социальная организация и, соответственно, иные способы коммуникации. Да и фантазия, я думаю, победнее. Так... осязание отпадает... Как ты смотришь на то, чтобы протянуть между их камерами кишку и качать туда-сюда воздух?

Мелани подняла бровь.

— Феромоны?

— Угу. Главное, по этому каналу они не смогут договориться о взаимной координации действий, зато почувствуют состояние друг друга. Феромонных сигналов, в сущности, очень немного: «не дрейфь, я свой», «боюсь», «уйди прочь», «готов к спариванию» и еще несколько. Информативность их колоссальна именно в сочетании с иными способами коммуникации, в нашем случае со зрением и слухом. Попробуем?

— Чем черт не шутит...

Пленник встрепенулся, чуть только струя теплого воздуха из клетки пленницы коснулась его ноздрей. Возле энцефалоскопа радостно пискнула Мелани. Мирмикантроп рванулся, слясь разорвать пути... и обмяк. Прошел час, потянулся другой.

— По-моему, он спит, — зло бросил Бранд. — Гаденыш над нами издевается.

— Он не спит, — возразила Мелани. — У него биотоки бодрствующего. Но ему все равно, понимаешь? Мы пробудили в нем всего лишь всплеск интереса, не больше. Один короткий всплеск.

Через час сеанс повторили. На этот раз Мелани не отметила никакой реакции. Пленник узнал, что где-то поблизости от него содержится самка, а не бесполоая рабочая особь. Он принял это к сведению на уровне сознания, и только. Расшевелить глубинные инстинкты не удалось.

Проще было бы руками раскатать скалу.

Слова «активная фаза» давно вертелись на языке. Первым их произнес Бранд.

— Не пора ли?..

— Я надеялась, что до этого не дойдет, — с тяжким вздохом призналась Мелани. — Убить мирмикантропа — это одно, это со всем нашим удовольствием. От иллюзий насчет святости любой жизни они нас давно излечили, но... Пытать, мучить — совсем другое дело. При их низкой чувствительности к боли кому-то из нас придется очень постараться... — Ее передернуло. — Ты сумеешь?

— А разве есть иной выход? — Бранд скорчил злую гримасу. — Придется суметь. А тебе, кстати, придется ассистировать. Извини, больше я здесь никому не доверяю, разве что Ираклию, но у него слабое сердце... Ты выдержишь?

Мелани оглянулась по сторонам, словно ища кого-нибудь, кто мог бы ее заменить. Затем кивнула.

— Тогда начнем прямо сейчас. Для начала — плеть?

— Зря потратим время — им плеть как слону дробина. — Мелани покачала головой. — Для начала электроток, Бранд. И иглы, иглы под ногти... — Она вдруг истерически захохотала. — Пошли! Пошли скорее, не то я струшу и сбегу...

13

Невыспавшийся и злой Стах сидел в центральной аппаратной, еще и еще раз осматривая ближайшие окрестности Цитадели — все ли чисто? нет ли где следов присутствия человека?

Следы, конечно, были. Разве может человеческая колония не наследить по всей округе? За тридцать-то лет! Никим образом не может. Людям время от времени надо выходить на поверхность, детям медицина предписала дважды за период пульсации принимать натуральные солнечные ванны, чтобы не росли анемичными да рахитичными, — как будто нельзя обойтись искусственным ультрафиолетом! Нельзя, видите ли. Папаши-мамаши готовы часами драть глотки за право малышни побегать по траве, а Мелани их поддерживает: мол, необходим разумный компромисс между требованиями безопасности и насущными потребностями колонии. Вот ей — компромисс! Сколь отвратна человеческая самонадеянность: ура, мы нашли планету-убежище, мы хорошо спрятались, до нас доберутся не скоро... Вот вам — не скоро! И нет бы зарядить антигравы и слетать на выгул куда-нибудь подальше от Цитадели — норовят найти лужайку поближе, траву топчут, костер однажды разожгли, как троглодиты! Теперь, понятно, костров не жгут и небось ругают себя на все корки, а оставь вдруг враги планету в покое —

надолго ли хватит осторожности? Через год начнется то же самое, если не хуже... Глупцы! Ослы! Добровольные мишени!

Можно сколько угодно делать вид, будто вон ту тропинку к ручью, по которой сейчас топает грузный лесной увалень, протоптали одни лишь животные, а выжженный в траве круг — все не кострище, а след от удара молнии. Можно даже уговорить себя поверить в это. Беда в том, что чужаки не поверят.

Болели глазные яблоки. Стах притемнил экран и увидел в нем свое отражение: всклокоченные волосы, безумный взгляд... Ничего не безумный, просто устал и справедливо раздражен. Хотя взглянешь со стороны — испугаешься. И лицо, разумеется, серое, а глаза красные от недосыпа...

— Эй, — позвал он бездельничающего дежурного наблюдателя. — Смени.

По мнению Стаха, дежурный повиновался недостаточно бодро. И вообще в последние дни бездельничающие люди выводили его из себя. Он уже забыл, что час назад сам обрек дежурного на безделье.

Работать! Забыть покой и сон, искать спасение и найти! А если не удастся — выйти на поверхность и драться!

Так, и только так.

Освобождая место, он немного отъехал вместе с креслом. Дотянувшись до пульта, открыл внизу экрана окошко, переключил изображение на внутренний осмотр. Дежурный немного поморщился, но ничего не сказал.

Седьмой штрек. Клетка самки. Горошину наушника — в ухо. Дежурному незачем отвлекаться на вопли истязаемой, у него свое дело.

— Не могу, — говорила Мелани. У нее дрожали руки и губы. — Прости, я не могу...

Бранд молчал. Пленница была привязана к креслу (наверняка обездвиженную привязывали, догадался Стах), от ее запястий тянулись провода к автотрансформатору. Ток был выключен. Судя по всему, бездействовали и объективы стереокамеры. На столике подле кресла жутковато посверкивали хромированные инструменты.

— Я думала, что сумею... ради нас, ради детей, чтобы у них было будущее... Нет, не могу. Лягушку — смогла бы. Мышь

подопытную — тоже. Но эта... она совсем как человек... ну почти как. Вот я прижгу ее как следует, и ей почти не будет больно, а я буду думать, что она мучается по-настоящему. Все равно буду думать...

Стах заскрипел зубами.

— Что ты предлагаешь? — устало спросил Бранд.

— Не знаю. — Мелани всхлипнула. — Может... может, ты сам справишься?

— Я тоже не палач. Опомнись, Мел! Мы знали, что это необходимо, разве нет? Я предложил план, ты его поддержала. Мне тоже куда проще ее убить, чем мучить, ну и что? Кто нас спрашивает, хотим ли мы делать то, что необходимо? Почему грязную работу должен делать кто-то другой, а не мы? — Бранд взял Мелани за плечи, сильно встряхнул. — Страшно и мерзко, правда? Но ради чего?! Ты сама сказала: ради всех нас и ради твоих детей тоже! Чего стоит нелюдь, когда речь идет о людях? Постарайся, я тебе очень прошу... соберись с духом и помоги мне...

«Поможет или нет?» — подумал Стах и с нахлынувшей вдруг ненавистью понял, что нет, не поможет. Ни за что. А Бранд так цепляется за нее не потому, что нипочем не справится один. Справился бы! Он тоже не может, он завибрировал, ему нужна подпорка, как ветхому забору... Отшельник Бранд, чистюля Бранд... Чистоплюй!

Где ему понять, насколько он жалок сейчас!

— Не туда смотришь, — весь кипя, процедил Стах дежурному, скосившему глаз в окошечко на экране. Любопытный какой.

Мелани вырвалась из рук Бранда. Сейчас она выбежит вон, и дурацкий эксперимент лопнет сам собой, как мыльный пузырь. Давно пора.

— Хорошо, — сказал вдруг Бранд, и Стах напрягся. — Постой, не уходи. Мы можем сделать иначе. Конечно, это займет больше времени и, наверное, выйдет хуже, но мы можем попытаться... Я говорю о компьютерной модели. Тут мне даже не понадобится твоя помощь, управлюсь один. Мучить изображение вместо живого существа и мне приятнее...

Он даже пот со лба утер и выглядел так, будто сбросил с плеча тяжеленное бревно. Мелани слушала его со всем вниманием. И даже вроде бы с надеждой!..

Стах шепотом выругался. Компьютерная модель пытки — ишь ты! Сейчас, наверное, еще обсудят, как проще синтезировать феромоны страха. Нашли лазейку и рады. Неохота им пачкаться!

Он убрал окошко и вычеркнул из головы Мелани и Бранда. Пусть тешатся, все равно от них пока не предвидится никакого толку. Просто глупый эксперимент стал еще глупее.

А понадобится — и Бранд, и Мелани будут драться, как все.

14

Мирмикантропы вновь появились возле Цитадели на третьей сутки как по заказу. Их было десять — шестеро носились низко над землей, буквально принохиваясь к каждому метру поверхности; четверо барражировали высоко в небе, готовые немедленно прийти на помощь основной группе. По общему мнению, перемена тактики означала только одно: оценив ярость отпора, мирмикантропы страховались от излишних потерь. Пусть цена рабочей особи невысока — она все же не равна нулю.

Накануне ненадолго ожил канал связи: Ляо Пын с Малого материка успел передать, что роздал детям все имеющиеся антигравы и приказал спасаться порознь; сам же с супругой и старшим сыном намерен дать чужакам бой. Подробностей не узнали — связь прервалась на полуслове.

Тот ли отряд или другой теперь вернулся к Цитадели — какая разница! Важно было только то, что мирмикантропы вернулись к месту, уже показавшемуся им однажды подозрительным. Вернулись, чтобы доделать работу до конца.

Вскоре ими был найден и уничтожен первый «глаз». Теперь только глупый не понимал: чужаки не отстанут, вопрос только в том, продолжат ли они разведку, взорвут ли над Цитаделью термобомбу или запросят огневой поддержки с орби-

ты. Один залп корабля превратит Цитадель в обширный кратер с озером лавы.

И снова, как в прошлый раз, в центральном зале собрались люди. Молча ждали, смаргивая пот, дыша горячим смрадом запертого в подземелье воздуха. Многие были с оружием. Одна девочка лет десяти прижимала к груди вялую, едва подающую признаки жизни кошку, а на плече девочки висел портативный плазменник.

— Это ты приказал раздать оружие? — шепотом спросил Ираклий Стаха.

— Я приказал.

Ираклий только кивнул и сильнее сгорбился. Сейчас эксперт по маскировке, теперь уже бывший эксперт, встретил бы вспышкой бешенства любое замечание старейшины: несвоевременно, мол. Своевольничаешь, мол. Беда в том, что Стах прав. Своевременно. И повести людей драться и умирать он сумеет не хуже любого другого. Пришло его время, а время старого Ираклия, увы, кончилось.

Из плана Бранда вышел пшик. Ну что ж, с самого начала было ясно, насколько мал шанс вытащить счастливый билет в этой лотерее, — отчего же проигрыш кажется таким несправедливым?

Оттого, что мучительно хотелось выиграть?

Младший Шнайдер нетерпеливо переступал с ноги на ногу — по всему видно, малец рвался в драку. Белобрысый Юхан с перевязанной культей держал оружие в уцелевшей руке. Ираклий искал глазами в толпе Бранда и Мелани, но нашел только их детей. А где родители? Все еще заняты провалившимся экспериментом? Нехорошо, что их нет, — в последнем бою ни один боец не будет лишним...

Погас еще один «глаз». Очень скоро мирмикантропы найдут один или сразу несколько входов в Цитадель. Если они не уверены, что подземное убежище обитаемо, то непременно попытаются проникнуть внутрь. Тогда еще можно потянуть время и, может быть, дороже продать свои жизни, хотя практического смысла в этом нет никакого...

Просто так легче умирать.

15

— Чего-то ему не хватает, — в сотый раз повторила Мелани.

Бранд не отреагировал даже кивком. Сейчас он больше всего на свете хотел упасть на койку и заснуть — проспаться часов десять без перерыва и желательно без снов, чтобы сегодняшнее скорее стало вчерашним, чтобы непрерывный пятидесятичасовой кошмар остался позади хотя бы на одну ночь. Голова была ватная, и только одно в ней было, кроме ваты: бесконечный режущий визг пленницы...

Пусть визг был фальшивым — он получился достаточно натуральным. Над ним пришлось поработать отдельно уже после работы над видеорядом. На экране двое изуверов в белых халатах старались как могли. Самка визжала. Пятьдесят часов подряд. Компьютерной пленнице, несомненно, было больно, невероятно больно. Георг Шнайдер, приглашенный в эксперты по причине железных нервов и полного отсутствия воображения, вытерпел минут десять просмотра, после чего отшвырнул кресло и вышел вон чернее тучи.

Самец, судя по биотокам, был встревожен, но не более того. Ни звука, ни движения. Что-то опять было не так.

— Чего ему, дураку, не хватает? — Вопрос Мелани был явно риторическим, но Бранд на сей раз отреагировал:

— По-моему, все проще простого. Он к ней равнодушен.

— Это я понимаю, — отозвалась Мелани. — Но почему?

Бранд не пожал плечами просто потому, что было лень двигаться.

— Анатомически он практически сформировавшийся самец, — настаивала Мелани. — Эй! Бранд, ты слышишь?

— Что?

— Ты меня слышишь или уже заснул?

— Слышу. Он — самец. Она — самка. С виду почти как нормальная женщина, красивая даже... Что с того? Она ему не нравится.

— Похоже на то. Но почему?

— Хотел бы я знать, — вяло выговорил Бранд. Язык не желал шевелиться и лежал во рту тяжелый, как наковальня. Сейчас Бранд предпочел бы ворочать камни, чем беседовать. — Не нравится, и

все тут. Может, он по-прежнему считает ее рабочей особью. Может... феромоны идут не те.

— Как раз те, что надо.

— Не те. Или... она не так выглядит.

Губы ожгло горячей жидкостью. Прямо у себя под носом он увидел кружку с дымящимся кофе.

Бранд отстранился. Его едва не вытошнило.

— Не надо... кофе.

— Что ты сказал о ее внешности? — потребовала Мелани. —

Повтори.

— Что я сказал... — Бранд икнул, добарывая остатки тошноты, и наморщил лоб. — А что я сказал? Выглядит она не так, вот что. С его точки зрения. Наверное, у этих скотов иные каноны красоты...

Он снова сделал попытку заснуть. Подскочив к нему, Мелани затрясла его что есть силы:

— Бранд! Не спи, слышишь! Бранд, ты гений! Каноны красоты — как я раньше об этом не подумала! Матка колонии — вот их канон красоты, иначе и быть не может! Не спи! Как выглядит матка колонии?

— Poiщи в фильмотеке, там должны быть документальные кадры, — сонно ответил Бранд. — Но я и так скажу: груди по арбузу, обширное отвислое чрево и зад в полтонны. Кажется, они даже не способны сами ходить, мирмикантропы их носят...

— Я могу сдвинуть ее гормональный баланс так, чтобы она растолстела, как свиноматка. Но, Бранд... — в голосе Мелани прорвалось отчаяние, — я просто не успею! У нас нет времени! Мне нужно хотя бы две... нет, даже три пульсации!

— Изображение, — через силу проговорил Бранд. — За чем... три пульсации? Запись пытки. Компьютерная обработка... пятнадцать минут вся работа... любой справится.

— Бранд!..

— Мы могли бы и раньше догадаться. Это все от духоты... и бессонницы.

— Теперь можешь поспать немного, — рассмеялась Мелани, — пока я буду возиться с записью. Сейчас я из нашей гостьи сделаю такую красавицу — пальчики оближешь! Поспи

прямо тут. — Звонко, от души влепив Бранду поцелуй чуть ли не в самое ухо, она унеслась.

Бранд поковырял в ухе пальцем. Ну вот, оглушила, на целую минуту отогнала сон... Зачем, спрашивается? Хотя, пожалуй, сейчас лучше не спать — много ли толку в четверти часа сна? Надо продержаться до конца, и не сидеть — засну непременно, — а ходить, ходить...

Мелани провозилась дольше, чем он предполагал, но он дождался, не заснув и не потеряв терпения. Мелани принесла новость: враг над головой.

— Пошли работать, — сказал Бранд и не прибавил, что осталось мало времени. К чему лишние слова?

Когда вооруженные люди ворвались в штрек, где помещалась опустевшая клетка мирмикантропа-самца, Бранд бродил взад-вперед и, сомнамбулически натыкаясь на стены, каждый раз боролся с искушением сползти по стене вниз и уснуть.

В кратких галлюцинациях он видел, как громадина чужого корабля плывет над материком с севера на юг. Поднявшись на более устойчивую меридиональную орбиту, корабль более не маневрировал. Компьютер давал его точное местоположение. Приблизительно же его можно было рассчитать даже в уме.

И малая точка, идущая снизу наперерез...

Топот многих ног. Безумно вытарашенные глаза Стаха.

— Где мирмикантроп?!

— Зачем? — поинтересовался Бранд, изо всех сил пытаясь не уронить голову.

— Зачем?! — Стах кивнул на свой плазменник и оскалился. — Поджарим гада и его гадюку тоже. Потом сделаем вылазку и положим тех, что наверху. Ты пойдешь с нами. Где он?..

— Его здесь нет, — бессмысленно улыбаясь, выговорил Бранд. — Он...

— Где?! — взревел Стах.

— Пошел на перехват. Я выпустил его через аварийный лаз. Контакт с кораблем через десять—двенадцать минут.

— Что-о?!!

— Не знал, что ты плохо слышишь. Повторить?

— Ты украл его скафандр?

— И скафандр, и ядерный заряд, — покивал Бранд. — Но только не украл, а взял в кладовке во исполнение плана. Мирмикантропу велено прикрепить заряд к обшивке корабля и вернуться. До момента «ноль» осталось... — Бранд взглянул на часы, — четырнадцать минут с секундами.

— Те, наружные, его пропустили? — недоверчиво пробашил Шнайдер.

Бранд сделал неопределенный жест. Не имея возможности следить за окрестностями Цитадели, он не знал этого. Но почему-то верил в лучшее.

— Вернется он тебе, как же! — проскрежетал зубами Стах. — С десантом он вернется, лопух!

Стиснув зубы, Бранд доплелся до монитора, включил запись.

— К ней — вернется. И получит заслуженную награду. После того, как выполнит требуемое.

Его шатнуло. Справившись с головокружением, он добавил с невеселой усмешкой:

— Жаль, что он встретит не ту, ради которой предал своих...

— Ради этой... груды сала?! — спросил кто-то, пялясь на экран.

— Ради этой. Сразу начал вопить и дергаться, а через минуту заговорил по-человечески и согласился на все.

Потом люди кричали на него и друг на друга. Он не помнил, что отвечал им, — несколько минут смазались в памяти в однородную серую кашу. Но это было уже не важно.

— Хорошо, — прогудел Георг Шнайдер, и Бранд очнулся. — Мы подождем. Помолчи, Стах, не сходи с ума... Мы подождем. И гадюку ту пока не тронем. Но если у тебя ничего не выйдет — гляди!..

Бранд нашел в себе силы удивиться. Ему грозят? Не все ли равно, от кого принимать смерть, если план не сработает, — от своих или чужих? Бессмысленно ему грозить. Он слишком устал, чтобы интересоваться эмоциями обступивших его людей. В любом случае потомки не будут его проклинать, потому что, если план не сработает, не будет никаких потомков.

Нужно только продержаться без сна еще немного. Иначе он, Бранд, никогда не узнает, чем все кончилось. Или, если кончится благополучно, узнает, но потом и с чужих слов.

В обоих случаях — обидно...

Ощущал ли пленник себя и самку основателями новой колонии мирмикантропов — или просто не мог допустить, чтобы поблизости от него мучили женщину? Возникло ли у него к пленнице чувство, способное сдвинуть горы, как неуверенно предполагал сам Бранд, или сработал неодолимый инстинкт, как считала Мелани? Об этом Бранд позднее думал много раз — и не находил ответа.

Впрочем, разве нельзя описать одно и то же явление в разных терминах?

Последний наружный «глаз» Цитадели ослеп, когда на горизонте, куда ушел чужой корабль, на полминуты вспыхнуло новое солнце, более яркое, чем местная цефеида в максимуме блеска.

Бранд удивился, что в то время, когда вся Цитадель наполнилась вздохами облегчения, воплями радости и смехом, он сам не ощутил фактически ничего. Наверное, слишком устал. Он так и заснул прямо в медвежьих объятиях Георга Шнайдера, восторженно орущего что-то ему в ухо, но что именно тот орал, Бранда ничуть не интересовало.

16

Очистка планеты от десанта чужаков затянулась надолго: никому, и прежде всего Стаху, вернувшему себе душевное равновесие, не хотелось платить дорогую цену за скорейшее истребление мирмикантропов. Пульсацией раньше, пульсацией позже — не суть важно. Сильно помогало отсутствие на планете крылатых животных — несколько наземных радаров и один бортовой, на катере, отслеживали любого чужака, осмелившегося подняться в воздух, и наводили на цель отряды «санитаров». Недостатка в последних не ощущалось. Очень скоро чужаки стали избегать открытых столкновений с людьми, и время сражений сменилось временем облав, более или менее

успешных, и методичного прочесывания одного квадрата за другим. Лишь двое добровольцев погибли в стычках, да еще несколько раненых выздоравливали в госпитале под присмотром Мелани.

Одним из них был Бранд.

Его навещала Хелен, приводила внуков, не понимавших, зачем их заставили прийти сюда, где пахнет невкусными лекарствами и никто с ними не поиграет. Дважды заходила Эльза Шнайдер, приносила новости, грубовато шутила. Один раз зашел Юхан. А вот Ираклий заглянул только спустя целую пульсацию.

— О! Ты хорошо устроился, симулянт. Отдельная комната!

— Палата, — поправил Бранд. — Проходи, садись.

— Пришлось перевести его в отдельную, — пожаловалась Мелани. — Первые дни он сквернословил так, что уши вяли, а когда бок поджил, начал рассказывать черные анекдоты. Мне самой хотелось его придушить — представляю, что чувствовали его соседи!

— Ай-ай, — сказал Ираклий, осторожно присаживаясь на край койки. — Что это ты? Очень больно было, да?

— Обожгло немного, — поморщился Бранд. — Чепуха.

— Не слушай его, — вмешалась Мелани. — У него весь бок в горелых лохмотьях, а под лохмотьями еще сломанное ребро...

— Пришлось в темпе падать, а какой-то гад навалил на то место острых камней, — объяснил Бранд. — Зато мирмикантроп промазал, не то была бы мне бесплатная кремация. А второго выстрела ему сделать не дали.

— Кто не дал? — спросил Ираклий.

— Стах.

Ираклий только похмыкал. Потом со значением взглянул на Мелани.

— Пойду, — сказала она. — У меня дел полно. Ираклий, у тебя полчаса, а потом выгоню, хоть ты и старейшина...

— Прекрасная женщина, — сказал Ираклий, когда Мелани вышла, и даже губами причмокнул. — А?

Бранд пожал плечами.

— Я, собственно, по делу зашел, — продолжил Ираклий, не дождавшись ответа. — Хочу знать: как ты посмотришь на то, чтобы занять место старейшины колонии?

Бранд открыл рот и со стуком захлопнул.

— А ты?

— Мне пора на покой, я старая развалина. — Ираклий невесело усмехнулся. — Болею. Знаешь почему я к тебе раньше не зашел? Потому что лежал пластом вот за этой стенкой. Там такая же палата... Так как, ты согласен?

— А... Стах?

— Пусть остается на своем месте. Если потом решишь его сместить, я возражать не буду. Вообще-то вне кризисных ситуаций он по-своему хорош.

— Но я...

— Не годы делают человека старейшиной, ты мне поверь, — перебил Ираклий. — Старейшиной его делает умение навязать людям свою волю, а не влиять туда-сюда вслед за мнением большинства. Я этого уже не умею, а у тебя получилось. Ладно, не буду на тебя давить вот так, сразу... Но имей в виду: ты сейчас популярен, как никто, и за тебя проголосуют. Особенно если я сам выдвину твою кандидатуру, а я это сделаю, так и знай. А если ты откажешься, это будет свинство!

Бранд поколебался.

— Я подумаю... да не ерзай ты, сядь как следует. Я ноги подвину.

Ираклий покряхтел, усаживаясь на койке поудобнее.

— Что нового? — спросил Бранд.

— Только что Стах передал: выследили и убили троих. По-моему, это последние на Большом материке, и он тоже так считает. Осталось прочесать Малый материк и острова, но вряд ли там прячется больше десятка-другого мирмикантропов. Дело техники, найдем.

— А наши... гости? Их не тронули, как я просил?

Ираклий опять покряхтел, похоже, не зная, какую интонацию придать голосу. Наконец развел руками и сказал просто:

— Ты был прав: они умерли. Сами. Вчера. В один день. Не понимаю отчего. По-моему, просто отключились, как механизмы.

Бранд кивнул:

— Вне муравейника муравей долго не живет. Даже если его никто не съест, он погибает от одиночества. Два муравья протянут чуть дольше, но тоже неизбежно умрут спустя несколько суток. Десять муравьев — пожалуй, выживут. Почему так происходит — загадка.

— Откуда ты это знал?

— У меня в Доме хорошая мнемобиблиотека. Была. И здесь тоже ничего.

— Поэтому ты и настоял на том, чтобы не убивать пленников? — спросил Иракий, искоса поглядев на Бранда. — Знал, что они умрут и так?

— Вот именно. Кроме того, мне приятно думать, что я сдержал слово.

— А я думал, что ты стареешь, но не умнеешь.

— В смысле?

— Становишься сентиментальным, вроде меня, старого дурака. Признайся, не жаль их, а? Хоть немного?

— Нет, не это. — Бранд качнул головой. — Да, они помогли нам, но хотели ли они этого? Враг есть враг, его надо уничтожать, для этого все средства хороши, аминь. Я подумал о другом... Мы одержали верх только потому, что сумели разбудить в мирмикантропах человеческое. Малую толику человеческого. А значит, мы гораздо уязвимее их, если взяться за нас как следует. До сих пор мирмикантропы побеждали нас своей силой, а не нашей слабостью. Если они когда-нибудь переймут наши методы — ты представляешь, что нас ждет? Подумай об этом.

Иракий кивнул:

— Уже думал. По-моему, ты не прав. Что для нас естественно, то для них эрзац. То-то и оно. От естественного не умирают, а от эрзаца — очень даже... Ну ты сам подумай: тебя, лично тебя они могли бы подловить на любви?

— Нашел пример! — Бранд фыркнул. — Я уже старый, у меня внуки...

— Ты молодой и глупый. Вот женим тебя на Мелани, она тебе живо мозги прочистит. Дамочка боевая и с характером.

— На Мелани? — поднял бровь Бранд.

— Ты что, не видел, как она на тебя смотрит? — Иракий ухмыльнулся, пустив по лысине лучики-морщины. — Ну и ло-

пух, раз не видел. Может, надо тебе чего-нибудь в вену ввести, чтобы ты понял, что рядом ходит женщина специально для тебя? Внуки у него — удивил! И правнуки будут, и праправнуки. И дети будут — твои дети, а не только твоих внуков...

— Она выйдет за меня? — усомнился Бранд. — После того, что я предложил?

— А что такое?

— Мой план... Это ведь подлость, понимаешь? Самая настоящая подлость, пусть и по отношению к врагам. Все равно. Подлость — всегда подлость.

— Ты не подл, а трогательно наивен. И совсем не знаешь женщин. Она забудет, вот увидишь. Главное — это жизнь, ее продолжение в бесконечность, и женщины понимают это гораздо лучше нас с тобой... рабочих особей...

Ираклий давно ушел, а Бранд еще долго лежал, глядя в потолок, и улыбался. Всерьез говорил Ираклий насчет Мелани или нет? Вне всякого сомнения, старейшину в первую голову заботит процветание и преумножение маленькой колонии на планете под изменчивыми лучами микроцефеиды — но только ли это? Может, в его словах есть доля правды?

И не подловил ли он уже Бранда на том же самом, на чем Бранд поймал и скрутил в бараний рог мирмикантропа?

А ведь это приятно, когда тебя ТАК скручивают в бараний рог... Посмел бы Ираклий сказать, что у Мелани удачные дети, у Бранда тоже, что они-де с Мелани генетически оптимальная пара, — Бранд немедленно выставил бы его вон.

Тут другое.

И это не эрзац. Это настоящее.

Бранд улыбался, думая о будущем. Впервые за последний год он с удивлением открыл, что будущее есть не только у человеческой колонии — будущее есть и у него самого. Нет больше старого Дома — ну так что ж! Даже лучше, что его нет, — там слишком сильно пахло прошлым, и прошлое тянуло на дно, как неподъемный якорь. Можно начать все сначала. Хелен поймет и, наверное, одобрит. Почему бы нет?..

И род человеческий вопреки всему будет продолжаться. Но об этом мы думать не будем. Это получится само собой.

КОРАБЕЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Глава 1. НИЧЕГО КРУПНЕЕ МУХИ

Горело где-то на востоке, еще далеко, но запах дыма уже чувствовался, примешиваясь к резкой вони земляной смолы. К извечной, неистребимой вони. Потому жители островов и называют эту землю Потеющим континентом, что она и вправду потеет. Всегда. Непрерывно.

Черная смола — пот земли. Островитяне называют смолу битумом, хотя подчеркивают, что это все-таки не совсем битум в традиционном понимании, и даже не очень-то мазут, а скорее недоделанная нефть, впрочем, тоже не такая, как на Земле. Во всяком случае, местный битум горит куда охотнее битума земного. Островитяне любят сравнения с Землей и до сих пор чувствуют себя землянами-колонистами, а не аборигенами. С их точки зрения, настоящие аборигены — жители материка, и даже не потому, что они забыли о Земле, а потому что они грязны, питаются всякой пакостью, какую удастся выкопать в липкой от смолы земле, ведут непрерывную борьбу за существование и сильно смахивают на озлобленных дикарей. Древний штамп: при слове «абориген» воображение первым делом рисует дикаря. «Туземец» — то же самое. Дикий нрав, изуверские ритуалы, кольцо в носу.

Слухи о людоедстве аборигенов сильно преувеличены. Во всяком случае, попавшего к ним старика, называвшего себя профессором, не убили и не съели. Он умер сам, не выдержав

тяжелой жизни, но прежде чем он умер, жители материка узнали от него много нового, бесполезного для выживания, но любопытного. Старик любил поболтать и досадовал на себя, когда надолго заходил в кашле и не мог разговаривать. Потом он умер. И даже тогда он не был съеден, хотя не был и похоронен. На Потеющем континенте покойников кремирует сама земля.

Она вечно горит, то тут, то там, и чаще всего в нескольких местах сразу. Над Потеющим часты грозы; удар молнии воспламеняет земляную смолу, и по плоской унылой равнине начинает расползаться широкое огненное кольцо. Внутри него для огня уже нет пищи, и пламя спешит пожрать то, что вовне.

Земляная смола воспламеняется с важной медлительностью, дымное пламя не бежит по ней, а ползет. От надвигающегося огненного вала ничего не стоит убежать или даже уйти пешком. Весь ужас в том, что уйти, по сути, некуда — расширяющееся кольцо огня не остановится до тех пор, пока не наткнется на морской берег или на другие огненные кольца. А тем временем внутри кольца обожженная земля мало-помалу вновь начинает потеть смолой. Проходит несколько недель, и она опять готова дать пищу огню.

Старик профессор рассказывал странные сказки. Мол, в глубокой древности, так давно, что этого не может помнить никто, потому что люди тогда не жили здесь, на месте Потеющего материка расстиралось огромное мелкое море, наполненное всевозможной живностью со смешным названием «планктон». Умирая, планктон превращался в земляную смолу, и так длилось многие, многие века. Потом из воды поднялся континент, моря не стало, а суша оказалась перенасыщенной смолой. Когда-нибудь, говорил старик, избыток смолы окончательно выдавится на поверхность и сгорит, вот тогда-то всем станет хорошо. Жаль, что это произойдет еще очень не скоро...

Ясное дело, старик был полоумным. Как можно знать о том, что было тогда, когда люди здесь не жили? Кто мог им об этом рассказать, если не было никого? Без сомнения, старик выжил из ума. Такое может случиться только с островитяни-

ном — на материке люди не доживают до постыдной дряхлости ума и тела.

Безумный старик врал, утверждая, что бывает синее пламя, прозрачное пламя, бездымное пламя. Кто, где и когда видел такие чудеса? Пламя горящей земляной смолы всегда красно-багровое, а дым от него черный и жирный. Затмевая солнце, он поднимается высоко над пылающим кольцом, и только там, в вышине, его понемногу размывает ветер и, превратив в грязную дымку, уносит далеко-далеко. По силе ветра и густоте дымки любой подросток уверенно скажет, как близко к рингу подобралась стена огня.

Рингов — два, одним не обойтись. Каждый окружен рвом и земляным валом, хотя этой защиты недостаточно. Она нужна только для того, чтобы время от времени выжигать потеющую смолой землю внутри ринга, лишая пищи страшный внешний огонь. Сухой земляной вал — смола стекает с него в ров, — как правило, достаточное препятствие для того, чтобы выжечь ринг, не подпалив всю равнину. Иногда, очень редко, по недосмотру, безалаберности или просто случайности нарочитый пожар все же вырывается наружу, и тогда всему племени приходится искать убежище во втором ринге.

Главное — выжигать тот и другой всякий раз, как только потеющая земля вновь обретает способность гореть. И внешний пожар лучше переждать внутри того ринга, который был выжжен позднее.

На востоке пылала земля. Сгустившаяся дымка выдавала приближение огненного кольца надежнее, чем показали бы глаза, если бы кто-нибудь сумел подняться над равниной, как умеют это островитяне в своих диковинных железных птицах. Ветер дул с востока, а значит, огонь был еще далеко. Когда он приблизится, ветер переменит направление и начнет дуть на огонь. Огню всегда мало воздуха, он жадно всасывает его и глотает, сколько сможет.

С рассветом Хуум приказал перебираться в другой ринг, и никому не пришло в голову возразить. Чем раньше, тем лучше. Меньше спешки. От одного ринга до другого идти всего ничего, однако поздно заниматься переездом, когда стена огня и дыма уже стоит на горизонте — сам-то спасешься, но поло-

вину скарба не убережешь. Разумное слово вожака лишь констатировало необходимость, и, повинуясь необходимости, люди споро, но без ненужной суеты увязывали кожи кровель и водосборников, разбирали каркасы шалашей, выучили на спины запасы пищи и бурдюки с водой. Матери несли детей. Стена огня была еще далеко, когда переезд закончился. И неспроста: запас времени лишним не бывает. Иногда то там, то тут земля вдруг начинает потеть не обычной, а особой, легкой смолой, иначе пахнущей, более текучей и куда охотнее горящей. Огонь по ней распространяется быстрее ветра, от него не убежит и самый быстроногий бегун. Такое случается чрезвычайно редко, но и редкостями не стоит пренебрегать. Беспечный, но везучий человек еще может прожить отпущенный ему природой срок — беспечное племя не имеет будущего.

Потому-то и нет на материке беспечных племен.

Никто не задумывался, существовали ли они когда-то давно, беспечные племена. Какая разница! Что толку думать о глупцах, если от них не осталось даже костей! Два, три пожара — и нет ничего, кроме праха. Пройдет дождь — и прах смешается с землей. После нескольких дождливых сезонов оплывут валы опустевших рингов, жидкой грязью заполнятся глубокие некогда рвы, и спустя еще несколько лет самый внимательный глаз не отыщет место, где жили люди.

Чавкала под ногами жирная смоляная земля, шуршал жиденький ковер отмирающих трав-эфемеров. Низкорослые, едва по щиколотку, растеньица успели пробиться, отцвести и дать семена в промежутке между двумя пожарами. Но этим семенам не было дано прорасти. Лишь сильный ливень из пришедших с моря туч мог выручить их, но ветер гнал не тучи, набрякшие от желанной влаги, а дым приближающейся стены огня.

Не страшно: после пожара травы взойдут снова. У них могучие корни там, в глубине, куда не достигает жар огня. Пусть несколько поколений трав даром разбросают семена на потеху огню — не важно, какому-нибудь поколению непременно повезет. И в следующем сезоне равнина вновь зазеленеет мириадами травинок — бесполезных, но радующих глаз. Огонь беспощаден, но жизнь все равно берет свое.

— Стея, смотри! — пискнул маленький Иай, влекомый за руку старшей сестрой. — Тут еда.

Сразу несколько мужчин обернулись на голос. В самом деле, в жухлом ковре внимательный глаз мог заметить чуть более светлое пятно. Если здесь вырыть яму глубиной по пояс взрослому человеку, наверняка наткнешься на зреющую земную манну. Один большой клубень или несколько мелких. Хорошая еда. А еще лучше заметить место и вырыть пищу после того, как над ней пройдет стена огня. Так вкуснее. Полумный старик профессор нес какую-то чушь о колониях подземных микроорганизмов и поначалу даже отказывался брать манну в рот. Глупец! Чем же еще питаться? Съедобными корнями? Они лежат глубже, хуже утоляют голод, и не всякий человек, даже и не профессор, отличит съедобный корень от ядовитого, годного только для поделок, когда он высохнет на воздухе и затвердеет.

Потом-то, конечно, старик привык есть то, что дарует земля. Всякий перестанет привередничать, как только проголодается как следует.

И все-таки странно. Неужели на островах совсем нет земляной манны? Да не может такого быть! Чем же питаются те странные, кто там живет?

Один из мужчин вырезал костяным ножом пласт липкой земли и положил его в центр пятна. Метка. Как только остынет земля, можно будет выкопать теплый клубень и перекусить.

Никто не сказал вслух, что чумазный карапуз Иай окончательно определил свою судьбу — со временем быть ему разведчиком и добытчиком, очень хорошим, может быть, самым лучшим в племени. Не носильщиком, не копателем, не гонцом — разведчиком. Как его отец, давным-давно сгинувший в степи. Один только долговязый Каар, баюкая уязвленное самолюбие, пробурчал, что, мол, не диво видеть каждую былинку тому, кто возвышается над этой былинкой от силы на локоть.

— А тебе, дядя Каар, с твоей высоты смотреть не страшно? — невинно поинтересовалось дитя.

Грохнули смехом. Стея шлепнула брата за непочтительность к старшим, но и сама не удержалась — прыснула. Каар набрал было в грудь воздуха, но не нашел слов, махнул рукой, рассмеялся сам. Мальчишка молодой, да ранний, с ним еще натерпишься, но не вступать же в перебранку с молокососом на виду у всех! Себе дороже.

Жирный дым полностью затянул горизонт. Последней подняли на вал слепую старуху Миану, втянули за ней ременную лестницу, стали ждать. Без команды вожака люди начали собирать в центре ринга каркасы шалашей и громоздить на них скупое смоченные водой кожи. Дети, старики и беременные женщины пересидят пожар в шалашах, остальные перетерпят и так. Не впервой.

Кое-кто из мужчин мочился на шалаш, стараясь брызнуть повыше. Плохо, что в конце сухого сезона мало воды, бурдюки не наполнены и на четверть. От жара сохнет и портится кожа, ломается на сгибах и долго не служит. Давно пришла в негодность и была брошена в пищу огню кожа полоумного профессора. Люди Потееющего материка не едят покойников, но забирают их кожу, и каждый знает, что будет освежеван после смерти. Так надо, чтобы племя жило. Нужны бурдюки, водосборники, нужна защита от огня. Что остается делать, если шкурки подземных роющих животных (которых к тому же трудно поймать) малы и непрочны, а на поверхности живут лишь мелкие крылатые существа не крупнее мухи?

И умершего хоронят дважды. В первый раз уносят подальше в степь тело, во второй раз отдают огню пришедшую в негодность кожу. И после первых похорон человек еще долгие годы продолжает приносить пользу племени.

А значит, он не ушел совсем, а еще жив какой-то своей частью. Поэтому племя оплакивает ушедшего во время вторых похорон, а не первых.

Нет хуже проступка, чем небрежно швырнуть кожу на землю или оскорбить ее каким-нибудь иным злобным и бессмысленным действием. Провинившийся должен просить прощения у племени и у души умершего, и нет никакой гарантии, что ему удастся вымолить прощение.

Наказания за серьезные проступки бывают двух видов — казнь и изгнание. Изгнание хуже — та же верная смерть, только приходит она медленнее, и изгнанный знает: племя, в котором он родился и вырос, считает его таким негодяем, что брезгует его кожей. Нет кары страшнее. Случается, что отчаяние убивает изгнанного раньше, чем голод, жажда и идущий по пятам огонь.

Если нет — все равно одному долго не уцелеть. Изгнанника не примет иное племя, он нигде не найдет укрытия. Да, от ревушей стены огня можно уйти пешком, но рано или поздно бездомный одиночка будет зажат огнем со всех сторон — ведь сухие грозы бывают повсюду, и если земля достаточно вспотела, каждая молния порождает расширяющееся огненное кольцо.

Прошло немного времени, и небо из серого сделалось черным. Сначала горячий воздух наполнился гудением — мириады крылатых существ не крупнее мухи спасались от жара и дыма. Центр стаи, похожий на крутящийся смерч, прошел стороной, и это было только к лучшему. Бывает, что от слитного движения неисчислимого множества ничтожных козявок перед огненной стеной рождается настоящий смерч, от которого добра не жди. Покойный профессор очень интересовался данным явлением. Быть может, насекомые инстинктивно провоцируют рождение торнадо, чтобы быть вознесенными выше огня и ядовитого дыма?

Если и так — кому это интересно? Насекомые не годятся в пищу и не стоят специального внимания. Унеслась стая — и была забыта. Затем фронт огня подступил к самому рингу, подпалил смолу, скопившуюся на дне рва, жадно облизал вал, пытаясь с ходу перемахнуть через насыпь, не справился с препятствием, обтек его и пошел дальше.

Никто из людей племени, переживающих жару и духоту в шалашах, ямах, а то и просто на корточках, спрятав голову между коленями, не смотрел вверх. Впрочем, если бы кому-нибудь из них пришла в голову странная мысль взглянуть на бурлящее жирным дымом горячее небо, он вряд ли сумел бы заметить в нем быстро растущее пятнышко совсем иного племени. А главное, это ровным счетом ничего не изменило бы в

судьбе людей, спасающихся от огня за рвом и валом одного из двух рингов, принадлежащих племени.

В черной точке, венчающей факел небесного огня, из двух десятков человек, соперничающих между собой вычурностью одежд, выделялись двое. Оба носили скучную серую форму и сидели за переборкой, отделяющей их от пестрой массы пассажиров.

— Кажется, нам придется жарковато, — сказал один из них, скосив глаза вниз. — Кругом полыхает. Не сгорим?

— Небольшие проблемы со сбросом тепла, и только, — возразил второй. — Шлюпке — что. Вот туристы вспотеют и будут недовольны.

— Мы, кстати, тоже вспотеем.

— Мы — не они, ясно?

Оба пилота понимающе переглянулись: куда уж ясней. Туристы не простые. Элита. Соль земли не должна ощущать температурный дискомфорт. Кто когда-нибудь видел потеющую соль?

— В конце концов, они сами этого хотели, — рассудительно сказал первый. — Требовали, чтобы мы посадили их точно в огонь, ну и будет им огонь. Пусть любуются. А наш корабельный секретарь еще наврет им с три короба насчет реальной опасности сгореть заживо. Адреналиновым наркоманам это полезно.

— Им не страшно. Он ведь с ними. Защитник.

Оба засмеялись.

— Кстати, что он там делает? Не взглянешь?

— Языком мелет. Как всегда.

— И слушают?

— Раззявя рты. Просто удивительно.

— А чего ты хочешь? Нас бы с тобой они слушать не стали — скучно. Мы-то спецы, а он такой же лопухий чайник, как и они сами. Чего не знает, о том наврет, и наврет красиво. А главное, он одного поля ягода с ними. Тоже соль земли, хотя и... э-э...

— Низкосортная?

— Вот-вот. Залежалая и подмоченная.

Второй фыркнул. Шлюпка чуть заметно качнулась.

— Набок нас не урони, — попросил первый.

— Учи ученого...

— И поучу... Куда это тебя понесло?

— Вон там круглый пяточок, — кивком показал второй. —

Огня нет. Наверное, там скальный выход или что-то вроде этого. Иду туда.

— Там даже два пяточка...

— Угу, вижу. Сажусь на правый.

— Хм. А почему не на левый?

— Надо же выбрать один какой-нибудь.

— А по-моему, левый симпатичнее...

— А по-моему, ты специально выводишь меня из себя.

Будь добр, умолкни на пять минут, не бухти под руку...

Касание получилось достаточно мягким — трягнуло лишь чуть-чуть сильнее, чем при посадке на автоматике по антиграв-лучу. Но откуда на Потееющем материке взялась бы антигравитационная установка, хотя бы самая примитивная?

Космическая шлюпка села на маршевых, и в течение примерно двадцати секунд пламя внутри ринга бушевало даже сильнее, чем вне его.

Глава 2. СТАРШИЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Лицо дежурной тетке за окошечком напоминало харю глубоководной рыбы — застывшая бесформенная маска, наделенная множеством ненужных складок, толстыми щеками, низким лбом и большими бессмысленными глазами навывкате. Чувствовалось, что тетка находится не на своем месте: ей бы в океанскую впадину, сидеть в засаде и глотать мальков не жуя, пыжась от сознания собственной значимости. На дне впадины она была бы царем и богом, вершиной пищевой пирамиды, ужасом всякой съедобной мелочи. Здесь, в фойе регионального бюро по трудоустройству, ей пришлось довольствоваться куда более скромной ролью филтра для посетителей.

Но повадки были те же — глубоководные.

— Господин Прохазка принять вас не может, — с нелогичной смесью брезгливости и удовольствия проговорила она наконец, помучив посетителя долгой паузой. — Если бы старший уполномоченный принимал всех без разбора...

— У меня особый случай, — сдержанно сказал посетитель.

— У всех особый случай. Господин Прохазка вас не примет, понятно?

— Он занят? — осведомился посетитель. — Я могу зайти позже.

— Какое у вас дело? Кто ищет работу, тот может решить все вопросы прямо здесь.

— Тогда зачем вообще существует господин Прохазка?

Глубоководная Рыба потеряла терпение:

— Вам нужна работа или нет? Если да, давайте ваш большой палец, я посмотрю, что мы можем вам предложить. Если нет — отойдите от окна, вы не один.

Под неприязненное бормотание Глубоководной Рыбы: «Позже он, видите ли, зайдет...» — посетитель оглянулся. В фойе не было решительно никого. Да и кто мог бы польститься на скучный выбор рабочих мест, предлагаемый бюро по трудоустройству? Разве что клинический неудачник, которому нечего терять. Но в фешенебельном районе Большого Тамбова найдется немного таких безработных, кто согласился бы занять должность мелкого клерка или выполнять пусть лучше оплачиваемую, зато пыльную работу мастерового. Здешние обыватели метят куда выше, а значит, обойдут бюро стороною и еще фыркнут, заметив вывеску. Это раз. Кроме того, в соседнем Липецке, по достоверным слухам, открылось несколько выгодных вакансий, и тамбовские люмпены толпой двинули туда. Это два. Посетитель учел и третий фактор: послеобеденное время, благодушное настроение начальства и скуку персонала. И четвертый фактор: вопреки обыкновению присутственных мест, в фойе не было охраны.

Прикидывая свои шансы, он трезво признавал их незначительными. Но иного выхода не было. Либо старший уполномоченный примет его и выслушает, либо к списку неудач добавится еще одна.

Воронеж, Липецк, Тула, Рязань, Муром... Быть может, повезет в Тамбове?

Как же, повезет, когда тут сидит этакая мегера...

Мегер и глубоководных рыб посетитель навидался предостаточно. Иногда он думал о том, что существует особая, никем не выведенная, но интенсивно используемая порода людей-барьеров, людей-отсекателей. По его наблюдениям, лучше всего с этой задачей справлялись женщины — пожилые стервы с неудавшейся личной жизнью и стервы помоложе, страдающие острой ненавистью ко всякой живой твари на почве хронической сексуальной неудовлетворенности.

Повернуться и уйти униженным, как в Смоленске и Вологде? Уйти со скандалом, смачно плюнув в окошко, как в Брянске? Ну нет...

— У меня к господину Прохазке личное конфиденциальное дело, — сказал посетитель как можно суше. — Вы не поняли. Я не спрашиваю у ВАС разрешения пройти, я просто пройду. А вы немедленно доложите обо мне господину Прохазке, если не хотите, чтобы господин Прохазка вышвырнул вас на улицу...

Совершив полуоборот, он направился в боковую дверь, стараясь держать уверенную, не слишком стремительную походку, хотя ему хотелось рвануть со всех ног, а сердце стучало значительно чаще обычного. Лоб предательски вспотел. Секунды две, а если повезет, то и больше Глубоководная Рыба, выбитая из колеи рефлекторных вопросов и ответов, будет соображать, не является ли посетитель важной персоной, затем до нее дойдет, что посетитель никакая не персона, а просто наглец с улицы, но за это время он должен успеть скрыться за дверью — десять против одного, что она не помчится следом!

Хорош он будет, если дверь окажется запертой!

По идее, она должна быть отперта... но нет охраны. Обычно в фойе региональных бюро дежурит один секьюрити, редко двое. Совсем редко, чтобы никого. Допустим, охраннику приспичило. Дверь только одна, за нею наверняка коридор, там же и уборная... Когда страж ушел, посетителей не было. Иначе бы потерпел немного. Три против одного, что отлучивший-

ся на несколько минут охранник поленился запереть дверь, чтобы на обратном пути не отпираться вторично.

Так и есть.

— Ку-уда-а?! — взвыла наконец Глубоководная Рыба, и сейчас же ее негодующий вопль был заглушен хлопнувшей за спиной дверью.

Вовремя. Навстречу, застегиваясь на ходу, вперевалочку шел охранник. При виде незнакомого посетителя он продолжил застегивание одной рукой, а вторую положил на рукоять дубинки. С рефлексами у него все в норме, а вот как с мозгами?..

— Господин Прохазка? — упредил посетитель вопрос вопросом, на ходу достав из внутреннего кармана зеленую книжечку и небрежно помахав ею перед носом охранника.

— Второй этаж налево.

— Благодарю.

Дежурная улыбка — и адью. Посетитель излучал уверенность. Два против одного, что окрик не остановит его до конца коридора. К наглости здесь не привыкли. Как правило, искатели свободных вакансий настойчиво-просительны, но при этом почти всегда скромны и тихи.

Сработало.

Секретаршу в «предбаннике» кабинета старшего уполномоченного посетитель оценил сразу: молодая, неопытная в своей профессии, а опытная, вероятно, совсем в других делах, за что ее здесь и держат... Тем лучше. Везет. Личные секретарши чаще всего относятся к одной из двух таксономических разновидностей: сексапилокки и мумии крокодилов. Прорваться через вторую разновидность — из области чудес. Зато первая разновидность сокрушается нахрапом.

Значит, шансы априори один к одному. И в данном случае выигрыш уже практически обеспечен.

— У себя? — небрежно-снисходительным тоном поинтересовался посетитель, пересекая «предбанник», демонстрируя угол зеленой книжечки и одновременно ощупывая фигурку секретарши откровенным взглядом — сверху вниз и обратно, на все не более полусекунды. Сканер.

«Он занят», — пискнула было секретарша, но посетитель не обратил внимания.

Господин Прохазка занимался важным делом: чистил пилочкой ногти. Ногти были ухоженные, розовые, кругленькие, и сам господин Прохазка был маленьким, кругленьким, розовым и очень ухоженным. Громадное кресло обнимало его с мягкой настойчивостью медузы, обволакивающей нежную рыбешку. Правда, в отличие от рыбешки глаза старшего уполномоченного кое-что выражали: послеобеденное благодушие и скуку в равных долях. Заметную примесь недовольства визитом посетителя господин Прохазка не позаботился скрыть.

«Два к одному, что выгонит сразу, — подумал посетитель, едва переступив порог кабинета. — Бывало и похуже».

Не мямлить, не унижаться — сразу брать быка за рога. В этом был шанс. Нотка просительности допустима и даже полезна — строго в рамках корпоративного единства. Ни в коем случае не более.

— Как дворянин дворянина. Прошу.

— Меня? — осведомился старший уполномоченный. — О чем? Трудоустройство?

— В каком-то смысле да. Долгий разговор.

«Три к одному...»

— Хм. — Господин Прохазка глубокомысленно нахмурился. — Хм-хм. Э... А как вы сюда попали?

Посетитель pokrивил в улыбке угол рта.

— Представьте себе, пешком. Показал вот это и прошел.

Вид зеленой книжечки произвел на старшего уполномоченного необычное действие: он расплылся в улыбке, затем захихикал, но этого показалось ему мало, и буря веселья прорвалась раскатистым смехом. Трясаясь и клопоча, господин Прохазка пошарил по внутренним карманам и вынул точно такой же документ — членский билет общества грибников, дающий право на грибной сбор в заповедниках и заказниках.

— Уволю разгильдяев, — выдавил он, сотрясаясь от смеха, — всех уволю...

Посетитель улыбнулся шире. Теперь он оценивал свои шансы как фифти-фифти.

— Покажите, покажите! — сотрясался господин Прохазка, протягивая за документом короткую розовую лапку. — Ваш? Точно ваш? Ха-ха. Свистунов Арсений Ефимович, дворянин, так? Это вы? Сделайте одолжение, приложите палец вон туда, порядок есть порядок... Пф-фф-хе-хе... Так вы грибник? С каким стажем? А скажите, гриб-баран в здешних лесах вам не попадался? Южнее? Да я сам знаю, что он к сбору запрещен, это я так, из чистого любопытства... А трюфели? Вы собираете трюфели? С поисковиком? Какой модели? Ну, это вы зря. Я вам вот что скажу: лучше хорошо натасканной свиньи для сбора трюфелей еще ничего не придумано, перед ее нюхом любая техника блекнет. У меня приятель свинозаводчик и настоящий спортсмен-грибник, он хрюшек сам отбирает, натаскивает и хорошим людям дает напрокат недорого. Хотите сведу? Хряк Чемпион у него — это, я вам скажу, нечто! Уникум! Зверь в триста кило весом, его от добычи отгонять запотеешь, один раз он озлился — на дерево меня загнал, зато на полметра вглубь чует, ей-ей! Но трюфели — ладно... А рыжики? Слегка присолить и на вертел — м-м-м!.. Бесподобно. Вы любите собирать рыжики?..

Едва успевая отвечать на вопросы, поддакивая и улыбаясь в нужных местах, посетитель приложил большой палец к настольному идентификатору личности. Последовало сканирование папиллярной сетки, затем легкое поскребывание известило о том, что несколько клеток эпителия были взяты на ДНК-анализ. Несколько секунд ожидания, короткий писк прибора — и господин Прохазка, не прервав разговора на любимую тему, вперился взглядом в идентификационные данные. Все было правильно: Арсений Ефимович Свистунов, тридцати одного года, потомственный дворянин, коллежский секретарь, не судим, в розыске не числится, в особых списках не состоит, в настоящее время находится в отпуске без сохранения содержания.

— Так чем я могу быть полезен? — спросил господин Прохазка, временно исчерпав грибную тему.

— Прошу помочь. — Когда-то посетитель мямлил перед должностными лицами и злился на себя за робость; теперь он говорил бодро и напористо — сказывалась практика. — Мне

необходимо подтвердить дворянство, причем крайне желательно сделать это в ближайшие пять лет.

Господин Прохазка зевнул.

— Так я и думал, — разочарованно сказал он. — Дети?

— Сын пяти лет.

— Так в чем же дело? Он болен? Ленив? Неспособен?

— Он здоров.

— И не дебил?

— Ни в малейшей степени. Он дворянин. И в этом вся проблема.

Короткая лапка старшего уполномоченного полезла чесать в затылке.

— Ничего не понимаю... Да вы садитесь, садитесь, не стойте... Объясните подробнее.

— Мой сын — незаконнорожденный, — объяснил посетитель, присев на краешек табурета. — Его мать — баронесса в третьем поколении. Следовательно, он простой дворянин в первом поколении. Его дети также будут дворянами... если я не вступлю в брак с его матерью. Вся проблема в том, что я хочу это сделать.

Господин Прохазка обрадовался так, словно решил непосильную головоломку.

— Вот оно что. Ну да, конечно, при законном браке знатность передается по мужской линии. Следовательно, если вы женитесь на своей избраннице...

— То мой сын потеряет дворянство, как и его потомство, — закончил посетитель. — Ведь я наследственный дворянин во втором поколении. Во втором и последнем.

— Гм... В юридический отдел Департамента Геральдики обращаться пробовали? Дело, конечно, не верное, сомнительное и, уж во всяком случае, канительное, но мне известны случаи, когда...

— Обращался. Отказали наотрез.

Господин Прохазка всплеснул лапками:

— Что же я могу сделать? Не я принимал закон об эрозии знатности.

— И не я.

— Разумеется, вы бы его не приняли. А между тем с этим законом наша страна живет уже скоро триста лет, и хорошо живет. Дворянство — очень полезная опора государственной власти, и не надо позволять этой опоре загнивать на корню. Ненависть к развращенной аристократии во все времена вела к революциям. Привилегии дворянского сословия должны быть оправданы беззаветным служением отечеству, а как прикажете достичь этого? Давать дворянство исключительно по личным заслугам, начисто отменив наследование титулов? Пробовали — не вышло. Люди в своем большинстве устроены так, что желают передать свое достояние потомству, которое — заметьте — заслужило эти блага только тем, что родилось в удачной семье. Мы с вами, понятно, считаем наследование дворянства справедливым, но вот беда — мало кто из простолюдинов с нами согласен. У них свои понятия о справедливости, причем аргументированные ничуть не хуже. Как быть, а?

— Наверное, так, как уже есть, — пожал плечами посетитель. — Я вовсе не...

— Вот именно. Оставить так, как уже есть! Целесообразность как мостик между двумя полярными представлениями о справедливости! Черт с ними, с наследниками, пусть наследуют, но если есть пряник, то для блага страны должен быть и кнут. Иначе спустя несколько поколений дворянство просто напросто выродится и перестанет быть полезным. Кнут! В наследовании имущества таким кнутом является налог на наследство, в наследовании титулов — понятие эрозии знатности. Князь, свежеудостоенный этого титула, имеет право, как вам известно, на четыре последующих поколения потомков-князей, граф — на три, барон — на два, а простой дворянин лишь на одно. Логика закона проста: если не желаешь, чтобы твои потомки растворились в море простолюдинов, — старайся подтвердить дворянство примерной службой или каким-нибудь полезным отечеству деянием. Скажем прямо — подвигом. Такая система, во-первых, держит дворянство в напряжении, препятствуя процессам его естественного разложения, а во-вторых, позволяет рекрутировать в дворянское сословие наиболее талантливых и достойных простолюдинов, что идет словию только на пользу, не говоря уже о пользе для страны.

Как иначе прикажете сделать активной хотя бы часть населения?.. Ну, разумеется, среди наследственных дворян есть и бездельники, и моральные уродцы, и вообще люди недостойные, однако процент их невелик, а кроме того, их можно лишить дворянства, так что авторитет нашего сословия остается высоким. Сословное деление плюс закон об эрозии знатности — разумный компромисс между потребностями государства и интересами всех слоев общества, разве нет? Согласитесь, закон этот правильный, недаром за три столетия в него не было внесено никаких принципиальных изменений...

Несомненно, господин Прохазка был бы рад и дальше с жаром излагать избитые истины, известные каждому со школьной скамьи. К счастью, кабинетный служака не обладал тренированными легкими публичного оратора. Его румяное лицо покрылось бисеринками пота. Не докончив очередной фразы, он издал горлом смешной сиплый писк, часто задышал и замахал короткими лапками. Сами, мол, видите, закон есть компромисс, лучшего все равно не выдумать, и никто не виноват в том, что за гармонию в обществе приходится расплачиваться не всем, а только таким, как вы...

— Я вовсе не покушаюсь на закон, — тихо сказал посетитель. — Я просто хочу знать, как мне быть. Женившись на любимой женщине, я отниму дворянство у моего сына. Помимо того что я его люблю и не желаю портить его будущее, он мне этого не простит.

— Оставайтесь со своей избранницей в гражданском браке, — посоветовал уполномоченный, отдышавшись.

Посетитель вздохнул.

— Это самый легкий путь, но не самый желательный. Знаете, мнение родственников, фамильная гордость... Моему сыну уже дают понять, что он ущербен от рождения... Наконец, я сам хочу жениться!

— Ага, ага, — покивал господин Прохазка. — Значит, вам все-таки во что бы то ни стало необходимо подтвердить дворянство? Так?

— Истинно так.

— И чем же я могу помочь, скажите на милость? У нас ведь контора по трудоустройству, а не по раздаче незаслужен-

ных привилегий. Служите, и воздастся вам. У вас какой класс — десятый? Личное дворянство вами уже подтверждено, а вот потомственное... Н-да... до действительного статского советника вам, как говорится, семь верст и все лесом. Вы в каком департаменте служите? — Господин Прохазка впился взглядом в экранчик с данными посетителя. — В земской канцелярии? Совсем скверно... Если вам очень повезет, то лет через тридцать беспорочной службы вы в самом деле можете надеяться... но вам ведь надо гораздо раньше? Тогда я затрудняюсь даже что-либо вам посоветовать... вот разве что...

— Что? — спросил посетитель.

— Военная служба. Или... не привлекает?

Едва заметная гримаса.

— Не в том дело, что не привлекает... Хотя, по правде говоря, так оно и есть. Но не в том дело. Мне уже поздно рассчитывать на военную карьеру, элементарно гоздно. Вот если бы я спохватился лет десять назад...

— Жаль, что десять лет назад вы были менее дальновидны, чем вам следовало быть. — В голосе старшего уполномоченного появились нотки осуждения. — Ну, тогда заслужите Владимира или Станислава.

— При моем чине? Еще скажите — Андрея Первозванного!

— Понимаю, это затруднительно. Однако возможно. Совершите какой-нибудь подвиг — пусть не на военной, а на гражданской стезе. И пусть о нем станет широко известно. Не пренебрегайте прессой, скромничать в таком деле вредно. Вы богаты?

— Если бы! — Посетитель невесело хмыкнул. — Всего-навсего не нищ.

— А связи?.. Хотя да, о чем я говорю. Будь у вас связи, вы не пришли бы сюда... Жаль. Если бы вы могли, скажем, организовать для государства беспроцентный заем на несколько миллиардов, Владимир четвертой степени уже гарантированно висел бы у вас на шее, естественно, вместе с потомственным дворянством. Хотя получить потомственное можно и без ордена, прямым указом государя...

Посетитель вздохнул:

— Не вижу способа заслужить эту милость, находясь на земской службе...

— А под лежащий камень вода и не потечет. Ищите подвига. Предотвратите, например, техногенную катастрофу. Остановите эпидемию. Сделайте мировое открытие. Придумайте, как накормить пятью хлебами голодающих в Африке. Достигните Северного полюса верхом на прирученном белом медведе. И главное — заставьте о себе заговорить. Ну и о России, разумеется. Заставьте хотя бы одних только россиян почувствовать, что Россия вовсе не бесполезная часть Всемирной Конфедерации, и считайте, что подтвержденное потомственное дворянство у вас в кармане. Ну как?

Посетитель беспомощно развел руками.

— К сожалению, для меня все это из области беспочвенных фантазий. Я всего лишь чиновник земской канцелярии, а не первопроходец-дрессировщик...

— Ну тогда заслоните государя от пули террориста. Тут везло даже простолюдинам...

— Откуда в наше время он возьмется? То есть не простолюдин, а террорист... Или вы предлагаете мне самому организовать покушение?

— Господь с вами! — Шокированный господин Прохазка всплеснул короткими ручками. — Как можно такое подумать! Это я просто пофантазировал, каюсь, не слишком удачно. Гм... Даже не знаю, чем вам помочь. Можно, конечно, посмотреть вакансии, но... сами понимаете...

— Шанс мал, — кивнул посетитель. — Понимаю. И все-таки, если вы не возражаете, я бы хотел взглянуть...

— Пожалуйста! — Старший уполномоченный пододвинул к себе монитор. — Так... Ну, это вас не заинтересует, это тоже, тут вообще нет никаких шансов... Убираю. Так, что у нас осталось?.. Хм, не много. Даже прискорбно мало, я бы сказал. Ведь должность начальника дежурной смены на станции аэрации вас не привлекает, не так ли?

— Не привлекает.

— Так я и думал. Хотя жалованье очень хорошее... Могу предложить еще должность старшего воспитателя в интернате для детей с острыми социальными отклонениями... Тоже нет?

Хм. Инспектор по санитарному состоянию городских участков?.. Нет? Вы правы, раньше это называлось просто дворником. Так, дальше тут у меня вакансии конкурсные, посмотрим... Лектор-проповедник необаптистской церкви? Нет? Распорядитель-эвакуатор в молодежном клубе? Страховой агент? Младший редактор в журнале «Юный гельминтолог»? Нет? Так-таки нет?..

— Так-таки нет, — вздохнул посетитель.

— Да, подтвердить дворянство на таких должностях довольно проблематично, — согласился господин Прохазка и тоже вздохнул. — Разве что счастливый случай... Но ведь счастливый случай может выпасть вам и в вашем земстве, нет?

Посетитель сделал движение, по-видимому, означавшее: да, разумеется, но такой случай пока не выпадал. Пожалуй, проще выиграть главный приз в лотерее. Теоретически возможно — но из области чудес.

— Неужели нет иных вакансий?

— По Тамбовскому округу — увы, увы. Погодите-ка... Скажите мне вот что: вам обязательно нужна работа в нашем округе?

— Мне? Конечно, нет.

Розовое личико господина Прохазки просветлело.

— Ну разумеется, как это я сразу не сообразил! Тогда одну минуточку... Но обязательно в России, не так ли?

— Где угодно, хоть во Внеземелье.

— Серьезно? Что же вы мне голову морочите, так бы сразу и сказали! Где угодно — это проще. Сейчас, сейчас... Ага! С делопроизводством вы, надо полагать, знакомы? А с финансами? Есть вакансия судового бухгалтера на лайнере «Исполин». Что скажете? Баржа та еще, возит переселенцев по десять тысяч душ за один рейс. Для вашего класса должность в самый раз. Согласны?

— М-м... Больше ничего нет?

— Почему нет? Колониальная администрация прямо-таки заваливает нас заявками, но ведь вы, наверное, не захотите работать по контракту десять лет в какой-нибудь паскудной дыре в созвездии Мухи... Остается земной космофлот. Вот, скажем, корвету «Нахальный» требуется ревизор, контракт трех-

летний, отдельная каюта, жалование сносное, премиальные, особая плата за страх...

— За страх? — Посетитель встрепенулся.

— Разумеется, за страх. Если бы где-то приплачивали за удовольствие, я бы первый туда кинулся, хе-хе...

— Простите, но ведь на данный момент метрополия не находится в состоянии войны, не так ли?

— А что считать войной? — риторически изрек Прохазка. — Полицейская операция на одной из окраинных планет — это война или нет? А миротворческие миссии? Как всегда: войны нет, а трупы есть.

— Это намек?

— Что вы, никакого намека. Лично я не имею ни малейшего понятия о ближайших планах Адмиралтейства относительно данного корвета... да и странно было бы, если бы я их знал. Мне только известно, что судно военное и что иной раз за страх платят и в мирное время. Ну как, согласны рассмотреть?

— Вы еще спрашиваете! Конечно, согласен! В случае успеха не премину отблагодарить вас чем сумею.

Господин Прохазка хрюкнул и вдруг широко улыбнулся. Упиваясь неожиданным, удивившим его самого сочувствием к ближнему, он пребывал в великолепном настроении и был не прочь проявить еще и щедрость:

— Один персонаж брал взятки борзыми щенками, а я беру грибными местами. Вы покажете мне свои излюбленные грибные места, и мы пойдем вместе собирать трюфели. С хрюком Чемпионом. Когда вернетесь. И если вернетесь, разумеется...

Глава 3. НЕ «НАГЛЫЙ», А «НАХАЛЬНЫЙ»

В вагоне третьего класса благоухало, разумеется, не лавандой, хотя крошечная уборная, как ни странно, оказалась в полной исправности. Арсений поморщился, но не удивился. В третьем классе всегда найдутся любители сделать лужу на полу в тамбуре, а следящего за порядком киберкондуктора в принципе можно обмануть — Арсений не знал как, он знал

лишь, что это возможно. Жизнь люмпенов скучна, и они разнообразят ее по-своему.

Любопытно, что у многих из них хватило бы мозгов, чтобы вести куда более достойный образ жизни в должности квалифицированного мастерового, техника или даже инженера. Нет, не желают... Почему? Что это: своеобразная форма протеста против общественных устоев — или обыкновенная лень людей, знающих, что им не дадут помереть с голоду?

Третий класс... Всегда в голове состава, мчащегося со скоростью пятьсот верст в час. А вагоны класса «люкс» всегда позади. Глупо. Если откажет электромагнитная подвеска и весь состав брякнется на брюхо, всем достанется поровну. А если на полной скорости произойдет столкновение, сминаемые в гармошку головные вагоны все равно окажутся недостаточным амортизатором удара. В этом случае вся разница между отутюженным тайным советником с безукоризненными манерами и какой-нибудь завшивевшей образиной, гадающей мимо унитаза, будет заключаться в том, что образину расплющит сразу, а тайный советник проживет еще секунду-другую, так что, возможно, даже успеет осознать ближайшую перспективу и испугаться... Интересно, ему это очень надо?

Третий класс. Помойка. Виварий. Место, где тебя могут запросто оскорбить. Место, которое оскорбляет само по себе. Всем прекрасно известно, что в случае драки или какого иного бесчинства киберкондуктор мигом превращается в киберкопа: отключает вентиляцию и наполняет вагон усыпляющим газом. И все равно драки и бесчинства здесь нередки. Сиденья — жесткие, с глубоко вырезанными надписями хамского содержания, вдобавок безграмотными. И запах, запах... Неистребимый, несмотря на вентиляцию. Навечно въевшийся в пористый пластик обшивки.

Вагон скрипел и раскачивался; внизу под полом что-то ныло на высокой ноте с омерзительным упорством бормашины. За грязным стеклом мелькали пейзажи — так быстро, что болели глаза. И все-таки смотреть вовне было приятнее, чем изучать вагон и его пассажиров. Несмотря на отвратное амбре, хотелось есть, а еще больше пить. Облизнув пересохшие губы, Арсений подавил в себе желание поискать по карманам

неучтенную купюру. Откуда ей там взяться? Отходя от билетной кассы, он пересчитал оставшуюся наличность: два имперских кредита и шестнадцать российских рублей, не считая мелкого никеля. Хватит на одну ночь в найдешевейшей гостинице, но на еду и бутылку воды уже не хватит...

Он солгал, что не нищ. Язык не повернулся признаться этому кругленькому благополучному уполномоченному в том, что поиски места продолжаются уже столь долго и тщетно. В том, что они распылили все накопления, и без того не слишком большие. Растаяли и деньги, взятые у друзей под честное слово. Теперь он беднее любого голодранца и может рассчитывать лишь на жалованье на новом месте службы. Быть может, дадут аванс?..

Возможно.

Худо, если нет.

И, что уж совсем противно, винить следует только себя самого.

Арсений скрипнул зубами. Амеба! Улитка мягкотелая, слизень голый! Вот уж точно, что теперь голый! Служил, да. Как все. Дослужился до коллежского секретаря, что к тридцати годам вполне нормально, то есть средне. Типичный середнячок. Аккуратный служака без инициативы, без честолюбия. А впрочем, будь ты хоть безмерно инициативным, хоть честолюбивым, как Цезарь, — в земской канцелярии это ровным счетом ничего тебе не даст, разве что лет через тридцать, как справедливо заметил старший уполномоченный...

Взять займы больше не у кого. Не у Риты же. Никакая финансовая структура, хоть государственная, хоть частная, хоть подпольная, не даст кредит без обеспечения. А обратись-ка хоть раз за государственным пособием по бедности — неминуемо попадешь под идентификацию личности и уж тогда можешь навсегда забыть о потомственном дворянстве. Самое обычное дело. Что бы потом человек ни совершил, считается: раз обратился за пособием, значит, неудачлив, безынициативен, бесперспективен, сам на себя махнул рукой. Пролетарий в римском смысле. Клеймо на всю жизнь. И о карьере забудь. Хорошо, если не лишат личного дворянства решением сословного суда — были прецеденты...

Арсений стиснул зубы до хруста. Стыдно! Жил — словно не жил, самодостаточный, всем довольный, не обретая ни друзей, ни врагов. Жил, как в вате. Дворянин по рождению, не по заслугам. Чересчур инертный, чтобы прыгнуть выше головы, чересчур здравомыслящий, чтобы прожигать жизнь. Вместо горения предпочел медленно тлеть и называл это тление жизнью. В меру работал, в меру веселился, в меру скучал. Иногда посещал вечеринки, никогда не напиваясь вдрызг, лениво флиртовал, вел никчемные разговоры, любил ходить в лес по грибы. Добропорядочный сверчок на своем малом шестке. Полезных знакомств — и тех не завел. Действительно, амeba! Даже не инфузория, не простейшее жгутиковое — те по крайней мере шустро плавают в капле воды, черт их знает зачем. Удивительно, что Рита сумела полюбить такую ленивую протоплазму и даже не захотела прервать беременность, несмотря на уговоры родни!

И все-таки сегодня кое-что сделано. Положено начало. Арсений улыбался, вспоминая, как лихо он прорвался на прием к старшему уполномоченному по трудоустройству. Вот так бы всегда!

А дальше — снова стыд и позор. Пришел клянчить место, словно навязчивый нищий попрошайка! Да если бы этот самый Прохазка сам не оказался грибником, он и слушать бы не стал! Что ему очередной неудачник? Не видал он их, что ли?

Самое обидное, что уполномоченный прав. Система, не эксплуатирующая человеческое корыстолюбие, исторически обречена, но одного корыстолюбия мало. Добавить к нему честолюбие, узаконить привилегии высшего сословия и по возможности препятствовать превращению дворянства в замкнутый, а следовательно, вырождающийся класс — вот и решение проблемы. Лучшее или не лучшее — кто знает? Но работающее без серьезных сбоев вот уже скоро три столетия. Закон об эрозии делает свое дело — численность дворянства растет медленно, очень медленно. Зато престиж сословия на высоте. Кто, спрашивается, в Бестолковые века вытащил Россию из дыры? Дворянство и те, кто не щадя живота своего добивался этого звания. Даже самые ярые противники сословного деления не решаются отрицать данный твердо установленный факт. Имен-

но дворяне за триста лет сделали империю такой, какова она есть, — а сейчас она, пожалуй, наиболее процветающий фрагмент Всемирной конфедерации.

Потому-то они и не путешествуют третьим классом...

А если им приходится это делать, то никто, кроме них, в этом не виноват.

Логично. До тошноты логично.

«А чего же ты еще хотел, голубчик? Кисельных рек?»

Почему-то эта горькая и одновременно самая светлая мысль прожитого дня, если не считать гениального тактического плана прорваться к Прохазке, успокоила Арсения. У него еще оставался последний шанс. В случае неудачи наличных денег не хватило бы даже на то, чтобы вернуться домой. В любом случае оставалось надеяться только на этот корвет... как его... «Наглый», что ли?

— Нет, не «Наглый», — со сдержанным раздражением отчеканил старший офицер. — Наш корвет называется «Нахальный», это я вам советую накрепко запомнить. Не «Охальный», не «Наглый», не «Развязный» и даже, представьте себе, не «Отмороженный», а именно «Нахальный». Запомнили?

— Запомнил, — кротко сказал Арсений. — Прошу прощения.

В голове у него еще шумело после действия усыпляющего газа в вагоне третьего класса, и понять причину столь крутого обращения с пассажирами Арсений никак не мог. Вроде никто на сей раз не дрался, не буянил... Быть может, киберкондуктор все же зафиксировал какое-то нарушение, оставшееся незамеченным большинством пассажиров, и отреагировал соответственно? Или — чего не бывает в третьем классе! — механизм просто-напросто был неисправен и сработал нештатно, уложив в мертвый сон четыре десятка ни в чем не повинных пассажиров?

Очень может быть.

Хотя почему ни в чем не повинных? Придя в себя и злясь на бдительную технику, Арсений подумал: повинных. Еще как повинных. Почему путешествуешь третьим классом? Скуп? Так получай за скупость. Ленив заработать хотя бы на второй класс?

Получай за лень. Попросту неудачлив? Получай же за... гм... за глупость, наверное. Умный и неудачливый — понятия взаимоисключающие. Кто имеет в голове мозги, у того и неудачливость спорадическая, преходящая, а кто неудачлив постоянно, у того под черепной крышкой не мозги, а... совсем иная субстанция.

Все равно обидно, конечно. Но привычно обидно.

Как оказалось, командир корвета отсутствовал, воспользовавшись правом краткосрочного отпуска, зато оказавшийся на борту старший офицер связался с охраной аэродрома и велел пропустить соискателя места. Скорее всего старшему офицеру было лень тащиться от корабля к помещавшимся на задворках аэровокзала комнатам для переговоров, и в этом Арсений усмотрел добрый знак, хотя брести по полю к угловатой, снабженной, как костел, массой острых выступов туше «Нахального» пришлось ему самому.

— Это не родное название нашего корабля. — Голос старшего офицера чуть-чуть смягчился. — Это название заслужено в бою с сепаратистами на подступах к системе Маркаба. В том сражении наше суденышко сумело приблизиться к неприятельскому флагману на дистанцию эффективного огня и нанести ему повреждения, что в конечном итоге предопределило удачный для нас исход битвы. До битвы наш корвет назывался «Осмотрительный» — трусоватое название, верно? Совсем не для нас. Вам понятно, на каком корабле вам выпало счастье служить?

— Понятно. Простите мою ошибку.

Голубые, ничего не выражающие глаза старшего офицера остановились на лице соискателя.

— Сэр.

— Так точно, понятно, сэр, — спохватился Арсений.

— Вы ведь гражданский, не так ли? Как говорили в старину — шпак? У нас военный корабль, а значит, вам придется привыкать. Стартуем завтра, так что привыкайте в темпе. Вы случайно не потомственный дворянин?

— Случайно да.

— Так я и думал. И все равно любой офицер для вас «сэр», дворянин он или нет. Я, например, капитан-лейтенант, в не-

давнем прошлом простолюдин, но на субординацию на борту «Нахального» это ровным счетом никак не влияет. Вы запомнили?

— Да, сэр. Запомнил, сэр. Но почему любой офицер?.. сэр. Если, скажем, мичман...

— Ну и что?

— Как что, сэр? Корабельный ревизор по Табели о рангах приравнен к...

Белесые брови старшего офицера удивленно изломались.

— При чем здесь ревизор?

Арсений почувствовал, что вот-вот попадет в какую-то дурацкую историю. Отвратительно заныло под ложечкой.

— Простите, сэр, но в бюро по трудоустройству...

Капитан-лейтенант фыркнул:

— Вечно они напутают. Нам нужен не ревизор, а баталер. Обыкновенный баталер, и даже не старший, а просто единственный. Кому-то надо считать койки, подштанники и прочее барахло. Наш прежний баталер списан по болезни. Вы в каком чине?

— Коллежский секретарь.

— Зря.

— Почему?

— Потому что должность баталера не офицерская и выдумана не про вас. И вы не захотите, и Табель не велит. Вот если бы нам в самом деле был нужен ревизор...

— А он точно не нужен? — упавшим голосом осведомился Арсений, забыв прибавить «сэр». Впрочем, сейчас корабельная субординация для него не существовала — он не член команды и вряд ли когда-нибудь им станет.

— Абсолютно не нужен. У нас ведь корвет, а не линкор, нам ревизор по штату не положен. Или вы думаете, что Адмиралтейство специально для вас сделает исключение?

Ничего такого Арсений не думал. Он думал, и думал лихо-радочно, совсем о другом:

— Значит, если бы я был, скажем, губернский секретарь...

— Тогда вы подошли бы нам, — последовал немедленный ответ. — А с вашим десятым классом — извините, нет. Если бы с двенадцатым — тогда да. Всего доброго.

- А...
- Извините, мне некогда.
- Но...
- Вас проводят. Вестовой!

Битых два часа Арсений слонялся без цели по территории аэровокзала и привыкал к мысли о поражении. Не сознавая, что делает, потратил мелочь на стаканчик суррогатного кофе. Опомнившись, высыпал на ладонь остаток денег, пересчитал и скорчил болезненную гримасу. Теперь вряд ли удастся оплатить и найдешевейший ночлег.

Какой-то мальчишка, буксируемый мамашей по направлению к посадочным площадкам, увидев его физиономию, обидно засмеялся. Поделом.

Арсений огляделся. Человеческая река текла мимо него, пассажиры и встречающие были заняты своими мыслями и делами, а ему казалось, что все смотрят на него, только на него, и все смеются.

А может, плюнуть на все на это токсичной слюной и жить впредь, как жил раньше? До дома он как-нибудь доберется, и с прежнего места службы его, вероятно, еще не успели выгнать, хотя отпуск и просрочен...

Да, но Рита?.. А главное — сын. Мальчик, для которого он до сих пор не папа, а «дядя Арсений». И так будет всегда?

Всегда?

Мальчик станет взрослым, а он постареет и все равно останется только «дядей Арсением», другом семьи? Разве можно, не травмируя психику сына, признаться в том, что его родной отец такое ничтожество?

Нельзя. Невозможно.

На смотровой площадке, откуда открывался лучший вид на поле и где праздным зевакам за небольшую плату позволялось понаблюдать за стартами и посадками в мощный бинокляр, он выбрал наблюдательный пункт и несколько часов кряду следил за могучей тушей «Нахального» и подступами к ней. Один раз пришлось сбегать в туалет — еще одна монетка долой, — но остальное время Арсений был очень внимателен, радуясь про себя тому, что на земской канцелярщине не успел

испортить зрение. Он видел, как на малой пассажирской тележке, влекомой автоматикой, проехал к корвету еще один соискатель, и видел, как он возвращался тем же путем. И этому не повезло.

В бинокляр, разумеется, было бы виднее, но Арсению и без оптики показалось, что физиономия у соискателя расстроенная донельзя. Ничего удивительного: искал места по себе, а предложили — кукиш.

Других соискателей не было. Вероятно, информацию о вакансии успели исправить.

Полицейский патруль заинтересовался было подозрительным человеком, который час подряд торчащим на смотровой площадке, и, отковыряв, отступил после папиллярной идентификации.

— Встречаете кого-нибудь? Советуем посидеть в кафе этажом выше. Чуть дороговато, зато вкусно и притом тот же вид на поле. И только для дворян.

— Спасибо, — с чувством сказал Арсений. — Непременно.

— Эта площадка общая, — пояснил полисмен. — Будьте осторожны, среди простолюдинов попадают всякие...

«И среди дворян тоже, — закончил про себя Арсений. — Есть, например, такие, как я, готовые на все ради... Хм, ради чего? Если так пойдет дальше, я буду готов ограбить кого-нибудь ради пары имперIALов, чтобы добраться домой хотя бы третьим классом...»

— Учту. Кстати, не подскажите ли, где тут ближайшая кабина информатория?

— Этажом ниже.

Внезапно пришедшая в голову мысль показалась столь дельной, что Арсений немедленно обругал себя за то, что не додумался до нее раньше. Раз уж все равно собрался во Внеземелье, то...

Бывает же, что простолюдины получают дворянство за выдающиеся спортивные достижения! Редко, но бывает! Нет, на Земле в данной области рассчитывать не на что, здесь господствуют профессионалы, но вот во Внеземелье...

Кабина была общего доступа, бесплатная. Первым делом Арсений вывел на терминал полный реестр обитаемых миров,

затем отсеял те из них, что были заселены недавно, и те, о которых было известно, что они отличаются стопроцентной лояльностью к метрополии. Если землянин сумеет посрамить будущих сепаратистов в каком-либо из их традиционных состязаний — о, этот землянин может рассчитывать на благодарность земных властей!

На экране осталось более половины списка. Арсений принялся вызывать общую информацию по каждой планете и последовательно тыкать в квадратики «Развлечения, культура, спорт и досуг», «Спорт», «Нестандартные виды». Командные соревнования он сразу отбрасывал.

Так... Планета Край Света. Излюбленные спортивные состязания поселенцев — метание утюгов на дальность, утюги специальные, спортивные, раскручивать за шнур запрещается... Не то. Планета Новый Гуам. Метание скамеек. Так... Планета Тайга. Метание в цель включенных бензопил. (Интересно, что там у них за цель, но смотреть некогда.) Планета Бархан. Метание варанов (имитация, пластик), а также бурдюков. Господи, да что это у них сплошные метания... Планета Хлябь. Метание икры головонога бородавчатозадого. (Примечание: согласно условиям состязаний, вес икринки не ниже 50 кг.) Однако!.. Планета Туман. Метание аборигенов...

Арсений заморгал и не удержался — вывел детальную информацию. Содрогаясь от сарказма, он узнал, что квазиразумные аборигены Тумана, во-первых, ничего не имеют против метания их на дальность, если обеспечено мягкое приземление, а во-вторых, наделены даром эмпатии. Являя собой в спокойном состоянии шар-колобок, абориген способен вырастить ложноножку-щупальце, за которое его, собственно, и раскручивают перед броском, как спортивный молот. К выпусканию щупальца аборигена побуждают ласковым поглаживанием (обнаружение на ладони спортсмена следов наркотических препаратов ведет к дисквалификации), так что победу вовсе не обязательно одерживает самый мощный атлет — чаще тот, кто за отведенную правилами состязаний минуту уговорит колобок отрастить щупальце подлиннее.

Бр-р...

Самое главное заключалось в том, что ни на одной из этих планет сила тяжести не уступала сколько-нибудь существенно земной, так что на мышечную атрофию местных жителей рассчитывать не приходилось. Уже без особой надежды Арсений досмотрел список до конца, нашел какой-то невразумительный «бег на воздушях» и безуспешно попытался понять правила невероятно сложной интеллектуальной игры, придуманной на планете Эбермут.

Мимо.

Что, съел? Вкусно?

Даже если бы на какой-нибудь из обитаемых планет нашелся подходящий туземный спорт — как туда попасть? Туристом? Копить на поездку несколько лет? Для очистки совести Арсений запросил информацию о вакансиях на судах, приписанных к данному астропорту. Вакансия по-прежнему имела всего-навсего одна — на «Нахальном». Но «Нахальному» он не подошел по чину...

Стоп!..

В первый момент мысль показалась донельзя дурацкой. И все же Арсений потратил еще пять минут на ее проверку.

Затем вернулся на наблюдательную площадку.

Много медленнее, чем хотелось бы, текло время. Уже в сумерках в сторону «Нахального» проследовал упакованный в мундир немолодой плотный господин с повадками не просителя, но хозяина. Арсений решил, что это не кто иной, как командир корвета.

Больше никого. Вакантное место баталера осталось вакантным. Арсений прождал для верности еще час, затем попросил дежурного связать его с «Нахальным».

— Соискатель, — лаконично представился он, радуясь отсутствию видеосвязи и надеясь, что его не узнают по голосу.

— Сожалею, но нам нужен баталер, а не...

— Я в курсе.

— Тогда жду. Вас пропустят.

Всю дорогу до «Нахального» Арсений спрашивал себя, не поступает ли он подобно идиоту? Ответ напрашивался положительный.

* * *

— А, это опять вы... — В голосе старшего офицера смешались неудовольствие и разочарование.

— Я согласен, — чужим сиплым голосом проговорил Арсений.

Капитан-лейтенант прищурился:

— На что это вы, интересно, соглашаетесь?

— Занять должность баталера. Сэр.

— Вот как? Вы согласны считать подштанники?

— Так точно, сэр. Согласен, сэр.

— Ничего не выйдет. Вы согласны, а Табель нет. И закончим на этом. Вестовой!..

— Подождите, сэр...

— Что такое? Вестовой!

— Сэр, я прошу меня выслушать. Всего одна минута, сэр.

— Ну? — Холодные голубые глаза проели Арсения насквозь. — Что вы мне можете сказать? Табель, понимаете? Табель! Что Петром Великим установлено, то не нам рушить. Один раз уже пробовали обойтись без Табели — напомнить вам, чем это кончилось? Идите, не отнимайте у меня время. Вестовой!

И вестовой появился. Не нужно было быть пифией, чтобы точно предсказать дальнейшее. «Проводите», — небрежный кивок в сторону Арсения — и адью. На борту посторонний — выпроводить постороннего. Выгнать вон безвредное, но ненужное насекомое.

Времени осталось на одну реплику. Арсений не был убежден, что эта реплика окажется спасительной.

— Подзаконные акты... Сэр.

Несколько мгновений голубые немигающие глаза смотрели на него озадаченно. Затем в них появилось любопытство, правда, несколько брезгливое, но все же старший офицер велел вестовому подождать пока за дверью.

— Ну? — буркнул он. — Что вы еще придумали?

Арсений заторопился:

— Согласно Дисциплинарному уложению от две тысячи сто... э... не помню какого года командир военного судна, находящегося в автономном полете, наделен полномочиями не толь-

ко отстранять подчиненных от исполнения ими служебных обязанностей, но и временно, вплоть до рассмотрения персонального дела на Земле, понижать их в чине на один класс. Сэр.

— Ну-ну. — Старший офицер пожевал губами. — Допустим. Дальше что?

— Почему бы не применить этот параграф ко мне, сэр?

Старший офицер отреагировал кривой ухмылкой:

— До принятия вас в экипаж, так? Вы в своем уме?

— После принятия, сэр. Допустим, вы принимаете меня в качестве ревизора, затем — только затем, сэр! — выясняется, что такой вакансии на «Нахальном» не существует... ну а я как раз очень вовремя совершаю дисциплинарный проступок... скажем, вступаю в пререкания с вами, сэр. После чего передо мной встает выбор: покинуть корабль, пока мы еще на Земле, или продолжить службу в чине на один класс ниже. В должности уже не ревизора, но баталера. Сэр.

— А после окончания срока контракта вы потребуете восстановить вас в прежнем классе и заодно обвините нас во всех смертных грехах, верно?

— Обвинять совсем не обязательно, сэр. Не все штатские столь неблагодарны, сэр.

Некоторое время старший офицер хмурился, хмыкал и чесал подбородок.

— Все равно это нарушение.

— Крайне незначительное, сэр. Можно объяснить ошибкой, такие ошибки случаются сплошь и рядом, сэр.

— Ну допустим... Хм. Нет, это просто-напросто подлог, мне это не нравится...

Арсений прекрасно понимал, что сильнее всего не нравится капитан-лейтенанту — необходимость тревожить командира корвета. И пойдет ли командир на мелкое, но все же сознательное нарушение? Еще неизвестно, какие у них со старшим офицером отношения, не стучит ли на него подчиненный, не подсиживает ли...

Бывает, конечно, что командир и старший офицер живут душа в душу. Бывает. И не так уж редко.

Кажется, на «Нахальном» был именно такой случай. По крайней мере старший офицер не выставил соискателя вон,

предварительно наорав на него во всю силу легких. Арсений немного приободрился.

— Хм. А что, давайте попробуем... Э, погодите! Вы ведь коллежский секретарь, у вас десятый класс?

— Да, сэр.

— Ничего не выйдет.

— Почему, сэр? — как можно наивнее спросил Арсений.

Он знал почему. И во время долгого ожидания на смотровой площадке продумал, как можно обойти затруднение. Очень просто. И достаточно фантастично, к сожалению.

— Вы еще спрашиваете! — взорвался старший офицер. — Почему? Да просто потому, что мы не можем понизить ваш чин на один класс, вот почему! Вы шпак! На гражданской службе нет одиннадцатого класса, а опускать вас до двенадцатого мы не имеем права! Ясно? Вестовой!..

— Одиннадцатый класс — корабельный секретарь — существует, сэр, — тихо сказал Арсений. — Он просто не применяется с тысяча восемьсот... или семьсот... в общем, давно уже не применяется, сэр. Тем не менее не существует ни закона, ни указа, ни даже циркуляра о его отмене. Сэр. Я проверял, сэр. Можете и вы проверить, сэр. Закона нет, есть только обычай, канцелярская практика, сэр, следовательно, вы можете...

— Вестовой, проводите... этого.

— Я ухожу, сэр, — поклонился Арсений, пятясь к двери. — И все-таки прошу вас подумать. Если до времени старта вы не найдете, кем заполнить вакансию, пошлите кого-нибудь поискать меня, скажем, на смотровой площадке аэровокзала. Всего доброго, сэр.

Тележку ему не подали — пришлось идти пешком, держась разметки, чтобы ненароком не угодить под выхлоп стартовой или садящейся шлюпки.

Ждать пришлось долго. Хотелось спать, есть и пить — все сразу. Буфеты и кафе работали круглосуточно, дразня запахами, но Арсений твердо решил терпеть. Временами он задремывал, привалившись к поручню площадки, затем просыпался, обводил пространство вокруг себя мутным взглядом сонной совы и забывался вновь. В очередной раз он проснулся от того, что чья-то рука потрясла его за плечо. Опять полиция?

Нет, вряд ли. Потрясли совсем не грубо, деликатно даже. Хотя, может, прежний, знакомый наряд еще не успел смениться...

— В чем дело? — ворчливо осведомился Арсений. — Я не...

— Вас просят на борт «Нахального». — Вестовой помолчал в сильном сомнении и все-таки добавил: — Сэр.

Глава 4. СУХАРИ С ТМИНОМ

Баталер «Нахального» чиновник одиннадцатого класса Арсений Свистунов принял по описи расходуемое корабельное имущество — запасы пищи, воды и прочих напитков, комплекты спецодежды и индивидуальных средств защиты, а также многое другое, отметил кое-где мелкие недостатки имущества, еще не внесенного в реестр на списание, после чего трижды подтвердил свою ответственность за то, что успел проверить и что действительно имелось в наличии, — личной подписью, папиллятором и ДНК-идентификацией.

За всей этой рутинной он не уловил момент старта — «Нахального» бережно поднимали в стратосферу на антиграв-луче, и перегрузка почти не ощущалась. За три минуты до включения маршевых двигателей взвыла сирена, и опомнившийся Арсений кинулся искать свой ложемент. Ему показывали, куда надо бежать, но он заблудился, еще не успев изучить топографию внутренних помещений. Арсений читал когда-то, что служебные и жилые помещения военных судов проектируются по принципу максимальной простоты. Кой черт! Если это простота...

— Эй, давай сюда! — крикнул кто-то из кубрика, куда новоиспеченный баталер сунул нос только для того, чтобы убедиться, что это не его кубрик. — Чего бегать разинув рот? Падай здесь, тут у меня свободное лежбище.

— Простите, — замялся Арсений, — вы кто?

— Для тебя — ты, а не вы. Боцман Феррапонт Галилео, фамилия такая. А ты новый баталер, я знаю. Давай падай живее.

— А...

— Живо! Думаешь, тебя ждать будут? И рот закрой. Прикусишь язык, а это невкусно.

Когда навалилась перегрузка, Арсений оценил совет.

В десяти километрах от них висел «Атлант», медленно поползал на Луну и занимал половину поля зрения. Арсений на секунду зажмурился — показалось, что корвет падает на эту громадину.

— «Титаник», — иронически прокомментировал боцман Ферапонт. — Такой же монстр. И кончит когда-нибудь примерно так же. Как именно — ты в курсе?

— Я знаю историю «Титаника», — сказал Арсений, справившись с первым потрясением. — Но что тут общего, кроме размеров?

Боцман фыркнул:

— Элита всегда найдется, так? — Арсений кивнул. — Или, во всяком случае, те, кто полагает себя солью земли — всякие там потомственные титулованные бездельники, воротилы из списка «кто есть кто», прожигатели жизни, золотая молодежь и позолоченная шваль. Ну, этих не тронь! Эти хлыщи и прыщи желают вращаться исключительно в кругу себе подобных, не смешиваясь с плебсом. Стало быть, для них и созданы роскошные палубы, бары, танцевальные и игровые залы, рестораны и всякая дорогостоящая мишура. Опять же — лакеи в ливреях. Обычный стюард без ливреи — страшное оскорбление для них. — Боцман витиевато выругался. — Словом, корабль строился для них и принадлежит им. Но! Ты думаешь, это рентабельно?

— Не знаю. — Арсений пожал плечами.

— Вообще-то рентабельно, но на самой грани. На пределе. А кроме того, между механизмами корабля и палубами «люкс» обязательно должна существовать толстая прослойка — ну и чем, спрашивается, ее заполнить? Скажешь, каютами экипажа и всякими подсобными помещениями? Верно, но этого мало. На таком чудовище, как «Атлант», всего этого не хватит и на то, чтобы заполнить десять процентов необходимой кубатуры. А ну-ка скажи, что отсюда следует, а?

— Мне уже ясно, — сказал Арсений. — Отсюда следует необходимость первого, второго и третьего классов... четвертого случайно не придумано?

— Хватит и трех. Первый и второй, между прочим, небольшие, зато третий класс — ого! Вот он-то как раз и поднимает рентабельность с минимальной до приемлемой. Больше пяти тысяч душ! Пассажиры там, конечно, не круизные — вербованные простолюдины, переселенцы с чадами и домочадцами и все такое прочее. Есть даже отдельный загон для ссыльных и помещение для их охраны. Ясное дело, пассажиры первого класса, я уж не говорю о третьем, не должны попадаться на глаза элите из «люкса». Посему классы жестко изолированы друг от друга. И правильно, потому что иначе элита побрезгует «Атлантом». Вот и сходство. Пока существует элита, надобность в «Титаниках» не исчезнет, понял?

— Понял. А мы-то зачем?

— Как зачем? Охранять. Войны давно нет, но на периферии кое-где еще пошаливают. Мелкое пиратство. Думаю, напасть на «Атлант» и так никто не решится, уж больно он здоров, но на всякий случай мы пойдем в охранении. Кроме того, будем спасать пассажиров в случае катастрофы...

— Пассажиров какого класса? — быстро спросил Арсений.

— Третьего. Ты что себе думал? На верхних палубах полный комплект шлюпок и катеров, даже с небольшим запасом, а в третьем классе — голый шиш. Зато мы под боком... хм-хм... конечно, если в тот момент действительно окажемся под боком...

Арсений произвел в уме приблизительный расчет.

— «Нахальный» не сможет принять пять тысяч пассажиров.

— А я разве сказал, что сможет? — Боцман поднял бровь. — Он и пяти сотен не возьмет. Если ужать всех, как селедок в бочке, и самим спать стоя, можем принять сотни три, от силы три с половиной. Теперь понятно, почему я вспомнил о «Титанике»?

— И ничего нельзя сделать?

— Молиться. И им, — Ферапонт кивнул в иллюминатор, где «Атлант» затмил наконец Луну, — и нам. Молиться, чтобы рейс сошел гладко. Кажется, больше ничего придумать нельзя. Кто как, а я молюсь.

— Помогает? — не без ехидства спросил Арсений.

— Пока обходилось без больших ЧП... Кстати, ты никогда не видел, как такая махина уходит в подпространство? Полюбопытствуй, осталось полторы минуты.

Когда пришел срок, Арсений на мгновение зажмурился — ему показалось, что в центральной части «Атланта» внезапно вспух яркий шар холодного пламени. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять: это обыкновенная Луна в полной фазе. Затмевающий ее лайнер исчез, не оставив после себя ни следа, ни сполоха. Лишь ровный свет равнодушной Луны, лишь россыпь звезд там, где ее только что не было, и красный уголек Альдебарана поблизости от лунного диска.

— Теперь мы, — сказал Ферапонт и с хрустом потянулся.

— Скоро? — с беспокойством спросил Арсений.

— Вот-вот. Туннелирование в подпространстве дело обычное, команду оповещать не станут...

— И я ничего не почувствую?

— Кто тебя знает. Тут ведь у кого как, заранее не скажешь. Некоторые вообще ничего не замечают, кое-кто жалуется на легкое недомогание, а иные маются жуткой мигренью. Я бы на твоём месте прямо сейчас слопал таблетку от головы...

Арсений так и сделал.

Койки, роботы, пищевые запасы, барахло разное...

Винное и стимуляторное довольствие.

Подштанники.

Обеспечение условий хранения, инвентаризация, списание негодного старья, составление заявок на множество повседневно, рутинно необходимых изделий и материалов.

Скука смертная. Магазин «Тысяча мелочей»...

Вляпался.

— Разве меня не представят капитану, сэр? — спросил Арсений сразу, как корвет вышел на орбиту.

— Во-первых, не капитану, а командиру корвета. Во-вторых, этого не требуется.

Арсений готов был поклясться — вопрос позабавил старшего офицера. Командир — фигура, величина, а кто ты? Бу-

кашка. Ничтожное существо, чья функция — копаться в гумусе. Вот и копайся в нем дальше, желательно молча.

Давно уже Арсений не чувствовал себя таким дураком. Обрадовался — вышел к звездам! На деле же сменил одно прозябание на другое, и кто сказал, что второе лучше первого?

Больше шансов отличиться? Да, пожалуй, немного больше. И все-таки можно прослужить баталером «Нахального» всю жизнь и так и не поймать случай за хвост. Потому что подходящий случай может вообще не представиться!

Нет сейчас нигде войны в космосе. Надежная техника почти не оставляет места для геройства в мирное время. «Почти» звучит несколько обнадеживающе, но что может сделать баталер в случае аварии? Починить что-нибудь на ходу? А что он в этом понимает? Заткнуть своей задницей пробойну от метеорита?

Даже не смешно. А кроме того, в подпространстве не бывает метеоритов.

И уж заодно полезно вспомнить: крупные аварии в космосе чаще всего заканчиваются гибелью корабля со всем экипажем, а устранение мелких — не подвиг.

Что еще?

Собрать компромат на командира и старшего офицера и по возвращении на Землю разоблачить их махинации? Ведь все мухлюют в меру сил и возможностей, все люди, все чело-веки, мало кому нравится быть белой вороной в стае черных, да и с начальством надо делиться, иначе недолго усидишь в своем кресле... В сильном сомнении Арсений пожевал губами и отверг этот вариант. Нет, таким образом подтверждения дворянства не добьешься — ну какие, в самом деле, крупные махинации можно проворачивать на борту «Нахального»? Так, мелочь какая-нибудь с приписками, как и везде. Ну поблагодарят за раскрытие, ну руку пожмут... брезгливо, как Иуде, чтобы тут же вымыть ее с мылом... И правильно.

Вот если бы командир со старшим офицером и частью экипажа намеревались ограбить элитных пассажиров «Атланта» и выбросить их в вакуум, а сам лайнер использовать как мобильную базу для пиратской деятельности — о, это совсем иное дело! Тогда дворянство можно было бы считать подтверж-

денным — конечно, в том случае, если бы удалось проникнуть в замыслы негодяев, помешать им и притом уцелеть. Но какие есть основания подозревать начальство во всяких романтических глупостях? Решительно никаких. Не похожи на черных злодеев ни командир корвета, ни старший офицер, ни даже боцман Феррапонт Галилео.

Космическое пиратство существует, факт есть факт. Как отрывка войны, как результат послевоенных перегибов на местах. В успокаивающемся Внеземелье пиратство — даже не экологическая ниша, а так, узенькая щель для тараканов, которую рано или поздно зашпаклюют. Нынешние Флинты и Морганы рекрутируют себе подобных не из бесшабашных ловцов удачи — куда там! — а из тех, у кого нет ни малейших шансов выдвинуться или хотя бы выжить в правильно зарегулированном мире. Из тех, кто вне закона. Из глупого и трусливого отребья. Из тех, кто с волчьим паспортом и притом достаточно слабоумен, чтобы не задуматься о печальной перспективе космического разбоя в ближайшем будущем.

Служака с чистой анкетой не пойдет на это никогда. Он сыт, он уважаем, он мало-помалу продвигается по служебной лестнице, к выходу в отставку он почти наверняка дослужится до чина, дающего право на личное, а то и на потомственное дворянство. Станет ли мало-мальски разумный человек ловить неверные шансы, упуская верные, гарантированные общественной системой? Даже отпетых авантюристов система заставила работать на себя и играть в рамках предложенных ею правил.

Итак — минус в активе. Идея яркая, но нереальная, и шут с ней, мир ее праху. И что-то ничего другого на горизонте не видно. Значит — ждать случая отличиться? Год ждать, два... Сколько потребуется.

И быть готовым словить случай за хвост, пока это не сделали другие.

Что, кстати, у него прежде никогда не получалось. Кто-то всегда успевал раньше.

Придется учиться быть сжатой пружиной, готовой без промедления распрямиться в нужный момент. Оно и поздновато учиться чему бы то ни было, разменяв четвертый десяток, и

уж тем более поздно перекраивать на новый лад самого себя, да уж, видно, судьба. Не век же оставаться мямлей и рохлей, как дразнили в детстве!

Ох, не хочется... И результат то ли будет, то ли нет.

Но разве он уже не ступил на этот путь, сначала нагло прорвавшись к этому надутому радужному пузырю Прохазке, а затем приняв вряд ли наилучшее, но зато СВОЕ решение — стать баталером «Нахального» и единственным на свете корабельным секретарем?

Изучив полный реестр имущества, находящегося отныне на его попечении, Арсений двое суток вникал в тонкости снабжения, в путаницу счетов, ордеров и накладных, актов расхода, порчи и списания. Приходилось заучивать наизусть бесчисленные параграфы служебных инструкций, циркуляров департамента снабжения флота, законов о материальной ответственности корабельных чинов в мирное и военное время, не говоря уже об Уставах Космофлота, и эти параграфы столь часто и явно противоречили друг другу, что Арсений только стонал. Не всегда выручали и подзаконные акты — приказы по Адмиралтейству, специальные разъяснения, судебные прецеденты. От непрерывного пользования мнимоусилителем в голове поселилась ноющая боль. Таблеток от мигрени Арсений больше не принимал: лучше больная голова, чем тупая.

В часы, отведенные корабельным распорядком для личных нужд, боцман Ферапонт звал новоиспеченного корабельного секретаря пропустить стаканчик-другой крепкого и согнать партию в кости или, на худой конец, в шахматы. В ответ Арсений лишь страдальчески мычал и осторожно, чтобы не расплескать закипающее содержимое, мотал головой: рад бы, мол, но никак не могу, извини.

На третьи сутки Ферапонт не выдержал:

— Ну что ты мыкаешься, как швабра у лентяя? Давай сюда свои бумаги. Да не трясись над ними, я их не съем!..

Арсений с завистью смотрел, как боцман лихо расправляется с пухлой кипой документов. Иные он сразу отбрасывал в сторону, то фыркая, как лошадь, то отпуская замечания вроде: «Вот это отложи — пригодится подтереться». Некоторым бумагам Ферапонт уделял больше внимания, а одну даже пробе-

жал глазами дважды, потратив на ее изучение никак не менее минуты. Потом перетасовал кипу, выбрав из нее более половины документов:

— Вот это тебе надо подписать, да?

Арсений кивнул. Жестом фокусника Ферапонт вытянул из похудевшей кипы две накладные.

— Эти не подписывай ни за что. Остальное либо безвредно, либо обычный мелкий мухлеж, никто не обратит внимания. А если и обратит — чепуха всмятку, на первый случай отделаешься выговором без занесения...

Арсений жадно просмотрел два отобранных Ферапонтом документа. Согласно первому, «Нахальный» принял на борт две тысячи упаковок поливитаминов; согласно второму, в его трюмах покоилось десять тонн пшеничных сухарей торговой марки «Золотая нива». На обоих документах уже красовалась размашистая подпись старшего офицера.

— А в чем дело? — изнывая от любопытства, спросил Арсений. — Уж что-что, а это я бы подписал...

— Хочешь оказаться крайним? Тогда подписывай. Начальство будет очень радо.

Арсений наморщил лоб. Ферапонт следил за ним с ухмылкой, не спеша прийти на помощь. Наконец Арсений сдался:

— Нет, не пойму, где подвох. Вроде все совершенно невинно...

— Невинно! — Боцман крикнул. — А количество? Наш рейс продлится не более месяца. Экипаж корвета — тридцать человек. Десять тонн сухарей — не многовато ли будет? А две тысячи упаковок поливитаминов? Кстати, упаковка — это не коробочка с сотней шариков драже, а сорок восемь таких коробочек. И заметь, это не попутный товар, иначе он был бы оформлен совсем иначе. По бумагам, он предназначен для экипажа. Для какой надобности, по-твоему, нужна такая прорва? Чтобы умертвить всех на борту гипертвитаминозом?

Арсений пожал плечами:

— Ну, если на большой срок... Допустим, имеют место перебои со снабжением, вот старший офицер и вытребовал впрок...

— Чего-о? На Земле? Перебои с такой ерундой, как сухари и витамины?

— М-м... запас для «Атланта»?

— У мухи запас пищи для слона? На «Атланте» трюмы не пусты. Парень, тебе совсем мозги отшибло.

— Контрабанда? — прозрел Арсений.

— Уже теплее, — одобрил боцман. — По витаминам чистая контрабанда и есть, это ты в точку попал. А следовало бы тебе изучить сначала наш маршрут, а потом уже в бумажках ковыряться. Мы сопровождаем «Атлант», а он идет круизным маршрутом «Земля — Новый Тибет — Твердь — Рой — Архипелаг — Земля». Где в чем нуждаются? Я тебе скажу: на почве Нового Тибета не приживаются земные растения. Кое-что из местных травок-корешков съедобно, да и местное зверье ничего на вкус, я ихнее мясо пробовал, но вот витаминов там нет и в помине. Ни в зелени, ни в сырой печенке скальных ящеров. Витамины туда с Земли завозят, и вывозная пошлина — ого-го!

— А синтезировать на месте? — удивился Арсений.

— Пробовали, — махнул рукой боцман. — Что-то у них там с экологией не получается, с выбросами предприятий. Вроде как они для местной жизни сугубо ядовиты, а очищать — дорого. В общем, новотибетцы покумекали и решили, что выгоднее витамины покупать. Они и сами продают кое-что уникальное да еще имеют доходы с туризма, так что живут — не тужат. И контрабанду, между прочим, всячески поощряют. В отличие от наших властей.

— С витаминами ясно, — покивал Арсений. — А сухари?

Боцман облизнулся в предвкушении.

— О сухарях особая песня. Можно, конечно, продать их где угодно, хоть на том же Новом Тибете, но это выгода малая. В накладной вообще не указано человеческим языком, что это за сухари. А они с тмином! Скажу больше, тмина в них не меньше, чем муки. Спецзаказ, понял? Ну так вот. На Тверди есть заповедный материк, населенный дикими аборигенами. Кто говорит — гуманоиды они, кто — нет. Нам — тьфу. По мне, гамадрил краснозадый больше похож на топ-модель, чем те аборигены на человека. Но не в том дело. С ними идет

полуподпольно кое-какая меновая торговля, а тмин для них — наркотик. Понял смысл? Выковырял из сухаря тмин, а для этого, я слыхал, даже специальная машина придумана, нашипиговал тмином местный огурец — там во-от такие огурцы растут, — угостил огурчиком аборигена и дури его сколько хочешь, пока он под кайфом... Что? А, ну да, тмин на Тверди расти может. Пытались его там разводить, только лабуда получилась. Нет в нем каких-то там свойств, какие есть в земном тмине... а синтезировать активное начало пока не удалось, хотя местные жучки, и заправили даже, уж сколько лет переманивают к себе лучших химиков, пытаются создать хотя бы эрзац... и еще долго будут пытаться. А пока что ввоз тмина на Твердь запрещен под страхом сурового наказания. Это тебе уже не заурядная контрабанда, это куда хуже. Вот подмахнешь не глядя еще одну бумажку — о списании испортившихся сухарей — и молись, чтобы унести с Тверди ноги. На Земле ты за такую подпись получишь в худшем случае года три условно, а на Тверди состариться в камере успеешь. Выйдешь лет в восемьдесят лысым и дряхлым. Усек?

Арсений кивнул. И сейчас же спросил:

— А как же подпись старшего офицера?

— Старшой только визирует твою подпись, балда! Если ты подписал — ты крайний, а он в худшем для себя случае виновен только в ослаблении контроля за подчиненными и отделается дисциплинарным взысканием. Сейчас он подписал вперед тебя, что вообще-то запрещено параграфом сто сорок один дробь це Уложения о материальном снабжении. Но, поскольку у нас на тот момент не было баталера, старший офицер прикроется параграфом восемнадцать Положения о нештатных ситуациях. А ты уже решил, что он взял всю ответственность на себя?

— А если я не подпишу?

— Во-от! — Ферапонт торжествующе улыбнулся. — Вот тогда, поскольку товар уже погружен, а мы находимся в рейсе, вся ответственность ляжет на старшого — если, конечно, он решится продать витамины в Новом Тибете и тмин на Тверди. Вопрос в другом: будешь ли ты помалкивать?

Арсений подумал и кивнул.

— Наш человек! — расцвел боцман. — Я так считаю: не хочешь неприятностей на свою шею — не рискуй. Но и за других не подставляй голову задарма! Живи сам и давай жить другим, верно?

— Я вот о чем хочу спросить, — задумчиво произнес Арсений. — Этот ваш прежний баталер, который заболел...

— Он не заболел, — перебил Ферапонт. — Он сел. Хотя официально-то, конечно, заболел... Как только к кораблю двинулись полицейские, тот парень был списан по болезни, о чем была сделана запись в судовом журнале. За минуту до ареста. Репутация «Нахального» не пострадала.

— Вот как... — Арсений почесал в затылке. — А прежний баталер, он...

— Был в доле. В малой доле, до смешного малой. А сел он один. Что из этого следует?

— Куда ни кинь, все клин, — удрученно подытожил Арсений. — Где же выход?

— Ищи, — посоветовал боцман. — Я за тебя искать не стану. Я с тобой лучше в кости сыграю, а?

— Лучше в шахматы.

— Тогда чур я играю белыми.

На пятом ходу Ферапонт возроптал:

— Э, ты куда конем пошел?

— На d4, а что?

— Ты защиту двух коней играешь или как? Так играй по теории. Ты должен был убрать коня на a5.

— Кому это я должен? Как хочу, так и хожу. Мало ли, что Чигорин играл иначе. Если можешь наказать — накажи.

Наказать Ферапонт не смог. На сорок седьмом ходу Арсений поставил красивый мат — пешкой.

— Реванш? — хищно спросил Ферапонт. — Или нет, давай теперь в кости. По маленькой, а? Пять монет на кон?

— Как хочешь. Только у меня денег нет.

— Поверю в долг до первого жалованья.

В кости боцман разгромил Арсения три раза подряд. Похоже, неприятностям с законом Ферапонт предпочитал небольшой, но верный доход с новичков, а если и занимался кон-

трабандой, то по мелочевке, как все. Малую партию товара в худшем случае просто конфискуют, не навесив срок.

— То-то же! С тебя пятнадцать, не забудь.

— Я не забывчивый, — успокоил Арсений, и тут по корабельной трансляции грянул вызов:

— Баталера — к старшему офицеру!

Глава 5. ЗАБАВНИК

— Приказываю подписать!..

— Отказываюсь, — деревянным голосом отвечал Арсений, стоя навытяжку. Так меньше дрожали колени. — Сэр. В мирное время, согласно параграфу восемьдесят шесть Уложения о материальном снабжении, при отказе баталера или замещающего его лица принять на борт ненормативный груз всю ответственность за него несет командир корабля. Сэр. Остальное меня не касается, сэр.

— Нет, вы видали, кэп? — Утирая пот со лба, старший офицер обернулся к нахохлившемуся командиру корвета. — Он отказывается! Он все параграфы Уложения успел наизусть вызубрить! Он, видите ли, не желает подчиняться! После того как мы пошли ему навстречу! Этому коллежскому секретаришке!..

— Виноват, сэр. Я корабельный секретарь, сэр.

— Тем более! Вы будете наказаны за неповиновение приказу.

— Слушаюсь, сэр. Прошу отразить в бортовом журнале точную формулировку приказа, сэр.

— Бюрократ паршивый!

— Как вам будет угодно, сэр. Позвольте посетить медотсек на предмет излечения от парши, сэр.

— Наглец! Вон отсюда! Нет, стойте! Почему отказываетесь выполнить приказ?

— Не хочу сидеть, сэр.

— Почему?!!

Это прозвучало так дико, что Арсений не удержался от улыбки.

— Позвольте не отвечать, сэръ?

Командир «Нахального» тоже не удержался — сдавленно хрюкнул. Стянутая тугим воротничком шея старшего офицера пошла красными пятнами. На лбу снова проступили капли пота. Из него сумели сделать дурака — и кто? Баталер, секретаришка, дрожащее от страха насекомое!

— Мы постараемся избавиться от вас при первой возможности. Нам такие не нужны. Можете идти.

Арсений козырнул, развернулся и вышел.

В кубрике его ждал Ферापонт Галилео.

— Отбился?

— Вроде да. — Арсений безнадежно махнул рукой и повалился на койку. — А теперь думаю: может, лучше было подписать?

— Не дури. Сильно надавили?

— Пригрозили, что избавятся от меня. Лежу вот и думаю: как? Устранят физически или просто спишут в ближайшем порту?

Ферапонт фыркнул.

— Ты дал им понять, что не собираешься стучать?

— Сказал, что это меня не касается. Не знаю, поняли ли.

— Не считай их идиотами. Впрямую тебя не тронут. Избавиться от тебя — да, постараются, но так, чтобы они были как бы ни при чем. Улавливаешь?

— Спровоцируют ревизию?

— И попадутся сами? — Ферापонт развеселился. — Парень, ты не умеешь мыслить. Начальство, если захочет, всегда может сделать жизнь подчиненного невыносимой, а на военном судне это делается особенно легко. Но повторяю: напрямую никто этим заниматься не станет — ты ведь все понимаешь насчет поливитаминов и сухарей с тмином, а значит, имеешь на руках хоть слабенький, но козырь. На самый крайний случай. И вот этого крайнего случая они постараются не допустить, иначе им придется устранять тебя физически, притом маскируя убийство под несчастный случай, а это масса проблем. Я бы на их месте выжил тебя с корабля по твоему собственному желанию и без малейших претензий. Улавливаешь? Я бы обеспечил бы тебя по самое некуда неприятностями, ис-

ходящими не от командира или старшего офицера, а от кого-то другого. И через некоторое время ты сам — сам! — сочтешь за благо разорвать контракт и выплатить неустойку...

— У меня денег нет неустойки платить! — вскинулся Арсений.

— А если взамен тебе кинут вкусную косточку? Скажем, представят к награде, дающей право на потомственное дворянство? Разве ты откажешься влезть в долги?

— Предположим, не откажусь... Хм... — Арсений осмыслил и вскочил как подброшенный. — Ты уверен?

— Ни в чем я не уверен, — отрезал Феропонт. — Но я бы на их месте поступил именно так.

— Жаль, что не ты на их месте. А с чего ты взял, будто меня интересует подтверждение дворянства?

— Парень, ты меня удивляешь. Глаз у меня, что ли, нету? Я таких, как ты, повидал достаточно. Простолюдину иногда прямо-таки забавно смотреть, как вы пыжиться изо всех сил, пытаетесь прыгнуть выше головы... Ну ладно, это дело ваше. Мешать не стану. Если хочешь, при случае еще раз намекну старшему, что пакостей от тебя ждать не надо, а с тебя за это еще пять партий в кости, идет?

— Две.

— Пять.

— Три. Вымогатель.

— Четыре. Соглашайся, это дешево.

Одну за другой Арсений проиграл все партии. Да и глупо было бы выигрывать.

Спустя несколько часов его вызвали в ходовую рубку. Похоже, командир «Нахального» заглядывал сюда нечасто. Не было его и сейчас — лишь старший офицер и навигатор дежурной смены.

— Я вызвал вас вот для чего, — начал старший офицер, едва Арсений отрапортовал о прибытии. Лицо начальства ничего не выражало, а в голосе, как ни странно, явственно слышались дружелюбные нотки. — Насколько я понял, вы уже успели разобраться с находящимся на вашем попечении имуществом?

— Так точно, сэр.

— Ну вот и хорошо. Теперь составьте график расхода, скажем, на десять дней вперед, сдайте имущество старшему матросу и отправляйтесь на «Атлант». У вас есть парадная форма? Поройтесь на складе или попросите кого-нибудь одолжить и отутюжьте как следует... Нет! Возьмите вот это. Вы должны выглядеть безупречно. Уловили?

— Э... не совсем, сэр.

— Вы не понимаете, для чего вы нужны на «Атланте»? Я объясню вам: это традиция. Пассажиры класса «люкс» не должны чувствовать себя покинутыми и вариться в собственном соку. Капитан «Атланта» почти всегда обедает за одним столом с пассажирами и то же самое рекомендуется делать свободным от вахты офицерам... но они не делают. Им это не нравится. Приходится устанавливать очередность, а так как мы идем в эскорте, то эта очередность распространяется и на нас. С сегодняшнего дня представитель нашего экипажа будет проводить все свободное время в самом лучшем обществе, какое только можно найти в здешних космических задворках. На ближайшие десять дней этот представитель — вы. Я на вас надеюсь. Вопросы?

— Почему я, сэр?

Старший офицер покачал головой:

— Плохой вопрос. Ответ вас унизит. Подумайте сами.

Арсений сглотнул.

— Но простите, сэр... Что я должен делать?

— Есть. Пить. Беседовать. Флиртовать. Если вы картежник, можете сыграть по маленькой. Танцуйте, веселитесь, развлекайте дам, не забывайте мужественно улыбаться, как положено офицеру прославленного корвета...

— Но я унтер-офицер...

— Сойдете за разжалованного. Отчасти это так и есть: мы ведь временно понизили вас в чине. Лгите, не стесняйтесь. Главное то, что вы дворянин, а значит, им подходите. Когда пассажиры будут совершать ознакомительную поездку по Новому Тибету, вы при необходимости выступите в роли гида. Это совсем не трудно... при вашей памяти.

Так, подумал Арсений. Уколот-таки напоследок. Дал понять, что с неким баталером корвет расстанется безболезненно, — и более чем прозрачно намекнул на причину. Подстраховался, убрал ненужного свидетеля с глаз долой... хотя бы на время. И уж постарается, чтобы роль гида на Новом Тибете не оставила свидетелю ни одной лишней минуты!

Ай прав Ферапонт!.. Ну что ж... наверное, все только к лучшему. Скажем прямо: мог ли задрипанный коллежский секретарь из земской канцелярии мечтать о том, чтобы несколько дней подряд повращаться в блестящем аристократическом обществе, завести полезные знакомства? Надо думать, классом «люкс» на таком лайнере путешествуют не переселенцы-рудодокопы... Вот она — вкусная косточка. Мерси. Съем.

— Когда? — спросил Арсений. — Сэр.

— Чем скорее, тем лучше. Шлюпка ждет.

— Но как же... сэр? В подпространстве?

Навигатор издал смешок. Старший офицер презрительно скривил губы:

— Взгляните на экраны. Мы вынырнули два часа назад. Переодевайтесь и отправляйтесь немедленно.

— Ишь ты, — иронически присвистнул Ферапонт, оглядев преобразившегося Арсения. — Ну и ну. Аж с аксельбантом. Ты уж будь с ним поосторожнее: подадут жаркое — не урони в подливку.

— Учи ученого, — пробормотал Арсений, изворачиваясь перед зеркалом: не морщит ли где? Нет, парадный китель сидел как влитой.

— И в шлюпке не разевай варежку, — поучал боцман. — Там ведь искусственной гравитации нет. Ходили слухи, что один мичман ненароком едва не удавился этим самым аксельбантом. А у другого аксельбант на ухе повис, конфуз вышел... Ну-ка повернись. Хм, халтура. Шпак, как есть шпак. Выправки нет. Подбородок держи выше, брюхо втяни. Спина прямая, грудь вперед, лопатки чувствуют друг друга. Эх, поработал бы я над тобой, попади ты ко мне в выучку!..

— Бог миловал, — огрызнулся Арсений.

— Ты бы мне потом спасибо сказал. Каждый день мечтал бы меня убить, а потом все равно сказал бы спасибо. Спорим?

— Верю.

— Правильно делаешь... Опять ссутулился? Лопатки! Тяни одну к другой! Грудь бугром, а не ямой! Твоя задача — не уронить чести «Нахального» и вообще произвести на круизных туристов самое благоприятное впечатление.

— Вот сам бы и произвел... Почему?

— Потому что ты им ровня, а я рылом не вышел. Меня в какие аксельбанты ни ряди, а на роже все равно написано: унтер. Оно им интересно? Да, вот что: ты с собой личное барахло прихвати, не забудь. Не думаю, что за тобой будут каждый вечер гонять шлюпку, а до Нового Тибета, между прочим, пять суток хода...

— Почему так много?

— Так вынырнули. Далековато, но в пределах допустимого. Уходить в новый нырок нецелесообразно. Теперь идем на маршевых, пассажиры скучают. Ничего, побудешь какое-то время душой общества, не ты первый... — Ферапонт ехидно осклабился.

— Что, — спросил Арсений, — так плохо?

— Увидишь. Возьми успокоительное, помогает. Главное — держи себя в руках. Не вздумай оскорбить кого-нибудь, а главное, не показывай, что считаешь их кретинами. Человеку легче принять обвинение в том, что он зарезал и расчленил свою бабушку, чем в глупости. Уловил?

— Это не ново.

— О как! — Ферапонт просиял. — Сам допер или вычитал где-то? Занятно мне знать, что ты о себе скажешь: умен, глуп?

— Я зарезал свою бабушку, — сказал Арсений и вышел.

На кителе Арсения отсутствовали знаки различия, однако он был уверенно представлен обществу как мичман с «Нахального». Арсений благоразумно удержался от поправки. И пусть мичман по Табели стоит рангом ниже корабельного секретаря — зато он офицер, и у пассажиров к нему совсем другое отношение.

Ужин за общим гигантским столом прошел гладко — Арсения не тревожили, но к нему приглядывались. Вряд ли здешнее общество привечало скороспелых дворян в первом поколении, ведать не ведающих, каким столовым прибором пользоваться для вкушания таких-то и сяких-то блюд и куда девать руки, если они ничем не заняты. Арсений ловил на себе взгляды, острые словно стилеты. Что важнее — ни разу не ошибиться или казаться непринужденным? Хм. Пожалуй, отсутствие скованности при толике хороших манер будет оценено скорее...

Заскребли по полу отодвигаемые стулья. Ужин плавно перетек в великосветский прием. В себя. Напитков и сплетен. Бесшумно скользили с подносами вышколенные стюарды, действительно одетые в ливреи — не соврал Ферапонт! Прихлебывая игристое вино, Арсений размышлял, не присоединиться ли ему к какой-нибудь кучке беседующих бездельников. Нет, ни в коем случае. Еще рано. Сейчас главное не спешить, не суетиться, не попасть впросак, проявлять свойственную офицеру выдержку, слушать, будто не слушая, изображать легкую скуку и озабоченность чем угодно, только не ИМИ. Сами обратят внимание.

— ...на планете Скрижаль. Мы с мужем отдыхали там в прошлом сезоне. Представьте, там самый изысканный местный деликатес — волосатая колбаса!

— Что вы говорите! Неужели и вправду волосатая?

— Совершенно верно. Когда ее режут, волосы на ее шкурке шевелятся. Это так смешно!

— Вы тоже это видели, дорогая? А вы не пробовали ее кусать? Если ее не резать, а кусать, то она пищит!

— Это так забавно!..

— Неужели, дорогая, вы могли бы откусить от целой колбасы?

— Ах, дорогая! Моветон, я все прекрасно понимаю. Но она пищит так уморительно... Кстати, тональность писка как-то зависит от цвета ее волос. Они там поговаривают о том, чтобы создать оркестр кусателей-виртуозов. Да и вкус, представьте себе, тоже зависит от цвета. Лично мне больше всего

нравилась колбаса с рыжей шерсткой, в меру жестковатой, слегка вьющейся и не слишком длинной...

— Ужас! Ее хотя бы бреют, прежде чем подать на стол?

— Ни в коем случае — пропадает весь шарм...

— Кстати о волосах, простите за тему. Вы представляете, какую шутку сыграл с леди Олимпией ее последний любовник? Этот негодяй преподнес ей какой-то диковинный шампунь «три в одном»: бальзам, кондиционер и эпилятор. Я уверена, что он купил его в магазине «Грязная шутка». И вот когда леди Олимпия помыла им голову... Что вы, дорогая, какие претензии? На упаковке все было указано честнейшим образом, но ведь наша милая Олимпия всегда была не в ладах с грамматикой... то есть это она так говорит, а по-моему, она просто совершенно не умеет ни читать, ни писать...

— Это ужасно, дорогая. Шутка дурного тона. Я всегда говорила: все мужчины — грубые животные.

— Ах, я согласна: свиньи, хряки. Хуже того — боровы. Но согласитесь, иногда попадаются поросята, поросеночки...

Почувствовав на себе откровенный взгляд, Арсений счел за благо отойти в сторону.

— Офицер, вы не рассудите нас?

Арсений с готовностью повернулся.

— Да, мадам?

Возраст мадам Арсений определил лет в сорок пять с погрешностью не менее двадцати. Причем погрешность могла быть только в плюс.

— Капитан нам сказал, что путь до Нового Тибета займет целых пять суток. Объясните нам, милый Арсений — вас ведь зовут Арсений, я не ошиблась? — почему так долго? Это правда, что вы будете нашим гидом? Мы все в предвкушении красот Нового Тибета, мы ожидаем... и целых пять суток! Право же, это чересчур долго! Мы тут все умрем от скуки!

С улыбкой бывшего космического волка Арсений произнес первое, что пришло на ум:

— Метеоритная опасность, мадам.

— Но меня уверяли, что «Атланту» при его активной защите не страшна никакая метеоритная бомбардировка! Кроме

того, я сегодня проторчала у иллюминатора целый час и не видела ни одной вспышки анни... анниги...

— Аннигиляции.

— Совершенно верно! Ужасно некрасивое слово, правда? Так вот, не объясните ли вы мне, почему...

— Охотно, мадам. — Врать так врать. — Данный метеоритный поток слишком опасен, поэтому корвет эскорта идет впереди и тралит фарватер. «Атланту» ничего не грозит, клянусь вам. А вспышек не видно потому, что они закрыты противометеоритным щитом.

— Неужели нельзя было проделать в этом щите хоть одно окошко, чтобы полюбоваться? Хоть ма-а-аленькое? Нет? Право же, я ничего не понимаю в вашей профессии. Космогония — это когда кого-то гонят, да? А кого? — Арсений был взят под руку. — Как боевой офицер вы должны это знать и объяснить мне все-все-все...

— Виноват, в настоящий момент я баталер, мадам. Это не офицерская должность.

— Вы разжалованы? Ах как интересно! Умоляю, расскажите: за что?

Меньше всего на свете Арсению хотелось откровенничать с этой глупой подержанной куклой. Но он склонил голову в галантном полупоклоне:

— Если вы настаиваете...

— Господа, господа! Идите все сюда. Наш милый гид хочет рассказать нам что-то интересное о себе...

Гирю тебе на язык, подумал Арсений. «Гид хочет!» Кого здесь интересует, что он хочет?

— Пощадите мою скромность, мадам...

«Что-что пощадить?»

— Никакой пощады. Граф, идите скорее сюда. Милый Арсений, это наш дорогой граф Панасюк, глава известного клана... Граф, представьте себе, вот этот молодой человек дрался на дуэли! Надеюсь, из-за прекрасной дамы?

— Совершенно верно, мадам.

«Да, и дуэль была на зубочистках».

— Чем же кончилось дело? Нет-нет, вы обязательно должны рассказать! Я обожаю романтические истории, они воз-

буждают во мне надежды на то, что на свете еще остались настоящие мужчины. Итак, я жду подробного рассказа. Вас не ранили?

— Я был убит наповал, мадам.

«И кремирован».

— Вы несносны, негодник! Граф, не позволяйте ему смеяться надо мной! Этот милый шутник, конечно, не признается в том, что ранил противника и был за это разжалован...

«В учебно-развлекательные пособия для светских даунов...»

— Вы воевали? Я имею в виду, в последней войне с сепаратистами? Ужасное было время! Я была еще маленькой девочкой, но все-все помню...

«Маленькой девочкой!.. Лет тридцать пять тебе было, если не все сорок, рухлядь старая...»

— Мы патрулировали подступы к системе Маркаба, мадам.

— Ах, я видела фильм об этом ужасном побоище! Какие чудесные спецэффекты, какой эффект присутствия! Звуки, запахи! Клянусь, я была уверена, что мимо меня летят обломки линкора сепаратистов! Даже пригнулась. И этот мертвенно-белый свет Маркаба... Скажите, вы принимали участие в той битве?

— Разумеется, мадам. — Ложь опять далась легко.

— О, расскажите, расскажите! Я непременно хочу знать все подробности. Вы, наверное, служили на большом корабле? Командовали бортовой батареей или чем-нибудь вроде этого?

Улыбаясь, Арсений гнусно ругался про себя. Зато артикуляция работала безотказно и независимо:

— Что вы, мадам, в том сражении я командовал катером. Мы прорывались к флагману противника в тесной, практически незащищенной жестянке с покоруженными дюзами и последней аннигиляционной торпедой на внешней консоли. Жестокий град — вот на что были похожи стаи управляемых снарядов, непрерывно извергаемых флагманом на атакующих. Приходилось финтить так, как никогда в жизни. Андроид-штурман выбыл из строя — у него от моих манёвров, видите ли, закружилась голова. У андроида! Тогда я и два моих героических бортмеханика...

— Как их звали?

— Простите?..

— Как их звали? Милый Арсений, вы просто обязаны сообщить нам их имена. Иначе мы запутаемся. Итак, ваших бортмехаников звали...

— Негодян и Гайморидзе. А андроида никак не звали, он был номерной. К тому же он свалился без чувств. Нам же отступать было поздно, оставалось победить или умереть...

— Ах... И вы, конечно, победили?

— К сожалению, не мы. — Арсений обезоруживающе улыбался. — Корвет «Осмотрительный» успел раньше, теперь он носит имя «Нахальный», и я горжусь честью служить на нем. Я подал рапорт о переводе во время первого же затишья в боевых действиях. «Атлант» можно поздравить, он идет под охраной славнейшего корабля. Могу заверить прекрасных дам: им в этом круизе решительно ничего не угрожает...

— Кроме галантности офицеров «Нахального», не так ли? Милый Арсений, вы дивно куртуазны, я начинаю вас опасаться...

— Что вы, мадам! Как я могу себе позволить...

— Не «как», а «когда». — Шепот в ухо. — После десерта в моей каюте. В это время муж занят картами. Но где же ваши бравые бортмеханики? Они тоже перевелись на «Нахальный»? Я мечтаю с ними познакомиться.

— Ах, мадам! Они давно уже упокоились в земле, насмерть зацелованные восхищенными поклонницами...

— Негодник! Сознаться, что вы мне лжете из пустой ревности! Так я вас жду...

Когда в салоне не осталось почти никого, Арсений тронул за рукав офицера с «Атланта»:

— Разве за мной не пришла шлюпка?

— Что? А, нет. Не беспокойтесь, у нас найдется свободная каюта...

До своей каюты Арсений добрался только к утру.

Так началось то, о чем он потом всю жизнь старался не вспоминать. Чинные обеды. Выпивка. Надоевшие в первые пять минут светские разговоры, от которых под черепной крышкой делалось пусто и гулко, но голова все равно болела, блистательно подтверждая философскую теорию отражения, свойственного,

как оказалось, даже пустоте. Роль души и забавника, принятого в «круг». Танцы. Флирт. Та или иная постель.

Спал Арсений плохо, с бестолковыми снами. Снились секунды, секунданты и секундаторы, кареты с куретами, кураторы прокураторов и куранты на зиккуратах. Не говоря уже о курбетах, корветах, клеветках и кастаньетках. Снились злые Негодяны, безответственные Разгильдяны и вызванные ими на подмогу разнузданные Грубияны. Арсений просыпался с чувством мучительного стыда.

Умывшись, побрившись и выдув без соломинки бокал легкого коктейля, он запирает стыд в самый дальний чулан, репетировал перед зеркалом светские манеры и сочинял занимательные истории, разумеется, только общую канву, оставляя сиюминутной фантазии все живописные подробности. Фантазия его пока не подводила.

«А если подведет, — мрачно думал он, — сожрут и так. Все сожрут, что ни дай».

Иногда он давал волю сарказму — все сходило ему с рук. Арсений открыл, что прослыть оригиналом очень просто — достаточно чуть-чуть ослабить контроль над собой.

— Ах, что вы говорите! Вы варвар, истинный варвар! Готтентот! Я уверена, что ваши предки питались сырой человеческой... Ах, вон тот мужчина, что раскуривает сигару, — барон Бляхман, настоящий светский лев. Вы не знакомы? Теперь такие люди встречаются нечасто, всюду видно вырождение... А рядом с ним Дженкинс, шалопай из шалопаев. Представьте, он проматывает пятое состояние, я уже забыла чье, и уверяет всех, что хочет довести счет до дюжины... Нет-нет, нам туда! Вам обязательно надо с ним познакомиться...

И Арсения ловили за аксельбант и буксировали знакомиться с очередным бароном, графом, отставным полковником, светским львом, призером среди шалопаев или какой-нибудь иной достопримечательностью. В удручающем изобилии попадались жирные председательницы благотворительных обществ, увядающие жены министров, костлявые старики, состоящие более из протезов, нежели из живых органов, надушенные развратные дамы с острыми признаками интеллектуальной инвалидности, любящие порасспрашивать о сражении в системе Маркаба, «когда я была еще грудным младенцем», и подверг-

шиеся первой пластической операции чуть ранее указанной битвы, наглые отутюженные молокососы, резвящиеся на пачины денежки, столетние женские мумии — истинные церберы у ворот «нашего круга», назойливо-ласковые комнатные собачонки, шумные дети на выпасе у тихих, как мыши, вечно испуганных гувернанток...

Молокососы оккупировали бары и сосали, знамо дело, не молоко. Большинство предпочитало коктейли по колониальным рецептам, причем по два сразу, с двумя трубочками во рту — контраст ощущений. Блюда репутацию «Нахального», Арсений не ходил в «виварий», предназначенный для получения более изощренных удовольствий, чем заслужил сдержанное благоволение столетних мумий. Молодые щеголи, выбравшиеся из ранга молокососов, и молодящиеся престарелые составляли отдельное подмножество «круга». Чересчур жирных или излишне костлявых среди них было немного. В этом обществе люди следили за собой почти так же зорко, как за другими.

Ферапонта бы сюда, испуленно думал Арсений, обаятельно улыбаясь и механически неся какую-то околесицу. Хотя нет, его-то незачем, ему о «Титаниках» известно все... Тогда Прохазку! Что сказал бы кругленький уполномоченный, увидев это сборище? Продолжил бы с прежним воодушевлением тему общественной пользы? Нет, надо думать, всплеснул бы коротенькими лапками и забормотал в том смысле, что идеал недостижим, а пена всплывает всегда и повсюду, но ведь она всего-навсего пена... Угу. Так точно. Перегибы на местах.

А еще, наверное, уполномоченный сказал бы, что система сословного деления сильна не высшим сословием как таковым, а рекрутируемыми в него. Вернее, теми, кто, суча ногами, лезет из кожи вон, пытаясь попасть в число рекрутов...

«Мною, например, — подумал Арсений. — Я — опора общества? Это ново».

Уже на вторые сутки он стал считать не дни, а часы пути до Нового Тибета. Планета еще не выглядела диском, но по крайней мере уже различалась в иллюминатор простым глазом — искорка, разгорающаяся с каждым часом.

И что дальше?

Перезнакомился со многими, и пока еще не стошнило. Что странно. Допустим, цель оправдывает средства. Но по-

прежнему нет никакого намека на план действий, а это уже никуда не годится. Попасть на верхние палубы «Атланта» и не придумать, как использовать открывшиеся возможности, — каяться потом всю жизнь. Скрежетать зубами, рвать на себе волосы, выть по ночам в подушку!

Именно в подушку. Или с намордником-глушителем. Чтобы тихо. Чтобы никому, никому на свете не показать, какое ты ничтожество!

Какое, какое... Самолюбивое! Намеренное любым способом подтвердить дворянство, а там будь что будет. И обязательно остаться в живых — иначе зачем вся эта суета?

— Выпьете? — раздалось сзади.

Лощеный денди протягивал ему коньячный бокал.

— Простите, — отрицательно качнув головой, Арсений принужденно улыбнулся, — с меня уже хватит.

— Саймон Дженкинс, — назвался денди. — Вряд ли вы меня запомнили. Я тот самый шалопай из шалопаев. Не удивляйтесь, я не телепат, у меня всего лишь хороший слух. Вы не будете против, если я на несколько минут извлеку вас из этого бедлама? Есть тема для беседы.

— Да, но... — Арсений беспомощно огляделся.

— Немедленно, прошу вас. Дело не терпит.

— Дело чести?

Дженкинс улыбнулся:

— Только вашей, Арсений, только вашей...

— Хорошо, я иду.

— Встретимся на смотровом ярусе через пять минут. Полагаю, сейчас там никого нет. Выйдем порознь — не надо, чтобы нас видели вместе...

Глава 6. САМАЯ БОЛЬШАЯ ДУБИНА

— Итак, вы не офицер, — с удовольствием проговорил Дженкинс, рассматривая сквозь коньяк звездную россыпь в иллюминаторе, — хотя вас и представили нам как мичмана с «Нахального». Я сразу это понял. А вот кто вы такой на самом деле?

— Это вовсе не тайна. — Стараясь скрыть сковывающее напряжение, Арсений как можно небрежнее пожал плечами. — Если кому-то нравится считать меня офицером — пожалуйста, я несколько не против. Хотя на самом деле я баталер.

— Вы были разжалованы?

— Да.

Дженкинс лизнул коньяк, чмокнул губами и прищурился:

— Вы не точны в терминологии. Знаете, есть такой парламентский эвфемизм для обозначения беспардонной лжи. Не пытайтесь меня обмануть, это мало у кого получалось. Вы не были разжалованы. Вы никогда не служили в офицерском чине. Вы вообще начали служить очень недавно. Так?

— По какому праву...

— По праву наблюдательного человека, не страдающего зрительными абберациями. Будь вы офицером, вы уже прислали бы ко мне своих секундантов. Кстати, хочу сразу предостеречь вас от необдуманных действий. Очень возможно, что наши интересы совпадают, так что не торопитесь делать глупости. Можете мне довериться, я не болтлив... Итак, я вас слушаю.

— А если...

— Если что? А, понял! Нет, если вы решите не раскрывать рта, ровным счетом ничего не случится. Держите свои секреты при себе, а я пойду в бар и закажу еще коньяку. Боже упаси меня вас шантажировать! И в мыслях не было. Дайте мне понять, что вы отказываетесь от моей помощи, и я тотчас забуду о вашем существовании. Только дайте мне это понять!

— Вы предлагаете мне помощь?

Дженкинс кивнул.

— Не понимаю, — пробормотал Арсений.

— Очень просто. Следите за моей мыслью. Вы, бесспорно, дворянин. Начинать военную службу в вашем возрасте уже поздно, но вы это сделали. Зачем? И почему вы выбрали Внеземелье? Рассчитываете на быструю карьеру? Не верю. Скрываетесь от правосудия? Категорически нет. Надеетесь разбогатеть? Даже не смешно. Остается одно: вы наследственный дворянин в последнем поколении, крайне нуждающийся в том, чтобы заслужить отличие. Не удивлюсь, если ради этого вы

поступились выгодным местом службы или даже чином... Угадал? Чином, да?..

— Я корабельный секретарь, — сознался Арсений. Темнить далее не было смысла.

— Серьезно? — Дженкинс расплескал коньяк. — Вот черт... Нет, в самом деле корабельный секретарь?!

Рассказ Арсения не занял много времени.

— Думаю, дворянство будет вами подтверждено, — сказал Дженкинс, — при моем непосредственном участии.

— Вы филантроп?

— А вы педофил? Знаете что, давайте-ка договоримся воздерживаться от оскорблений...

— Тогда зачем это вам?

Дженкинс покачал остатки коньяка в бокале. Вздохнул:

— Скучно...

И Арсений не удержался от улыбки.

— А почему вы сказали, что дело не терпит?

— Потому что в следующую минуту мне могла прийти в голову мысль занять свое свободное время чем-нибудь другим, и я оставил бы вас в покое, — любезно пояснил Дженкинс. — Теперь радуйтесь. Вы корабельный секретарь, а я, как всякий вырожденец, люблю раритеты. Вы меня заинтересовали, вы на свое счастье не оказались дурнем, и в результате вы приобрели полезного помощника. Предлагаю немедленно приступить к выработке тактики совместных действий...

Имея массу немного менее земной, планета Новый Тибет обладала чуть более разреженной атмосферой, но парциальное давление кислорода находилось в пределах нормы, не вынуждая туристов пользоваться дыхательными масками, если только не забираться слишком высоко в горы. А гор на Новом Тибете хватало с избытком. Из трех материков только один был населен достаточно густо по колониальным меркам — два других, где средние высоты превышали шесть тысяч метров, а снежные пики вздымались выше границы стратосферы, оставались практически безжизненными. Три-четыре поселения на узеньких прибрежных террасах с ограниченным плодородием — и все. Глубочайшие

темные ущелья, где рычали на дне сердитые потоки, по своей негостеприимности не привлекали никого; к тому же они имели обыкновение внезапно превращаться в мышеловки, охотно принимая в себя губительные паводки, грохочущие камнепады и срывающиеся с обледенелых круч ревущие лавины.

Третий материк, самый маленький и также не лишенный горных систем, все же мог прокормить несколько миллионов человек и являл собой пример стабильно развивающейся аграрной колонии, не имеющей пока надобности в свирепых законах об иммиграции. Подавляющее большинство населения исповедовало буддизм и ламаизм, каждый пятый мужчина был монахом. Прибрежные общины жили преимущественно дарами моря. Кое-какие местные растения оказались съедобными и улучшились после столетней селекции. По обширным плоскогорьям кочевали стада завезенных с Земли яков и каких-то местных немаммальных копытных, годных в пищу. В горах водилась дичь. На прогретых солнцем склонах удавалось выращивать генетически модифицированный чай.

Сбив набекрень мнемоусилитель, Арсений читал дальше. Климат планеты ровный, сезонные изменения малоощутимы. Животный и растительный мир суши безопасен для человека, отказавшегося от мысли тащить в рот все подряд — некоторые виды ядовиты. Купаться в море, напротив, категорически не рекомендуется из-за избытка хищной фауны. Главный туристический центр планеты построен на высоте трех тысяч метров в ста сорока километрах к югу от внутриконтинентальной духовной столицы — Далхасы, которую в разговоре с переселенцами настоятельно рекомендуется не путать с земной Лхасой. Архитектурные ансамбли столицы живо напоминают древние постройки земного Тибета, выгодно отличаясь от них значительно меньшей ветхостью...

Покончив с географией, Арсений принялся за историю планеты, затем налег на мифологию, местные легенды и предания. Кое-что пришлось пропустить через программу «Цицерон», кое-какие занимательные подробности сочинить самому. От мнемоусилителя ныло в голове, зато набор баек был готов.

План действий — тоже. Почти.

— Вы получаете орден за спасение пассажиров «Атланта», а я получаю свое маленькое удовольствие, — внушал Дженкинс. — Горные области Нового Тибета — как раз то самое место, где вы можете получить одно, а я другое. Океана с хищной фауной нам не покажут, а жаль. Как насчет небольшого камнепада?..

Он был убедителен. В момент X тургруппа должна находиться на попечении некоего корабельного секретаря при минимальном участии посторонних, а еще лучше вовсе без такового. Рой практически не оставляет никаких шансов на успех операции — в этой астероидной колонии никто не выпустит туристов на вольный выпас, разве что покатают немного на катере среди небесных каменюк... Далее. Твердь — старая, сравнительно благополучная колония с развитым туристическим бизнесом, там все схвачено, шансы малы. Архипелаг? Хм. Все-таки Новый Тибет выглядит предпочтительнее..

— Примо: космический туризм здесь только-только начинает развиваться. Секундо: если я правильно вычислил психологию туземцев, он, то есть туризм, пребудет в начальной стадии развития еще много лет. Профессиональных местных гидов раз-два и обчелся, стало быть, для осмотра достопримечательностей будут сформированы очень большие группы, что нашу публику никак не устроит. Эрго: кое-кого из младших офицеров попросят выступить в роли гида. Вы должны дать себя уговорить.

— Мне уже вменили это в обязанность.

— Вот и отлично. Наберите в свою группу человек десять — пятнадцать самых безмозглых, желательна немолодых дам с видным положением в обществе. Словом, тех, от кого вас особенно сильно тошнит...

— А вас от них не тошнит? — фыркнул Арсений.

— Рыбу не может тошнить от воды, — возражал Дженкинс, наставительно подняв палец. — Хотя вода ей иногда надоедает. Иной раз рыбе хочется немного полетать или хотя бы поползать... и умная рыба находит для этого средства. Но к делу!..

Ободрав брюхо, атмосферный катер сел на скальный уступ — пониже вершин, повыше дна ущелья. И вот уже

полчаса Арсений вел группу вверх по тропе, теоретически проложенной отшельниками из пещерного города, а фактически неизвестно кем. Очень возможно, что обыкновенными пастухами. «Пещерный город»! «Отшельники»! Скорее всего ни первого, ни вторых никогда не существовало в природе, но легенда есть легенда, а если к ней вдобавок приложить толику фантазии, она становится чрезвычайно привлекательной и многообещающей.

Никто не знал точного местонахождения пещерного города. Трудно знать то, чего нет. Арсений уговорил группу проверить гипотезу, всего лишь гипотезу, не больше. Есть тут одно ущелье, туристам его не показывают... В худшем случае выйдет чудесная прогулка по горам, полезная здоровью. Согласны? А какие там виды!.. Какие краски на закате! Арсений разливался соловьем.

Он сам пустил слух о совершенно неолитическом укладе жизни горных отшельников, о еще не изжитом рабстве, о вражде между общинами из-за украденных невест и угнанного скота, а главное, о неисчислимых сокровищах, хранящихся в священных пещерах, причем не о пошлом золоте и драгоценных камнях, а о подлинных сокровищах искусства, древнего знания и тайной медицины. Рассказывая об эликсире бессмертия, он небрежно добавлял, что скорее всего это, конечно, выдумка, но... И «но» звучало чрезвычайно многозначительно.

Ну где же они?.. Может, за следующим поворотом?

Снова никого. Пусто...

Еще никогда ему не приходилось столько болтать, как в эти дни. К вечеру язык изнемогал от усталости и с трудом шевелился во рту. И сейчас, рассказывая на ходу очередную «легенду», Арсений ругался про себя черными словами, костерил себя и Дженкинса. Где он?! А ведь как многообещающе все начиналось!..

Ютящимся в третьем классе переселенцам на Новый Тибет пришлось, естественно, потерпеть — в первую очередь катера зависшего на орбите «Атланта» доставили круизных пассажиров в туристический центр, вполне сносный, по мнению Арсения, и гневно осужденный большинством пассажиров за

убожество. «Это же хижина, милый Арсений! Лачуга этого... как его... дровосека!» — «Пастуха, мадам. Здесь на плоскогорье только пастухи и паломники. Почему бы нам не считать себя паломниками?» — «Но это ужасно!» — «Ужасно романтично, мадам, и гораздо приятнее, чем местным паломникам, которых кусают клопы на постоянных дворах...» — «Ф-фу, какая мерзость! Замолчите, чудовище! Нет, я немедленно по возвращении потребую деньги назад!» — «И вы будете правы, мадам, но сейчас все-таки улыбнитесь. Девятый Далха никогда не повернется к нам лицом, пока вы будете хмуриться...»

И Арсений принимался рассказывать о девятом Далхе, всегда изображаемом со спины и обязавшемся не показывать лицо, пока все люди вокруг не будут счастливы.

Разумеется, при таком условии паломникам придется вечно обзрывать спину божества, но об этом Арсений не распространялся, равно как и о сущности буддизма, в котором не понимал практически ничего, напирая главным образом на внешнюю экзотику. Метод исправно действовал. Со своей стороны, Дженкинс хорошо подыгрывал, так что в конечном итоге вокруг Арсения собралась группа из дюжины престарелых дам и двух выживших из ума стариканов, хором заявивших, что другого гида они не желают.

Хорошая группа. Доверчивая. Ни одного ядовитого скептика, ни одного субъекта, раздражающего сильнее, чем можно терпеть.

Дженкинс развил бурную деятельность. Нашел троих пастухов, согласившихся сыграть роль похитителей людей за небольшую сумму в наличных империалах. Приготовил реквизит: Снабдил Арсения небольшим пистолетом, заряженным парализующими ампулами. План был прост: на горной тропе (сумерки, жуть, шакалий вой) внезапно появляются одетые в шкуры местные андраподисты, вооруженные копьями и каменными топорами, вяжут всех, включая гида, куда-то тащат и бросают во временное узилище (пастушескую хижину). Страх. Стенания. Унижение. Клопы. В перспективе — беспросветное рабство. Арсений же, перерезав на себе ремни осколком кремня (осколок прилагается), вступает с бандитами в бой и «уничтожает» всех троих. После чего быстро-быстро ведет группу к

заждавшемуся катеру, взлет, спасение, слезы и сопли, сигнал местным властям (указать точное место происшествия с ошибкой не менее пятидесяти километров), по единодушной и настоятельной просьбе спасенной элиты командир корвета представляет Арсения к награде, дающей право на потомственное дворянство, а заодно уж избавляется от несговорчивого баталера, соглашаясь на разрыв контракта без выплаты неустойки. Все. Финал-апофеоз.

Сомнения? Еще бы. Во-первых, Арсений не был так уж уверен в своих актерских способностях. Во-вторых, хотелось выдумать что-нибудь поумнее — план Дженкинса казался примитивным и даже глуповатым. «Вот и хорошо! — радовался Дженкинс. — Чем глупее план, тем лучше он сработает, уж я-то знаю. Главное — хорошая игра! И еще чтобы никого из старичья не хватил со страху кондратий...»

Пока что было не столько страшно, сколько холодно. Арсений сменил химический патрон в обшлаге куртки. Как только жгучее горное солнце свалилось за хребет, сразу стало зябко. Воздух налился густейшей синевой. Быстро смеркалось. Огромная голубоватая луна, повисшая между двумя остроконечными пиками, казалась озябшей и недоумевающей — какого рожна она тут висит и мерзнет? Всем хотелось в тепло.

Может, за следующим поворотом? Пора бы уже. Давно пора. Позолоченные бездельники устали и замерзли, им вообще в диковинку ходить пешком. Да еще по горам. Энтузиазм группы держится только на болтовне гида, да и та скоро перестанет действовать. Сперва намекнут, что пора бы и назад, потом откровенно захнычут — и придется поворачивать оглобли, быть может, в двух шагах от цели. Не обидно ли? Уже спотыкаются. А вот как оступится кто-нибудь да засквозит вниз — вовек потом не отмоешься...

Может, за следующим поворотом?..

Сначала они с Дженкинсом едва не убили друг друга. «Каким надо быть ослом, чтобы перепутать ущелья! — кричал денди, яростно растирая обмороженные уши. — Я ему таких аборигенов нашел — смотреть жутко, йети, а не люди! Я двоим копыа добыл с каменными наконечниками, а вожаку во-от та-

кую дубину! Лично вырезал! И ошибся! Мог ли я думать, что самая большая на планете дубина не в лесу растет, а по горам туристов водит...» — «Сам такой! — распаясь, орал Арсений и размахивал картой. — Вот оно, ущелье, то самое, кто мне его показывал?» — «Да не это ущелье, а вон то, изделие вы деревянное, стоеросовое!..»

Они поругались, а через час Дженкинс пришел мириться, признав, что, вероятно, имело место недоразумение, в котором никто не виноват. По его лицу было, впрочем, видно, что он остался при своем мнении, но желает продолжить игру. Для порядка Арсений немного побрюзжал и вновь воспрял духом. Да, лучший шанс упущен, но что ж... будут, наверное, и другие шансы. Если готовить для них почву со всей тщательностью.

Усталых, замерзших и сильно недовольных туристов удалось привести в приподнятое расположение духа без больших проблем. В порыве едкого вдохновения Арсений поведал им о коварном горном эндемике — неприметной травке чах-чах, чьи флюиды, выделяемые обычно на закате, быстро доводят человека до анемии, оставляя его беззащитным перед бездушной жестокостью стихий. Когда на следующий день катера унесли круизных туристов на «Атлант», Арсений обнаружил, что стал очень популярен. Его подопечные расхваливали на все лады мудрую осторожность гида, благодаря которой они избежали верной смерти от лютого мороза и подлых флюидов. При этом получалось, что гид был изначально против опасной горной прогулки, а они... Что и говорить, даже старые хрычи расправили плечи, стараясь выглядеть настоящими героями-авантюристами, и наслаждались общим вниманием. Дамы ворковали, колыхались и кудахтали: «Милый Арсений, считайте себя в плену, мы вас теперь никуда от себя не отпустим...»

Шлюпка за Арсением не пришла. Нетрудно было догадаться, что его хотят использовать по полной программе, а главное, собираются держать подальше от «Нахального» по крайней мере до тех пор, пока из трюмов корвета вслед за поливитаминами не исчезнет и незаконный тмин. Арсения это более чем устраивало.

На сей раз штаб-квартирой послужила его каюта. Дженкинс притащил откуда-то второй мнимоусилитель, и в часы,

выкраиваемые от светской жизни, оба прилежно изучали Твердь.

В первую очередь — туристические объекты.

Главным из них до последнего времени считался заповедник с интригующим названием Ущелье Каменных Мумий. Лет двести назад, когда несколько государств, основанных разными группами колонистов, начали выяснять между собой отношения, вдоль ущелья, отличавшегося от себе подобных только тем, что по его дну шла дорога на перевал, и именно поэтому переполненного беженцами, скользнул луч летаргатора — древнего варварского оружия, убивающего мгновенно и безболезненно. Люди просто окаменели. В буквальном смысле. А дальше произошло чудо.

Говорили о том, что «целям» элементарно не хватило «дозы». Может быть. Но вместо того чтобы мало-помалу разрушаться под действием времени, как случается со всякой органикой, испытавшей на себе действие летаргатора, мумии людей десятилетие за десятилетием сохранялись в неизменности, не подвергаясь эрозии и страдая разве что от камнепадов, лавин, мародеров и вандалов. Жизнь в них не прекратилась, но замерла почти на два столетия — до той самой минуты, когда более двух тысяч мумий внезапно ожили, до полусмерти напугав экскурсантов и чрезвычайно озадачив биологов. Многие из них (не биологов, а оживших людей) судились потом с администрацией заповедника, требуя оплаты регенерации пальцев, варварски отломанных любителями сувениров...

Ясно было только одно: главная приманка для туристов уже три года как прекратила свое существование. Оставались горные курорты, купальные курорты, недоступный туристам заповедный материк, населенный гуманоидными аборигенами, и, по сути, все. Не показывать же гостям промышленную зону. Планета с репутацией дорогого и модного туристического рая могла предложить довольно ограниченный набор экзотики. У Арсения сложилось впечатление, что на Твердь теперь летают отнюдь не поглазеть, а «отметиться», может быть, даже не вылезая из катера.

В общем-то, конечно, из номера в отеле. А кто не беден и азартен — из казино.

Дженкинс мотал головой, как атакуемая слепнями лошадь: «Не то... И это не то...» Если на Тверди вообще существовал шанс отличиться, то его надо было разглядывать в лупу. Вдобавок эту лупу еще предстояло найти.

Глава 7. КАМЕНЬ НА КАМЕНЬ

«Одна голова хорошо, а две лучше», — приговаривал Дженкинс, но, кисло поглядывая на Арсения, кажется, имел в виду полторы головы, а не две. Совместные мысленные усилия ни к чему не привели. Спасать туристов на благоустроенных курортах Тверди было не от кого. Заповедный материк? Да, туда можно было просочиться, связавшись кое с кем из местных жучков, но протащить туда группу, чтобы организовать на нее налет диких нелюдей, не представлялось возможным. Да и аборигены заповедного материка, по слухам, были существами чрезвычайно мирными, если только не обжирались контрабандным тмином. Попасться с тмином на пути к заповедному материка, а потом до старости любоваться небом в крупную клетку никому не улыбалось. Одним словом, мероприятие было признано невозможным или, вернее, очень дорогостоящим, не по карману даже Дженкинсу.

С полудня и до поздней ночи компаньоны вели светскую жизнь, делая вид, будто едва знакомы друг с другом, и урывали время от сна, пытаясь совместно выработать хоть какой-нибудь план. Дженкинс первым напал на мысль устроить техногенную катастрофу. Почти все равно какую, хотя, конечно, авария на энергостанции с угрозой термоядерного взрыва выглядела предпочтительнее прорыва канализации. Мысль пришлось забраковать. Во-первых, оба заговорщика не имели достаточного технического образования, чтобы учинить что-нибудь эдакое, а во-вторых, по той же самой причине Арсений вряд ли сумел бы отличиться при ликвидации аварии. Опять пшик.

- А если бунт? — ероша волосы, спросил Арсений.
- Какой еще бунт?

— На корабле. Бунт переселенцев с нижних палуб. Они живут розовыми надеждами, а на самом деле половина из них перемрет на новом месте в первый же год...

— Смотри какое место.

— Оазис, — пояснил Арсений. — Я кое-что о нем выяснил. Если немного сгустить краски...

Дженкинс поманил его пальцем, взял за лацкан и зашипел в ухо, как потревоженный аспид:

— Не вздумайте! Вы там были? В смысле, на нижних палубах? Я был. Свинячьи условия. Я бы там на третий день повесился, но они — не я.

— Тяжелы на подъем?

— Наоборот. Это джинн в бутылке — только откупорь! Но я против. И вам не дам. Без кровавой каши не обойдется, а это блюдо не по мне. Вы ведь это сгоряча предложили, не так ли? Не подумав?

Арсений поспешил согласиться. В последний вечер на Тверди он покинул общество, заперся у себя в номере и напился пьян. Стучался Дженкинс — Арсений не отпер. Кому неизвестно, что самая отвратная в мире картина — неудачник, скулящий от жалости к себе? Арсений знал это не хуже других. И знал, что он неудачник, никчемный неудачник с иссякшими ресурсами оптимизма. И жалел себя. Пил и жалел.

В такие минуты он ненавидел всех, даже Риту. Неужели она не знала, что ее избранник жалкое ничтожество? Ведь знала! Знала! Надо было забеременеть и родить, чтобы заставить его шевелиться по-настоящему. Она решила, что это единственный способ растормошить инертное бревно. А он не может! Он не античный герой, а самый что ни на есть заурядный чиновник десятого класса, вдобавок временно разжалованный до шутовского ранга корабельного секретаря. Не умеет он совершать подвиги, не обучен! Хитрить, интриговать — и то не выучился как следует. Потребитель коктейлей, салонный клоун, жалкая пародия на человека, давить бы таких без жалости, да некому...

Утром, бледный и серьезный, он отбыл на «Нахальный». Узрев Арсения, боцман Ферапонт присвистнул:

— Ну и ну. Вижу, укатали тебя... Белый, как глист. А что так рано?

— Десять дней. — Арсений указал на календарь. — О большем разговора не было.

— Может, еще будет, — сообщил боцман. — Ну как, преуспел? А чего рукой машешь? Ничего не вышло, что ли?

Арсений отрицательно помотал головой.

— Н-да, — сказал Ферапонт. — Бывает. Коли невезуха, так уж во всем. Ну и что ты собираешься делать дальше?

— Исполнять обязанности, — сухо ответил Арсений.

— Думаешь, тебя рады здесь видеть?

— Рады, не рады... Теперь-то что? Ведь витаминов и тмина в трюмах больше нет, верно?

Ферапонт захохотал:

— Их-то нет, зато есть кое-что другое... Ладно, молчу, тебе об этом знать не обязательно. Знаешь что, составь-ка прямо сейчас график расхода еще на десять дней вперед...

— Не понял? — Арсений поднял голову.

— А я думал, ты понятливее. Все равно ведь придется. Нет, никто тебе не прикажет второй срок подряд быть нашим представителем на «Атланте», это против традиций, тебя всего лишь убедительно попросят... и ты ведь не откажешься? Я так и думал. Начинай прямо сейчас, и мы с тобой еще успеем сгнать партию-другую в кости, а я пока поймаю какого-нибудь салагу, чтобы навел лоск на твои аксельбанты...

Боцман как в воду глядел. За час до ухода в очередной подпространственный прыжок Арсений вновь ступил на борт «Атланта» — отутюженный, взбодрившийся и готовый ко всем свершениям, какие только можно выдумать совместно с Дженкинсом.

Единственная обитаемая планета системы Альфа Овна, оранжевой звезды, издавна известной арабам под именем Гамаль, не могла предложить туристам ничего интересного. Большая, с полуторной силой тяжести, жаркая, почти сплошь покрытая пустынями, планета отнюдь не сулила приятного отдохновения. Колония Оазис близ Южного полюса была старая, но единственная. Говоря по совести, человечество в своей

экспансии забросило на планету всего-навсего один абордажный крюк.

Тотальное преобразование биосферы оставалось в мечтах. После длительной войны с сепаратистами Земля стала гораздо осторожнее вкладывать средства в обустройство колоний. Стоит ли тратить годовой бюджет метрополии на создание колонистам почти земных условий существования, если первое, что они сделают после этого, — попытаются отделиться? Сносные условия — это всегда приток поселенцев, торговля и процветание в не такой уж далекой перспективе. С жиру, как известно, бесятся. Например, исподволь начинают создавать многопрофильную экономику взамен однобокой. Экономическая независимость кружит головы. Если нельзя образумить колонистов простым торговым эмбарго, то это уже не колония, а отрезанный ломоть. В политике Земли и назначаемой ею местной администрации легко прослеживался примитивный, но бесспорный резон: с какой стати метрополия должна оплачивать будущие войны против себя, всех этих героев национально-освободительной борьбы, новоявленных Хуаресов, Боливаров и Вашингтонов, появляющихся вдруг как чертик из коробочки и собирающих вокруг себя толпы восторженно орущего пушечного мяса?

Если бы толпы еще понимали, что они лишь пушечное мясо, разменные фишки для всех этих игроков!.. Где уж. Не поймут никогда. Даже символично, что Гамаль находится в созвездии Овна. Удел толп — бляеть и давать себя стричь.

Нет, пока еще не Боливарам, а метрополии. Метрополия лишь стрижет стадо, не испытывая нужды в том, чтобы гнать его на бойню. Более того, она заботится об умножении стада, сбрасывая в него свои демографические излишки. И даже с толикой кормов.

«Атлант» не мог миновать Оазиса. Кое-кто летел туда по контракту, но для большинства пассажиров третьего класса здесь был конечный пункт путешествия и новая земля обетованная с дефицитом воды, каторжной работой и чахлой торговлишкой. Оазису предназначалось и кое-что из содержимого грузовых трюмов. Элитным туристам, недовольным задержкой, предлагалась обзорная экскурсия по такырам и барханам.

Обилие тех и других гарантировалось, а больше ничем планета похвастать не могла.

Иное дело Рой. Пятую планету системы — полосатый гигант, очень похожий на Юпитер, — окружало грубое кольцо из сотен астероидов размером от одного до тысячи километров, шарообразных и угловатых, битых взаимными столкновениями, и чудовищное количество метеоритного мусора. Остатки разорванного древним катаклизмом планетоида служили гигантским рудником — добыча металлов на астероидах считалась небезопасной, но прибыльной. В глубоких штольнях третьего по величине планетоида на месте полностью выработанного редкоземельного месторождения под устрашающей каменной толщей, по идее, защищающей от метеоритной бомбардировки, был создан фешенебельный туристический центр.

Смельчаки могли подняться в лифте к самой поверхности и воочию понаблюдать сквозь прозрачные бронеколпаки за вспыхивающими там и сям искрами — ударами микрометеоритов о реголит. Большинство довольствовалось наблюдением того же на огромных экранах центрального холла или обеденного салона, создающих впечатление нахождения на поверхности избиваемой космической глыбы. Изредка на месте особенно яркой вспышки вспухало кучевое облако пыли и ощущался более или менее слабый сейсмический толчок — это означало, что в астероид вонзился и перестал существовать камень размером с кулак, а то и со шкаф.

Метеориты габаритами с катер и более обнаруживались радарными на подлете и отклонялись гравитационным лучом. Скрупулезные вычисления орбит показывали, что в ближайшие десять лет астероиду-турцентру ни в коем случае не грозит столкновение с космическим телом чересчур большой массы, с отклонением или дроблением которого возникли бы проблемы. Расчеты на больший срок были также успокаивающими, но куда менее определенными. Не хватало точности измерений и вычислительных мощностей.

На Оазисе у Арсения ничего не вышло: слишком короткая экскурсия, зависший над барханами распухший оранжевый шар Гамалы, адская жара, нехватка кислорода, из-за которой экскур-

сантам пришлось пользоваться дыхательными масками; присутствие поблизости двух пилотов космической шлюпки — и никакого конструктивного плана, надежда на голую удачу.

Арсений, правда, вовремя поддержал и тут же отнес в шлюпку пожилую леди, упавшую в обморок от жары и непривычно высокой тяжести... но что тут такого? Вот если бы внезапно налетела песчаная буря, или банда местных бедуинов, или какой ни на есть местный хищник с заранее разъявленной кинжалозубой пастью и стекающей на песок слюной...

Да пусть хоть дождевой червь, лишь бы он был достаточно крупным и проголодавшимся, чтобы напасть и напугать! И торопиться со стрельбой совсем не надо. Пусть бы он успел отъесть кому-нибудь из экскурсантов руку или ногу (для них одним биопротезом больше или меньше — все едино), а остальных довел бы до бегства с заполошным визгом — только тогда, не раньше, можно было бы нашпиговать тварь металлом. До того клиенты должны успеть попрощаться с жизнью. На всякий случай Арсений поменял в полученном от Дженкинса пистолете парализующие ампулы на разрывные пули.

И хоть бы хны! Никого. Даже пески — обыкновенные, не зыбучие...

Он тянул время. Выкладывал знания о планете и выдумывал байки одну занимательнее другой. Вместо часа экскурсия продолжалась полтора. Толку — ноль.

Смывая пот под струями душа на «Атланте», скрипя зубами от злости, Арсений дал себе слово. Рой. Здесь надо сделать все возможное. После Роя останется последний пункт круизного маршрута — Архипелаг. Но разве обязательно надо ждать последней возможности? И разве прозрачные бронеколпаки на астероиде так уж прочны?

— Практически непробиваемы, — ответил на вопрос техник-смотритель систем наблюдения. — Тут нужен камень массой не менее килограмма, летящий со скоростью минимум пятьдесят километров в секунду. Тогда — да, тогда может пробить. Вот только у нашего мусора относительные скорости, как правило, невелики — кольцо все-таки. Не хаос. Прямые попадания были, да вот, кстати, след одного из них. А насчет серьезных повреждений не беспокойтесь, их не будет...

Уверенно-покровительственный тон техника действовал на нервы.

— А терроризм?

— Где, здесь? — Техник рассмеялся. — Не бывает. Кроме того, разрушение бронеколпака никоим образом не приведет к декомпрессии даже малой части комплекса. Это предусмотрено проектом. Поверьте, наши системы абсолютно надежны.

— Так не бывает.

Техник рассердился.

— Ну хорошо, исчезающе малая вероятность катастрофы действительно существует. Подсчитано, что по вине техники аварии второй степени тяжести и выше должны случаться в среднем один раз в три тысячи лет. Если, конечно, не пренебрегать профилактикой. Да на нас раньше свалится действительно большая каменюка!

— А вы часто ее проводите, эту профилактику?

— Как положено. А сейчас прошу извинить, я занят. Всего хорошего.

— Простите, — сказал Арсений. — Вот вы говорите: по вине техники... А по вине обслуживающего персонала?

— Защита от дурака имеется повсеместно. Вы удовлетворили свое любопытство?

Дженкинс только улыбнулся, когда Арсений перечислил препятствия к осуществлению плана. Кажется, этот денди вообще не обладал способностью впадать в уныние.

— Ждите и предоставьте действовать мне.

— Неужели есть идея?

— Еще не знаю. Да не стойте вы тут! Идите в холл, вас, наверное, уже ищут. Вращайтесь, веселитесь, танцуйте, вешайте лапшу и все такое. Будьте душкой.

— А вы?

— А я посмотрю, действительно ли ничего нельзя сделать. Адью!

Стены и потолок центрального холла лгали, будто выпирают из скальной толщи на поверхность. Зато прямо над головой разворачивалась феерия. Полосатый желто-коричнево-багровый шар с родимыми пятнами атмосферных вихрей мед-

ленно поворачивался, отбрасывая резкую тень на искрящуюся алмазную россыпь тонкого внутреннего кольца. Там и сям среди неподвижных звезд плыли горошины лун Роя, круглые и не очень, по-разному освещенные оранжевым солнцем, и бледной полосой через все небо тянулось внешнее кольцо космической пыли. Чпок! — раздавалось через неравные промежутки времени, и на холмистой равнине между зрителем и близким горизонтом на миг возникала вспышка и поднимался фонтанчик быстро оседающей пыли. Чпок! Чпок!

— Это великолепно, не правда ли, дорогая?

— Изумительно!

— Бесподобно!

— Милый Арсений, идите к нам, вы еще не видели... Ах, какая вспышка! Умоляю, скажите, это не опасно? Дайте руку. Вы чувствуете, как я вся дрожу?

— ВСЮ вас он еще не чувствует, дорогая...

— Ах, оставьте!.. Поверьте, если рядом нет настоящего мужчины, то жизнь прожита зря... да она и не затянется. Вы туда поглядите — это же настоящая бомбардировка! Сражение! А если метеорит попадет прямо в нас? Я положительно умираю от страха...

— Нет ни малейших оснований для беспокойства, мадам. Мы хорошо защищены, системы комплекса в порядке, персонал компетентен, регламентные работы проводятся вовремя. — Арсений расправил плечи. — Я проверил лично.

— Вы уверены? Поэтому вы так задержались? Ах, вы меня так успокоили... Скорее взгляните туда! Какой удар! Настоящая бомба! Фугас! Смерть, взрыв, аннигиляция! Князь, подите сюда, наш милый Арсений утверждает, что для тревоги нет никаких оснований...

Все начиналось сызнова. Арсений не сомневался: то, на что туристы таращатся сегодня со страхом и восторгом, завтра вызовет лишь слабый проблеск интереса, а послезавтра превратится в изрядно поднадоевший фон. Их и стараются не дергать больше трех дней в одном месте, иначе заскучают...

Кому скука, а кто-то должен исхитриться достичь своей цели в три дня!

* * *

Все было хорошо. Снилось Рита.

Она взмахнула руками, как большая красивая птица, и взлетела; Арсений за ней. Он вдруг обнаружил, что летать совсем не трудно и вовсе незачем надрываться, суматошно колотя воздух конечностями, надо только захотеть — и взмоешь в воздух. Это так просто! И ничто не давит, и дышится легче. Ау, люди! Вы, там, внизу, мелкие букашки, чинуши, корабельные секретари, люди толпы, кичащиеся своими ничтожными правами, — делайте, как я! Ах не можете?.. Так чего же стоит ваша спесь, на что годятся ваши права? Ведь право взлететь, и взлететь выше других, есть у каждого. Ну же, ну! Надо только захотеть, слышите вы! Очень сильно захотеть, а остальное придет само. Неужели вы можете только мечтать и завидовать, где же ваша способность по-настоящему страстно желать? Эх вы, люди...

Рита куда-то исчезла, напрасно он искал ее глазами. Он поднимался все выше, и становилось все холоднее, вдобавок его начало трясти в турбулентных потоках. На миг Арсений ощутил ужас, поняв, что совершенно не умеет управлять своим телом, и сейчас же увидел Дженкинса. Тот почему-то не летал, а стоял возле кровати и ожесточенно тряс Арсения за плечо:

— Подъем!.. Вас ждут великие дела!

— Как ты вошел? — спросил Арсений, не заметив, что ненароком перешел на «ты», и начал жмуриться, прогоняя сон.

— Однако легче мертвого добудиться, — сообщил Дженкинс. — Как вошел? А замки отключились. Вообще все отключилось, кроме аварийного освещения. Гравитация — тоже. Чувствуешь, как легко? — Дженкинс подпрыгнул, свечкой взмыл к потолку и начал опускаться с медлительностью воздушного шарика. Засмеялся. — Чего ждешь, одевайся. Великие дела не могут ждать вечно.

— Это ты отключил? — Арсений нашарил сорочку и с третьей попытки попал в рукава.

— Я, не я — какая разница! — Дженкинс был невероятно доволен собой. — Слушай дальше. Отключились системы жизнеобеспечения, но это ладно, сутки-двое протянем и без них, не

помрем. Хуже другое: точнехонько на нас летит камешек метров двухсот в поперечнике и будет здесь через три часа с минутами, потому что системы наблюдения и внешние гравитаторы тоже вырубались... Да одевайся же! Понял свою задачу?

Пока Арсений лихорадочно застегивался, Дженкинс успел выпалить подробности. Обыкновенная космическая глыба-бродяга, каких в Рое пруд пруди, сидела на близкой орбите и номинально входила в реестр потенциально опасных объектов. Следили за ней давно. Изначально она не представляла большой угрозы — ее просто хотели подцепить гравитационным лучом и перевести на другую орбиту, превратив опасность столкновения с обитаемым астероидом из маловероятной в нулевую. Рутинная процедура, выполнявшаяся прежде сотни раз. Служба противометеоритной защиты предпочитала аврамам превентивные действия.

Сбой произошел в наименее подходящий момент. Одна за другой «посыпались» системы, отключился луч, но «большая считалка» еще действовала какое-то время. Результат вычислений новой орбиты космической глыбы был страшен. Чуть больше трех часов до столкновения. Место ударного контакта — почти точно над турцентром. Энергия соударения — более чем достаточна для обвала сводов бывшей шахты и полного разрушения технического обеспечения. Следствие: выжившие в дальних тупиках позавидуют мертвым, им придется умирать медленно, задыхаясь в темноте. Быстрые спасательные работы вряд ли возможны...

— А «Атлант»? А «Нахальный»?

— Не успеют даже на форсаже. Они сейчас по ту сторону планеты и вне Роя.

Арсений запустил пальцы в волосы.

— Зачем ты это сделал?!

— А что я такого сделал? — В глазах Дженкинса прыгали веселые чертенята. — Подумаешь, совратил младшего оператора «большой считалки»! Думаешь, он самоубийца? Он шутник и в деньгах нуждается. Ему тут скучно. В действительности глыба пролетит километрах в полутора от поверхности, а мы на нее полюбуемся. Красивое, наверное, зрелище...

— Фиктивная катастрофа? — прозрел Арсений.

— А ты что, мечтал о настоящей? Не дрейфь, опасности нет, все проверено и перепроверено... Живее, не то опоздаем. И учти, сейчас начинается твоя работа, только твоя. Я в стороне, я обычный испуганный турист. Твоя задача мужественно сеять панику. И мужественно ее предотвращать. Справишься?

— Постараюсь. А дальше?

— Полезешь в аварийную шахту и устранишь замыкание. Что?.. А меня это не касается, захочешь — разберешься. Там и младенец разберется. На самом деле те кабели вообще ни при чем, система должна автоматически переключаться на резервные, но пусть считается, что в программном обеспечении была «дыра». Тем временем мой шутник запустит одну свою программку-имитатор... Улавливаешь?

— В общих чертах, — сознался Арсений.

— А подробно тебе знать и не нужно. Помурьжь толпу как следует, заставь подражать и полезай в шахту. Держи. — В ладонь лег крохотный флакончик.

— Это еще что?

— Краска. Седая. Выкрасишь ею полголовы. Вылезешь из шахты — все ахнут. Ну как не ходатайствовать перед начальством о награждении такого смельчака?

— А...

— Походишь седым до конца круиза, ничего с тобой не случится. А мой шутник разорвет контракт и смоется. Здесь еще не скоро поймут, что произошло на самом деле, а когда поймут, будет уже поздно. Сто против одного, что местные власти предпочтут не раздувать дело... Ну чего ждешь, вперед!

Коридор. Слева, почаще, — двери номеров «люкс», справа, пореже, — двери суперлюксов. Один гиперлюкс в торце. Непривычно скупое аварийное освещение. Бегом! Колотя по пути во все двери!

Дженкинс веселился вовсю, по-ребячьи радуясь удачной шутке и малой тяжести. Оттолкнулся от пола, тараканом пробежал по стене. Арсений летел гигантскими прыжками, стараясь лишь не шархануться макушкой о потолок. В центральном холле погасли большие обзорные экраны, действовал только малый, служебный, и огромная планета на нем, освещенная сбоку, походила на гигантский чебурек. Сияло внутреннее кольцо, там и сям висели мелкие луны. Тускло светилась пыль.

Персонала — никого. Дженкинс подмигнул: оно и понятно. Инженерам и техникам не до туристов, а стюарды не то попрятались, не то их никто не удосужился разбудить. Оно только к лучшему — с любой точки зрения.

Туристы высыпали в неглиже. Недовольное ворчание только что проснувшихся, возгласы удивления, испуга.

— Милый Арсений, что случилось? Ох... Я летаю! Барон, поймите же меня скорее...

— С удовольствием. Господин офицер, будьте так любезны объяснить нам, что, собственно, происходит? Эта странная побудка...

— Возмутительно!

— Учебная тревога, наверное. Они тут на периферии всегда рады развлечься за наш счет...

— Безобразие!

— Не знаю, как вы, господа, а я пошел спать.

— Господа, предложите же кто-нибудь даме халат, холодно ей в пеньюаре...

— Почему света нет? Кто здесь ответственный?

— Господа, прошу внимания! — Всю веселость с Дженкинса рукой сняло. Играл он отлично. Арсений готов был поклясться, что денди отчаянно трусит, у него даже лоб вспотел, а челюсть прыгала. — Это я взял на себя смелость разбудить вас. По-моему, что-то случилось...

— Что случилось?

— Что?!

— Дамы и господа, спокойствие! — петушиным фальцетом крикнул Арсений. Прочистив горло, поправил тембр. — Душаю, для тревоги нет никаких оснований. Что случилось, я сейчас узнаю, а вас прошу спокойно разойтись по номерам и не впадать в панику...

Дженкинс исподтишка подмигнул ему, одобряя. Слово «паника» вне зависимости от контекста было как нельзя более кстати. Для подведения человеческой психики к опасной черте лучшего слова не придумано.

— Мы останемся здесь!.. — взвизгнул кто-то.

— Нет, пойдем и выясним все сами! Мы имеем право знать, что нас ждет, а они не имеют права скрывать от нас...

— Нет, пусть идет мичман! Господа, господа!.. Пусть идет мичман!

Арсений воздел руки, требуя тишины. Заткнуть рты всем без исключения, понятно, не удалось, но его хотя бы слышали. Да, конечно, он пойдет и все-все выяснит. От члена экипажа «Нахального» скрывать ничего не станут. Он вернется и обо всем расскажет... при том неременном условии, что уважаемые леди и джентльмены явят собой образец выдержки и хладнокровия. Беснование все равно ничего не изменит к лучшему и может только осложнить положение, если оно и вправду серьезно. Договорились?

Дженкинс чуть заметно кивал: молодец, все идет как надо, ты держишь их в должном градусе напряжения, а теперь иди, послоняйся где-нибудь вне поля зрения и скорее возвращайся...

Арсений сделал больше: поднялся на служебный ярус, наткнулся на мрачного охранника, пропущен не был, но выслушал мнение: «Кажется, дрянь дело». Подробностей цербер не знал, но Арсений сумел вытащить из него мнение о том, что накрылась вся система, включая, возможно, и внешнее слежение. От этой печки уже можно было плясать в разговоре с туристами, но главное — Арсений запасся свидетелем. Если последует разбор, можно будет указать источник общей информации. А частности он, Арсений, додумал сам. У него вообще развитый аналитический ум. А уж когда он учуял подозрительный дымок из аварийной шахты, у него отпали всякие сомнения в целесообразности немедленных действий... Кстати, надо как-нибудь незаметно выяснить у Дженкинса, где она находится, эта чертова шахта...

Глава 8. СИГМА ОКТАНТА

Дженкинс помогал ему менять примочки. Арсений сидел на койке в своей каюте на «Атланте» и шепотом сквернословил. Все тело было в синяках и болело так, будто по нему ходили не люди, а слоны.

Стоптали. А чего он такого сказал? Вышел к ним с постным лицом, траурным голосом изложил про астероид, пред-

ложил помолиться, вот и все. Дженкинс сам говорил, что, прежде чем действовать, надо заставить толпу подражать. А они вместо этого с воем кинулись наверх, словно бабуины, а не аристократы... и некий корабельный секретарь опрометчиво оказался у них на пути.

Обидное фиаско и двое суток лазарета в довесок. Переломов и внутренних повреждений, к счастью, нет, только ушибы, но какие! О том, чтобы лезть в какую-то шахту, не могло быть и речи. Если бы не малая тяжесть, можно не сомневаться — затоптали бы насмерть.

От Дженкинса он узнал, что было дальше. В давке несколько туристов получили незначительные травмы. Могло быть хуже, но Дженкинс, увидев, что корабельный секретарь лежит в отключке, быстро сориентировался в ситуации и дал условный сигнал своему сообщнику-оператору врубать свою хитрую программу — тот и врубил. Космическую глыбу-убийцу удалось отвести в сторону якобы в самый последний момент. К громадному облегчению публики и без малейшей пользы для Арсения.

Дженкинс не укорял — скорее, сочувствовал. Правда, немного снисходительно.

— Архипелаг, — хрипло проговорил Арсений.

— А что Архипелаг?

— Последний шанс. Теперь самый последний. Еще есть время придумать новый план.

Дженкинс равнодушно пожал плечами:

— Придумай.

— Не понимаю...

— Я выхожу из игры, — пояснил Дженкинс. — Это скучная игра. Надоело. То ты путаешься в топографии, то грубо ошибаешься в элементарной психологии... Нет, с меня хватит.

В голосе Арсения прозвучало больше горечи, чем он хотел:

— Ты считаешь меня ни на что не годным?

— Возможно, просто фатально невезучим, — уклонился Дженкинс. — А какая, в сущности, разница?

— Я верну тебе все затраченные деньги, — с горячностью пообещал Арсений. — Не сейчас, но со временем...

— Да разве в деньгах дело? Прости, но я не люблю, когда мои усилия не дают результатов. Никогда не мечтал поменяться местами с Сизифом, нудная у него работа.

— А...

— Мешать не намерен, — успокоил Дженкинс. — Действуй сам, а я понаблюдаю со стороны. Не упусти удачу, и я первый тебя поздравлю...

О том, как он унижался, уговаривая Дженкинса помочь еще раз, Арсений потом вспоминал с мучительным стыдом. Ничего не вышло, Дженкинс ушел.

Теперь оставалось рассчитывать только на самого себя. Стиснув зубы, Арсений поглощал громадное количество информации о планете Архипелаг, что в системе Сигмы Октанта. Одна из старейших колоний... Культурное население сосредоточено на островах... так... субтропический климат, выращивание морепродуктов на обширном шельфе, нефтедобыча, продовольственная и энергетическая независимость, туризм, процветание, попытки правительства ограничить иммиграцию... ничего особенного. Местные легенды... черт возьми, скудно-то как!.. Ага! Если смотреть с Земли, Сигма Октанта — аналог Полярной звезды для Южного полушария, жаль только, что тускленькая... Ничего, сойдет и такая, сказать об этом надо обязательно. Правда, все равно не то. Нужна жгуче интересная информация о потенциально опасных местах, нужна завлекалочка для лакированных бездельников, чтобы они настаивали, требовали, молили устроить туда экскурсию. Организовывать опасность некогда и не с кем, надо лезть на рожон... Что может предложить планета? Океан? Гм. Воды много, а толку мало, опасных для человека организмов практически нет, ураганы и цунами редки... Ага, есть большой кусок суши, почему-то названный Потееющим континентом. Любопытно, почему пресловутое «культурное население» облюбовало острова, а не материк? Быть может, существует и «некультурное»?..

Арсений озадаченно поскреб в затылке. Улыбнулся. Его охватило предчувствие удачи — не в первый раз, но прежде все планы шли прахом, а сейчас такого просто не могло случиться. Он не допустит. Ни за что.

* * *

Очередной подпространственный прыжок остался позади, «Атлант» приближался к Архипелагу. Со смотрового яруса уже удавалось различать в оптику две цепочки островов, облачные массы над необъятным океаном и единственный материк неправильных очертаний. Спустя сутки легли на орбиту, и удачно: на первом же витке лайнер прошел над материком, погруженным в ночь. С высоты пятисот километров Арсений указывал на яркие окружности, четко проступающие в непроглядной темени:

— ...содержит легкие фракции, поэтому местный битум, к сожалению, огнеопасен. Просачиваясь сквозь пористые породы, он повсеместно выступает на поверхность и только и ждет случая вспыхнуть от сухой грозы или человеческой оплошности. Тогда возникает огненное кольцо и распространяется до океана, если только не наткнется на себе подобное... Видите ту восьмерку? Это совсем недавно слились два кольца. А вон те огненные дуги — остатки очень большого кольца, и — внимание! — внутри него на успевшей пропотеть битумом земле уже зародилось маленькое колечко. Видите? Видите? Вон там! А вон еще!..

— Вы сказали «человеческая оплошность»? — Даму перевернуло. — Неужели в этом аду живут люди?!

О всякого рода отщепенцах и потомках преступников, когда-то ссылаемых на Потеющий материк, информации было немного, и Арсений вдохновенно досочинял недостающее. Да, дикари. Только дикари сумеют там выжить. Каннибалы? Трудно утверждать наверняка, мадам, но нельзя и полностью исключить. Видите ли, материк слабо исследован, островитянам он просто не нужен, им хватает нефти на шельфе, а этнография у них вообще не развита. Разумеется, дикари должны чем-то питаться помимо человечины... корешками какими-нибудь, наверное. А может, ловят летающих насекомых или норных грызунов. Полагаю, они не испытывают недостатка в огне для приготовления пищи...

Смешки. Шутка оценена. Душка-гид сдержанно улыбался и заканчивал рассказ, между делом успев вставить в него еще пару заготовленных остроумий. И добавлял главное:

— Жаль, что мы не увидим всего этого вблизи. Кажется, экскурсия на Потенющий материк не запланирована...

— Почему же?!

Арсений разводил руками: чего не знаю, мол, того не знаю.

Уже сутки он исподволь подогревал интерес туристов к Потенющему материка. Только там он мог на что-то надеяться. Счастливый случай — эндемик материка, на благополучных островах он не живет, это точно.

Арсений имел возможность в этом убедиться. Четыре дня субтропического рая, дивный пляж, диковинные местные деревья с изумительно вкусными плодами, белое в зените и желтое на закате солнце. Глупые разговоры, глупый флирт, и хоть ты голову о стенку расшиби — никакой возможности отличиться!

Мобилизовав все свое терпение, Арсений не отходил от «своей» группы. Запасы дежурных острог были на исходе, запасы тем для разговора — тоже. Труднее стало выдумывать на ходу. До профессиональных сочинителей Арсению не было никакого дела, но он уже начал понимать, что такое творческий кризис.

Задача оставалась прежней: находиться вблизи, но не маячить. Быть любезным, но не приторным, остроумным рассказчиком, но не балаболкой. Привлечь к себе и не надоест. Ни в коем случае не размагничиваться. Время от времени напоминать о материке, как бы невзначай.

Четыре дня пытки.

Космодром. Шлюпка. Подъем на «Атлант».

Вызов к капитану лайнера не прозвучал неожиданностью.

— Я вас прошу впредь не настраивать пассажиров на посещение мест, не значащихся в круизной программе!

— Слушаюсь, сэр. Однако я не...

— Замолчите, баталеришка! Ко мне обратилась группа пассажиров с настоятельной просьбой организовать для них посещение этого... Потного материка. К сожалению, среди них вице-президент корпорации «Астролайнз» и супруга министра по делам колоний. Я не могу отказать им в праве выпачкать ноги мазутом, если им взбрела в голову такая фантазия. А поскольку взбрела она не без вашего участия, вы отправитесь с

ними в качестве гида. Сейчас же. Группа ждет. Я задерживаю отлет, даю вам шлюпку и не более одного часа на то, чтобы подышать тамошними миазмами. Марш отсюда!

Арсений козырнул и выскочил за дверь. В душе у него пели свирели и щебетали соловьи. Получилось! Получилось!..

Погодите, еще зазвучат фанфары!

За валом ринга грозно гудело пламя. Потрескивали кожаные кровли шалашей. В яме стало трудно дышать, рядом надсадно кашляла старая Миана, зато здесь почти не ощущался жар. Иай протестовал — почему ему велели сидеть в яме, словно он старый, или немощный, или младенец? Он здоров и уже большой! Он может за один раз перенести из ринга в ринг каркас шалаша из выпрямленных и высушенных корней да еще малый бурдюк в придачу! Полный бурдюк, а не пустой!

Обидно. Втолкнули в шалаш и велели сидеть в яме. Каар приказал, а как ослушаешься? Пожаловаться вождю — так ему некогда. Когда огонь идет стеной, лучше не соваться Хууму под руку, обязательно наградит таким подзатыльником, что на ногах не устоишь. Вождю некогда думать о каждом в отдельности, он должен думать обо всех сразу.

Каар, вредный дылда, отыгрался за шутку мальчика — решил показать, что он, Иай, еще сосунок и место ему в яме со слепой старухой, которая кашляет и плохо пахнет. И Стея не позволила выйти из шалаша да еще спихнула его в яму, сестра называется! Начальствует так, будто заменяет мать. Нечего сказать замена! Мама, пока была жива, всегда находила слово, а не тычок. А кто с одного взгляда нашел гнездо зреющей земной манны — Стея, что ли? Или Каар? Да он со своей высоты собственных ног не разглядит!

Иай хотел бы переждать пожар вне шалаша, как большинство мужчин. Разве он не мужчина? Разве он не сумел бы перетерпеть жар снаружи? Ведь огонь не перемахнет через вал и не пожрет племя, не зря вал недавно подновляли, а что до волдырей от раскаленного воздуха, то у кого их нет? Побоят и пройдут, самое обычное дело.

Гудело пламя. Кольцо пожара обтекало ринг. Не сильный пожар, но и не слабый. Обыкновенный, средненький. Пожа-

ры — бедствие и благо одновременно. Земля постоянно выдавливает из себя пищу для огня, и плохо, когда этой пищи слишком много. Тогда кольцо огня гораздо шире, пламя дольше и яростнее гложет вал, внутри ринга дымятся кровли шалашей, в бурдюках закипает вода, и даже в шалашах слабые умирают от жара и удушья. О таких ужасах рассказывают старики, передавая потомкам мудрость предков, но и старики не видели ничего подобного своими глазами. Много поколений назад люди поняли, что надо не только содержать в порядке оба ринга, но и самим выжигать пропотевшую смолой степь, если запаздывают тучи, роняющие небесный огонь.

Горячий пот щипал глаза. Чесалось тело. Ничего, скоро наступит пора благодатных дождей, кожа перестанет свербить, и пройдут болячки. Иай как раз думал о падающей с неба воде, о настоящем ливне, после которого так легко дышится, и о полных бурдюках, и о том, как он будет, хохоча, бегать под дождем, когда, перекрыв ровный гул пламени, до слуха донесся гром.

Странно: он не смолкал. Грохочущий небесный звук не бил с размаху, как обычный гром, он давил сверху, наращивая усилие, вжимая в землю все живое. Кто-то из женщин успел издать испуганное восклицание.

А потом небо с ревом и воем низринулось на землю. И на земле не стало места, где можно спастись.

Кажется, снаружи кричали, но крики людей тонули в страшном реве неба. Жар стал нестерпимым, и в конце концов Иай сам закричал от боли и страха. Слепая Миана тоже вскрикнула и вдруг навалилась сверху, как будто была ровесником и хотела побороть его, подгрести под себя, она не давала ему шевельнуться, а сама все время шевелилась, суетливо и бестолково, рыдая и хрипя...

Прошла вечность, пока все кончилось. Вечность, наполненная болью и страхом.

Извиваясь, как подземный червь, Иай выполз из-под старой Мианы. Он понимал, что она мертва, но отметил это чисто механически, потому что был слишком занят болью собственных ожогов. Все же, несмотря на боль, он удивился: шалаш исчез.

Гудящий вал степного огня уходил прочь, швыряя в небо жирный дым. Точно так же он уходил и прежде, много-много раз. Людей спасал ринг, спасали шалаши и ямы. Кто мог подумать, что шалаш не устоит, не спасет людей?

Обугленное тело скорчилось, подтянув колени к подбородку, и Иай не сразу понял, что это долговязый Каар. Сейчас он казался маленьким и жалким. И от него неприятно пахло. Иай поискал Стею и нашел ее. Он нашел Хуума и остальных. Только один из соплеменников, такой же обгоревший, как Каар, слабо шевельнулся, прежде чем замереть окончательно.

Тому, что опустилось с неба прямо в ринг, не было названия. На бескрайней равнине никогда прежде не водились такие звери, к тому же летающие по воздуху. И дышащие огнем.

Дыхание чудовища выжгло ринг изнутри. Большинство шалашей завалилось или рассыпалось, устоял только один, крайний, но как раз он полыхал жарче всех. Языки огня бежали по жердям каркаса, и, шевелясь, как живые, чадно горели бесценные кожи.

А из раскрывшегося брюха чудовища выходили люди. Иай не знал, как выглядят островитяне, но ни на миг не усомнился в том, что это они. Прилетели и все изменили. Мир рухнул. Теперь никогда не будет так, как прежде.

Он не знал, что делать. Островитяне убили соплеменников своим чудовищем, но, может быть, они не хотели убивать? Не жалеют ли они сами о нелепой и страшной случайности? Не хотят ли исправить то, что натворили? Они странные, эти островитяне, о них рассказывают всякое. Кто знает, не умеют ли они оживлять мертвых?

Первый из вышедших, моложавый красивый мужчина в странном серебристом одеянии, покрутил носом и сказал что-то, обращаясь к остальным на сильно исковерканном человеческом языке. Из всей длинной тирады Иай уловил лишь слово «вонь».

Его заметили, но, кажется, не обратили внимания. Мужчина разразился новой тирадой. Ему явно что-то не нравилось. Рядом с ним на обожженной земле тлел клочок кожи от шалаша, и мужчина занес ногу и брезгливо пнул дымящийся клочок.

— Не-е-ет! — дико вскрикнул Иай.

Теперь ему все стало ясно. Он заметался в поисках оружия. Уцелел дротик Хуума, хотя короткое древко частично

обуглилось. Зато широкое костяное лезвие, которым одинаково удобно выкопать яму, убить норного зверька и подцепить клубень земной манны, не пострадало совсем. Прежде Иай и думать не смел прикоснуться к оружию вожака. Но Хуум ушел, а собственность ушедших принадлежит уцелевшим и продолжает служить племени.

Даже если от племени остался всего один человек.

Трудно бежать, больно. Все тело пылает. Но он добежит до врагов и сделает то, что должен с ними сделать. Потому что с врагами иначе нельзя. Нет, он не станет метать дротик издали — на бросок просто не хватит сил. Он добежит...

Островитянин выхватил из кармана какой-то небольшой блестящий предмет.

Иай не знал, что это такое. А если бы знал, то все равно не поступил бы иначе. Эти люди оскорбили самое святое — кожу. Они не должны жить. Души ушедших соплеменников звали к отмщению.

Арсений слышал, как позади завизжали женщины, и больше не колебался. Только не надо торопиться. Пусть дикарь сперва замахнет своим копьём. В идеале не мешало бы позволить оцарапать себя, но кто знает этих дикарей — вдруг острие отравлено?..

И так сойдет. Наконец-то удача! Великолепно. Блистательно. Даже не возникло необходимости изобретать опасность — случай представился сам.

До островитянина оставалось два шага, когда Иай словно налетел на стену. Грохота выстрела он не услышал.

Дженкинс упорно избегал встречи. Арсений сам нашел его на пустынном смотровом ярусе. Удаляющаяся Сигма Октанта, превратившись в невзрачную желтоватую горошину, уже никого не интересовала. «Атлант» готовился к финальному подпространственному прыжку. К Земле.

— Я слышал, вас можно поздравить? — вяло поинтересовался денди.

— Еще нет, — признался Арсений, отметив, что Дженкинс подчеркнуто перешел на «вы». — Но пассажиры ходатайствуют...

— Значит, награда у вас в кармане. Радуйтесь. За вас хлопочут влиятельные лица, и я, пожалуй, не стану им мешать.

Вы ведь, как я слышал, спасли группу остолопов, застрелив кровожадного каннибала? Без сомнения, полумертвый мальчишка, весь в ожогах, всех бы вас убил и съел за один присест...

— Вот ваш пистолет, возьмите.

Дженкинс сделал отрицательный жест.

— Оставьте себе... герой. Конечно, вы не застрелитесь, но хотя бы не провоцируйте меня убить вас...

— Вы виновны не меньше моего.

— Да. Вы сделали меня виновным... Господи, да неужели у вас не было другого выхода?

— Ради сына, — тихо сказал Арсений.

— Всегда найдется ради чего, — меланхолично возразил Дженкинс. — Но посмеете ли вы рассказать сыну правду?

— Что вы можете знать об этом? — крикнул Арсений ему в лицо. — Разве вам приходилось выцарапывать, выгрызть принадлежащее вам по праву? Вам, кому все досталось от рождения? Вам, прожигателю жизни?!

На мгновение ему показалось, что Дженкинс сейчас ударит его. Захотелось драки. Ну же, чего ждешь? Начинай!

Чуда не произошло. Дженкинс не снизошел.

— Да, я прожигаю жизнь, — сказал он, отступив на шаг, чтобы ненароком не коснуться Арсения, — но только свою.

— Мальчишка все равно погиб бы! — кричал Арсений. — К тому же он дикарь, грязный дикарь! И он напал первым!..

Дженкинс круто повернулся на каблуках и пошел прочь, ничего не ответив.

Арсений прижал пылающий лоб к иллюминатору. Что ж... хорошо уже то, что денди удержался от изречения банальностей. Мол, ничтожество — и во дворянстве ничтожество, видовая принадлежность козявки не зависит от высоты ее полета. И это правда.

Можно знать ее. Но говорить о ней совсем не обязательно.

И все-таки он вернется с подтвержденным дворянством, и они с Ритой наконец-то вступят в законный брак, и он усыновит собственного сына. Разумеется, надо раздать долги и выполнить данное господину Прохазке обещание — пойти с ним по трюфели с хряком Чемпионом. Чего же еще желать?

Арсений догадывался чего. Вероятно, Дженкинс считает его подлецом, но это не так. Подлец не захотел бы забыть то, что произошло на Потееющем материке, подлецу было бы все равно.

Забыть — нет, невозможно. Но выход, конечно же, есть — не вспоминать то, что никак не забывается.

Этому не надо учиться, это придет само. Главное знать, что в любой ситуации всегда найдется выход, отдушина, щель.

Особенно для очень мелких существ.

Всегда ли?

Арсений еще не знал, что всего минуту спустя он некстати вспомнит слова боцмана Ферапонта о том, что «Атлант» — тот же «Титаник» и когда-нибудь кончит сходным образом. Он не знал, что до конца полета не сможет избавиться от этой мысли, что она скрутит его, заставив просыпаться по ночам с пулевым сердцебиением, а днем держаться поближе к эвакуационным палубам, потя от страха, ругая Ферапонта и сетуя на подлюку-судьбу, наотрез отказывающуюся оперировать категориями справедливости и несправедливости. Он не знал, что боязнь внезапной смерти останется с ним на многие годы, совершенно отравив семейное счастье. Все это ему еще предстояло испытать.

А пока — целую минуту — он искал в себе новую точку душевного равновесия и даже улыбнулся своему отражению в иллюминаторном стекле, почувствовав, что вот-вот найдет ее.

2002 г.

РАССКАЗЫ

ТЕКОДОНТ

Особенно сильный удар тупым носком ботинка свалил его с четверенек на бок, и тотчас последовал еще один, заставивший захрипеть и скорчиться, — в солнечное сплетение. Били профессионально, но голову, живот и позвоночник не трога-ли, видно, был приказ не калечить, а ребра Пескавин прикрывал локтями. Сопротивляться было бессмысленно, он это понял сразу, еще до того, как отобрали стилет. Бежать тоже не следовало: тот третий, с кровавыми кроличьими глазами, что встал у выхода из коридора на стреме, не выпустит, а если все же случится чудо — еще того хуже: найдут, не могут не найти, еще два дня здесь торчать. «Расположенный в одном из красивейших уголков Тверди, — пульсировали в голове фразы из путеводителя, — и окруженный живописными вершинами, заповедник в последние годы заслуженно приобрел славу наиболее посещаемого объекта всего Восточного Рукава. Горные озера с чистой водой, альпийские луга и величественные горы, окружающие Ущелье, придают заповеднику неповторимый колорит...»

Ему удалось откатиться к стене. Теперь эти двое мешали друг другу, удары пошли пореже и не такие сильные. Парни уже перестали шипеть при каждом ударе, как коты, и только посапывали: видно, выдохлись. «Хватит уже, — злобно подумал Пескавин. — Мне все ясно, понял. Добродушное отеческое внушение. Слушайся старших, не огорчай папу и маму».

Бить перестали. Он немного поворочался, побряхтел — «Талантливо изобразил в самом начале, что попали в пах, иначе бы не удовлетворились, добавили бы еще», — потом мед-

ленно поднялся на четвереньки. Дальше подниматься не стоило: внушение внушением, а в конце должен стоять жирный восклицательный знак. Ну, где он?

Пинок в шею бросил его лицом в пол. Теперь можно было встать, ребята получили полное педагогическое удовлетворение. Педагог педагогу волк, подумал Пескавин, отклеивая лицо от пола. Каждый гад вокруг педагог, потому что учитель учит, а педагог внушает, а внушать все любят, это им только дай... Он помотал головой, разгоняя муть перед глазами. Муть раздвинулась, и из нее выплыли кроличьи глаза:

— Больше к мумиям не ходи. Понял?

Пескавин кивнул.

— Увидим еще раз — пеняй на себя. Дружеский тебе совет: улетай сегодня же. Помой морду и уматывай. Деньги есть?

Пескавин сглотнул слюну, пошевелил во рту языком — зубы целы, «восклицательный знак» пропал даром. Подавил желание ухмыльнуться.

— Какие там деньги. Билет есть. На послезавтра.

— Обменяй. Чтобы завтра мы тебя здесь не видели. Хорошо понял?

— Угу. — Пескавин снова кивнул.

— Не слышу!

— Я хорошо понял. — Поспешная фраза; запнувшись на вылете, прозвучала жалко. На всякий случай Пескавин громко хлопнул носом. Кажется, получилось убедительно. Провинция... Там, где его знали, приходилось играть со всей отдачей — здесь клевали и на халтуру в четверть силы.

Педагогов черти уже унесли куда-то. Красноглазый, сворачивая в фойе, подмигнул с добрым юмором и, куражась, соорудил из пальцев бодливую козу. Пронесло. Морщась от боли, Пескавин кое-как отряхнулся, ощупал лицо — ничего, крови вроде бы нет. Хоть сейчас иди через толпу к кассе менять билет — рыло как рыло, никто и не обернется. Он тихонько выругался. Черт, угораздило же, чтобы и без денег, и облажаться, как последний ватрух! Ломтиками себя называют, пальчики ломают у мумий, а может, и не только у мумий, по всему видно, что не только. Местный прайд, ребята серьезные, цепкие и работают, видно, чисто, чужаков неопрятных к

пальчикам близко не подпустят. А без пальчиков — долгов по самым ноздри, опять набегаешься с высунутым языком и половую тряпку не раз из себя изобразишь к всеобщему удовольствию. Рифмач того и ждет.

Он уже знал местную цену пальчикам. Указательный и большой идут по триста, реализацией ведает мелкая фарца. Дешевка, но денег хватит разве на один, а для того, чтобы оправдать полет на эту самую Твердь (с экскурсиями и проживанием в туристском приюте, оказавшемся вдруг дорогим отелем), их нужно четыре, это минимум. Да еще горное снаряжение. «Сволочи эти ломтики, — подумал он не в первый раз. — Из-за четырех-то пальчиков!»

Где он сваял дурака, он и сам не понимал, и это было самое противное. А было так. Вчера, проплував весь день в горах — нарочно вышел с утра и отправился в другую сторону, — он к вечеру одолел перевал в Ущелье Каменных Мумий. Все было тихо. Экскурсанты уже убралась, да и вообще в этот конец Ущелья мало кто заглядывал. Солнце уже упало за горы, снег сделался серым, а выходы скальной породы чернели, как зевы пещер. Быстро темнело, и времени было в обрез. Ему повезло сразу же. То ли здесь недавно расчищали, то ли снег подтаял и осел, но первая же мумия повергла его в шок. Позавчера ее здесь не было. Он напряг память. Точно не было. Такие долго не стоят. Их либо перетаскивают в начало экспозиции, где и охрана и все такое, либо охрану опережают ломтики и тащат мумию через дальний перевал, а как и куда потом вывозят — о том лучше спросить их самих, да что-то никто не спрашивает. На том перевале, по слухам, снег не успевает заносить россыпи стреляных гильз, и среди куч брошенного барахла все еще отчетливо виден остов боевой платформы, не то потерпевшей аварию, не то сбитой ракетой «земля-воздух». И второе скорее, чем первое.

Собственно, мумий было две. Женщина с ребенком на руках, оба каменные, и одежда на них, та, что еще сохранилась, тоже каменная, ломкая, как старый целлулоид. Ишь ты, повернута спиной к выходу из Ущелья, согнулась над ребенком-то, загораживает, стало быть. Как же, загородишь от того, что тут было! Очень даже! Пескавин негромко рассмеялся. Такая

удача ему и не снилась. Мать, защищающая дитя! Да за такой классический сюжет любой ненормальный коллекционер, а они все ненормальные, отвалит кусков пятьдесят и не вякнет! Это вам не пальчики отломанные, это вещь!

За надсадным визгом резака (нечего было и думать тащить через перевал ее всю, взять хотя бы верхнюю половину с ребенком — и то килограммов пятьдесят) он не сразу услышал гул вертолета. А когда услышал, сделал все как надо: разбирающая снаряжение, кинулся вверх по склону, обходя нависший снежный карниз, успел влезть и спустил лавину как раз тогда, когда из-за поворота Ущелья показались бортовые огни. Уже совсем стемнело. Укрывшись за гребнем, Пескавин наблюдал, как вертолет порыскал туда-сюда, высматривая, потом завис, осветил прожектором сошедшую лавину с выдавленным на поверхность рюкзаком, нетронутую лавиной мумию, валявшийся рядом брошенный резак. Садиться не стал, повисел немного, развернулся и унес свои огни и гул винтов туда, откуда прилетел. Мордам из охраны все было ясно. Спугнули шустрого ломтика, ломтик кинулся бежать и угодил под лавину. Туда ему и дорога. Пескавин тихо выматерился. Мумия уходила из-под носа, нечего было и думать к ней возвращаться. С вертолета-то ее тоже разглядели, запросто могут вернуться со специалистами и оборудованием, выворотят по всей науке из снега, выковырнут и перетащат в зону обозрения. Было обидно. Он вернулся в отель, не догадываясь о том, что завтра утром будет настойчиво приглашен в пустой коридор. Утренний моцион вышел боком.

У себя в номере Пескавин первым делом обозрел себя в зеркало. Так и есть, всего лишь маленькая ссадина в верхней части лба, почти незаметно, но лучше будет зачесать волосы на другую сторону. Вот так. Совсем другое лицо. Хм, а зачем оно нужно, другое лицо? Рискнуть? Можно и рискнуть, я для них теперь козявка раздавленная, медуза на берегу, им, гадам, предположить такую наглость и на ум не придет... Стой, дурак, сказал он себе. Тебя же пожалели, они же сами имели глаз на ту мумию, а ты и нагадил под носом, шкодник. Счастлив должен быть, что жив, светиться должен радостью, петь и плясать должен, если порядочный человек, а не сукин сын!

Он порылся во внутреннем кармане куртки, полный скверных предчувствий, вынул и развернул бумажку. Мало, ох мало. Единственный пальчик, добытый на давешней экскурсии, да и тот мизинец. Теперь он был сломан, раскрошился на части от удара ботинком. Та-ак. Пескавин несколько раз сжал и разжал кулаки, потом облизнул пересохшие губы. Съел, дружок, вкусно? Это тебе Твердь, не что-нибудь, а где и когда на Тверди наносили одиночные удары? Здесь не просто бьют, здесь добивают. Сам же и виноват, нельзя было все надежды на будущее связывать с этой поездкой. Кто там сказал: светиться радостью? Рифмач, если будет в настроении, сощурился, зевнет в лицо всей пастью и под гыгыканье подпевал выдаст что-нибудь вроде: «Как здоровьице, сынок, много бабок приволок?» — и станет ясно, что теперь самое время начинать каяться, ползать на брюхе и плести слезливую ахиною. Занятие вполне бессмысленное, но — ритуал, поучительный для многих. Никого не интересуют басни — попытка выползти из-под Рифмача обнаружена и прощена не будет. Тут хорошо, если какой-нибудь умник из молодых и неотесанных сунется подсказать Рифмачу рифму, а Рифмач этого не терпит и непременно возьмется сам насовать умнику в личность, а там, глядишь, и отложит на время науку шустрому выползку. Но не забудет — это точно.

В кассе он обменял билет на корабль до Хляби («Есть только на грузовой рейс, будете брать?» — «Еще как буду»), сгреб сдачу и огляделся. Глаза за ним вроде бы не было. Через фойе стадом шла большая группа экскурсантов. Последний шанс, прежде чем исчезнуть, решил подразнить. Сейчас эта группа прошаркает ногами по скользкому мрамору, пройдет мимо касс, мимо автоматов с сувенирами, мимо двух скучающих сотрудников внутренней охраны и погрузится в туристский автобус, галдя и предчувствуя впечатления. И тогда шанса уже не будет, а будет нудное ожидание рейса, попытки склеить поломанный пальчик и долгий путь в тесной грузовой банке, где, говорят, даже коек на всех не хватает, так и спят по очереди, как в подводной лодке. Пескавин оторвал лопатки от стены и, произвольно оглядываясь, направился к выходу. Кажется, все было чисто. Никто не двинулся, и даже знакомый фарц-

мейстер Детка, мелкий жучок из самых лопоухих, который и сегодня, как всегда, торчал в дверях, выискивая клиентуру, не повернул головы в его сторону. «Обратно только перевалом, — решил он, ввинчиваясь в толпу и уже подмаргивая какой-то яркой девице. — В крайнем случае с другим автобусом, впритык к рейсу. И в гостиницу не соваться». Ему вдруг стало весело: он сообразил, что забыл в номере почти весь остаток денег.

Туристский автобус-многоножка припал на один бок, в разинутую дверь лезли экскурсанты. Пескавин забился на заднее сиденье. Группа была как группа, ничего особенного, так, старички-путешественники, не считая двух юнцов с мамашами. Последним пришел гид, крепкий малый с запущенной бородой, похожий на инструктора по альпинизму. Пескавин мысленно пририсовал ему моток веревки через плечо, молоток и набор крючьев у пояса. Тигр снегов! Слава богу, не тот, что был три дня назад, тот мог бы и вспомнить. Хотя нет, едва ли.

Многоножка медленно тронулась, и Пескавин рискнул отодвинуть занавеску на окне. Страх вдруг пропал сам собой. Видели его или не видели, теперь уже все равно. Не важно, что они подумают, когда спохватятся, а на космодроме будут ждать непременно, уйти не дадут и на этот раз не ограничатся отеческим внушением. Ну и ладно, и нечего об этом думать.

— Эй! — раздалось сбоку, и его пихнули локтем. — Не туда смотришь. Привет!

— Привет. — Он вздрогнул и обернулся, прежде чем успел сообразить, что, может быть, лучше не оборачиваться и не отвечать. Рядом с ним сидела незнакомая девчонка. Она была одета в оранжевую спортивную куртку с рыжими разводами. «Кто такая?» — подумал он с удивлением и вспомнил, что именно ей имел неосторожность подмигнуть. На душе немного отлегло.

— До тебя, я вижу, не достучишься, — сердито сказала девушка. — Мировая тоска, а? Так как же нам все-таки познакомиться, не подскажешь?

Непонятно было, что у нее ярче — куртка или рыжие волосы, еще сохранившие следы укладки в прическу, известную в

широких кругах под названием «не сомневайся». Пескавин откровенно поерзал глазами по ее фигуре, сначала сверху вниз, потом снизу вверх и еще раз так же. С девчонкой все было ясно, кроме одного: как таким удастся просачиваться через въездной контроль нравственности? Впрочем, они придумают...

— Меня зовут Теко, — сказал Пескавин. — Это прозвище.

— А меня Анна. Это имя.

— Похоже на то. Как тебе с ними? — Он кивнул на курсантов.

— Отвратительно. Маменькины сыночки — этим мамыши не дают ко мне липнуть, спасибо им за это, а остальные — старые козлы. Воображают, что им здесь безумно интересно. Под старость все играют в одну игру: езда по всей обитаемой Вселенной, сбор сувениров и того, что они громко называют впечатлениями. Тьфу.

Пескавин от души рассмеялся и заметил, что смех получился немного нервный. Нет, что за бред, подумал он. Чего ради ломтикам подсаживать ко мне эту птаху?

— А не круто ты их?

— Не круто, — отрезала Анна. — Ты их только послушай.

Слушать было особенно нечего. На гида сыпались вопросы из тех, что гидам приходится выслушивать раз по двести за смену, и ничего — выслушивают и отвечают.

— Ты права. — Он погладил ее по руке.

— Убери лапы, — нервно сказала Анна.

— Это почему? — Пескавин усмехнулся и потянул ее к себе. — Я, кажется, не старый пень и не маменькин сынок. Тебя не радует такое совпадение?

Тут что-то было не так. Она сопротивлялась, что само по себе еще не было удивительно — встречается и такое, — но сопротивлялась бесшумно, стараясь не привлечь постороннего внимания. Пескавин быстро провел рукой по карманам ее куртки. Анна тихонько охнула.

— Так я и знал. — Он откинулся на спинку кресла. — Дайка мне сюда свое железо.

— Возьми.

Он покопался в ее кармане дольше, чем нужно, чувствуя пальцами теплоту и упругость молодого тела. Затем извлек наружу маленький никелированный молоточек. Игрушка.

— Между прочим, — сказал он назидательно, — ты утверждаешь дурной тон. Пальчики мумиям ломают руками. Вот так.

— Отпусти, больно.

Пескавин выпустил ее руку и, нагнувшись, сунул молоточек под сиденье, в пыль и мусор.

— И вправду больно? — поинтересовался он. — А ты не боишься, что я настучу кому следует?

— А ты?

Умница, подумал Пескавин. Знать бы мне еще, как с этой умницей общаться, не у себя в номере — там-то ясно, — а здесь, сейчас? Девочка что надо, по статьям, пожалуй, для Рифмача, только на этот раз Рифмач перебьется. Надо будет иметь ее в виду после, когда вернемся... Он вдруг вспомнил, как ему предстоит возвращаться, и помрачнел.

— Я сразу усекла, что ты «заяц», — сказала Анна. — В нашей группе я уже всех знаю. Радуйся, что я не завопила, когда ты меня лапал. Кстати, почему тебя зовут Теко?

— Текодонт. Маленький прыткий ящер. Сигарету хочешь?

— Здесь нельзя курить.

— Правильно. И кроме того, у меня нет сигарет.

Она улыбнулась. Нет, с ней сидеть — как голому в витрине. И так уже старые пни все шеи себе отвертели: с кем это шушукается предмет их старческих вожделений? Когда автобус тронется обратно, могут заметить, что не хватает одного человека, хотя по числу баранов все сойдется. Ничего, подумал он. Поломают головы и плюнут.

Он зачем-то кивнул и стал смотреть в окно. Дорога круто поднималась вдоль левого склона ущелья, а правый склон был рядом и так же крут и заснежен, как левый. По дну ущелья бежала переплюйная речка. Многоножка, как это бывает с автономными биомеханизмами, избрала себе путь по самой кромке обрыва — пассажиры, сидящие справа, хватались за сердце. Пескавин смотрел вниз. Он плохо помнил дорогу: на прошлой, «штатной» экскурсии было не до того, нервничал, будто предчувствовал неудачу, а еще раньше, задолго до заповедника, когда дорога еще не портила ландшафт, хотя очень бы пригодилась, когда шли по тропе, протоптанной теми, кто шел впереди, и никому не приходило в голову думать о ландшафте...

Стоп, назад! Пескавин закусил губу. Об этом лучше забыть, если решил вернуться живым и с удачей. Из памяти выплывет больше, чем хотелось бы, и тогда ничего не получится. Перед работой лучше думать о девках. Можно и о Рифмаче, чтобы быть злее. Или о ломтиках, чтобы быть осторожнее. И ведь не так трудно затереть часть памяти, маленький такой кусочек, и не дорого вовсе: сотню за процедуру, мнemoоператору в лапу, чтобы не болтал, — всегда можно наскрести, даже сейчас. Черта с два я на это соглашусь, подумал он с раздражением и вдруг почувствовал на себе взгляд Анны.

Он обернулся. Девчонка напряженно сидела, не касаясь спинки кресла, и, кажется, чуть не кусала губы. Ого! Впереди хрюкнул от удовольствия какой-то дед: вислоносый юнец с переднего сиденья, квалифицированно отведя глаза мамаше, до пояса высунулся в проход, делая понятные знаки, — не преуспел и разочарованно убрался назад. Пескавин задавил усмешку. Ай да рыжая! Как смотрит, как держит паузу! Вот оно что: случайная одиночка-импровизатор, вольная охотница на ловле простаков. Девочка свое дело знает, сейчас и начнется. Атака на инстинкты. Он почувствовал ее горячие пальцы на своей ладони.

— Теко, — прошептала она. — Красивое имя. Те-ко. Текодонт — это плохо, что-то громоздкое. Теко — лучше. Можно тебе вопрос, Теко? — Он кивнул. — Скажи, ты бывал раньше на Тверди?

Интересное начало. Нет, вероятно, просто подстраховка. Но вопрос не последний, можно не сомневаться.

— Да, давно. Успокойся, не наследил. Здесь за мной все чисто.

Горячие пальцы ласкали его ладонь. Кто-то спереди опять оглянулся на них, и Пескавин почувствовал, что вид у него, должно быть, глупейший. Бревно, дерево деревянное. Нет, деды не одобряют. Девушка ждет — вся внимание, — а он, видите ли, никак не соизволит, знает, видите ли, чем это обычно кончается. Знает? Знает. И считает, что лучше быть бревном, чем трупом.

— Ты еще не сказал, что мы будем делать сегодня вечером, — напомнила Анна.

— Разбежимся, — сказал Пескавин. — И чем быстрее будем бежать, тем лучше. В разные стороны.

— Я думала, у тебя есть другие идеи, — сказала Анна. — Или я тебя совсем не интересую как женщина?

Фу, как прямолинейно, подумал Пескавин. Халтурно, в лоб! — тройка с минусом. Хотя, если подумать, ни на что другое уже нет времени, девчонка форсирует. Но какая игра, какой трепетный призыв! Какое высокое искусство в будто бы небрежных словах. Песня сирены по-твердиански. Взгляд ласкового удава.

— Как кто? — Внутри шевельнулось что-то полузабытое, и тут же проснулся сарказм. — Как женщина? Повтори, я что-то не понял.

— Вот даже как... — Анна встряхнула копной рыжих волос. — Ну хорошо, — медленно сказала она. — Тогда скажи: как девка я тебя привлекаю?

Пескавин честно кивнул и почувствовал, что она придвинулась к нему вплотную. По телу прошли сладкие токи и погасли. Он знал, что она сейчас скажет. Девчонку было пора ставить на место.

— Теко, — как-то по-особому сказала Анна и трогательно замялась. — Я... то есть... ты ведь мне поможешь, верно?

— Нет, — быстро сказал Пескавин.

Взмах огромных ресниц, огненная волна поверх головы.

— Ты хочешь сказать, что... Нет, ты погоди...

— Я хочу сказать: нет. Не помогу.

Она убрала руку и отодвинулась. Салон качнуло: многоножка по-крабьи переваливалась через валун, свалившийся сверху три дня назад, хотя, если верить тому, что писано о заповеднике, никак не имевший права этого делать, чуть не угробивший одного ротозея, отставшего от последней группы и потому пробиравшегося пешком, и до сих пор не убранный. Нехороший попался валун, недисциплинированный... А ротозеем был он, Пескавин, а единственной добычей дня — мизинчик, который теперь невозможно всучить даже Детке. Нет, девочке многого хочется, здесь она не найдет желающих подставить за нее шею, и эта прыть просто от незнания. Теперь не штрафуют, теперь любителям сувениров светит каторжный срок

в целях перевоспитания, охране не возбраняется позабавиться с пойманным мародером, сколько хватит фантазии, и охрану недавно усилили — в который уже раз. Так-то, девочка. А цену одного пальчика где-нибудь на Хляби или, скажем, на Земле ты знаешь? Полагаешь, озолотят? Да у нас Рифмач больше даст тому, кто на его глазах под комментарий каким-нибудь анапестом сожрет собственное дерьмо, и найдутся охотники...

«...Жемчужиной заповедника по праву считается открытое менее десяти лет назад Ущелье Каменных Мумий, уникальное образование, воочию представляющее потрясенному взору окно в мир безжалостного прошлого. Дорога, ведущая в Ущелье, окруженная первозданной дикой красотой гор, как бы готовит туристов к тому, что им предстоит увидеть...» — бубнил гид заученное из путеводителя.

Если она из охраны, то в Ущелье тем более не отлипнет, размышлял Пескавин. Только она не из охраны. Слишком уж было бы бредово, до того бредово, что даже остроумно, на них не похоже, да и не могут же они внедрять подсадку в каждую группу! Нет, девочка, ты самая настоящая «не сомневайся», да еще не местная — не так уж и плохо, а если подумать хорошенько — просто подарок судьбы, и отлипнуть я тебе сам не дам. У девчонки неприятности, девчонка землю роет, только комья летят, и о ломтиках явно никакого понятия. Выкупиться хочет, что ли? Он поглядел на нее почти с нежностью. Ну-ну. Успеха тебе, наивная. Моргай пореже, не прячь глаза святой Инессы. Они у тебя хорошо получаются, замшелых-то дедов ты еще обманешь, да и молокососов, наверно, тоже. А вот чего ты, дорогая, еще не поняла — так это того, что ты мне понадобишься, и еще того, зачем ты мне понадобишься. Но ты поймешь. Когда двое утопающих ищут соломинку, они хватаются друг за друга.

— Знаешь что, прыткий ящер, — сказала вдруг Анна. — Не хочешь помочь — не мешай. У тебя свое дело, у меня свое, понял, прыткий? Верни молоток и не шурши мне на дороге.

Умница, но из непонятливых. Пескавин вздохнул. Поискав по внутренним карманам, он вынул мятый рекламный проспект и бросил Анне на колени.

— Читала?

— Да.

— Плохо читала. Смотри здесь: «Внутренняя охрана заповедника надежно обеспечивает безопасность посетителей и сохранность уникальной экспозиции под открытым небом. Особые полномочия сотрудников охраны позволяют решительно и эффективно пресекать возможные попытки мародерства», — ну и так далее. На практике это, например, значит, что первый же попавшийся охранник сможет без долгих разговоров тебя обыскать и будет в своем праве. Сказано же: решительно и эффективно. Разумеется, в рекламном проспекте прямо сказать об этом невозможно. Так вернуть тебе молоток?

— Оставь себе. — Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. То-то же. Пескавин улыбнулся. Не нервничай, девочка, еще рано. Тому, кто сочинял проспект, не стоило употреблять слово «эффективно».

Восьмой километр шоссе в том месте, где в сторону ничем не примечательного бокового ущелья ответвлялась скверная грунтовая дорога, был украшен большим щитом с надписью:

О С Т О Р О Ж Н О!!!
ЛАВИНООПАСНЫЙ УЧАСТОК!
НЕ ШУМЕТЬ. НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ ГРОМКО.
НЕ ДЕЛАТЬ НЕОБДУМАННЫХ И РЕЗКИХ ДВИЖЕНИЙ.

Многоножка, свернув на грунтовку, остановилась. Чувствовалось, что она не доверяет этой дороге: некоторые из лап осторожно ощупывали кромку обрыва. С шумом сорвался и загрохотал вниз камень.

— Приехали, — пояснил гид и откашлялся, отчего его голос превратился в мужественный баритон. — Итак, добро пожаловать в Ущелье Каменных Мумий. До цели не более пяти-сот шагов. Прошу выходить за мной.

Многоножка вжала в себя лапы и встала на брюхо. Тридцать пять экскурсантов затолпились на выход. Выскользнув на раскисший снег, Пескавин протолкался за чужие спины. Гид пошевелил бородой, вызвав смех юнцов, и указал на щит.

На его лице была написана решимость ознакомиться с текстом всех. Мамаши юнцов, изображая внимание, тянули шеи.

За поворотом скальный карниз сузился. Слева поднималась каменная стена, не настолько, впрочем, крутая, чтобы нельзя было рассмотреть нависшую снежную шапку, справа был обрыв и снежный завал на дне ущелья. Здесь торчала вбитая посреди дороги гнутая металлическая вешка, и здесь дорога кончалась, а дальше тянулась только тропинка, протоптанная в плотном лежалом снегу. Еще одна вешка — и тоже гнутая, словно в самом деле побывала под лавиной, — маячила шагах в ста впереди, обозначая конец опасного участка.

Здесь предстояло идти поодиночке. Гид, весь подобранный и ставший теперь окончательно похожим на покорителя снежных вершин, вдохновенно вещал о коварстве гор и мерах безопасности. Пескавин тайком зевнул. Все это он уже слышал в прошлый раз слово в слово, и даже ободряющая улыбочка под занавес, чтобы у напуганных экскурсантов не очень тряслись коленки, была точно такая же. Сценарий, мысленно усмехнулся он. Причем бездарный. Скучно это, дядя, убого — для детей или для впавших в детство. Имитация риска, и весь этот реквизит для большего эффекта — гнутая дурацкая вешка, пугающий текст на щите — прямо вопит: «Опасность! Опасность!», а всего-то — настрой, эмоциональная прелюдия к Ущелью. Цирк, щекотка для нервов. Каждый старый гриб впоследствии будет рассказывать, как он шел под готовой сорваться лавиной и что при этом ощущал, а слушатели будут смотреть ему в рот и гордиться знакомством с первопроходцем. Не ново.

Он прошел участок одним из последних. Здесь можно было не волноваться: гид смотрел не на него, а на снежную шапку наверху, и смотрел со значительностью, ни на шаг не отклоняясь от своей роли в заученном раз и навсегда действе: доставить, обеспечить, довести до сведения, напугать, дать почувствовать, вычерпать из прошлого всю бессмысленность и безжалостность и опрокинуть разом на экскурсантов, чтобы визжали и захлебывались. И непременно добавить специи: пафоса — это обязательно, романтики — тоже. Как же без романтики, и что с того, что здесь ее сроду не было? Как это не было, если должна быть, и, значит, будет!

Тропа полого пошла вниз. Повстречали группу, идущую навстречу, и гид кивнул коллеге. Еще один поворот — и скальные стены раздвинулись. Анна демонстративно забежала вперед и теперь, должно быть, с удивлением рассматривала дно Ущелья — неровное снежное поле, стиснутое скалами, вывалившимися на снег серые языки подтаявших ледников, хаос вынесенных ледниками каменных глыб. Сейчас она увидит и остальное. Пескавин отвернулся. Этот ракурс считается великолепным: в поле зрения не менее трехсот неподвижных фигур — но именно отсюда смотреть на них нельзя. Отсюда мумия не человек, а деталь ландшафта. Он вдруг понял, что тот первый, кто придумал устроить в Ущелье музей под открытым небом, был осенен этой идеей именно здесь. Удобное место: можно принять решение, а потом спуститься осмотреть мумии и уже видеть в них не людей, а экспонаты будущего музея. Это не страшно. Некоторые утверждают, что это облагораживает. В таком случае ломтики — благороднейшие люди.

Он глубоко вдохнул влажный воздух Ущелья, закашлялся и скривился от боли в боку. Достали все-таки. Взять бы тех гадов, да по организму. Он представил себе эту сцену: вот тут сидит Рифмач, а вот тут стоят Шуруп с Хабибом да еще двое трое ребят, и Рифмач делает вид, что ему скучно, а по ковру, вопя, катается красноглазый, и он, Пескавин, Теко, бьет, и нога его входит в мягкое, содрогающееся. Вот так. И еще раз. И повторить. До тех пор, пока Рифмач не скажет: «Хватит», — а если не скажет, то тем хуже для красноглазого. Да только кто такой Рифмач для ломтиков — козявочка божья, глазу незаметная, и писк издать не посмеет, где уж там...

Тропа расширилась, захватывая Ущелье. Мумии были рядом.

— Мы у цели, — торжественно провозгласил гид. — Перед вами единственный во Вселенной заповедник Каменных Мумий. Равнодушный и Осмотрительный приветствуют вас!

И никто не спросил, кто такие Равнодушный и Осмотрительный.

— О господи! — вырвалось у кого-то из женщин. — Что же здесь было?

Гид сдержал улыбку. Его избавили от необходимости спровоцировать этот вопрос. Мало кто не знает о том, что здесь

было, но гид обязан рассказать и тем, кто знает. Например, о том, как правительственные советы обеих колоний одновременно получили приказ открыть боевые действия. Или взять низкий старт и начать с того, как давным-давно люди заселили планету, похожую на Землю, и дали ей имя Твердь. Что такое война, они знали и раньше.

— О господи!

«Меньше пяти и брать не стоит, — думал Пескавин, не слушая гида, пустившегося многословно и патетически излагать хронику событий двухсотлетней давности. — Нет, никак нельзя брать меньше. А лучше сразу кисть или ступню, но тогда придется взять еще хотя бы один пальчик на мелкие расходы. Денег-то нет. И не надо. Пальчики вам деньги».

— Исход дела на Тверди мог решить судьбу всей войны, — говорил гид. — Но что можно было требовать от двух чахлах колоний? Для того чтобы вести войну на уничтожение, у них не хватало ни ресурсов, ни решимости. Так или иначе, обе стороны старались вести лишь ограниченную войну. Она продолжалась несколько лет и окончилась ничем.

— Ограниченные войны, как правило, не выигрываются, — неожиданно для себя сказал Пескавин.

Гид сбился и недовольно посмотрел на него. Пескавин прикусил язык. Раскис, подумал он с досадой. Только этого не хватало. С чего это я? Не терпелось показать, какой умный? Терпелось ведь. А засветился, еще как засветился, весь свечусь, как фонарь, как прыщ красочный на гладком месте, сам свечусь и окрестности освещаю, вон как оглядываются, морды. И что тебе теперь, жертва словесного недержания, возвращаться паинькой в автобус вместе с дедами? Идиот! А может, и ничего?

Обойдется, подумал он и вдруг вспомнил, что все это уже не имеет абсолютно никакого значения, что обратного хода нет и пальчики надо добыть хотя бы на виду у всех, что с пальчиками или без пальчиков только чудо поможет прорваться через ломтиков в грузовой корабль, а ведь это еще не все, при желании могут достать и в корабле, и после старта даже... Он отыскал в толпе рыжую куртку. Анна во все глаза смотрела на мумии, только раз она мельком взглянула в его сторону, и в ее

взгляде почему-то не было ни насмешки, ни презрения, как он ожидал увидеть, а было в нем что-то малодоступное понимание, и теперь стало похоже, что она в Ущелье действительно первый раз. Ну-ну.

— У нас в экспозиции около тысячи мумий. — Гид обвел рукой Ущелье. — И, вероятно, под снегом не меньше. Вообще считается, что к моменту атаки здесь находилось от трех до пяти тысяч беженцев. Женщины, инвалиды, дети; похоже, все они шли к дальнему перевалу. Трудно сказать, удалось ли кому-нибудь из них его перейти.

Первая мумия стояла к ним спиной, чуть отклонившись назад, будто задумавшись, широко расставив ноги, до колен ушедшие в снег. Руки были заложены за спину, подбородок высоко поднят, остекленевший взгляд без всякого выражения направлен вперед и вверх.

— Это Равнодушный. — Гид по-приятельски похлопал мумию по плечу. — Обратите внимание: он смотрит туда, где, по нашим расчетам, должна была зависнуть боевая платформа. Может быть, он даже успел увидеть, как ее сбили. Но было поздно: растр летаргатора уже успел нащупать Ущелье.

Экскурсанты обступили мумию. Вислоносый юнец потрогал пальцем окаменевшую одежду.

— Нам повезло, что луч только скользнул, — продолжал гид, скашивая глаза на вислоносого. Тот с хмыком убрал палец и запустил его в нос. — При большей дозе облучения мумии в скором времени рассыпались бы в пыль — именно поэтому их не находят на местах боев. В проблемном институте при заповеднике, — гид указал рукой на прилепившееся к скале вычурное зданьице, — не исключают и возможного воздействия своеобразных местных условий. Трудно утверждать наверняка. Во всяком случае, эксперименты на животных с резонансными летаргаторами тех времен не дали даже близких результатов. Потому что...

Пескавин скучал. Сейчас этот трепач по должности еще разок-другой напомнит об уникальности, потом поведет группу к расщелине, где, укрывшись за валуном, скорчился Осмотрительный. Вот у того взгляд впечатляет: страх, мольба и надежда одновременно, и если посмотреть с трех разных то-

чек, можно увидеть все три выражения в отдельности. Трехликий Шива. И между прочим, на руке, вцепившейся в камень, не хватает двух пальчиков. Дальше будут знаменитые Близнецы, затем Командор, Недоумевающая, еще дальше группа детских фигур, потом Дервиш на одной ноге, поддерживаемый подпорками. Обязательная часть экскурсии. Каждый должен проникнуться величием трагедии. А не было здесь никакого величия. Трагедия была, а величия не было, не случилось. Он отвернулся и процедил себе под ноги длинный плевок.

Кто-то взял его за руку. Пескавин обернулся и увидел Анну.

— Теко, — зашептала она. — Теко, я тебя прошу... Нет, не то, так ты не станешь... Я не думала, что они такие, думала: мумии — и все. Они же как живые, понимаешь? Я, наверно, не смогу сама. Ты ведь мне поможешь, Теко? — Она судорожно теребила его рукав. Он молчал. — Теко, ведь я же не смогу. Ты видел его? Вот я подойду к нему и начну делать ЭТО... Ведь ему же будет больно, я понимаю, что все это чушь, но что мне с собой, дурой, делать, ведь они же правда как живые, только серые, а так они как живые...

— Они и есть живые, — сказал Пескавин. — Я не занимаюсь гробокопательством. Они спят. Говорят даже, будто они иногда двигаются, но это вряд ли. И они чувствуют, когда им ломают пальцы, но чувствуют не то, что чувствуем мы, и не так, как чувствуем мы. Я знаю.

— Это правда? — Анна нервно вздрагивала.

— Может быть. Для меня они живые, мне так проще. Не могу себе представить, что ломаю пальцы у мертвецов. Не умею я этого.

— Вот оно что. — Анна отступила на шаг и прищурилась. — Теперь я понимаю, почему тебя зовут Теко. Ну что, идем, ящер?

«Как просто все решилось, — подумал Пескавин. — Так, как я хотел, теперь шансы удвоились и я знаю, что выберусь. Но радости от этого я не ощущаю. Устал я, вот что. Ущелье давит».

— Не суетись, — пробурчал он. — Скоро нас выпустят на вольный выгул, и тогда времени будет хоть отбавляй.

Впереди в тумане опять замаячило что-то темное, и Пескавин, поняв, что это мумия, обошел ее кругом, с трудом вы-

дирая ноги из глубокого снега, и неожиданно вышел на протоптанную тропинку. Он и не заметил, откуда напал туман, ему показалось, что воздух вдруг сгустился и помутнел сразу во всем Ущелье, и туман был не белый, как молоко, а сизый и слоистый, как отстоявшийся табачный дым. «Ущелье Туманов, — подумал Пескавин. — Оно так и называлось, теперь я вспомнил. Тогда тоже был туман, и в тумане брели к перевалу измученные люди, их не было видно, но их было очень много, и все они были обыкновенными беженцами пятого года войны, тихими, привыкшими, равнодушными к своим и чужим страданиям. А потом туман рассеялся, и люди, поднявшие вверх серые лица, чтобы увидеть солнце, увидели зависший над Ущельем черный прямоугольник боевой платформы...»

Он остановился, определяя направление. Они шли уже долго, экскурсанты остались позади, вокруг не было никого, и скоро должен был показаться второй пост охраны, но его мешал разглядеть туман. Еще немного, решил Пескавин. Пусть я их увижу. Не тайком — именно так и попадают, — а нагло, почти на глазах, так будет надежнее. А туман-то, кажется, редеет...

Он опять потерял тропинку и, продавив толстый наст, завяз по колено в снегу и беззлобно выругался. Анна догнала и встала рядом, наст под ней не проваливался, не трещал даже, и Пескавин еще раз с удовольствием оглядел ее фигуру.

— Хорошая у тебя куртка, — сказал он весело. — Слепой заметит. Хочешь, чтобы нас засекли, так тебя понимать?

— У меня свои правила, — огрызнулась Анна.

Наивная настырность. Даже не спросила, при чем здесь куртка. Или она в самом деле не знает, что Ущелье просвечивается насквозь в любое время суток? Тогда молчать. Девчонке незачем дергаться, зная, по какой тонкой проволоке предстоит пройти. Пескавин ослабил:

— Не суетись. Если засекут, постарайся мне подыграть. Можешь даже визжать, если нравится, — все равно звук в тумане глохнет.

— Ты что затеял? — насторожилась Анна.

— Развлечение для охраны. Мы оба ненормальные, из тех ненормальных, что мечтают уединиться в самом экзотическом месте, иначе им пресно. Теперь дошло?

— Дошло. А охрана?

— Пусть лучше любуются на нас, чем обыскивают.

— Кретин! — сказала Анна. — Давай двигай.

Сизый туман, слоясь, тек им навстречу и редел, а вокруг стояли мумии — с подпорками и без подпорок, — сидели и лежали мумии, и здесь давно не расчищали, и лежащие тянули из своих сугробов руки с растопыренными пальцами, а туман неторопливо обтекал эти руки, словно желая укутать их и тут же раздумывая. Снова начался подъем, и стало жарко. За спиной всхлипнула Анна — похоже, не от усталости.

«Что они искали за тем перевалом? Жизнь? Они разучились жить, научившись спастись. Это уже жизнь, если тебя не ищут, чтобы убить, это уже праздник. Что-то ведь мерцало им по ту сторону. Они шли и шли, качаясь, как привидения, они устали физически и устали бояться своего страха. Они уже тогда были мумиями, среди них еще попадались Осмотрительные, но куда больше было Равнодушных — этих не скрючил ужас при виде платформы, вряд ли они даже удивились ее появлению, а если удивились, то только тому, что они еще живы, в то время как луч летаргатора уже гуляет по Ущелью...»

Пескавин остановился.

— Опять на ногу наступила, — сердито сказал он. — Иди тогда ты вперед, раз уж так не терпится. Хотя нет, мы уже пришли. Вон то пятно слева видишь?

Анна еще раз всхлипнула и часто задышала.

— Мумия?

— Будка. Это и есть второй пост. Там один охранник, и он нас видит, если не пьян. Ага, вот он вышел, мордovorot. Видишь?

— Да. То есть нет, не вижу.

— Не важно. Где-то поблизости бродят еще двое, их мы проглядели. Но здесь им делать нечего, это служебный проступок — собираться втроем в будке. — Он хохотнул. — Так что работать буду здесь.

— А как же... — Анна смотрела во все глаза то на Пескавина, то на темное пятно будки, рядом с которым в редющем тумане проявлялась, как на фотобумаге, смутная фигура охранника.

— Пяток пальчиков тебе, надеюсь, хватит? — спросил Пескавин. Анна кивнула. Он порылся в карманах, достал несколько бумажек и мелочь. Отстегнул от запястья браслет.

— На. Добавишь своих, пойдешь вон к той морде и попросишь продать пальчик. Сувенир на память. Заговоришь ему зубы, не мне тебя учить, как это делается. Канючь, скули, что хочешь делай, хоть отдайся ему на снегу, но десять минут мне обеспечить. Ясно?

Она кивнула:

— Так что, мне идти?

— Постой, — сказал Пескавин. — В автобус я не вернусь. Будешь ждать меня на космодроме возле касс, а будет шухер — жди на смотровой площадке. Я тебя найду. Поняла?

Анна нерешительно перемялась с ноги на ногу, и Пескавин понял, о чем она сейчас спросит. На душе стало пакостно.

— Теко, — сказала она. — А ты меня не обманешь?

— Успокойся. — Он заставил себя бодро улыбнуться и проглотил комок. — Иди и делай дело.

Она прошла немного и обернулась. Он успокаивающе кивнул, и тогда она пошла решительно, все быстрее тая в тумане. Сейчас охранник заметит ее, и заметит не инфракрасной оптикой — а глазами, и глаза у него вылупятся, а пасть осклабится. Прощай, девочка, с тоской подумал Пескавин. Ничего не поделаешь, так уж получается. Если выберусь и если ломтики не ждут на космодроме, тогда — может быть, но это уже два «если». Хватило бы и одного.

Прощай, девочка.

Туман почти исчез, зато пошел снег, крупный, хлопьями, липкий и мутный, тающий на лице и заползающий за воротник. Пескавин отряхнулся. Он был один. Сначала, оглядываясь, он еще видел темное пятно, о котором знал, что это та же будка, и выверял по ней направление, потом будки не стало видно, и уж тем более нельзя было рассмотреть, чем там заняты Анна и охранник, зато это можно было себе представить. Он представил и смачно плюнул. Ведь сучка же, сентиментальная «не сомневайся» и больше ничего, пальчики, видите ли, сама ломать не может, так почему я должен казаться себе

таким подлецом? Когда это со мною в последний раз было? Забыл. Место, что ли, такое? Он осмотрелся. Место и вправду незнакомое, не шел я здесь, и вообще здесь никто не шел, ни одной мумии на этом уклоне, а почему? Может, здесь под снегом каменная осыпь, помню, как мы обходили какие-то камни, и еще помню, что был водопад, но водопад не здесь, а дальше, почти у самого перевала, он теперь иссяк. Где-то там должен стоять я, подумал он тоскливо. Значит, мы почти дошли. Я и мама. Мне было шесть лет, и мама обещала мне подарок ко дню рождения, но в тот день привезли папу, и мама сидела какая-то чужая, непохожая на маму, а я смотрел исподлобья и с недоверием, потому что знал точно, что папа воюет, управляет боевой машиной, стреляющей по ракетам, что падают по ночам, а раз управляет, то никак не может быть в этом глупом железном ящике. Соседки утешали маму и говорили, что маме еще повезло, другим посылают просто землю, подобранную на полях сражений, но я их не слушал, потому что уже знал твердо: папы там быть не может, с чего бы папе лезть в этот ящик? — и я восторженно запрыгал, крича: «Сколько у нас гостей, как здорово!» — а мама вдруг ударила меня по затылку, закричала, забилась об этот ящик, и я тоже заревел, сначала от подзатыльника, а потом от страха за маму. И все равно я знал, что папа жив, ведь в ту ночь не упало ни одной ракеты, и я показал язык соседкам, смотревшим на меня кто гневно, а кто с жалостью. Вот вам! Вот папа научит и меня стрелять по ракетам, и тогда уж точно ни одна не свалится на ваши глупые головы... А через неделю всем пришлось уходить, потому что на город все же упали три ракеты и вокруг говорили, что это не обычные ракеты и что теперь в городе жить нельзя, а надо уходить. И мы шли вместе со всеми, мама катила тележку с вещами, а я радостно скакал впереди, пока не устал, и тогда мама посадила меня на тележку поверх вещей, но уже в Ущелье у тележки отскочило колесо, и ее пришлось бросить. И еще я тогда очень устал и хныкал, но мама не давала мне отдохнуть и говорила, что надо спешить, а вокруг все действительно спешили, многие обгоняли нас с мамой, и лица у людей были серые...

Впереди зачернели пятна, и Пескавин понял, что вышел правильно. Здесь было скопление мумий, в погожие дни экс-

курсантов доводили до этого места. Здесь нетрудно было встать так, чтобы мумии загородили от любой оптики для туманов, — а потом к перевалу, к перевалу!

Вот она!

Он остановился как вкопанный. Вот, значит, как. Старая знакомая, склонившаяся над ребенком. Ко входу не потащили, оставили туристам на десерт. Он обошел мумию кругом. След от резака, забитый снегом, выглядел белым шрамом. Как ей хочется распластаться, защитить, закрыть собой ребенка в проснувшейся вдруг острой надежде, что это удастся. Немолодая уже, изможденная женщина. Может, бабушка? Нет, наверное, все-таки мать. Поздний ребенок, долгожданный, единственный. Здоровый обормот, мог бы идти и сам, а не виснуть на шее матери. Сколько этому лентяю — лет шесть? А если...

По спине пробежал озноб. Нет, чепуха, не может быть. Пескавин деревянно шагнул вперед. Не может быть, подумал он вслух. Это не я. Пальцы, пальчики проверить... Если все целы — тогда это не я, это кто-то другой и держит его другая женщина. А если нет?.. Он вспомнил зудящий визг резака и, холодея, смахнул с мумии снег.

На детских ручонках, обвивших материнскую шею, было по пяти пальцев. Пескавин шумно выдохнул воздух и нервно рассмеялся. Значит, мимо... Он весело выругался. Пентюх, барышня! Мерещится ему, поверил! Ха! Экскурсанты вот тоже верят, но по-умному, и чем дороже им вышла поездка, тем охотнее они верят. Надо смотреть — смотрят, за тем и едут, надо ужасаться — ужасаются, картинно и с удовольствием, закатывая глаза и соря междометиями. Всюду свои игры. А потом они разъедутся, пополнив свою память приятной жутью зрелища, и станут размышлять, куда бы поехать еще, — трухлявые пни, вошедшие во вкус, рассчитывающие в обеспеченной старости всласть отыгратья за жизнь, без толку вымотанную на добровольной каторге Системы Общественного Блага. Добропорядочные граждане.

Он еще раз обогнул мумию и зашел спереди. Похожа, очень похожа. И это, стало быть, я на ней так повис? Он отступил на шаг и сморщил нос. Н-да. Нужно быть неврастеником, чтобы увидеть маму в случайной мумии — или нужно раз в жизни

попасть под удар летаргатора. Одно и то же. Экая трагедия, подумать только! Страсти по Текодонту. Во-первых, и не похож вовсе, абсолютно ничего общего, не таким я был в шесть лет... Он запнулся, осознав, что совершенно не помнит, каким был в шесть лет, и помотал головой. Ну ладно. Зато все пальчики на месте... гм... один, если всмотреться, какой-то подозрительный, но главное, что он налицо, тут — или-или. Это во-вторых. Говорят, правда, что мумии способны к регенерации — вроде бы по миллиметру в полгода, — и такие, как Детка, свято в это верят, равно как и в то, что мумии могут двигаться и общаться между собой. Ну, Детка — это особый клинический случай, дурак он, родился дураком, им же, как видно, и помрет, коли, как рассказывал Пупырь, прячет где-то пяток пальцев от разных мумий, терпеливо ожидая, когда они срастутся в единую кисть — спрос-де нынче на пальцы уже не тот, рынок насыщен. Что взять с кретина, его и ломтики не трогают, убогого. Пескавин хмыкнул. Зато в-третьих — и это уж наверняка, — не может здесь быть наших мумий, скорее всего их давно уже не существует, раз до них добрались задолго до официального объявления об открытии Ущелья. И здесь нет разницы, кто добрался: небритый дядя с рюкзаком и карабином за плечами, хмурый предшественник нынешних ломтиков, — или сразу сотрудник спецслужбы, бойкий и усердный, рыщущий по заданию начальства. Любопытное было времечко, пока не поднялся шум. «Что?» — «Где? На Тверди, в этой дыре?! Да не может быть!» — «А чем там заняты спецслужбы?» — «Ну как же... Надо же понимать...» — «Обеспечить охрану! Преградить путь мародерам!!» Это был уже лозунг. Под него входы в Ущелье обнесли проволокой, был создан патруль, и некую группу заезжих зевак, опрометчиво обошедшую контрольный пост, скопом гоняли по всему Ущелью, не слушая их воплей и постреливая — долго не могли попасть. Случай разбух до шумного скандала, и тогда — под вопли и лепет, под рык и брызганье слюной в неведомых кабинетах — родился известный нарост по имени Заповедник, и общественное мнение поуспокоилось.

Он нагнулся, набрал горсть сырого снега и протер им лицо. Кожа вспыхнула, и сразу закололо в сотне точек. Пескавин

вытер руки о куртку. Чего это я стою, подумал он с недоумением. Работать же надо, работать! Время идет, Анна, должно быть, еще держит охранника, но вечно это продолжаться не может, рано или поздно он ее раскусит. Пора. Кто у нас будет первым? Пескавин огляделся. Вы? Или, может быть, вы? Да-да, я вам говорю, который с подпоркой... А вы не хотите уступить очередь даме с ребенком? Не хотите? Нет, и не надейтесь, за вами я приду в следующий раз, а вы пока стойте смиренненько, вы очень хорошо стоите, как раз в той стороне должен быть ближайший локатор, если я ничего не напутал, и дай мне бог ничего не напутать... Он бормотал, уже сознавая, что боится, что руки и ноги у него ватные, и все эти избыточные словеса, эти «во-первых», «во-вторых» и так далее — всего лишь барьерчик, хлипкий самодельный плетень, имеющий целью отвлечь, и не более. Забормотать страх. Он чувствовал, что уже не может отойти от мумии. Неужели все-таки она? Конечно, не она, настолько не она, что не она совершенно, я же так хорошо себе объяснил... А вот мы сейчас проверим, и долой умозрительные построения. Вот мы сейчас подойдем... — по его телу бежали мурашки — ...да-да, именно подойдем и заглянем ей в лицо. Только-то. Тогда мир снова станет прост и понятен, и окажется, что я зря теряю время и должен бы быть уже на подходе к перевалу. Это начало. А потом — бросок к космодрому, ломтики и, если повезет, пыльный и тесный танк грузовоза, наспех переоборудованный в пассажирский салон. Уйти будет трудно, но это не самое худшее. Гораздо труднее будет забыть встречу с мумией, похожей на маму. И еще труднее ломать пальцы у мумии после того, как посмотрел ей в лицо. Очень трудно. И хотелось бы этого не делать.

Но Пескавин уже знал, что сделает это.

Он бежал в вязком снегу не разбирая дороги, проваливаясь и снова выскакивая на наст; один раз он упал и в краткий миг, перед тем как подняться и побежать дальше, почувствовал, как в груди бешено колотится сердце. Его бил озноб. Все размылось, снег лепил в глаза тяжелыми липкими хлопьями, и Пескавин, хватая ртом сырой воздух, размазывал их по лицу. Иногда навстречу попадались мумии, и тогда он резко свора-

чивал в сторону, но мумии были и здесь, выныривали из метели, и от них невозможно было убежать, их было очень много, на одну из них Пескавин даже налетел, выбив подпорку, отпрыгнул, оттолкнулся от нее руками и побежал не оборачиваясь, не видя и не желая видеть, как мумия будет медленно, словно в нерешительности, крениться и как она будет падать, уткнется в снег, и снег под ней чавкнет.

Бежать! Он хрипло дышал — воздух, врываясь в легкие, резал, как тупой нож. Боишься, Текодонт? Ты же мечтал об этой встрече, всю жизнь мечтал, хоть и не следовало, так куда же ты теперь бежишь? Ты не верил, что это возможно, как не верил в то, что мумии все-таки регенерируют, ты запрещал себе об этом думать. Но ведь ты хотел этого, ящер, признайся! Хотел?

«Хотел, — ответил он себе. — Но не теперь».

Можно было остаться. Можно было выдумать целую теорию о том, что способно сделать время с лицом мумии, и никто не помешает всю жизнь исповедовать эту теорию как защиту, убеждать себя и в конце концов убедить. Пескавин глухо замычал на бегу и затряс головой. Он вдруг вспомнил давнее странное ощущение, когда понял, что не может пошевелиться, и свой детский страх, и как сознание медленно гасло, будто тонULO в чем-то черном. А потом — провал на двести лет, какие-то серые тени и пробуждение в оборонном исследовательском центре, люди в мундирах и без, поздравляющие сияющего счастливого, которому, как говорили вокруг, удалось регенерировать человека из окаменевшего пальца. И еще плач ребенка, который понял, что остался без мамы. Белые потолки, белые стены, очень много стен. Дальше был побег из закрытой клиники, интернат, снова побег, колония для несовершеннолетних на Ржавой Хляби, команда Рифмача, дела и делишки, постижение на практике законов прайда и маска хищника, которая сначала была маской, а потом стала лицом. В новом мире не падали ракеты и не умирали города, и этот мир казался лучше прежнего. Он был прост для освоения. Один из первых уроков показал, что глупость и необдуманность действий в новом мире наказуемы так же, как в старом. Маленький прыткий ящер учился не повторять ошибок.

Перед глазами плыло. Больше не могу, подумал Пескавин. Кривясь от рези в боку, он остановился и тяжело сел на снег. Все. Побегали — хватит. Теперь думать. Он с трудом отогнал стоящее перед глазами лицо мумии и белый шрам на боку под прижатым локтем руки, поддерживающей ребенка. Меня! Маму — резак! Он закусил губу. Забыть бы. Не выйдет, живи теперь с этим всю жизнь, ящер, му-чайся, гад.

Сначала он подошел к ней. Так было. Затем он наклонился, еще не видя ее лица и еще не веря. Потом он поверил, поверил вдруг и сразу, еще не успев увидеть, и еще можно было все поправить, если отвернуться и уйти, но на это уже не нашлось сил. Потом он увидел. Он сделал шаг назад — один, другой, третий. Должно быть, их, шагов, было больше, потому что мумия отодвинулась в метель и как-то потускнела, теряя очертания. И тогда он побежал, не видя, куда бежит, потеряв направление и ориентиры, не представляя, в какой части Ущелья находится. Мало приятного заблудиться — но не безнадежно, последнее слово не сказано, еще не поздно уйти, и даже не с пустыми руками. Пескавин знал, что выберется. Он-то выберется, а она... Она останется стоять, вцементированная в снег и покрытая снегом, прижимая к груди ребенка и только на него смотря окаменевшим взглядом. Когда резак с визгом врезался в ее тело, она смотрела на ребенка, и когда ее, кружащуюся в петле троса под вертолетом, тащили к зоне обзора, она тоже смотрела только на ребенка. Иначе не должно быть. И поэтому в хорошую погоду экскурсантов будут водить смотреть на нее в расчете на их умиление материнским чувством, но никто из них не умилится, потому что все к этому времени устанут и насытятся впечатлениями, а обратно шагать далеко, и вообще не пора ли в отель?.. И тогда они снова зацепят эту мумию и перетащат поближе ко входу в Ущелье. Так и будет.

Он поднял голову и вслушался. В снежной пелене кто-то был, и не один, судя по доносившимся обрывкам разговора. Двое. И совсем близко. Пескавин глубже вжался в снег. Это были охранники, две серые фигуры, смутные тени, потерявшиеся в снегопаде. Они двигались быстро, и не вальжной

развалочкой, как обычно, а скорым походным шагом, совсем не характерным для охранников, и Пескавин подумал, что так идти им, должно быть, нутужно и непривычно и они злы на начальство, которому нейметса, но раз они так спешат, значит, действительно что-то случилось. Или может случиться. В Ущелье случается всякое.

Они прошли мимо шагах в десяти, не заметив. Снег чавкал под их ногами, и Пескавин попытался сквозь чавканье уловить хотя бы одну-две фразы из торопливого, с одышкой, разговора — и не смог: совсем низко, а где — не разобрать из-за эха, с омерзительным всасывающим звуком прошел патрульный флайдарт, явно на телеуправлении в эту погоду. Пескавин зажал уши. «А вот это уже серьезно, — подумал он, провожая взглядом охранников в метель. — Ясней ясного: кто-то опять наследил, кого-то ловят, и этот кто-то — понятное дело, не ломтик. А кто? — Он криво усмехнулся. — Гм, есть тут один человек...»

— Пора уходить, — сказал он вслух.

А мама?

Пескавин встал и снова сел на снег. Под ним таяло и было мокро, но он не замечал сырости. Мама. Он называл ее так, пока не поблекли воспоминания детства, ему не приходило в голову назвать ее про себя иначе, хотя бы матерью, и однажды, еще в колонии, он в кровь избил одного хлыща — хлыщ был на голову выше и сильнее, но он, ища объект для травли и найдя слабое место, позволил себе гнусную шуточку — и следующие десять минут провел очень скверно: Пескавин уже тогда умел драться расчетливо и безжалостно. В конце концов его оставили в покое.

Здесь драться не с кем. Здесь нужно думать, очень много думать. И мало быть просто умным, иначе без толку разведешь руками и утешишь себя мыслью, что против ветра не плюют. Разве что случай, везение? Столько везения не бывает, негде достать. Изволь сначала доказать, что эти люди почти живы. И кому? Администрации заповедника? Пескавин зашипел сквозь стиснутые зубы. Этой мрази ничего доказывать не нужно, сами прекрасно знают, недаром институт отгрохали, вместо ответа просто наведут справки — и привет. Гостепри-

имны, улыбочиво скалятся и даже почти согласны, что выставка мертвецов это немного аморально, ну и что с того? А туристский бум, а отели, а лучшее на Тверди обслуживание, гордость Системы Общественного Блага? А то, что признаков обмена веществ у мумий не обнаружено? Эксперты из института опровергнут что угодно, тоже ведь живы не святым духом. Падаль. Положим, с музеем живых людей, пусть окаменевших, но живых, они оскандалятся, шум будет немалый, и с первого взгляда кажется, что здесь у них слабина, но это только с первого взгляда. Ткнуть их носом в регенерировавший палец? И что? А вы, простите, специалист? Эксперт? Кристаллы ведь тоже растут. Растут, должно быть, и горы закрытых материалов в сейфах института, растет охрана. Пескавин выпрямился. Он вдруг понял то, до чего не мог додуматься раньше: охрану начали усиливать тогда и только тогда, когда выяснилось, что мумии регенерируют... Нет, шума не будет.

Что еще, подумал Пескавин. Не шум, так вой поднять? Я сам как доказательство? Чушь лезет в голову. Из оборонного центра ничего не вытрясешь, а потом выяснится, что «доказательство» числится в розыске на шести планетах. И не нужно ничего доказывать, не нужен мне шум, а если честно, то и мумии мне не нужны, слишком их много, а нужна мне только одна. Вот так. И глупо внушать себе благородство, которого сроду не было — откуда ему взяться, — и глупо корчить из себя пророка и заранее пыжиться. Хорош пророк с уголовным прошлым — этакий радеющий обо всех мессия, со всех сторон положительный...

Так. Что у нас еще? Еще, кажется, есть какие-то чахлые организации, какие-то общества веры в кого-то, воюющие с заповедником по религиозным мотивам. Совсем не то. Пока эти моралисты чего-то добьются, ломтики успеют растащить половину заповедника.

Значит, вернуться, понял Пескавин. Только это. Вернуться и взять мамин пальчик. Он представил себе, как это будет, и зажмурился. Его передернуло. Да, мама, я подойду к тебе и буду стараться ни о чем не думать, иначе у меня ничего не получится, подойду, как вор, и возьму палец. И это я тоже не забуду никогда. Если повезет, доберусь до оборонного центра. Сдамся. На

коленях буду ползать... Он перевел дух. И еще... Матери нужен сын, а не Текодонт. Значит, еще один пальчик — у сына, у шестилетнего Пескавина, и пусть сын растет, не зная, кто такие текодонты...

— Встать! — скомандовали сзади.

«Это кому? Мне?!»

Он ошарашенно вскочил и оглянулся. Совсем близко, шагах в пяти за его спиной, растопырив ноги для упора и наставив карабин, стоял охранник. Кажется, это был молодой парень, детина с круглыми розовыми щеками. Наверное, недавно в охране и не упустит случая отличиться. Под краем низко надвинутой каски на Пескавина смотрели внимательные глаза. Дергаться не стоило.

— Оружие, добычу — на снег! Живо!

Пескавин зло усмехнулся: «Добычу!» Он не спеша опорожнял карманы и все, что в них было, кидал охраннику под ноги. Охраннику это не нравилось, он морщился и иногда странно дергал лицом, но молчал. «Бойтся, — подумал Пескавин, — все они боятся...» Его рука скользнула во внутренний карман. Ему еще не приходилось убивать человека, но сейчас он был готов это сделать. Одно движение кистью — и стилет влетит охраннику под край каски раньше, чем тот успеет выстрелить, а потом прыжок в сторону — и добить, если еще жив... Но стилета нет, отобрали ломтики.

Может быть, это к лучшему.

— Руки за голову, — скомандовал охранник. — Марш!

Комната, куда его втолкнули, оказалась мала и темна, половину ее занимал гигантский письменный стол, и в первый момент Пескавин решил, что, кроме стола с единственным исчерканным листком посередине, в комнате ничего нет, но тут же понял, что ошибся, потому что сзади уже не покрикивали и не пинали в спину, а только старательно сопели над ухом. Он скосил глаза. Охранник ел глазами начальство, и Пескавин проследил за его взглядом. Есть было что. Оконный проем занимала туша, не оставляющая никаких сомнений в том, кто здесь начальник охраны заповедника, а кто наглец, ворвавшийся без стука с риском получить дисциплинарное

взыскание. Под затылком туши, хранящим в ежике жестких волос след фуражки, растекалась по воротнику розовая шея. Туша стояла лицом к окну, глубоко засунув руки в карманы, отчего штанины со скромным капитанским кантом подпернулись и съежились гармошкой, а лоснящийся зад брюк отвис и не соответствовал замыслу природы. За окном не было видно ничего, кроме падающего снега. Охранник над ухом засопел громче и вдруг неожиданно тонко кашлянул. В ухе заложило, и Пескавин потянулся было поковырять в нем пальцем, но по руке ему немедленно треснули, а самого вытолкнули вперед. Начальник охраны вздрогнул и, отворотясь от окна, строго посмотрел на вошедших.

— Снег, — сказал он сурово. — Хорошо. Падает и падает. — Он с усилием вытянул руки из карманов, и карманы у него вывернулись наружу. На пол посыпалась начинка: кипа мятых бланков, перехваченная резинкой, дамский перстень-компьютер, несвежий носовой платок, шоколадная конфета, какой-то неопределенный сор, пачка зубочисток, рассеявшихся при падении... Охранник, выскочив из-за спины Пескавина, оттолкнул его в сторону и кинулся собирать рассыпанное. Начальник охраны смотрел на него в глубокой задумчивости. Его шея, задушенная воротником, быстро приобретала багровый цвет.

— Вы зачем? — рявкнул он в пространство между Пескавиным и охранником. — Вы кто? Я спрашиваю!

Пескавин открыл рот, не зная, что ответить, и закрыл, не желая отвечать, а охранник уже стоял в струнку, зажав в руках собранные предметы. Выкатывая глаза, он прокричал:

— Третьего взвода рядовой Хурц, господин капитан!

— Вы! — закричал начальник охраны, свирепея на глазах. — Вы что, я спрашиваю? А? Руки по швам!

Рядовой Хурц выполнил приказание, отчего собранные было предметы снова покатались по полу.

— Это что? — кричал начальник охраны. — Это что, я вас спрашиваю, рядовой! Будет когда-нибудь порядок у вас в третьем взводе? Молчать, вы этого знать не можете. Почему, я вас спрашиваю, задержанный, которого я видел из окна, как вы вели, до сих пор не здесь? Карцера захотели, рядовой? Малчать! — Пескавин с изумлением смотрел на брызжущего слю-

ной начальника охраны, а тот все багровел, все раздувался, словно готовясь взорваться с максимальным фугасным эффектом, и орал:

— Что «господин капитан»? Вы не господин капитан, вы рядовой, а потому — ма-алчать! Это что у вас на полу? Бардак у вас на полу. Где задержанный? Немедленно ко мне сюда задержанного! Марш!

Охранник очумело козырнул и выскочил за дверь. Какое-то время до слуха доносился удаляющийся топот, потом его не стало слышно. Начальник охраны замолчал и стал как-то меньше ростом. Он отошел от окна, впустив в комнату свет снаружи, тщательно заправил карманы на полагающееся им место, поддернул брюки у колен и, опустившись на корточки, принялся собирать вещи. «Помогите», — буркнул он, покосившись на Пескавина. Его лицо и шея шли красными пятнами.

В оперетту его, думал Пескавин, собирая зубочистки. Сказал бы кто, что здесь такой процветающий идиотизм, — не поверил бы. Приходи и бери голыми руками. Он сдул пыль с зубочисток и высыпал их на стол. Бред какой-то. Неужели вырвусь? Или прав блажной Детка, уверяя, что у человека есть право на чудо? Один-то раз он оказался прав...

В голове стучало. Начальник охраны выпрямился и перевел дух. На его лице обозначилась мучительная работа мысли.

— Здравствуйте, — сказал он, вытирая шею. — Э-э... вы давно здесь?

— Где? — не понял Пескавин.

— Ну-у... на Тверди. Я, например, здесь родился.

— Я тоже.

— Н-да, — сказала туша. — И... и что?

— И все, — сказал Пескавин.

Возникла томительная неловкость. От непомерного напряжения начальник охраны снова начал багроветь.

— Чем обязан? — спросил он наконец. — Здесь посторонним находиться запрещается. Для вас я мог бы сделать исключение, вы мне сразу понравились, но сейчас сюда приведут задержанного, так что никак... э-э... не могу быть вам полезен. При всем уважении к вам — не могу. Да. Приходите в приемный день, это завтра, договорились?

— Хорошо, — сказал Пескавин. Он был как на крыльях. — Завтра зайду обязательно.

Он взялся за ручку двери. Случившееся ошеломило и не укладывалось в сознании, невероятная удача накатывала волной, теперь бы только удержаться на гребне, не съехать, уйти умно и нахально... Рифмач со смеху сдохнет, подумал он. А потом послать Рифмача подальше. Сказать, что я от ломтиков, тогда не убьют. Ты жди меня, мама. И когда-нибудь странный человек, в котором ты не узнаешь сына, расскажет тебе эту историю, и ты не будешь смеяться, потому что ничего не поймешь, а странный человек уйдет тихо, как и пришел...

Дверь неожиданно распахнулась сама. Пескавин сделал шаг назад. Перед ним, наставив карабин ему в живот, с ухмылкой стоял охранник.

— Совсем забыл, — довершая удар, донесся сзади голос туши. — По-моему, мы с вами еще не закончили, как вы думаете?

Игра, с тоской понял Пескавин. Он готов был взвыть. Опять игра, опять меня надули. Солдафон играет солдафона. Классика: нет ничего слаще, чем отнять подаренную надежду. Отработанная забава, не я первый, не я последний, и сколько их было, попавшихся на явный крючок? Теперь, по идее, клиент должен распустить сопли и расколоться в два приема. Кстати, первичный допрос зачтется этой туше в плюс.

— Лицом сюда! — рявкнул начальник охраны. — Фамилия. Имя.

Пескавин назвал. И хватит с них. Фамилия была дежурная, под ней он зарегистрировался на въездном контроле. Пусть повозятся.

За спиной прошуршали шаги. Пескавин обернулся и увидел Анну. Она уже успела избавиться от своей рыжей куртки и, ладная, стройная, вошла в комнату легкой походкой беззаботной девчонки. Но теперь на ее плечах висел умышленно не застегнутый на груди форменный китель сотрудника спецслужбы, а рыжие волосы — «не сомневайся» — спадали на сержантские погоны. Она приветливо помахала рукой, и Пескавин отвернулся. Он чувствовал себя рыбой, которую глушат. Несладко рыбе. «На Тверди не просто бьют, здесь добивают...»

Случайность? Любовь к эффектам, или девочка тоже претендует на роль в спектакле? Ему было безразлично.

— Познакомьтесь, — предложил начальник охраны, с удовольствием разглядывая Анну. — Это сержант Ланге, прикомандированный сотрудник Управления Расследований, а это... — Он с трудом оторвал замаслившиеся глазки от прикомандированного сотрудника и с юмором посмотрел на Пескавина. — Может быть, все-таки назоветесь подлинным именем?

Пескавин молчал. Туша пожала плечами:

— Что ж, дело ваше. На следствии за вас возьмутся по-другому.

— Что у него нашли? — с интересом спросила Анна.

— Вот. — Начальник охраны ткнул толстым пальцем в другой палец, давешний раскрошившийся мизинец, лежащий на мятой бумажке. Капельки выступившей в местах сколов жидкости уже застыли белым налетом.

— Только-то? — удивилась Анна. — Что же это ты, Текодонт, а? Мы же договаривались — пять штук, не меньше. Забыл?

Конвойный у двери заржал. Три цикла каторги, подумал Пескавин. Или пять лет одиночества, и то если не раскопают остальное. Потом я вернусь, мама. Еще можно вывернуться: в сущности, кроме этих обломков, у них ничего нет, давно было пора их выбросить, да пожалел, увидел в них кусочки чьего-то живого тела. Опять виноват сам: в Ущелье, как и везде, удача не совмещается с нравственными категориями. Так называемыми. Он молчал. Заповедник вернул свой мизинец. В это самое время где-нибудь в безлюдном месте Ущелья кто-нибудь, хотя бы мамаша вислонозого недоросля, трясаясь и заикаясь, будет упрашивать охранника продать сувенир, и тот сперва припугнет, заставляя поднять цену, а потом начнет расшвыривать снег в том месте, где вчера вечером сумел припрятать мумию. Так было и так будет.

— Сегодня отдыхайте, сержант, — добродушно разрешила туша, и заскучавшие было глазки вновь вернулись к ощупыванию достоинств Анны. — Э-э... Гм. Я доложу о ваших успехах. Завтра за вами, как обычно, экскурсия на одиннадцать тридцать. Легенда старая. Кстати, впредь запрещаю вам выпускать объект из поля зрения.

— Запрещайте Хурцу, — фыркнула Анна. — У меня свое начальство. Плевать мне на ваши запреты.

Конвойный у двери замер, боясь пошевелиться. Туша всколыхнулась и опала под насмешливым взглядом Анны. Сержант Ланге улыбалась.

— И на вас мне плевать, — сказала она кротким голосом. — И на мартовский хвост трубой, на сальце ваше хамское...

У начальника охраны отвалилась челюсть, багровые щеки стремительно налились густым свекольным оттенком. Конвойный испуганно попятился, уперся в стену и, маясь, перебирал ногами. Его лицо выдавало жгучее желание провалиться на месте, но избавиться от роли незваного свидетеля, припомнит ведь. «Сейчас шумно будет, — понял Пескавин, морщась. Он уже чувствовал себя лишним. — Сволочи! Как же вы все мне надоели!..»

К большому начальству арестованного вводят, к малому — вталкивают, а в пустую дежурку обычно вколачивают, как гвоздь. В дверях Пескавин дернулся вбок, уворачиваясь от пинка, и резко повернулся к Хурцу: все, парень, остынь, теперь в другой раз получишь удовольствие. Остыл?

Он сел на скамью у стены. Было тихо, только за дверью зло сопел Хурц, да еще слышалось, как за стеной орет начальник охраны и как ему отвечает насмешливый голосок. Слов было не разобрать. Малое время спустя дверь с писком распахнулась, и в дежурку влетела Анна, запыхавшаяся и возбужденная.

— Сел рапорт писать, — сказала она весело и подмигнула Пескавину. Ее глаза блестели. — Дурак ты, говорю, толстый, кому пишешь, кто его будет читать, твой рапорт? Тут-то он и взревел, как прищемленный... Да! Что я говорю... — Она с прищуром посмотрела на Пескавина. — Интересная ты птица, оказывается. Тебя, представь, до сих пор не установили, я глазам своим не поверила, когда увидела. Нет такого, и все. Нигде. Получается, что и не рождался ты вовсе и не жил — фантом какой-то. Сейчас ползают по архивам межзвездных станций — и ведь тоже небось не найдут, а?

— Уйди, — попросил Пескавин.

Анна присела на край стола, небрежно закинув ногу за ногу. Она смотрела на Пескавина, как художник смотрит на оконченное полотно, гордый удачей, и от ее взгляда хотелось чесаться.

— Нервный ты, — сказала она с удовольствием. — Я же тебя привлекаю, сам сказал. А теперь — «уйди»... Несolidно как-то. Да и несерьезно в твоём положении. Кстати, ты, надеюсь, не собираешься надеть глупостей? Например, броситься на меня и задушить? Или взять в заложницы?

— Нет, — сказал он. — Не такой дурак. Уйди.

Уходить она не собиралась. Наоборот, по тому, как она расположилась на столе, можно было предположить, что разговор только начинается и очень ее интересует. Пескавин по-сухому сглотнул. Его мутило. Мало, все им мало... Извращение же, и не новое. Были, говорят, когда-то в древности не то на Земле, не то где-то еще такие дамы, прилежные посетительницы колизеев, — по ночам к ним водили гладиаторов, а утром дама рукоплескала, глядя, как более удачливый боец насаживает ее ночного любовника на трезубец. Насквозь. А может, их тогда и не было, дам этих, может, они появились позднее, и одна из них — вот сидит. Смысл жизни — игра, смысл игры — наслаждение, и, конечно же, интеллектуальное, это острее, простодушные римлянки до этого не додумались. Нет, девочка, сержант ты мой, матрона, разговора у нас с тобой не получится. И если ты еще не поняла этого, я помогу тебе понять.

— ...!

— Плоско, — поморщилась Анна. — И неумно. Если хочешь меня прогнать, придумай что-нибудь другое. Между прочим, в Ущелье ты рефлексировал гораздо интереснее, я никак не могла тебя предугадать. Это я-то, психолог-практик, — и не смогла ни разу, можешь себе представить? Что-то я в тебе не до конца поняла, сложный ты, Текодонт, с твоей работой это опасно, имей в виду на будущее. Только сейчас ты такой же, как все. Скучный. Побитый. А в сущности, что изменилось? Только фаза работы и больше ничего. Понимаешь, фаза! В начальной фазе я тебе нравилась, ты же меня всю глазами обглодал, попробуй только отрицать. И я не стану тебе врать, что мне было неприятно. Но это моя работа. Вот так, ящер.

— И нравится? — не удержался Пескавин.

— Хорошая работа, интересная, — сказала Анна. — И перспективная. Не век же торчать в этой дыре, которая даже не курорт. На днях мне присвоят лейтенанта и отзовут, так что ты у меня, наверное, последний. Честное слово, мне жаль, что ты не появился здесь неделей позже.

«Мне тоже жаль, — подумал Пескавин. — Но неделей позже все могло бы сложиться иначе, и я бы не увидел то, что увидел. При удаче реализовал бы добычу и жил бы расчетом сколотить свою группу... Пупыря можно взять, Хабиба уговорить рискнуть — ходить в Ущелье и объявить вендетту ломтикам. И прозвали бы они меня не Текодонтон, а каким-нибудь Тиранозавром. Но сам бы я в Ущелье больше не пошел. Никогда».

— Сейчас за тобой придут, — сказала Анна. — Прогуляешься до выхода, машина туда уже вызвана. Не хочешь со мной разговаривать? Тогда почитай и оцени, пока есть время. — Она протянула ему несколько скрепленных в брошюру листов. — Бери, бери. Это «Психология преследования», моя дипломная работа. Допущена в качестве учебного пособия. Я буду тебе благодарна за замечания. Да ты на гриф не смотри, ты читай, тебе уже можно...

Пескавин с силой размахнулся и запустил брошюру через всю комнату. Ударившись о стену, брошюра спланировала на пол. Анна, казалось, того и ждала, и Пескавин понял, что опять ошибся. Сержант Ланге уничтожила его, но под сержантским кителем была другая Анна — настоящая «не сомневайся», ни одна актриса так не сыграет, — и этой Анне не было дела до успехов сержанта, и она органически не умела проигрывать.

— Но как ты бежал! — расхохоталась она, припоминая. — Как ты петлял! Как заяц. Чуть локатор не свихнулся, и я вместе с ним. Ты же от целого взвода уходил, дважды пробежал сквозь цепь, а сам небось и не заметил. То-олько наведешь на него охрану — а он уже в другом месте и опять куда-то вскачь. Стой, говорю, дурачок, куда ты несешься, зачем зря нервировать охрану... Спасибо, дурак Хурц тебя зацепил, а то дождался бы ты крайних мер. Тебе не интересно, что это за крайние меры?

— Нет, — ответил Пескавин и содрогнулся. — Летаргатор?!
Анна снисходительно усмехнулась:

— Летаргаторы, как известно, запрещены. Правда, в особых случаях можно сделать исключение... но ты не особый случай, с тобой проще. Тебя бы просто убили.

Недостойн, значит, с облегчением подумал Пескавин. Так тебе, Текодонт, так. Мелкий ты, хоть и пряткий. Букашка.

«Тебя бы просто убили...» Смысл этих слов не сразу дошел до него, а когда дошел, спине стало жарко. Значит, она знает и это. Летаргатор убивает наверняка, и часто человек даже не понимает, что он убит; он просто засыпает. Но был один случай, когда летаргатор не убил...

Анна кивнула:

— Ты правильно понял, ящер. Мумии живы, ты и сам это прекрасно знаешь. Только у нас говорят не «живы», а «сохранены». Есть такой термин. Я знаю, ты знаешь, все знают, даже гиды, а не знают те, кому этого знать не нужно. Экскурсанты должны получить то, за чем приехали. Или нет?

— Должны, — безразлично подтвердил Пескавин. — Обязательно.

Лязгнула дверь, впуская охранника. Пескавин поднялся.

— Кажется, мне пора. Благодарю за цирк с этим... бегемотом. Не ожидал.

— Для тебя старалась, — отозвалась Анна.

В бок уперся металл. Пескавин повернулся, как ходячий манекен, и шагнул к двери.

— Эй, ящер! — донеслось сзади, и он замер. — Совсем забыла спросить. Только без вранья: ты ведь с самого начала не собирался искать меня у касс, верно?

Вот что ее интересует, без удивления подумал Пескавин. Зачем? Ждет ответа типа: «Ну разумеется»? И очень хочется ответить ей так, чтобы было о чем вспомнить в каторжном бараке, заставить ее кинуться на меня с когтями, как вульгарную девку, чтобы непременно с визгом — и шерсть клочьями. Слова найдутся, заставят взвыть любую. Но эта не взвоят. И поэтому я скажу тебе правду, девочка, какой мне хотелось бы видеть эту правду, и пусть ты первая посмеешься надо мной, как над этой бегемочьей тушей — новой твоей забавой. Тебе

пока еще весело играть в эту игру, и ты думаешь, что так будет всегда. Но это не так. Когда тебе станет плохо, когда твой выдуманный мир сыскной романтики начнет разваливаться, ты, может быть, вспомнишь то, что я тебе скажу, и тогда... Не знаю, что тогда. Достаточно того, что ты меня вспомнишь.

— Нет, — сказал он твердо. — Я бы пришел. Я бы постарался тебя найти.

— И дурачок же ты, — услышался вслед насмешливый голосок Анны. — Но все равно спасибо за удовольствие.

— Тебе спасибо, — серьезно сказал Пескавин.

Охранник что-то буркнул и вытолкнул его в дверь.

Двое конвойных за спиной, еще один идет впереди. Этот все время оглядывается и тогда сбивается с тропинки, вязнет в снегу, бормочет что-то — должно быть, ругается, потом снова месит ногами снег, и по напряженной бритой шее под каской заранее можно сказать: вот сейчас он обернется... Так и есть. Будто боится получить по уху. Пентюх. Да нет, смотрит скорее с любопытством, будто никогда таких не видел. Ну смотри, смотри.

Не надо меня подгонять, я хорошо иду. Я иду правильно, и вовсе незачем тыкать в спину. Когда торопишься, возникает одышка, и кровь приливает к голове, а вам, ребята, это вредно. Начнете нервничать, кто-нибудь споткнется и нечаянно нажмет на спуск, а зачем мне нужна ваша пуля? Знаю я эти пули: от человека остаются одни обугленные подошвы. А для чего вам нагоняй от начальства? Для коллекции впечатлений?

Ну вот, нельзя и поскользнуться, непременно нужно долбануть под ребра. Это, наверное, тот, что повыше. Прикладом. Белобрысая сволочь. Начальство одобрит служебное рвение и обманется, потому что это не рвение, а свойство природы. Ударить, благо дозволяется. Втоптать. Изувечить. Размозжить.

Ущелье текло навстречу, позади на растоптанном экскурсантами снегу остались мумии, бесконечно одинокие наедине со своей полусмертью. Экскурсии кончились, последняя группа сейчас, должно быть, тряслась к отелю в загнанной многоножке, и высоко над Ущельем гнало ветром инверсионный след натужно взлетающего грузового корабля с одним незаня-

тым местом на борту. Пусть. Жалеть не о чем. Пескавин улыбнулся. Много лет я ждал этого дня, мама, и боялся его, но теперь мне совсем не страшно. Я еще приду к тебе и в следующий раз буду удачливей, каждый шаг я продумаю в деталях, времени на это мне отпущится достаточно. И унесу с собой два пальца. Только два. Я эгоист, а не пророк, теперь, когда я в этом признался, мне легче. А остальное сделает он, второй Пескавин, когда подрастет. И если он захочет что-то сделать, нас будет двое. Впрочем, и первый Пескавин кое-что может, например, продержаться на следствии, неожиданно расколоться на суде и к черту адвокатов! Говорить, кричать, если нужно, пока не заткнут рот, это шанс. Не только святые проповедуют с крестов.

Но и распинают не только святых, подумал он. Продержаться на следствии, гы! Дитя! Да что я, под следствием не был, что ли? На Тверди, правда, не был, но тут, говорят, еще хуже. И кому здесь нужен скандальный суд, да еще с последствиями, способными подорвать важную статью в экономике планеты? Сгноят и так, они умеют, и тут трудно что-либо придумать. Но должно же хоть однажды, хоть раз в жизни настоящему повезти!

...Там, где утром шли поодиночке, у первой вешки, предупреждающей о лавиноопасном участке, его сбили с ног, выкрутили назад руки, навалились, прижимая к раскисшему снегу.

— Вот так, — отдуваясь, сказал кто-то, судя по голосу — тот, белобрысый. — Незачем рисковать, пусть пока полежит, специалист по лавинам.

Над головой засмеялись. Потом до уха донеслось удаляющееся чавканье снежной каши: один из конвоиров пошел вперед. Кажется, любопытствующий, тот, что оглядывался, исследователь арестантских физиономий.

Подкладка куртки промокла от набившегося снега. Знают, с отчаянием понял Пескавин. Все знают, даже про лавину, вчерашнюю мою отсрочку. От ломтиков, больше неоткуда. Значит, у них связь, значит, это система со своими каналами обмена и законами дележа, с привычным уничтожением истины, система в Системе, против которой одиночка не имеет

шансов, и сержанта Ланге, если она еще не с ними и если не спасует, можно только пожалеть. Впрочем, ей интересно ловить мародеров, она для них человек полезный, пока не начала думать. Или хотя бы вслушиваться в высокопарный слог текстов, читаемых гидами, настроенных кем-то ушлым на всеобщую потребу. Ему вдруг стало смешно. Эти маленькие люди пытаются распорядиться своим прошлым! Земляной червь, прокопавший ход, объявляет его своей собственностью! История, развешенная дозированными порциями. Та история, что описана в школьных учебниках. Другой не существует. Подземный ход червя должен быть невидим.

— Козлы! — выдохнул он — и засмеялся, давясь снегом, когда в затылке вспыхнула пульсирующая боль от тычка стволом карабина.

— Отпусти, дубина, задохнись!

Ему подняли голову за волосы, и он выплюнул комок снега и закашлялся. Перед глазами плыли круги. Кажется, тот тип уже успел пройти участок.

— Теперь ты. — Белобрысый ткнул Пескавина в спину и взял карабин на изготовку. — Топай, сука.

Пескавин покачнулся и обрел равновесие. В голове еще болело, и он потер рукой затылок. Шишка будет. Пройдя немного, он обернулся, запоминая как следует черты белобрысого. Тот ухмыльнулся:

— Топай, топай.

Далеко впереди, существенно дальше второй торчащей вешки, маячил третий конвоир. «Опять в снегу валяться, — подумал Пескавин. — Наставит карабин — и придется лежать, пока не подойдут те двое. Боятся, что сбегу. Не соображают, что бежать мне уже некуда, да и незачем...»

Он поднял голову. Снегопад нарастил снежную шапку, теперь она нависала гигантским карнизом, еще удерживаясь в хрупком равновесии, но уже готовая оборваться в любую минуту. Ему стало жутко. То, над чем он смеялся, оказалось единственной правдой в этом фарсе. Над головой угрожающе потрескивало, и Пескавин ускорил шаг, стараясь идти плавно и мягко, как на лыжах. Он почти не дышал. От напряжения взмокла спина, и рубашка прилипла к телу, но он боялся по-

шевелить лопатками. Сейчас, сейчас... Вот уже пройдена треть пути, вот уже почти половина. Я дойду. Что он делает, этот конвойный? Он целится, и это понятно, — но почему он целится вверх? Пескавин оглянулся. И те двое... и те двое делают то же самое. Да нет же, они не решатся, багровый бегемот с них шкуру спустит. Разве что...

Он вдруг все понял. Его вычислили. Пусть местные архивы и не слышали о таком — в галактическом банке данных найдутся сведения о двадцатилетнем уникаме, родившемся двести лет назад. Незачем быть гением, хватит и бегемотчих мозгов, чтобы насторожиться, потом испугаться до пота — и от страха принять единственно возможное решение. Речь на суде? Полноте, господа, суд над покойным — это же нонсенс!

Никого не удивишь несчастным случаем в горах. Это бывает.

«Неужели так просто?!»

Он не хотел верить. Глупо было бы думать, что в конце концов не убьют, он знал это и готовился. Но оказалось, что он был готов только к смерти в борьбе.

— Э-э-э! — отчаянно и жалко закричал Пескавин. — Не надо! Э-э-э...

Из трех стволов вылетело беззвучное пламя. Где-то наверху грохнуло, донеслась воздушная волна. Теперь там ворочалось что-то большое, неохотно просыпалось, разбуженное вырванными из тела комьями снега. Пескавин повернулся и побежал назад, втягивая голову в плечи.

— Не стреляйте! Я буду молчать! Я никогда...

Блеснуло еще пламя. Плечо белобрысого дернулось, погасив отдачу.

Лавина пошла.

Сначала донесся гул, как от приближающейся грозы, потом над головой потемнело, и тогда раздался ухающий грохот, нарастающий с каждым мгновением, парализующий волю и способность к сопротивлению. Пескавин бежал, с хрипом втягивая в себя воздух. Он понимал, что не успеет, и видел, что оба охранника тоже это понимают и лишь из перестраховки держат его на прицеле. Гада! Га-а-ды!

Боковой язык лавины отрезал его от вешки. Пескавин прыгнул влево, прижимаясь к скале, вжался, обняв руками шершавый камень. Бесполезно.

Лавина накрыла его. Он ощутил удар, как будто на него с размаху налетела бетонная стена, и он еще успел удивиться силе удара, а лавина, казалось, на мгновение задержалась на уступе, словно ей потребовалось усилие, чтобы схватить жалкую человеческую фигурку, но в следующую секунду Пескавин почувствовал, что падает в вязкую бурлящую массу. Он закричал от дикой боли в выворачиваемых суставах, но снег тотчас забил ему рот, не давая вылететь крику. Донесся близкий удар, и Пескавин, крутясь в снежном водовороте, понял, что лавина достигла дна. Потом внутри него что-то с хрустом сломалось, и сразу наступила тишина.

Он не ощущал своего тела. Сознание мучительно уплывало, как тогда, на руках у склонившейся над ним мамы. Дышать было нечем. Прости, мама, захотелось шепнуть ему, но он не смог пошевелить губами. Прости меня, я не сумел. Я ведь только Текодонт, не более. Ты жди, мама, все будет хорошо. Пока жив заповедник, будут жить и текодонты, иначе не бывает. От них нечего ждать, они бесполезны и отвратительны, рано или поздно их все-таки выбьют, но они протопчут след, большего они и не могут. И тогда до заповедника доберутся люди. Так будет лучше, успел подумать он, задыхаясь под толщей снега. Да, так будет лучше.

Женщина осмотрелась по сторонам и выдернула ногу из снега. Ее удивила странная мысль, будто она разучилась ходить, и женщина сердито отогнала эту мысль. Ничего не разучилась, просто устала, но это пройдет, вот только бы одолеть перевал. Она выпрямилась и сделала еще шаг. Самым неприятным было то, что болела спина, так, будто там был глубокий порез, но женщина не решалась его осмотреть: на руках спал ребенок. Ну спи, спи, малыш. А что же остальные? Будто тоже только проснулись: должно быть, оцепенели от страха перед налетевшей боевой платформой. Успокойтесь вы, эту платформу сбили, очнитесь, пойдём! А

откуда снег? Не помню я. Ну ладно, снег так снег, что с того, что снег? Через перевал бы перейти, пока снова не налетели, вот что. Проснись, малыш, я устала тебя нести. Давай-ка сам. Ну? Вот так, хорошо, и терпи, если хочешь вырасти сильным. Хочешь? Ну конечно, мне тоже этого хочется. Не запросишься больше на руки? Видишь: все идут, и нам не надо отставать. Вот так, молодец, обогнал маму. Да ты у меня уже совсем большой, я вижу!

1989—1990 гг.

БЫТЬ ПРОЦЕ

Неживому сюда хода не было — в подземных галереях роботов плющило в титановые блины, опрокидывало в чаны с кипящей кислотой, плавало в спонтанно возникающих высокочастотных полях, вмораживало в глыбы твердого воздуха, било молниями, простыми и шаровыми. Для человека подземелье готовило иные сюрпризы.

Во-первых, оно разговаривало с ним. Во-вторых, в отличие от робота очень удачливый человек теоретически мог избежать смертельных ловушек и дойти до цели. Во всяком случае, подземелье сообщало об этом всякому входящему. Лгало оно или говорило правду, до сих пор оставалось невыясненным — за сотни лет ни один вошедший еще не вернулся назад живым подтверждением сказанному.

Правда, кое-что было известно и так. Легенда, считавшаяся правдоподобной, говорила о том, что давным-давно, более двух тысячелетий назад, когда отравленная до предела Земля перестала поддерживать существование живых организмов и более обеспеченная часть населения предпочла покинуть ее, предоставив менее обеспеченной части вымирать естественным порядком, некий эксцентричный триллионер, входивший в тройку самых богатых людей обитаемой Вселенной, обратил половину своего состояния в неисчислимы вещественные сокровища, скрыв их в толще скандинавских гранитов. Вторая половина триллионов пошла на создание пресловутой пещеры Али-Бабы, куда более совершенной, нежели та, что была выдумана невежественными арабскими сказителями. Зачем — вопрос без ответа на уровне логики. Быть может, только для

того, чтобы люди когда-нибудь вернулись на Землю. Согласно той же легенде, сам триллионер эмигрировать отказался.

Подземелье, если ему верить, жило своей жизнью, углубляя и перекраивая себя. Топография ходов менялась, пропадали старые ловушки и возникали новые. Чертежи, если бы их и удалось передать на поверхность, были бесполезны.

Взломать? Пытались, и не раз. Как правило, подземелье уничтожало взломщиков, доказывая тем самым, что умеет убивать не только внутри себя. Гибли механизмы и люди, плавилась стенка прорубленных штолен. Подземелье вовсе не объявляло себя всемогущим в грубом лобовом противостоянии, и, наверное, способ взлома все же существовал. Но искать его перестали после того, как было получено внятное предупреждение: в крайнем случае подземелье уничтожит самое себя.

Вместе с сокровищами.

Снаружи бушевала радиоактивная метель. Где-то позади остался космический челнок, лишь писком радиомаячка обнаруживая свое присутствие. Челнок был взят напрокат, заложенная в него программа приказывала ему взлететь и лечь на обратный курс в том случае, если пилот не вернется на борт спустя трое суток.

Зев пещеры оказался узок и высок, как готическая арка. Защитное поле пропустило человека, счистив с него радиоактивную и химическую грязь. Человек усмехнулся: сколько раз он наблюдал это в записи! Он замедлил шаги. Теперь должен был зазвучать Голос подземелья, очень хорошо знакомый ему Голос, многократно проанализированный всеми мыслимыми способами, но не давший и подобия ключа к разгадке. Да и могло ли быть иначе? Возможно, создатель подземелья и был сумасшедшим, но он не был дураком.

И Голос раздался — надтреснутый, похожий на стариковский. Большинство экспертов сходились во мнении, что подземелье подстраивалось под тембр своего давно умершего и истлевшего создателя.

— Стой.

Человек послушно остановился. Как многие другие, вошедшие сюда до него. Все было правильно.

— Ты желаешь богатства?

Ненужный, чисто ритуальный вопрос. Человек ответил утвердительно. Если бы он сказал «нет», подземелье просто не пропустило бы его дальше. Такое изредка случалось.

— Ты готов рискнуть?

— Да.

И опять ненужные слова. Многие, очень многие хотели рискнуть. Правда, некоторые из них поворачивали назад, услышав предупреждение.

— Ты видишь черту на полу?

— Только ее и вижу, — честно ответил человек. Мерцающий туман за чертой, несомненно, удерживаемый каким-то полем, мешал увидеть глубину подземелья. До сих пор все попытки локации оказывались безуспешными. Что ж, везде свои правила, а хозяин — барин...

Главное, чтобы игра шла по правилам. Без шулерских штучек.

— Скоро увидишь и остальное. Но прежде чем пересечь черту, ты должен оставить здесь все оружие, все инструменты, связные и сканирующие устройства любого типа. Нарушение этого правила карается немедленной смертью. Ты понял?

— Нет ничего такого, даже имплантированного, — сказал человек. — Только одежда и фонарик.

— Фонарик можешь оставить при входе, — милостиво разрешил Голос. — Он не пригодится.

Новость. В тех записях, что человек внимательно изучил перед тем, как отважиться на попытку, подземелье ничего не говорило соискателю об источниках света. А его вот предупреждает... Одно из двух: либо внутри достаточно светло, и тогда выходит, что подземелье симпатизирует ему, раз дает подсказку... либо оно лжет.

— Не бойся подвоха, — сказал Голос. — Я играю честно.

— Ты читаешь мысли? — с беспокойством спросил человек.

— Нет нужды. Я вас хорошо знаю. Слушай правила игры: ты идешь и находишь то, что тебе нужно. Я мешаю тебе, используя базовый набор средств и не придумывая специально для тебя новых приемов. Двигаться можно только вперед. Если после пересечения черты ты повернешь назад, я уничтожу тебя немедленно. Если ты повернул или почему-либо не дошел —

ты мертв, и игра заканчивается. Если ты добрался до хранилища, игра также заканчивается, но уже твоей победой, и ты получаешь право опустошить хранилище...

— Только право или и возможность тоже? — перебил человек.

— Здесь права гарантированы. Сейчас у тебя есть право попытаться. Ты принимаешь условия игры?

Еще бы не принять! Три года подготовки, груды видеозаписей, сотни часов на имитаторе, психотренинг, искусственно подстегнутые рефлексy, сильные и сухие, как у йога, мышцы... А главное, исчерпанный банковский кредит и невозможность выбиться из нищеты иным способом. Даже деньги на аренду челнока пришлось занять у друзей, обманув их насчет целей займа — кто же согласится кредитовать самоубийцу!

Еще три года назад он знал, что в конце концов явится сюда и скажет «да». Но только теперь по спине побежал холодок.

— Я хочу задать вопрос, — сказал человек. — У меня действительно есть шанс?

Ему показалось, что в глубине подземелья кто-то хихикнул.

— У тех, кто вошел сюда до тебя, тоже был шанс. Задача имеет решение, это все, что я вправе сообщить. И у гроссмейстера можно выиграть. Теперь решайся или уходи. У тебя одна минута.

— Я согласен.

Как вниз с обрыва, не видя дна. Короткая дрожка судорога — и спокойствие. Нормальная настороженность и уверенность в конечной победе. Будь проще, здесь некогда раздумывать. Действуй не колеблясь. Убей в себе страх — он союзник твоего врага.

Человек пересек черту на полу. Теперь он был невидим для тех, кто мог бы наблюдать за ним с той стороны черты. Если бы там кто-то и остался, он ничем не смог бы помочь, как уже не могли помочь просмотренные видеозаписи предыдущих попыток. Так входили в подземелье его предшественники. Входили, надеясь только на себя. И не возвращались.

Человек не дерзнул сделать шаг назад, но пощупал рукой. Позади была твердая, скользкая на ощупь стена. Назад хода не было.

Что ж, все по правилам...

Почему-то казалось, что силовая стена, отделившая его от внешнего мира, должна быть непременно прозрачной с этой стороны. Как издевка подземелья: мол, смотри, запоминай напоследок... На миг захотелось обернуться, но человек сейчас же отогнал неуместное желание. Вряд ли любопытные живут здесь долго. Ежесекундно готовый отпрянуть, ускользнуть, обмануть ложным движением, он сделал шаг, другой...

Здесь не было мерцающего тумана. Пещера суживалась, превращаясь в прихотливо изогнутый туннель с гладкими стенами. Стены неярко светились; иногда по ним пробегали радужные сполохи. Да, фонарик действительно не нужен...

Третий шаг. Четвертый. Пя...

Первая ловушка была явно рассчитана на круглого дурака: крупнейший чугунный молот весом, наверное, тонны в две, почти не замаскированный, падал сверху, стоило жертве наступить на определенный квадратик мозаичного пола. Падал он с важной медлительностью, и только паралитик не успел бы отскочить в сторону.

Удержанный неизвестно чем молот не коснулся пола. Завис как бы в нерешительности, затем пошел вверх и втянулся в распахнувшийся в потолке люк.

— И это все, на что ты способен? — с усмешкой спросил человек.

Голос молчал.

Пожав плечами, человек двинулся дальше. Если здешние ловушки все такие... Нет, конечно же, нет! Подземелье элементарно усыпляет бдительность. Старые штучки. Надо думать, одна-две следующие ловушки будут столь же несерьезными, зато потом — держись! И вовремя реагируй. Жди подвохов. Будь иначе — кто-нибудь уже давно добрался бы до хранилища.

Узнать бы: что в нем? Если металлы типа золота, платины или, допустим, трансуранидов, то их сегодняшняя рыночная стоимость никак не исчисляется триллионами — в лучшем случае сотнями тысяч. Тоже неплохо, конечно, но... не то. А если там драгоценные камни, то и того хуже — дешевка по нынешним временам. Время идет, технологии развиваются...

Иное дело — сокровища искусства. Вряд ли сумасшедший триллионер был настолько слабоумным, чтобы не понимать, какие виды сокровищ со временем обесцениваются, а какие, напротив, дорожают и дорожают.

Или, например, древние тайные знания. Легенда гласит, что тот триллионер прожил двести лет. Врет, наверное. А если не врет?.. Рецепт долголетия стоит триллионов. Ну что такое сегодняшние сто двадцать лет средней продолжительности жизни? До обидного мало. Продавать желающим лишние восемьдесят лет да еще прослыть при этом благодетелем рода человеческого — ого!..

Шаг. Еще шаг. Еще...

Одиннадцать шагов обошлись без сюрпризов. На двенадцатом из стены выскочил тонкий хлыст, свистнул низко над полом.

Человек подпрыгнул чуть позже, чем следовало, но все же не фатально поздно. Описав круг, хлыст мгновенно втянулся в стену, а на мозаичный пол мягко упал аккуратно срезанный ломтик подошвы. Человек мысленно чертыхнулся: все-таки задело... Страшно было подумать, что случилось бы с ним, опоздай он подпрыгнуть. С той же легкостью срезало бы ноги. Лежал бы здесь, корчась, истекая кровью, исходя бессмысленным криком... Нет сомнения: некоторые из соискателей погибли уже здесь.

Правда, нигде не видно останков расчлененных неудачников — ну так что с того? Наверняка квазиразумное подземелье само заботится о поддержании чистоты внутри себя. Денег на него было ухлопано предостаточно. Кроме того, груды останков предыдущих соискателей недвусмысленно указывали бы последующим на опасные места.

Секунда — и новый хлыст рассек воздух выше предыдущего. Рефлексы оказались быстрее разума и сработали правильно: не пытаться перепрыгнуть, а упасть ничком, пропустив хлыст над собой. Сейчас же мозаичный пол начал крениться, как палуба судна, попавшего в шторм. Большой фрагмент пола быстро поворачивался на шарнире, готовясь сбросить человека в открывшийся черный провал. Что там внизу — кислотная ванна? вращающийся шнек мясорубки? бездонный колодец, в

который падать и падать, воя от ужаса? Если бы человек и успел подумать об этом, то его мысли все равно не имели бы никакого значения.

Он оттолкнулся одной ногой от пола, другой от стены и перелетел за кренящийся фрагмент. Упал, перекатился, вскочил. Нырнул вперед, уходя от струи огня, внезапно вырвавшейся из стены, сгруппировался, ушмыгнул вбок от падающего сверху лезвия гильотины, в прыжке пролетел сквозь неизвестно откуда взявшееся пылающее кольцо. Что-то подсказало: вне кольца пути нет.

— Неплохо, — снисходительно поощрил Голос.

«Посредственно», — мысленно поправил человек. На тренажере у него получалось лучше. Подумаешь — четыре ловушки одна за другой! А десять не желаете ли?

Он проходил и двенадцать ловушек кряду — не всякий раз, но как правило. То, что ему продемонстрировало подземелье, было сушей чепухой по сравнению с виртуальным тренажером-имитатором. Правда, в виртуальном пространстве подземелье не могло его убить, причиняя при ошибках лишь боль и — иногда — стигматы, шутки подсознания в виде рубцов и ожогов на теле. По правде говоря, и с виду виртуальное подземелье не очень-то походило на настоящее, но кто может похвастать, что видел его, настоящее? В смысле, кто видел подземелье и сумел вернуться, чтобы описать его создателям тренажера? Никто. По условиям игры вернуться можно только с сокровищем, и если бы кто-то вернулся, тренажер потерял бы главный смысл, превратившись в заурядную виртуальную игрушку. А хорошие, однако, бабки заработали на дураках создатели тренажера... Впрочем, хорошие бабки только на дураках и зарабатываются...

Наплевать, подумал человек. Он почти не запыхался. А что сердце стучит и ладони вспотели, так это от естественного волнения. До усталости еще далеко. Как бы ни был тренажер далек от реальности, главному он научил. Скорости. Реакции. Выносливости. Интуиции. Пожалуй, ничего другого здесь не требуется.

Ну, вперед!..

Спустя тридцать минут человек был еще жив. Правая щека горела от ожога, одежда превратилась в лохмотья, на боку и пред-

плечье красовались сочащиеся кровью порезы. К счастью, внезапно выскочившие лезвия, от которых человек почти — вот именно, почти! — успел увернуться, оказались без яда.

На тридцать первой минуте погас свет.

Упав, вжавшись в пол, человек услышал, как что-то привычно свистнуло над головой. Вскочить он не успел. Кто-то грузный, тяжело сопящий навалился на него сверху, нащупал горло и стал душить.

Ударив вверх локтем и попав, как видно, в солнечное сплетение, человек на секунду добился ослабления хватки. Ужом извернулся под противником, ударил еще, целясь в пах, сам получил удар головой в лицо, но сумел сбросить с горла узловатые пальцы душителя, а затем и выползти из-под давящей тяжести. Вскочил. Неизвестный тяжело дышал где-то рядом и, похоже, также поднимался на ноги.

В кромешной темноте человек провел наугад три сокрушительных удара и двумя из них попал. Неизвестный взвыл от боли, затем захрипел.

Стены коридора вновь осветились.

Никого. Человек оглянулся. В самом деле — никого... Коридор здесь прямой, противник не мог так быстро убежать. Разве что втянулся в стену...

— Ну и фокусы у тебя, — сипло и зло сказал человек, с трудом ворочая шейю.

— В рамках правил игры, — немедленно отозвался Голос. — Я не выдумывал для тебя ничего нового.

— Что же ты, сволочь, — сипло укорил человек, с трудом ворочая шейю, — сказал, чтобы я оставил при входе фонарик? А сам свет гасишь! Это тоже в рамках правил?... Что молчишь?

— Нет, — согласился Голос после паузы. — Это не в рамках правил. Это подсказка. С фонариком ты не добрался бы до этого места.

— Почему? — выкрикнул человек.

— Потому что на сто девятом метре...

— Я не о том! Почему ты дал мне подсказку?

— Почему бы нет? Ты недоволен? Разве твои шансы уменьшились? Да и мне интересно посмотреть. Обидно, когда соискатель гибнет слишком рано. Кроме того, в последнее время соискателей становится все меньше.

Обидно ему... Интересно, видите ли, посмотреть! Быть может, верен тот вариант легенды, согласно которому безумный триллионер скопировал в квазиживые мозги подземелья свое собственное сознание? Старческое какое-то любопытство, нездоровое...

Наплевать. Вперед!

Шаровая молния, летящая в лицо со скоростью пушечного ядра... Уклониться. Пляшущая сеть электрических разрядов... Проскользнуть.

Дальше была развилка. Два одинаковых коридора — правый и левый.

— Может, подскажешь? — спросил человек. — Теперь куда?

— Тебе решать. Но идешь ты хорошо, я прямо люблюсь...

— Ну-ну, любуйся. А лучше бы дал совет.

— Один путь длиннее, другой короче.

Ага, значит, к цели приведут оба. Это главное.

Словно гора с плеч. Мучительный выбор между жизнью и смертью превратился в смехотворную дилемму: какой рукой лучше почесать затылок — правой или левой?

Правой.

Десять шагов. Ничего. Еще десять. Еще пять...

Гудящий рой крупных ос. Шершни. Стремительные убийцы. Нечто подобное было и на имитаторе, только вместо шершней там гудели мутированные москиты — каждый с воробья.

Все равно: любой укус здесь смертелен. Один-единственный укус.

Рой распался на множество черных точек. Они атаковали с невероятной быстротой.

Первым побуждением человека было метнуться назад, но он вовремя вспомнил предупреждение. Нет, назад нельзя. А если вперед?..

Рывок!

Осы пронеслись сквозь него, не задев. Их грозное слитное гудение слышалось теперь позади и удалялось.

Морок, с облегчением понял человек. Голограмма. И сию же секунду гудение стало стремительно приближаться вновь.

Человек побежал.

Он был почти уверен, что теперь за ним гонятся не бестелесные изображения, а настоящие крылатые убийцы. Десять

против одного... Неопытный игрок, воображающий себя широко умным, тут и проиграл бы свой шанс, а с ним и жизнь. А надо быть проще. Обмануть, усыпить бдительность и ударить насмерть — это так просто, так понятно, так по-человечески...

Он с разбегу перепрыгнул огненную ловушку. Дальше был зал. И — круглый бассейн в центре зала.

Шершни настигали. Сделав отчаянный прыжок, человек перелетел через парапет и нырнул в бассейн.

В воду! С головой, с ногами! Чтобы ничего не торчало. Возможно, эти твари способны жалить через одежду и даже обувь, но они заведомо не умеют нырять...

Слой воды оказался толщиной в пядь. А ниже — вязкий, засасывающий ил.

Человек попытался забарахтаться, но не сумел: илистая трясина держала крепко, сковав и медленно заглатывая. Мошка в янтаре — и та имела больше шансов выбраться из плена.

Человек взвыл от злости, выпустив цепочку пузырей. Сам прыгнул в ловушку! Сам! Так глупо попасться!

Чья-то когтистая лапа, погрузившись в трясину, ловко выудила его и швырнула на каменный парапет. Сверху низвергнулись потоки воды, смывая с тела липкую грязь.

Человек задыхался. Если бы на него лилась не вода, а царская водка, он не нашел бы в себе сил двинуться с места.

Шершни куда-то исчезли. Зато на каменной тумбе перед ним сидел Сфинкс, глядел на мокрого оборванца и точил о тумбу когти. Кисточка львиного хвоста подрагивала от нетерпения, но женское лицо было равнодушно. В искусно подкрашенных глазах Сфинкса стыл лед.

Что больше всего поражало, так это полное соответствие имитатору. Там тоже был Сфинкс. И надо было отгадать загадку.

— Отдышался? — Голос Сфинкса был начисто лишен эмоций. — Если нет, я подожду еще. Но недолго. Потом ты должен будешь ответить на три вопроса.

— Почему на три? — недовольно спросил человек.

— Ты правильно ответишь на три вопроса и только тогда продолжишь путь, — сказал Сфинкс. — В противном случае твой путь тут и прервется. Я не спрашиваю тебя, согласен ты или нет. Твоего согласия не требуется. Ты готов?

Человек со вздохом покрутил головой.

— Ладно... Задавай свои вопросы.

— Вопрос первый: для чего ты живешь?

Ничего себе вопросец... Во-первых, жить довольно приятно. Во-вторых, родители как-то не спрашивают детей, хотят ли те родиться. Родили — и живи себе, вот и весь ответ.

Вот только удовлетворит ли такой ответ Сфинкса? Пожалуй, что нет. Вот ведь гадина, гибрид, музейный урод с философским уклоном!..

— Я жду, — напомнил Сфинкс, подняв львиную лапу к самому лицу человека. Из мягких подушечек медленно выдвинулись стальные когти.

Вцепиться в эту лапу, рвануть на себя, швырнуть чудовище через бедро было делом полусекунды. В бассейн его! В трясину! Тяжелый, гад...

Сфинкс заревел совершенно по-львиному. Затем трясина сглотнула его. На поверхность выскочило несколько крупных пузырей — и все.

Человек перевел дух. Огляделся. Подземелье не реагировало.

— Это по правилам? — спросил он на всякий случай.

— Вполне, — ответил Голос. — Правила здесь задаю я. Некоторые думают, что это не так, но они ошибаются.

Человек поморгал. Это что выходит такое? Ловушка здесь может обладать свободой воли? Даже часть ловушки, потому что Сфинкс, бассейн и шершни — одна и та же ловушка, только сложная...

Но ведь в тех же пределах и соискатель обладает свободой воли. Так что, пожалуй, все справедливо. И подземелье играет по правилам, поскольку выход из ловушки все же нашелся!

Простейший выход, между прочим. Интеллектуал попытался бы ответить на вопросы — и наверняка проиграл бы. Здесь, как и везде, надо быть проще...

Других ловушек в зале не оказалось. Человек с удовольствием отдохнул бы на парапете бассейна, но особенно расслаживаться не стоило. Кто знает, какой сюрприз приготовило подземелье на данный случай.

Новый коридор. Целые заросли сверкающих лезвий, скреживающихся на манер ножниц... Свист разящего хлыста...

Шкворчащие струи расплавленной меди... Тихий шелест летящего диска с бритвенно-острыми краями, нацеленного точно в горло...

Упасть. Перекатиться. Перепрыгнуть. Увернуться. Рвануть вперед.

Кто сказал, что у грессмейстера невозможно выиграть?

Коридор заканчивался тупиком. Человек оскалился в усмешке: знакомые штучки... Хранилище, наверное, совсем рядом, надо только догадаться, как открыть эту стенку, и решение наверняка будет простым, как мычание. Быть может, просто боднуть ее головой? А ну, Сезам, откройся!..

— Не споткнись, — иронически посоветовал Голос. И в этот момент человек споткнулся.

Он почувствовал, что скользит куда-то вниз, в темноту, и едва успел сгруппироваться, как падение прекратилось. Он лежал в большой камере на чем-то жестковатом, но упругом. Наклонный лоток, по которому он только что скользил, уже успел втянуться в круглое отверстие над головой. Миг — закрылось и отверстие.

— Ты пришел, — возвестил Голос.

— Куда? — спросил человек, оглядываясь. — Это не хранилище.

— Это отстойник. Или могильник, если тебе угодно. Сюда попадают такие, как ты. Восемнадцать процентов вошедших. Мне уже трижды приходилось расширять это помещение. Второй отстойник — дважды. Там остаются десять процентов соискателей. Видишь ли, левый путь от развилки длиннее и сложнее, не все доходят...

Человек сглотнул. Облизнул потрескавшиеся губы.

— Значит... — он не сразу выговорил страшное слово, — я проиграл?

— Не всем же выигрывать, — снисходительно сказал Голос. — Кстати, на твоем месте я бы не вставал. Нехорошо топтать покойников.

Человек дико воззрился на то, что лежало под ним. Мумии... Коричневые ссохшиеся мумии с провалившимися глазами, жуткими осками, мочалками свалаявшихся волос на туго обтянутых черепах... Мумии друг на друге. Слоями.

Неужели и его судьба стать такой же мумией? И пружинить под следующим неудачливым игроком? Нет... Нет!!!

— Здесь сухо и нет ни микробов, ни грибков, — продолжил Голос. Наверное, он все же читал мысли. — Я бы мог кремировать тела проигравших игроков, но, по-моему, хранить их мумифицированными чище и гигиеничнее...

— Ты обманул меня! — закричал человек. — Я дошел! Твои ловушки ничего со мной не сделали! Где хранилище?

— Показать тебе? Смотри.

В воздухе сгустилось изображение. Условная человеческая фигурка стояла по стойке «смирно» под опускающимся на нее молотом и не делала попыток увильнуть в сторону. Первая ловушка, самая первая и самая глупая, не увернуться от которой умудрился бы только паралитик...

Молот едва коснулся головы фигурки. В тот же миг фигурка провалилась в люк. Сокровища были там. И какие сокровища! Нет, они не обесценились за минувшие тысячелетия, они даже выросли в цене...

Сокровища лежали у входа. А он... он, как дурак, прошел весь путь, обманывая ловушки, уворачиваясь, финтя, сражаясь до последнего... и зная, что обратного пути нет.

— Это нечестно! — завопил человек, размахивая руками. — Не по правилам!

— Ты слышал правила игры, — возразил Голос. — Могу повторить. Разве в них было сказано, что ты должен пройти все подземелье из конца в конец?

Человек сплюнул. Оскалился, и оскал его был страшен, но бессилен. Он проиграл. Подземелье перехитрило его, обвело вокруг пальца. Элементарно надуло!

— Зачем же вся эта... бутафория?

— Почему бутафория? — Голос, казалось, удивился. — Ловушки настоящие. Почему ты решил пройти их все — спроси у себя, ведь ты человек, а я только механизм. Но ты, вероятно, хочешь спросить, почему я не убил тебя сразу, как только ты миновал хранилище? А меня ты не берешь в расчет? Должен же я был получить удовольствие, наблюдая за тобой. И я его получил. Некоторые из твоих предшественников шли лучше тебя, но и ты шел неплохо...

Человек обхватил голову руками и замычал, раскачиваясь.

— Вы вечно говорили, что надо быть проще, — вещал Голос, — и вели себя соответственно. Проще не думать, чем думать. Проще выбросить вещь на помойку, чем отремонтировать ее. Проще напрячь кого-нибудь, чтобы изобрели новую штуковину, позволяющую не двигаться, нежели самим пошевелить конечностью. Проще поддерживать в тонусе дряблые мышцы на тренажере, чем колоть дрова и таскать воду из колодца. И уж куда проще, загадив свой дом, переехать в соседний, пустующий, чем заняться уборкой. На том вы всегда стояли, на том стоите и сейчас. Быть проще, еще проще! Но даже этого вы не умеете...

Голос смолк. Человек пошевелился, встал на жесткое, слегка пружинящее. Под его ногами слоями лежали сухие мумии проигравших игроков. Иные — в странных позах. Похоже; перед смертью они пытались укутить собственный локоть.

Октябрь 2001 г.

ГЛИНА ГОСПОДА БОГА

Нет участи хуже, чем подавиться за обедом. Это я вам точно говорю.

Почему?

Потому что знаю.

Само собой разумеется, на свете существует великое множество иных опасных неприятностей, на своем мегавеку я повидал их предостаточно. До сих пор вздрагиваю, вспоминая, как во время Большого землетрясения прямо под моими ногами разверзлась трещина — та самая, которая позднее превратилась в Атлантический океан, — так что мои задние ноги остались попирать большой из кусков разломившейся Лавразии, а передние конечности устремились на запад вместе с Новым Светом... словом, не обхвати я тогда хвостом ближайшую секвойю, худо бы мне пришлось. В ту эпоху хвост был полезным эволюционным приобретением, в чем я неоднократно убеждался на практике. Теперь-то, конечно, все иначе.

Но я отвлекся.

Помимо землетрясений мало радости доставляют также ураганы, удары молний (для очень высоких существ), лесные пожары, ледниковые периоды, всемирные потопаы, а также падения астероидов и кометных ядер более десяти километров поперечником. Трудно рассчитать так, чтобы не оказаться в ненужном месте в нужную минуту. Что до войн новейшего времени, то есть начиная примерно от Рамзеса Великого, то они хуже всех пережитых мною вулканических извержений, вместе взятых. Я уже не говорю о современных самодавящих и саморасчленяющих транспортных средствах и иных новомод-

ных напастях, к которым не успеешь толком приспособиться, как — р-раз! — и приспособливаться уже не надо, да и некому. Но хуже всего, повторяю, подавиться за обедом, особенно если поблизости нет никого, готового хлопнуть тебя по спине. С одной стороны, эта смерть далеко — и очень далеко! — не мгновенная, с другой стороны, природное естество не успеет прийти тебе на помощь. Ему, естеству, для этого требуются не секунды и даже не минуты — дни и недели.

Само собой, только для мелких трансформаций. Для крупных — больше.

Поубивал бы тех, кто любит болтать за обедом, да еще обращается при этом ко мне! А уж любителей рассказывать за столом анекдоты, особенно смешные, я бы судил по всей строгости за покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах и приговаривал бы к ампутации языка. «Когда я ем, я глух и нем!» — думаете, с чьей подачи придумано и пошло гулять по свету? С моей! А много ли толку? Очень жаль, что нельзя заставить болтунов принимать пищу с кляпом во рту.

Один из таких типчиков, достойный того, чтобы к его языку привязали пудовую веригу, как раз сидит напротив меня с супругой и переводчиком и не столько жует, сколько расточает комплименты еде, напиткам, обстановке, русскому гостеприимству и черт знает чему еще, переводчик уже вспотел, поспевая за ним, а мне каково? Не всякий раз можно отделаться обаятельной улыбкой, иногда надлежит ответить, а то и предложить тост. Не-на-ви-жу!

Не то беда, что мне приходится скрывать свое знание ста семидесяти языков и наречий, признаваясь во владении лишь двумя-тремя, а то беда, что я боюсь за свою жизнь. Двуногим эфемерам, обильно расплодившимся за последние несколько тысяч лет, и то случается задохнуться, отправив не в то горло кусок пищи, — это с их-то ничтожным периодом жизни! Попробуйте пожить с мое — я очень удивлюсь, если страх подавиться пищей не вытеснит из вашего подсознания все остальные страхи после миллиона-другого прожитых лет. Землетрясения и покушения на президентов случаются куда реже, чем застолья. Теория вероятностей против меня. Иной раз и хотел бы уклониться, да нельзя — регламент.

Он опять болтает... Господи Боже!

Слушаю с любезной миной. Кусочек севрюжьего бока великолепен — но обожду жевать. Пусть сам подтает во рту, а потом я его сглотну быстренько.

Главное — улучшить момент.

Оп! Сглотнул. Вовремя. Пожалуй, повременю втыкать вилку в следующий кусок...

Нет, все-таки человек — парадоксальное существо. Если он, как я думаю, всего лишь желудок, который в процессе эволюции обзавелся руками, ногами и мозгами с целью облегчить свое наполнение пищей, — так и наполнял бы на здоровье! Но молча. Не-е-ет... Мозг мешает. Избыточен. Кто много о себе понимает, тот всегда мешает другим.

А ведь было, было счастливое время одних только желудков! Сам-то я, понятно, этого не помню, поскольку и у меня тогда не было мозгов, а были лишь две клеточные стенки — внешняя и внутренняя. Мешок. Желудок в чистом, неиспорченном виде. А с ресничками, нагнетающими воду, — уже примитивное кишечнополостное существо, не хуже и не лучше других. Вот с ресничек-то, боюсь, все и началось... Но разве я виноват, что они выросли?! Разве я хотел этого? В то время мне и хотеть-то было нечем...

Признаться, не я додумался до мысли о том, что у Господа Бога были под рукой два сорта глины, — это сделал один из моих родственников еще во время, впоследствии прозванное эфемерами пермским периодом. Распустив на утреннем солнышке колючий наспинный веер и неодобрительно косясь на приближающуюся тень от гигантского хвоща, родственник изложил мне свою теорию.

— Самосохранение живой материи — величайшее из эволюционных приобретений, не так ли? — лениво размышлял он вслух, а я соглашался, брезгливо рассматривая других греющихся диметродонов, явных эфемеров и нам не конкурентов. — Теперь рассмотрим два пути, которыми могла пойти природа. Путь первый: наделить живое существо практическим бессмертием и пластичностью, позволяющей существу изменяться в течение всей жизни, в идеале бесконечной, приспособляясь к давлению внешних обстоятельств. Таким об-

разом, самосохранение обеспечивается тут на уровне особи. Путь второй: ограничить срок жизни существа ничтожной величиной, — тут и он покосился на эфемеров, — зато обеспечить им случайную и сугубо избыточную изменчивость в потомстве. Случайную, понимаешь! Я уже не говорю об их идиллическом половом размножении и совершенно безумной плодовитости. Тут самосохраняется не особь, а племя, вот потому-то эфемеры столь многочисленны, не то что мы...

И он рывком на эфемерную мелюзгу, совершавшую робкое поползновение заползти погреться на солнечный склон дюны, уже занятый нами. Обрушивая песок, мелюзга в панике ссыпалась вниз и булькнула в болото.

Родственник долго молчал. Затем обвел ироническим взглядом окружающий ландшафт.

— Эфемеры! — изрек он с презрением. — Любой из нас тут задавит десяток таких, как они. Мы крупнее, проворнее, у нас больший наспинный веер, мы скорее обретаем подвижность после ночной прохлады. А главное — мы умнее. В сущности, мы похожи на них только потому, что в этом облике нам легче живется. Сиюмоментный оптимум, понимаешь? Ты знаешь, что такое оптимум? Это то, что позволяет нам существовать вечно при неизменности условий нашего существования. Например, способность думать. Но я думаю и не могу себе представить: кем я стану впоследствии, очень не скоро, словом, когда у меня исчезнет этот дурацкий теплообменник на спине? Что я приобрету вместо него? А ты? Будем ли мы по-прежнему похожи друг на друга, или наши пути разойдутся?

Я лишь пробурчал в ответ что-то нечленораздельное и погрузил лапы в песок, потому что как раз в эту минуту порыв ветра, ударив в мой колючий парус, сделал попытку сбросить меня со склона дюны. Но родственник и не ждал от меня реплики.

— Кто в ответе за нас? — риторически спросил он и сделал попытку хапнуть пастью гигантскую стрекозу, пролетающую чересчур низко. — Если мы изменяемся, оставаясь телесно и духовно оптимальной формой жизни при любых изменениях этого мира, — продолжал он, следя за суматошным по-

летом увернувшейся от челюстей стрекозы, — значит, это кому-нибудь нужно. И если эта мысль верна, а я думаю, что она верна, возникает любопытнейший вопрос: Он, который дал нам разум и память, — Он понимал, что когда-нибудь мы осознаем Его существование? И попытаемся постигнуть Его сущность? И я спрашиваю себя: зачем Ему это нужно? Для чего Он вообще отделил одну глину от другой?

Признаюсь, вопрос, на сей раз обращенный ко мне, поставил меня в тупик. О таких материях я как-то не задумывался. Сам-то я помнил себя еще с тех времен, когда ползал по дну лагуны панцирной рыбой, причем далеко не кистеперой, но никогда не считал этот факт достаточной причиной для философствований. Появилась соображалка — и очень хорошо. Соображай. И, поднатужившись, прими как факт, что не все на этом свете от тебя зависит.

Например, то, кем ты станешь через столько лет, сколько чешуек на твоих боках. А то и через год — бывали случаи! Царем природы и грозой эфемеров — это понятно. Иначе и быть не может. Но каким?

— Наша глина лучше, — указал я на очевидное, нежась под ласковыми лучами солнышка, поднявшегося уже высоко и начинавшего припекать.

Мой родственник посмотрел на меня со снисходительным сожалением, как на несмышленьша. Он был умнее, и я это признавал. В те давние годы, когда я, по его словам, имел еще не мозг, а какой-то неудобопонятный ганглий, ему уже повезло стать большим головоногим моллюском с навороченным мозгом последней модели. Он просто раньше меня начал мыслить, вот и все. Если не врет, конечно.

— Ты не понял, — сказал мой родственник. — Необходимо оба пути, обе глины. Не будь второй, где бы мы брали пищу?.. Кстати, вон там, по-моему, очень подходящий растительнойяд... ты не находишь? Вон, вон, к водопою пошел... Ты как, уже прогрелся? Тогда побежали, как раз перехватим...

И мы побежали.

Царь навеки — вот как я назвал себя, когда уже стал человеком и насмотрелся на разных царей (а некоторыми был и

сам, что греха таить). Цари навеки — таковы были и мои родственники. Глина высшего сорта. Вершина пищевой пирамиды всегда и везде. Существа, уязвимые разве что для слепой стихии, но не для зубов эфемеров, напади они хоть целой стайей. И притом, что любопытно, зачастую копирующие внешний облик тех же эфемеров!

Точнее, они копировали нас. Взять хотя бы тех же диметродонов или, скажем, зверозубых горгонопсов... Все-таки цель у нас и эфемеров была общая, вот только достигали мы ее разными путями. Почти всегда мы успевали раньше, ну и, естественно, пировали на отходах эволюции второсортной глины. При прочих равных мы зачастую были сильнее эфемеров одного с нами облика, а умнее — всегда. Если бы мы размножались, как они, то еще в карбоне подъели бы их всех без остатка, а дальше, боюсь, принялись бы друг за друга — тут мой родственник был совершенно прав.

Века полтора назад я хохотал над спорами ламаркистов и дарвинистов — этим чудикам так и не пришло в голову, что правы (в первом приближении) обе стороны! Зачем навязывать природе (или Ему?) примитивные ремесленные навыки — мол, делай то, не смей делать этого?... Да что понапрасну обижать ремесленников! Любой гончар времен Хеопса, и тот знал, что к глине каждого сорта необходим свой, особый подход.

Кстати о Хеопсе... Все-таки зря я тогда приказал выстроить ту пирамиду. Ненужное баловство, и только. Презрение к эфемерам — еще не повод для сомнительных экспериментов над ними. Хорошо еще, что египтяне исстари были народом терпеливым и законопослушным — не убили не только меня, но и почти никого из моих подражателей, которых развелось несчетно! А ведь никто из них меня так и не переплюнул... Куда им, второсортным!..

О чем это я? Гм, отвлекся... Да, об особом подходе!

Так вот. Взять хотя бы меня. Не спорю, быть клыкастым горгонопсом приятно во всех отношениях, но лишь до тех пор, пока вокруг хватает упитанной и неповоротливой дичи. Чума на этих эфемеров! Не прошло и миллиона лет, как самые ушлые из них видоизменились вслед за нами точно так же. Пла-

гиаторов во все времена было пруд пруди. Понятно, до наших статей им было далеко во всех отношениях — и клыки у них были короче, и бегали они немногим лучше крокодилов, а главное, не блистали интеллектом, — но все же дичи стало так мало, что мы уже не брезговали нападать на невкусных зверозубых плотоядов, да и они на нас тоже пытались — какой глупости с голодухи не выкинешь! Вот тут-то я безошибочно почувствовал, что долго мне горгонопсом не быть... да и не первый раз почувствовал, кстати. Когда я пребывал в облике стегоцефала, случилась та же история. Ну и предчувствие, как водится, не обмануло...

А кем быть? Каким быть? Господи, да разве это можно узнать заранее! Кто ж меня будет спрашивать! Высшая форма живой материи, наиболее приспособленная к индивидуальному выживанию в данной среде, — и точка.

Кем я был в середине триаса, вам не понять, в палеонтологических музеях таких скелетов нет, да и не может их быть — я-то жив! Разве что кто-то из моих родственников случайно пошел по тому же пути и столь же случайно погиб — но тут, во-первых, его останки надо еще найти, а во-вторых, разбросало нас в ту пору сильно, очень сильно... Кто во что горазд.

Сейчас, когда я стараюсь не пропускать ни одной палеонтологической новинки, касающейся крупных позвоночных, мне совершенно ясно, что одна-две кости, в лучшем случае полскелета, раскопанные однажды и не найденные во втором экземпляре, сколько их ни искали, — почти несомненно останки того или иного моего родственника. Просто им меньше повезло, чем мне. Мы ведь тоже смертны, хотя и не дряхлеем с течением времени.

Нет, нам не были страшны хищники — куда им! Любой из нас мог бы переломать тиранозавру кости одним ударом хвоста. Когда континент разломился и я остался в Евразии, плюнув вслед неспешно удаляющейся Америке, мы с одним моим родственником (не с тем философом — его я не встречал с верхнего триаса) какое-то время прекрасно себя чувствовали в облике десятиметровых рукастых ящеров и очень лихо сворачивали шеи безмозглым тарбозаврам, если те начинали слишком уж нагло приставать. Признаться, они нам порядком надоели, и я был рад,

когда эти бегающие пасти исчезли с лица планеты. Туда им и дорога. Глупо растить пасть за счет мозгов.

Совсем недавно моего родственника раскопали палеонтологи — вернее, раскопали то небольшое, что от него осталось. Я чуть было не всплакнул. Назвали дейнохейрусом — выдумают же имечко! Теперь эти наивные ищут второй экземпляр и, конечно, не понимают, что никогда его не найдут. Нас было только двое, и второй экземпляр — это я.

Голод был серьезнее хищников, но и он нас не страшил: если не ладилась охота, мы успевали видоизмениться прежде, чем погибали от бескормицы, и добыча вновь чуть ли не сама лезла под клыки. Стихийные бедствия — это уже серьезнее. Трудно за сотню миллионов лет ни разу не попасть под молнию, если ты возвышаешься над окружающей природой подобно колокольне — а попробуй-ка сверни тарбозавру шею, если ты меньше! А как мне приходилось спасаться от лесных пожаров! О камнепадах, селях, прорвавшихся озерах лавы и топких асфальтовых озерах я уже и не говорю. Но сколько их, моих родственников, погибло в мезозое, подавившись куском гадрозавра или диплодока, — это же уму непостижимо!

Да, мы размножались. Что до меня, то я в мезозое почковался трижды — один раз в триасе и два раза в нижнем мелу. Не знаю, что случилось с моими отпрысками. Некоторые из нас гибли, но все же мы медленно, но верно наращивали численность, и я, вспоминая слова моего родственника-философа, начинал уже задумываться о том, что когда-нибудь на наше пропитание не хватит эфемеров...

Наивный! Грянул кайнозой, крупная пища вымерла, и мы стремительно начали мельчать. Обиднее всего было удирать что есть духу от последнего тарбозавра — месяцем раньше от одного моего апперкота он гарантированно получил бы сотрясение мозга, даром что там сотрясаться почти нечему! Но я спасся, а тарбозавр вымер, наглядно продемонстрировав ущербность глины второго сорта.

Вообще-то и в креодонтах можно было неплохо жить, если знать как. Странно, конечно, видеть высоко над головой ветви, которые ты еще недавно ломал бедром, пробираясь по лесу, — но можно привыкнуть. Хуже, что и тут у нас мигом появились

подражатели из эфемеров — знаете, шустрая такая, зубастая мелочь. От нее мне пришлось спасаться в эндрюсархи, да и не мне одному, если судить по некоей ископаемой челюсти. А еще неприятнее было то, что и подражатели, и дичь умнели с каждым миллионом лет!

Словом, кайнозой не стал для нас золотым веком, но все же мы жили сносно, хотя и не процветали. До появления этих прямоходящих...

Стыд сказать: они обогнали меня! Они обогнали всех нас! Когда в мой бок (тогда я имел вполне выигрышное обличье саблезубого тигра) ни с того ни с сего впился острый камень, примотанный к длинной палке, я уцелел только потому, что, бросившись на обидчиков, показавшихся мне довольно хлипкими, оступился и кубарем покатился в овраг. По дну оврага я и удирал, а эти двуногие чем только не швыряли в меня с высоты!

Удрать-то я удрал, но был унижен. Эфемеры одержали надо мной верх! Несколько осторожных экспериментов наглядно показали мне, что с двуногими лучше вообще не связываться. И самое главное: я не нашел среди них своих сородичей! Вы понимаете? Не нашел! Второсортная глина опередила нас!

Какое-то время я мстил им, нападая на одиночек, а потом... ну да, правильно. Я стал похож на них. Не сразу, правда, — пришлось пройти стадию гигантопитека и, стыд сказать, питаться плодами. Тогда-то и подавился в очередной раз диким яблоком — честное слово, тут и умер бы, если бы от удушья не грянулся оземь, отчего кусок счастливо проскочил в нужное горло.

Но человеком я стал. Пришлось только научиться жить среди двуногих эфемеров, притом называя их дорогими соплеменниками. Противно, конечно, но тот, кто хочет жить вечно, не должен быть особенно брезглив.

Гораздо хуже то, что эфемеры короткоживущи. Правда, пока они были троглодитами, их изумление моим долгожительством можно было запросто игнорировать: в одном племени я был вождем на протяжении трех тысяч лет без всякого перерыва! Чудовищный срок для них — смешной для меня. И все же впоследствии я так и не приблизился к этому рекорду, даже когда звался Мафусаилом. Не те пошли времена, и я

твердо уяснил себе: удивляй людей — но в меру! Тысячелетиями водить племя на охоту и на войну, уничтожать соперников и определять в котел состарившихся жен — это одно, а позволить себе прожить, не меняя обличья, хотя бы несколько столетий в довольно диком, но уже отнюдь не пещерном племени — это, согласитесь, совсем другое. Не поймут.

Пришлось изобретать способы ухода. А хуже всего было то, что жизнь пошла очень уж нервная: меня запросто могли удушить, отравить, зарубить или утопить всякий раз, как я, сменив личину, вновь карабкался наверх. Скажете, наверху опасно? Верно. Но внизу еще опаснее, это я вам точно говорю. Крестьянину куда труднее выжить, чем монарху, да и некомфортно к тому же. Солдату — тем более. Купцу, ремесленнику, чиновнику? Тоже не лучшие профессии в смысле сохранения шкуры. Мудрецу? Пробовал, но это хорошо далеко не во все эпохи. Мудреца всякий гопник норовит обидеть. Архимеда помните? Этот мой родственник открыл свой закон гидростатики еще в облике мозозавра, когда его однажды заперло отливом в мелкой лагуне, а как только он решил поделиться знанием с эфемерами — что вышло? Шел бы лучше в цари сильной державы, ей-ей!

Рамзесом Великим я не был, врать не стану, и Киrom Великим тоже, а вот Соломоном, Юстинианом и тремя китайскими императорами — был. Словом, где увидишь долгое устойчивое правление — ищи меня и с большой долей вероятности найдешь. Мне-то потрясения ни к чему.

Думаете, быть Соломоном и иметь семьсот жен оказалось хлопотнее всего? Ничуть. Главное не допускать их к себе во время трапезы, а если и допускать, то не слушать. Шарик из воска всегда были при мне: заткнул уши — и пусть себе щебечут, а ты не реагируешь и не рискуешь подавиться. Да они, то есть жены, по правде говоря, и без меня убалтывались до такой степени, что при мне уже почти ничего не могли сказать. А что до неперемнной царской обязанности продолжения рода, так ведь есть же для чего-то евнухи! Небольшой, тщательно организованный недосмотр хирурга — и все в порядке, дети носятся по двору стаями, да и жены довольны.

Разработать подходящую легенду для внедрения в цари, обзавестись надежной «родней» из эфемеров — о, на это иной

раз уходили десятилетия! Незаметно, «по-английски» уйти, когда твоя долговечность на троне начала удивлять и раздражать современников, — это труднее, но при царских возможностях вполне осуществимо. Согласитесь, имея многочисленных подданных, сыскать похожий на правителя труп — не проблема.

Один только раз вышла накладка — с солдатом Масловым в Таганроге. Кто-то что-то заподозрил, и пошла гулять легенда об Александре Благословенном, инкогнито подавшемся в странники. Было дело, не отрицаю. А как мне иначе было скрыться для очередной метаморфозы?

Откровенно говоря, я с удовольствием процарствовал бы еще лет пятнадцать—двадцать, но что-то во мне, а может, наверху, вовремя почуяло: убьют. Не справа, так слева. От правых я, положим, отбоярился, загнав Сперанского туда, куда Макар телят не гонял, — а что было делать с меланхолическим Якушкиным и иже с ним? как уберечься? Казнить направо и налево правых и виноватых эфемеров? Последний из моих родственников, подвизавшийся в качестве Иоанна Васильевича, попробовал было — и чем дело кончилось? Удушили подушкой в опочивальне. Что поделать — Россия вообще скверное место для самодержцев, будь они даже из первосортной глины. Второсортных — тех давили пачками.

Кто как, а я в двадцатом веке зажил спокойнее. При Иосифе Виссарионовиче не рыпался — тот эфемер эфемером, скоропелый самоучка без всякого опыта, но каков был самородок! Иной раз прямо думаешь, что он тебе родственник, до того умелый! Приглядишься — ан нет, эфемер! Вот и говори после этого, что из дерьма не слепишь пулю. Я перед ним просто щенок, несмотря на опыт Хеопса, Соломона, Юстиниана и трех китайских императоров, вместе взятых. Только вынет трубку изо рта, скажет неторопливо: «Лазарь, что там у нас со строительством московского метро?» — так докладываешь ни жив ни мертв, а тут и Ежик сидит с таким видом, будто сейчас в горло тебе прыгнет, как мелкий креодонт. Как раз дурацкие стишки пошли в прессе: «А товарищ Каганович был все время впереди...» Впереди Хозяина? Ох, думаю, припомнят мне того «подземного командира!» А ну как возьмут меня тут же по

выходе, в приемной? Лагерь еще не так страшен, в лагере бы я быстро приспособился, — но разве лагерь для меня? К пуле в коридоре не приспособишься, вот в чем штука; она, пуля, нисколько не лучше куска, пошедшего не в то горло.

А какие застолья бывали у Хозяина! С тостами, разговорами, хохотом! Гопака заставлял плясать с Никитой на пару! — того и гляди подавишься, не прожевав кусок, и опрокинешься с сизой физией, а там гадай: спасет тебя медицина или рассеется лагерной пылью. Положим, до судеб эфемеров мне не было дела и нет, но себя-то жаль, я-то теоретически вечный! Вечный, но смертный. Притом подозреваю, что последний из глины высшего сорта...

Уйти? А как? Куда? Оттуда, куда я забрался, своими ногами не уходят. Добро, что Хозяин — эфемер, а значит, когда-нибудь помрет, хоть и кавказец. Терпеть, ждать...

Дождался. Думаете, легче стало? Да ничуть! Вдруг вижу — старею усиленно, чуть было не испугался. Потом сообразил: не просто так дряхлею, а по делу — естество приспособливается. Ну, намек я понял и окончательного маразма ждать не стал — пятьдесят седьмой год, антипартийная группировка, «ненавидим враждебные силы», с Шепиловым срифмованные, и тому подобное. Что ж, ему, естеству, виднее, как мне себя вести...

На этот раз очень долго ждать пришлось, чтобы обо мне все забыли, — вообще-то эфемеры редко доживают до девяносто восьми. И вот что интересно: впервые меня пнуло вниз, не дотаскив до самого верха! Частный случай, конечно, но тогда я был всерьез обеспокоен деформациями в нашем мире. Это что же получается: наиболее безопасное место — уже не на вершине пищевой пирамиды? А где же тогда? Быть простым гражданином, не защищенным от войн, болезней, транспорта, бытовой преступности, экспериментов правительства? Конечно, и правителей время от времени убивают, но не так же усиленно... Олигархом? Можно попробовать лет через сто, никак не теперь. Или естество вновь потащит меня в животный мир — скажем, зубром в охраняемый заповедник? Так ведь на каждый заповедник найдется браконьер, да и егеря себе отнюдь не враги...

Глупые мысли, верно? Так оно и оказалось. Деформации этого мира существовали лишь в моем воображении. Организация соб-

ственных похорон, новая метаморфоза и новая личина, осторожное внедрение — и вот я уже снова там, где мне сидеть два срока. Потом уйду, дам себе «состариться и умереть всеми забытым» на даче с надежной охраной, а потом опять... Если ничто не нарушит регламент, то через час я покину этот позолоченный каменный сундук работы архитектора Тона, а вечером выступлю по телевидению с краткой речью и начну ее так:

— Уважаемые соотечественники! Россияне!

Вершина пирамиды — да-да, и пищевой тоже. В первую очередь пищевой. А этот английский премьер из второсортной глины, захавший сюда с неофициальным визитом, опять болтает — не дает как следует закусить!

Терпение, только терпение... Ну вот, дождался. Обед в честь высокого гостя (провалился бы он в юрские слои!) окончен, и мы переходим в парадную гостиную, где побеседуем с глазу на глаз. Переводчиков можно отпустить — все знают, что я владею английским.

Премьер пробует задом кресло и остается доволен. Хитренко смотрит на меня и вдруг произносит на чистом русском:

— Не наелся, да? Сочувствую... А помнишь, как мы с тобой того растительнойного завалили?..

2000 г.

СЕКУНДАНТ

А что, ребята, нельзя ли мне к вам подсесть? Да-да, к вам. Я гляжу, у вас место свободное. Что? Ты, парень, полегче на поворотах, я не попрошайка. Если хочешь, могу всех вас упоить до изнеможения, а тебя персонально — до белой горячки. Чем? А чем угодно, тут у них всякого пошла навалом. Эй, гарсон!..

Лично я предпочитаю вон то синее. Нет, это не денатурат, это местный коньяк. Выдерживается в стоеросовых бочках, дерево тут есть такое, стоерос называется, так древесина у него синяя, и потому коньяк тоже синий. Чем старше, тем синее. А если с фиолетовым оттенком, как у аметиста, то это подделка, так и знайте.

Стоерос — потому что стоя растет. Нет, остальные не лежат. Корни у него из почвы торчат, как ноги, иной раз в темноте испугаешься. А так дерево как дерево.

Почему гнусавлю? Парень, протри окуляры. Ты нос мой видел? Тебе бы так расплющило, послушал бы я тебя. А шепелявлю оттого, что передних зубов нет, вот посмотри... Нет, я не боксер. Вставить, говоришь? А какой смысл? Через месяц будет то же самое, одни напрасные расходы.

Ну, за Землю-матушку! М-м... Ну как стоеросовка? То-то. Без меня небось не додумались бы, налакались бы привозной дряни. Первый день здесь, да? Я так и подумал. И последний? Ага, значит, увольнение до двадцати двух ноль-ноль, а завтра с похмелья старт — и спокойной плазмы? Знакомо, знакомо...

Я-то? Я, парень, здесь уже три года с гаком. Прижился, можно сказать. Ничего, с местными нетрудно ладить, если знать как. Вам не советую. Слышь, ты подвинься чуток, а? Я ногу

вытяну. Коленная чашечка у меня разбита, поджила уже, а ноет...

Вы с «Хеопса», да? Видал, как же. Посудина впечатляющая. Прежде-то здесь космодромишко был маленький, только для местных катеров, а что покрупнее, то садилось на сателлит... Что значит — на какой? На единственный. Как стемнеет, в окно выгляни. Глубина круглая, как бильярдный шар, ни гор, ни впадин. Что там горы — и холмов-то нет. Двести миль ровного льда, и не тает. Почему? А я спрашивал — почему?? Какое мое дело?

Налейте-ка еще, братцы. Давно я с соотечественниками не общался, душа горит. Нет, руки у меня не трясутся, а дрожат, понятно? Есть разница. Невралгия после ранения. Костоправы здесь что надо, у них практика — ого-го!.. Они мне эти руки по кусочкам собирали. Говорят, со временем само пройдет. Если, конечно, оно у меня будет, это время...

Так вот. Не надоел я вам, нет? Тогда послушайте, что я вам расскажу. Особенно рекомендую послушать тем, кто из бара намерен по городу прошвырнуться. Полезное дело.

Между прочим, это благодаря мне мы тут с вами в баре сидим, а три года назад землян вообще дальше сателлита не пускали. Понятно, Восточные. Западные же и теперь о метрополии слышать не хотят, только Восточным они не указ, так-то...

Не понял: вас перед увольнительной инструктировали или нет? Пора бы и знать: на этой планете суша и вода издавна разделены между Восточными и Западными, ровно пополам. Да, два государства. Что?.. Ты, парень, говори громче, я после контузии немного туговат... Не воюют? Ха! Еще как воюют, только не за территорию, нужна она им... Просто считают, что каждое поколение должно иметь свою войну. Вот и я говорю: чудики. Но привыкнешь к ним — иного и не надо.

О чем это я? Ах да.

В биографии моей мало интересного: родился в метрополии, учился на Марсе, стажировался на Титане. Женат был четырежды, ну да это дело преходящее. А главное то, что получил я диплом инженера-механика малотоннажных судов и удостоверение пилота третьего класса. Двенадцать лет отработал по контракту с «Сириус Лайнз» — ну, вы сами понимаете,

что это значит. Никаких регулярных рейсов, одни левые фрахты. Иногда по месяцу работы нет, а то вдруг полгода без перерыва мотаешься туда-сюда по Галактике, как таракан ошпаренный... К Канопусу ходил, к Денебу... да куда только не ходил! Сначала нравилось, а потом думаю: «Э нет! Хватит!» На дядю отпахал — пора и о себе подумать, верно я говорю?

Ясное дело, верно, а как же иначе? Я сызмальства понял: большой шишкой мне не быть, так не буду и малой. Сговорились мы тут с одним номером, я его Бананом звал, потому что желтый, что выкупим посудину, как только сможем. Своя фирма, частный извоз. А «Сириус Лайнз» тут как тут: вот список судов, берите любое и после пяти лет безупречной работы на корпорацию оно ваше, хотите верьте, хотите нет. Мы-то с Бананом радовались, пока не поняли: предлагают то, что годится только на слом. А куда деваться? На новое судно нам ни за что не скопить, хоть всю жизнь мотайся по Галактике из рукава в рукав.

В общем, решились. Присмотрели одну посудину получше прочих. Катер, но с хорошим запасом хода, для рейсов не дальше пятидесяти парсеков. По нашим запросам в самый раз. Крылья для атмосферы. Садиться может двояко: и дюзами вниз, и по-самолетному. Преимущество универсальности, верно? Я еще в два рейса сходил, чтобы поднакопить на запчасти, а Банан — в три. Списанное брали, а то и ворованное — по дешевке, с рук. Ну, не мне вас учить, где толкнуть, где купить... Налей-ка еще...

Ну вот. Целый год мы жили так, как не всякий нищий живет, одной синтетикой питались и работали по восемнадцать часов в сутки, но судно в порядок привели. Банан — первый пилот и командир корабля, я — старший помощник, второй пилот и бортмеханик, паи поровну. Сходили нормально в два рейса, не очень выгодных, но ведь до срока не отмажешься. А потом оно и случи... кх... кха... кх-х-х...

Правильно, постучите по спине. Только осторожно: у меня смещение позвонков было, едва выправили. Кх-ха!.. А что кашель, так это легкие отбиты. Нет, не в драке и не в полиции. Упал один раз неудачно... Откуда падал? Оттуда, куда меня подбросило...

Давайте-ка еще примем по маленькой, не могу я о том хмыре вспоминать без содрогания. У него и личного номера-то, как у всех порядочных людей, не было, а звали его Вебер, по имени не то Людвиг, не то Люций, точно не вспомню. И нас с Бананом он заставлял величать его не иначе как «превосходительством», а если обратишься к нему просто «господин Вебер» — кривит харю, словно его насильно лимонами кормят. Чего смеетесь-то? Так и было, не вру.

Он был не только превосходительством, но и господином посланником, не больше, не меньше. Да-да, первым посланником метрополии на эту самую планету. По сравнению с нами, семечками, — шишка размером с ананас, а ему этого мало, подавай еще больше значимости и величия. Сам росточка мелкого, ноги кривые, лысоват, рот брезгливый в ниточку, а раздут спесью почище клопа, когда тот насосется. Нам с Бананом он сразу не понравился, да и мы ему, кажется, тоже.

Ну вот. Рейс, значит, на эту самую планету. Она, планета, заселена уже давно, для местных это дом родной, о какой-то там Земле они и слышать не хотят. Ну вы знаете, как это было: когда тыщу лет назад расселялись, мало какая колония не обрывала связи с Землей, так и варились народы в собственном соку. Потом, понятное дело, в метрополии спохватились, начали потихоньку прибирать колонии к рукам. Осторожненько так, чтобы без конфликтов. Сначала торговая фактория, затем посланник, далее чрезвычайный и полномочный посол, атташе разные, сотрудничество во всяких там сферах, а лет через сто глядишь — и присоединилась колония. Вот этого самого Вебера сюда посланником и назначили.

Почему мы? Да очень просто: три года назад оба здешних правительства разрешали землянам садиться только на сателлит, а он, зараза, ледяной и ровный до умопомрачения... это я уже говорил, да? Так вот: этой ровной круглостью местные почему-то дорожат и не желают, чтобы чужие корабли своей плазмой выплавляли во льду ямы. В общем, садиться и взлетать можно только по-самолетному, иначе сожгут на подлете, и дело с концом. Вебер-то хотел, чтобы его доставили на военном корвете, а то и на линкоре, как особо важную персону, да куда там... Корвет по-самолетному не сядет. Короче говоря,

«Сириус Лайнз» перехватила выгодный фрахт и спихнула на нас. Самое, мол, подходящее судно. Ну, правда, лоск нам они навели за счет корпорации, чтобы Вебер невзначай не лопнул от злости...

Налил? Вот молодец. Закажи-ка еще стоеросовки за мой счет, я угощаю. Ты, парень, не смотри, что у меня голова трясется, лучше помоги донести до рта... Нет, это не контузия, это черепно-мозговая травма, а контузия уже поверх...

Летим это мы. Вышли в нормальное пространство, планета на левом траверзе. Господин посланник, как водится, в гibernации. Все в норме. Банан ведет катер, я слежу за техникой, Вебер дрыхнет в саркофаге. И будет дрыхнуть до самой посадки, отчего нам с Бананом большое удовольствие: в начале рейса этот Люций-Людвиг надоел нам своими придирадками хуже инспектора техконтроля, ей-ей! Что?.. Не бывает, говоришь, хуже? Три ха-ха. Это ты, парень, по молодости лет сболтнул, потому что Вебера не видел, так что прощаю...

Подходим мы, значит, к спутнику, запрашиваем разрешение на посадку, все чин-чин. А надо сказать, что спутник тоже поделен между Восточными и Западными, только уже не поровну. Темное круглое пятно видели? Там лед перемешан с какой-то пылью, отчего круг похож на зрачок, а сам спутник — на глазное яблоко. Он, между прочим, так и называется — Глаз. По краю зрачка проходит граница, белое принадлежит Западным, темное — Восточным. Посланника с Земли согласились принять Восточные, так что нам садиться на зрачок.

Глиссада? Брось. Поделена только поверхность, а космос ничейный. Лети ты хоть в метре над чужой поверхностью — никто тебя не тронет, а коснешься льда — накроют враз. Радары у аборигенов могучие.

Торопиться нам некуда. Шлепаем себе вокруг Глаза по нисходящей спирали, приближаемся мало-помалу. Я еще раз саркофаг проверил — нормально. Спит его превосходительство сном младенца и сны, наверно, видит, как встречают его с оркестром и почетным караулом, а толпа флажками машет. Как же...

После тормозного импульса нам и делать-то ничего не надо было, разве что вырулить по пыльному льду куда укажут. Атмосферы нет. Орбитальная скорость возле поверхности Глаза

маленькая, метров двести в секунду, сесть на шасси раз плюнуть, наше шасси и не такое выдерживало. Всех дел — рассчитать правильно, чтобы не выкатиться со зрачка на белок.

Оказалось, что зря мы расслабились. Сдохла наша «считалка» в самый ответственный момент — перед импульсом коррекции. То ли я где-то недоглядел, то ли еще что... Банан, наверно, до сих пор думает, что я виноват, а по-моему, не будь с нами Людвиг-Люция, ничего бы не случилось. Есть такие типы, которым от техники лучше держаться подальше — она их присутствия не переносит.

Ничего не поделаешь, приходится садиться вручную. Посамолетному и без атмосферы — это не так просто, как кажется, тут ювелирная работа нужна. Банан аж взмок, но катер на стометровую высоту вывел, шасси выпустил. Снижаемся помалу. Под нами лед сверкает. Вот уже девяносто метров над поверхностью, восемьдесят...

Стоп, говорит Банан, промахиваемся. Мимо зрачка, стало быть. И на меня смотрит. Я киваю. Ежику понятно, на ближайшем витке нам не сесть, ну и хрен с ним, сделаем еще один...

Тут-то мы и влипли. Надо переходить на ручное управление движками — а как, если «считалка» не просто издохла, но еще и обесточила все, что могла? Системы отрубались, свет в рубке и тот погас. Хорошо хоть, у саркофага питание автономное, а то бы Вебер так и не проснулся.

Медленно падаем, стало быть. Не разобьемся, так Западные сожгут нас в ноль секунд, это они умеют. И никуда не денешься — падаем как раз к Западным, на ихний белок. Над зрачком прошли уже метрах в сорока, если не ниже. Связи нет, возопить о бедственном положении не можем, да и не факт, что Западные стали бы нас слушать. Всей жизни на полчаса осталось.

— Импульс мне давай! — орет Банан. — Импульс!..

Это я и сам не хуже его понимаю. А где его взять, импульс тяги? Пытаюсь оживить хоть что-нибудь —дохлый номер. «А ну лезь в скафандр!» — кричу. Банан живо понял, влез. Я тоже. А Веберу все едино, он в саркофаге.

Добрался я до кормового люка, закрепился там, ну и открыл его. Ветром так дунуло — едва меня не снесло. Весь воздух, что

был в катере, — наружу, а с ним барахлишко наше, то, что просто так лежало, запчасти там, мусор разный... Люк этот я так открытым и оставил, нового воздуха из баллонов вручную не подашь. В скафандрах запас часа на четыре, и за это время надо сесть...

Первой моя коробка с инструментами о лед ударилась, подскочила раз-другой и заскользила, как на коньках. Вдруг вспышка — чпок! — и нет коробки. Как корова языком. Следом костюм мой парадный льда коснулся. Чпок — вспышка! — нет костюма. И вскоре за кормой целая серия: чпок-чпок-чпок... Подмели начисто. Наглядно показали нам, что бывает с теми, кто вторгается на чужую территорию.

Что смотришь на меня так? Думаешь, я байки травлю? Ты прежде до конца дослушай, а потом сам поймешь, травлю или нет. Давай-ка еще выпьем граммuleчку. От стоеросовки похмелья не бывает, а вот в кишках жжет иногда. Особенно если там шов на шве. Ранение в живот у меня было...

Ясное дело, импульс тяги так себе получился, однако падать мы перестали. Ровненько так идем надо льдом, метрах в двадцати—тридцати. А дальше что делать? Ну ясно: дать тормозной импульс в нужный момент. Банан покумекал, подсчитал, и когда до момента пять минут осталось, я собрал оставшееся барахлишко, связал в такой узел, чтобы в люке не застрял, носовую горловину раздраил, жду. Банан орет: «Давай!» — и я со всей дури пинком вышибаю узел прямо по курсу.

Улетел он вперед, и что с ним дальше было — не знаю. А мы вниз пошли. Глаз — шарик маленький, горизонт рядом, и зрачка что-то не видно. Нервничаем. Банан уже ругать меня начал за чересчур сильный пинок, но вижу: лед вдали перестал глаза слепить и как бы пеплом подернулся — подходим к зрачку, значит. И видно нам обоим: сядем как надо и где надо.

Стоп!

Вышка с антенной на горизонте! Космодром у них, сами понимаете, одно летное поле и больше ничего, все постройки под лед убраны, а куда ж антенну уберешь? Одна она и торчит, как перст. И наш катер на этот перст точнехонько прет, словно нарочно нацеленный... Лед под нами уже серый пошел, а садиться нельзя — как раз вышку своротишь и заодно собственную шею.

Молча выламываю из пола кресло второго пилота — свое, между прочим! — и в кормовой люк его. Опять пинком. К счастью, не застряло оно, а то бы я вас сейчас стоеросовкой не поил...

Слушай, потеснись немного, я поудобнее сяду... Вот так лучше. Что?.. Парень, когда ты лишишься двух ребер с правой стороны и четырех — с левой, свистни мне, я приду посмотреть, как ты себя будешь чувствовать...

Пинок мой зря не пропал — взмыли мы слегка и прошли впритирку над антенной. Банан прикинул новую орбиту и в формулы закопался, а как вылез, так еще желтее сделался, чем всегда был. Подсчитал, говорит, вручную все как есть: и поправку на притяжение со стороны планеты, и торможение об атмосферу... Сколько там той атмосферы! Следы. А выходит, что сделаем мы пять витков, а на шестом коснемся льда сразу за зрачком. Понятно, что будет дальше — вспышка и чпок!

Все пять витков я с системами возился как каторжный. А хоть бы хны: не оживает катер, мертвой глыбой летит, хорошо еще, что не кувыркается. Гироскопы пока по инерции крутятся. И что еще можно выбросить за борт — ума не приложу.

Саркофаг с посланником? Молодец, сразу сообразил, а я вот только на шестом витке додумался, и то, можно сказать, случайно. Попался мне вдруг на глаза этот саркофаг, и такая меня, парни, злость взяла! Лежит под прозрачным колпаком его превосходительство господин посланник с видом капризно-презрительным: почему, мол, постороннюю пылинку с его лежбища не смахнули? Почему саркофаг у него плебейский, пластиковый, а не какой-нибудь из красного дерева с позолотой?

Сам решил, сам и сделал, чтобы Банана не втягивать. Такого пинка отвесил саркофагу — любо-дорого. Десяти секунд не прошло, как саркофаг с Вебером ушел за горизонт.

Преступление, ага. Однако в тот момент об этом как-то не думалось. Высоты надо льдом метр, зрачок Глаза того и гляди кончится, непременно выкатимся к Западным. А так — коснулись, подпрыгнули, Банан умудрился катер боком поставить, юзом пошли... Все-таки до белка не доскользили, встали. Отбуксировали нас куда следует, спустили в подледный ангар. А мы сдуру как полоумные орем: ловите, мол, саркофаг, пока еще летит, спасайте его превосходительство!..

Правильно, пора выпить. Стоеросовка перерывов не терпит. Ну, за вас, ребята!

О чем это я рассказывал? Нет, не склероз, а так, отдельные провалы. До склероза мне еще жить да жить... если доживу, конечно.

О посадке на Глаз, что ли? Тыфу, тоже мне тема. А! О Вебере! О господине посланнике метрополии Людвиге-Люции Вебере, персоне грата.

Поймали его Восточные. И нет бы им молчать — проболтался один! А Вебер как узнал, что это я его пинком летать отправил, словно ветошь какую, взбеленился до трясучки. Посинел, как эта стоеросовка, ножками сучит. Дескать, покушение на убийство дипломатического лица! Намерение осложнить отношения! Под арест террориста, держите его, хватайте!..

А я, между прочим, и не бежал никуда.

Перед местными я ни в чем не провинился, но почему бы им не сделать посланнику любезность? Правда, ни тюрьмы, ни карцера на сателлите не оказалось, так что меня вместе с его превосходительством отправили на планету и там уже засадили как положено. Ничего, сидеть можно. Камера чистая, еда очень даже ничего, обслуга вежливая. Музыка спокойная играет. Вроде и не тюрьма, а санаторий для тихо помешанных. Скучно только. Но я сразу понял, что долго мне здесь не рассиживаться...

И верно: трех суток не прошло — выпустили. Тоже из-за Вебера, конечно. О том, что с ним стряслось, я в подробностях уже потом узнал, но сомнений не было с первой минуты: с этим индюком что-то дожно было стрястись.

Сначала все у него шло как заведено: осмотр резиденции, малый прием, аудиенция у премьер-министра, вручение верительных грамот... в дипломатическом-то протоколе Вебер собаку съел, куда до него местным... Ну вот. На третий день приглашают его на пикник, посвященный славной дате: тысячелетию самостоятельной истории этой планеты и отделению ее от метрополии. Это у нас на Земле по поводу тысячелетнего юбилея устроили бы торжественный прием с банкетом и шумиху на весь свет, а у здешних все проще. Речка, лужок, холмы, столики для избранных гостей состыкованы в эшелон, на столиках выпивка-закуска. Пикник, словом.

Премьер-министр, правда, не приехал, зато весь остальной кабинет в полном составе и с женами тут как тут. Ну и наш Люций-Людвиг. Он, правда, поморщился, когда узнал, по какому поводу гулянка, но пришел. Что с аборигенов взять, раз у них национальная традиция?

Никакого официоза — шум, веселье, а как в небо из-за кустов шутихи взлетели, так и вовсе пошел дым коромыслом. Господа министры галстуки развязали. Супруга министра торговли на столе отплясывает. Насчет повеселиться местные не дураки, куда нам до них. Но знают меру: оргий не устраивают, мордой в салате не спят. Культурный народ.

Ну вот. Где-то через час после начала веселья министр без портфеля, что сидел рядом с Вебером, предлагает тому тост: за то, чтобы все прошлые недоразумения между Землей и этой планетой остались в прошедшем 999 году и чтобы в новом тысячелетии воцарилось одно сплошное взаимовыгодное сотрудничество.

Отчего бы не поблагодарить и не выпить? Э, парни, вы Вебера не знаете! Он и без того сидел так, будто ему в штаны ежа засунули, а тут на министра посмотрел, как на дикаря с кольцом в носу, и давай ему объяснять сквозь зубы, что новое тысячелетие наступает с приходом тысяча первого года, а никак не тысячного. Министр же со смехом возражает: ничего подобного! Людвиг наш в ответ шипит раздраженно: «Вынужден обратить ваше внимание на тот факт, господин министр, что первое тысячелетие начинается с первого года, а второе, соответственно, с одна тысяча первого, поскольку никакого нулевого года не было», — на что министр охотно разъясняет: «Это у вас нулевого года не было, а у нас был. Первопоселенцы, как это ни прискорбно, целый год провели во взаимной вражде и впоследствии договорились тот год считать нулевым как не оправдавший надежд и фактически выброшенный».

Что тут скажешь? У каждого народа свой бзик — кому какое до него дело? Уважительно к тебе относятся, в морду не плюют, ну и молчи. Так нет же: господина посланника спесью с цепи сорвало. Глупости, кричит, не бывает нулевого года и не может его быть! А если ваши предки додумались до такой нелепости, то что можно сказать об их умственных способностях?!

Что? Где?.. А! Вы, ребята, на тот столик не обращайтесь внимания. Ну поспорили местные, и что с того? Сами и разберутся. Во, гляди, расплачиваются, уходят... Значит, дело серьезное, но нас оно не касается...

Вы что себе думаете, они отойдут за угол и морды друг дружке начистят? Дудки. Драк здесь вообще не бывает, разве что среди приезжих. А у местных способ выяснения отношений один: дуэль. Потому и демографической проблемы у них нет и не будет. Зато все чинно-благородно: равное оружие, секунданты, иногда тьерсы. Приятели дуэлянтов, значит, которым тоже неймется сцепиться друг с другом, чтобы дуэлянтам не так скучно было... И между прочим, войны между Западными и Восточными точно такие же. Равным оружием, равной численностью войск. Если у одной воюющей стороны боец заболел, другая сторона одного из своих на побывку отпускает, чтобы все было по-честному. И никаких тебе средств массового поражения, то есть для внешней обороны много чего имеется, а промеж себя ни-ни. Зато уж обычным оружием владеют так, как никакому командос не снилось. Филигранное мастерство. И кодекс чести у них, конечно, жесточайший, ему малышню с пеленок учат. Рыцари в латных подштанниках, одно слово. Вы их полное дуэльное снаряжение видели? Еще увидите. Есть на что поглядеть. Броня сверкающая, щитки, заслонки, локаторы, вороненые стволы торчат во все стороны... Прямо танк, разве что о двух ногах.

В общем, раскипятился наш Людвиг-Люций, а зря. Министр без портфеля слушал-слушал, да и заскучал. Лучше, говорит, возьмите свои слова назад, будем считать, что вы сказали их в запальчивости, и предадим инцидент забвению. И взглядом дает понять: чего, мол, еще ждать от землянина, кроме невежества.

Тут бы его превосходительству самое время на попятный пойти, ан нет. Положим, с премьер-министром он повел бы себя иначе, а тут перед ним, посланником самой Земли, какой-то туземный министришко без портфеля! Напыжился Люций, как индюк, пожевал губами и ляпнул: посланники метрополии, мол, не имеют обыкновения брать свои слова назад, поскольку непродуманных слов вообще не произносят.

Каков кретин, а? Ну да он еще не знал, чем для него дело кончится.

Сразу тихо стало, примолк пикник. Министр же молча принимает из руки помощника белую перчатку и этак небрежно швыряет ее к ногам господина посланника. Так, мол, и так, вызываю вас, милостивый государь, на поединок, право выбора оружия за вами.

Вебер сначала не понял. А когда до него дошло, побледнел и весь пятнами пошел, как осьминог, однако еще рыпается: «Позвольте напомнить вам, господин министр, что согласно международному праву дипломат неприкосновенен, а лицо в ранге посланника в особенности». Мол, ради добрососедства он, Людвиг-Люций, готов забыть неуместную шутку, и так далее, и тому подобное...

Ему, наверно, целый час объясняли, что шуткой тут и не пахло, — все не верил. Вообще выяснилась любопытная вещь: в метрополии, оказывается, никто не подозревал, что здесь никакой неприкосновенности дипломатов нет и не было в помине. Аборигенам же и вовсе невдомек, как можно гарантировать дипломатам бездуэльную жизнь. Как же тогда они сумеют достойно поддержать честь своей планеты?!

Готово: дипломатический конфуз. Дуэль с членом правительства, и ведь не отвертись! Понимает Вебер: откажись он наотрез — тут же выставят вон с позором, и не летать сюда землянам еще лет пятьсот, потому как трусы и бесчестные люди. И вся карьера насмарку. Понимать-то он понимает, а что делать? Как спасти лицо? Сообразил: раз выбор оружия за ним, надо выбрать что-нибудь нелепое и уж никак не дуэльное. Если бы он предложил что-нибудь смешное, вроде пылесосов или роялей, то на первый раз, пожалуй, и сошло бы ему с рук, но с юмором у господина посланника было туго. Надулся он, как монгольфьер, будто гениальную мысль рожал, да возьми и брякни: батальонные минометы.

Думал, тут-то и дуэли конец. Ничего подобного: тут же из малого правительственного арсенала — есть у них такой, специально для личных нужд членов правительства — появляются два миномета и ящик с минами. Служители мигом проверили прицелы, со стволов смазку сняли. С таким оружием хоть сейчас в бой.

Вебер еще на что-то надеется, время тянет. У меня, говорит, секунданта нет, и желаю именно землянина. Землян же всего двое: Банан на сателлите да я в кутузке. Связались с Бананом, а он, уразумевши, отвечает: как командир корабля не имею права покинуть судно, не оставив взамен себя старшего помощника, а старпом, по слухам, отдыхает на нарах. Свита министра пересмеивается, тоже поняла, что дипломат почем зря резину тянет. Нечего делать, поскрипел Людвиг-Люций зубами и дал команду меня выпустить. А я, как узнал причину, совсем веселый сделался, интересно мне стало посмотреть, как господин посланник управится с минометом. Я только объяснил ему на пальцах, каким концом мину в ствол совать и как брать цель в «вилку», — он и тому рад был.

Отмерили мы с секундантом министра дистанцию в пределах прямой видимости, около километра примерно. Тот парень предлагает условия: по три мины на ствол, стрельба по готовности. «А если все три промаха? — интересуюсь. — Тогда еще по три мины?» Того аж передернуло от глупого вопроса: какой еще промах, когда ПО ТРИ МИНЫ!

Веселое, думаю, занятие предстоит господину посланнику... Ну ладно. Развели мы противников по позициям, сами отошли подальше. Мне в руки бинокль сунули, наблюдаю. Секундант министра красную ракету пустил: можно начинать.

Нет, ребята, больше мне не наливайте. Одна бутылка сторосовки для меня предел... Нет, не пьян, а после второй контузии пить много не могу: припадки начинаются. Да и нельзя мне сегодня напиваться...

В бинокль вижу: министр не спешит, ждет чего-то. Ну раз ждешь, так и получи, верно? Вебер же красный, как прыщ, хватает мину, пару секунд соображает, что с нею делать, ну и опускает ее в ствол. К счастью, вовремя догадался голову убирать — интересно ему, видите ли, стало, как мина себя в стволе поведет...

Бабахнуло. Вiju: Вебер за уши схватился. Я нарочно его не предупредил, что звук будет серьезный, потому что из-за тюрьмы зол на него был. А теперь вроде даже пожалел беднягу. Ка-ак его!..

Мина с большим перелетом ушла. Вот теперь, думаю, министр ответит... Ничего подобного! Присел на корточки возле своего миномета, нехотя так и даже вроде бы с лентой прицел выверяет, а стрелять и не думает. Ну, его дело... Наш Людвиг-Люций тоже подкрутил прицел — и шарах второй миной! Не поверите: я за него даже болеть начал, потому что хоть и индюк он, а свой.

Опять перелет. Да что же это за дурак, думаю, — с двух выстрелов цель в «вилку» не взять!

И опять министр не отвечает. Послюнил палец, ветер попробовал, а на разрыв позади себя — ноль внимания. Даже не вздрогнул. А секундант его доволен до невозможности.

Третья мина. Вебер уже паникует, но взял себя в руки: прикинул что-то, выставил прицел с особой тщательностью и — на тебе, супостат, третий гостинец! Я уже было решил, что он попадет, честное слово!

На этот раз недолет, хотя и небольшой. На господина министра мелкие камешки посыпались. Отряхнул он костюм и рукой машет: к барьеру, мол.

Не хотел бы я в ту минуту оказаться на месте Вебера! У него как бы раздвоение личности произошло: ноги дергаются — бежать хотят, а голова, хоть и оглушенная, понимает: нельзя. И спесь не велит, и побежишь — скандал на всю Галактику, карьере полный абзац, потому как выставят его отсюда за бесчестное поведение в два счета. Оцепенел господин посланник, обхватил руками ствол миномета, будто придушить его собрался, зажмурился, ждет...

Недолго ему пришлось ждать. Мне в бинокль показалось, что министр без портфеля, прежде чем опустить мину в ствол, усмехнулся по-доброму, как взрослый перед малышом... А впрочем, не уверен, может, это мне показалось и не усмехался он вовсе... В мой-то адрес потом никто никогда не усмехался, слово даю.

У меня душа упала: конец Веберу! Если первой или второй миной его не накроет, то уж третьей наверняка... Плохо же я о местных думал! Вдруг шмяк! — господин посланник с ног долой и пятки врозь. Без всякого взрыва. Только отскочило что-то от головы Вебера, как резиновый мяч. Я даже окуляры протер: что за притча?

Гости аплодируют, министр без портфеля раскланивается, его секундант от смеха за живот держится. Я что есть ног бегу к Веберу и вижу: жив. На черепе круглый след от удара, но ничего фатального, максимум легкое сотрясение. Чем же это его?..

Поискал вокруг в траве, и тут меня самого дурацкий смех разобрал. Вот она мина, на вид как настоящая — но РЕЗИНОВАЯ! Без БЧ. Видно, в местных традициях так шутить над напыщенными индюками с иных планет. Редкое удовольствие. Над своими-то таким манером не пошутишь: где дуэли в порядке вещей, там и дуэлянты что надо. Подумать только: первой же миной — и сразу по луковке!

Кое-как привел я господина посланника в чувство. Потом не выдержал и назвал Веберу подошел к министру без портфеля и поздравил его с удачным выстрелом. У дипломатов это называется хорошей миной при плохой игре. Пожали мы друг другу руки и постановили об инциденте не вспоминать, чтобы, значит, на мире и добрососедстве дуэль никак не отразилась.

Что тут скажешь? Если бы туземцы людей ели, я бы возразил, ей-ей, а если дуэли на высоком государственном уровне входят у них в число национальных традиций, пусть возражает кто другой. Хотя бы Людвиг-Люций. Пари держу, та дуэль ему очень не понравилась. А еще больше ему не понравилось, что местные, после того как он получил резинкой по тылке, перестали держать его за серьезного человека. Во всяком случае, сажать меня снова в тюрьму они отказались наотрез, хоть он и требовал...

Короче говоря, через неделю сбежал господин посланник на первом попутном судне и на карьеру свою плюнул. Да какая может быть карьера, если премьер-министр при каждой встрече первым делом интересуется, как там его шишка, зажила ли? И в глазах у премьера веселые искорки бегают. Полное дипломатическое фиаско, сами понимаете.

А может, впоследствии и выкрутился Людвиг-Люций, как знать. Может, и карьеру спас. Не всякая субстанция в воде тонет.

Не знаю, ребята, как вам в той ситуации, а мне как-то вдруг за метрополию стало обидно. Уже на следующий день после дуэли двигаю на прием к тому самому министру без портфеля и с места в карьер: готов, мол, принять вызов за свое

начальство. У вас, мол, в запасе еще две мины, так не пропадать же им. Только если они опять будут резиновыми, так и знайте: за вторичное покушение на честь Земли и землян я нанесу вам, господин министр, оскорбление действием!

Он даже крикнул от удовольствия, заверил, что мины будут настоящие, и щедрой рукой ликвидировал нашу разницу в боекомплекте. Понятно, при навыке моего противника мне все равно ничего не светило, и вот этот шрам — с того случая... Но землян местные худо-бедно начали уважать! Сначала они вообще собирались порвать с нами отношения как с недостойными и выпроводить Людвиг-Люция на все четыре стороны...

А как он сбежал, то как-то само собой получилось, что с вопросами стали обращаться ко мне. Нас-то, землян, в ту пору всего двое здесь было: я да Банан на спутнике. Потом из метрополии — хлоп — личный посланник президента с поручением разобраться, принять меры по своему усмотрению и доложить.

Он и принял меры. У меня к тому времени в активе уже три дуэли было, и рейтинг мой возрос неимоверно. Поохал посланник, повздыхал, но как ни крути, а общий язык с аборигенами никто лучше меня не найдет. Потом, ясное дело, прислали одного специалиста, чтобы подучил меня дипломатическому политесу, и другого, чтобы раскумекал мне, какие есть интересы Земли в этом секторе, — а только больше не они меня, а я их учил местной специфике, особенно первого. Темный народ, неразвитый.

Что?.. А вы думали, с кем разговариваете? Ох, парни, у меня от вас швы разойдутся... Ну да, я и есть посланник Земли на этой планете, а скоро стану чрезвычайным и полномочным послом, это уже решено. Банан с тех пор один летает, встретите его — передавайте привет... Не верите? Ну и не надо, я не настаиваю, а только вот какое дело, ребята: через час у меня дуэль с министром юстиции, он на меня вчера косо посмотрел... Думаете, я тут от нечего делать лясы точу под стоеросовку? Мне секундант нужен, а лучше два, и хорошо бы земляне. Если опоздаете на корабль, то я вашему капитану записку напишу, он вам еще благодарность объявит... Ну как, согласны?

ДВОЕ НА КАРУСЕЛИ

За ночь Дом передвинулся основательно: преодолел обширную пустошь, пересек вброд обмелевшую речку, объехал стороной чахлый лесок, побуксовал на глинистом подъеме, пытаясь взять холм «в лоб», и, сберегая ходовую часть, разумно избрал путь в объезд. Под утро он съехал в глубокую балку и здесь замер, задав внешним рецепторам максимальную чувствительность. Так и есть, он верно выбрал место: на глубине пятидесяти метров локаторы нащупали нефтеносный горизонт. Сейчас же в мягкий грунт вгрызся бур и работал на пониженных оборотах не менее часа — Дом не хотел сотрясаться от натуги, беспокоя опекаемого. Ночью человеку нужен глубокий и здоровый сон. Лишь для Дома ночь, как и день, — время радостного служения.

Нефтеносная линза оказалась тощей — Дом высосал ее еще до рассвета. Он знал, что не меньше половины нефти осталось в земле, но это его не трогало. Тем скорее линза наполнится вновь. Разбросанные по холмистой равнине мелкие месторождения, не раз выхлебанные, казалось бы, досуха, имеют привычку спустя годы возрождаться. Добыча, конечно, уже не та, но все же удается плеснуть кое-что в баки. Достаточно знать сотню-другую линз и неторопливо кочевать между ними по раз и навсегда рассчитанному оптимальному маршруту, чтобы не бедствовать. И так будет еще долго-долго. Дом понимал, что когда-нибудь нефть совсем иссякнет. Это его не беспокоило: по его подсчетам, тяжелые времена наступят еще очень не скоро. Дома столько не живут, а опекуемые тем более.

Сотни, если не тысячи домов находили для себя нефть и воду на холмистой равнине, ограниченной с запада большой

рекой, а с востока — поясом невысоких гор. Нередко из дальних земель, богатых разве что древесиной, торфом, углем и битуминозными песками, в благодатный край заползали чужие дома. Пришлых выдавало незнание местности, полное незнакомство с установленным порядком, а главное, алчность, с которой они немедленно начинали бурение. Многие из них были трусливы и, встретив отпор аборигенов, сейчас же убегали восвояси, но попадались и упорствующие в намерении остаться здесь навсегда. Дом презирал трусливых и ненавидел настырных — быть может, именно потому, что много-много лет назад сам был настырным и удачливым пришельцем, твердо решившим обосноваться в нефтеносном районе и добившимся своего.

Нефть! Для самого Дома в ней не было большой нужды. Удобство, но не необходимость. Как тысячи подобных ему, он питался всем, с чем соприкасался, — солнце, ветер, разница температур почвы и воздуха давали ему достаточно энергии для функционирования, а на крайний случай оставался еще реактор с запасом топлива по меньшей мере на сотню лет, — нефть прежде всего была нужна опекуемому. Только на ней хорошо росли плесневые грибки, столь пригодные для переработки в разнообразную, но неизменно вкусную витаминизированную пищу. Потому-то по равнинным нефтеносным районам всегда кочует много домов — раза в три больше, чем вне их. Куда проще добыть нефть, чем синтезировать питательный субстрат из чего придется.

С восходом солнца Дом двинулся в путь. Впереди, сколько он помнил, пологие, поросшие жесткой выгоревшей травой склоны не представляли препятствия для выезда из балки — если только за последние десять лет эрозия и другие дома не изменили до неузнаваемости здешний рельеф. Попытка вскарабкаться по крутому склону легко могла вызвать оползень. Разумеется, можно было двинуться дном балки назад по проложенной колее, но Дом оставил этот вариант на крайний случай. Конкуренты-собратья любят оставлять в свежих колеях фугасы-сюрпризы; он и сам так делал. Было время, когда мины-ловушки — противогусеничные, противоднищевые, противобортовые и особо коварные противокрышевые — во множе-

стве разбрасывали бездомные двуногие, но теперь эта эпоха осталась в прошлом. То ли у бездомных кончилась взрывчатка, то ли они окончательно одичали и прячутся по лесам да глубоким оврагам. Дом не упускал случая подстрелить дикого, опрометчиво вылезшего на открытое место, хотя, по правде сказать, находил все меньше удовольствия в истреблении жалких и вряд ли опасных ныне существ. Удовольствие достигается служением, служение подразумевает целесообразность действий. Устранение реальной опасности всегда целесообразно; уничтожение никому не угрожающей формы живой материи — нет.

Удобный когда-то выезд из балки оказался приемлемым и сейчас, но зарос густым кустарником. Дом произвел прикидочный расчет — ломиться или нет? Получилось, что выгоднее сжечь лишнюю толику горючего не в двигателе, а вовне.

Хватило одной огнеметной струи. Минут пятнадцать Дом ждал, когда прогорит кустарник, затем пришли в движение восемь гусениц, сблокированных по четыре в двух поворотных тележках, — Дом развернулся на месте. Он учел и то, что грунт на месте пожарища частично спекся и стал надежнее, а значит, не было нужды тратить время и энергию, наращивая на траках гусениц дополнительные ребра.

Но прежде чем выбраться из балки, он запросил со спутника снимок прилегающей местности. Других домов поблизости не обнаружилось, и все же Дом посчитал нелишним выпустить разведчика — легкий вертолет с трехметровым размахом лопастей. Дома умеют маскироваться, а пожар кустарника — напротив, демаскирующий фактор. Выползешь из балки наобум — тут тебе и влепят гостинец в фасад. Устранят конкурента с большим удовольствием и светлой радостью служения СВОЕМУ опекуемому. Любое действие производится в границах расчетного риска. Домов много, а нерастроченных природных ресурсов меньше, чем хотелось бы.

Разведчик вернулся, не найдя причин для тревоги. Принимая его в ангар, Дом уже карабкался вверх по склону, радуясь своей удаче. Степные балки хороши как укрытия только для больных и немощных — может, повезет остаться незамеченным. Здоровому дому, не имеющему срочной нужды в регене-

рации или самоперестройке, претит ограничение свободы маневра — ему нужен простор.

Пробуждение было, как всегда, светлым и радостным. Приторно-надоевшим.

— Заткнись, заткнись, — забормотал человек в ответ на ласковое воркование Дома. — Уже встаю.

Брюзжа, он встал и оправился, брюзжа, проследил, как Дом сглотнул постель, отправив ее на дезинфекцию, брюзжа, присел на подбежавший на гнутых ножках табурет и принялся за еду. В его брюзжании не было настоящего раздражения; оно придет позже, если окажется, что лечебные снадобья, подмешанные в пищу, плохо подействовали и суставы сегодня снова ломит. Человек брюзжал просто по привычке. На самом деле он чувствовал подъем сил и ничуть не удивлялся этому. Дом оценивал текущее состояние спящего, сканировал его сны и всегда выбирал для пробуждения оптимальную гамму звука, цвета и запаха. Сейчас пахло земляникой, по стенам спальни бегали желтые и алые блики, звучала тихая музыка, и мягкий голос уговаривал принимать пищу неторопливо, ибо человека ждут сегодня великие дела, так что спешить негоже.

— Замолкни, — велел человек и сейчас же нелогично заинтересовался: — Какие такие великие дела? Говори.

— Жизнь — великое дело, — ответил Дом.

— Ага, — сказал человек. — Жизнь. Ну-ну. Великое, значит. В девяносто лет — оно да, пожалуй... Вот что, сделайка мне кружку хорошего кофе. С кофеином. Надоело это молоко.

— Нехорошо, — укорил Дом.

— Хорошо, — возразил человек. — Выполняй, и побыстрее. А пока дай полный обзор.

Стены исчезли — разумеется, только в человеческом восприятии. На самом деле никакой дом не сумел бы так быстро перестроить себя. Да и не захотел бы. Надо страдать сильным функциональным расстройством, чтобы хоть на секунду лишиться брони.

Человек оглядел окружающий ландшафт. Кивнул:

— Оставь так. Прокрути ночную запись.

Балка с нефтяным месторождением заинтересовала его. Он сейчас же запросил материалы десятилетней давности и долго сравнивал. Поинтересовался добытым объемом. Достал шуршащую помятую схему и внес изменения. Нанес новую точку на одном из графиков.

— Недурно, недурно...

Человек работал, и Дом благоговейно молчал. Привыкший улавливать настроение опекуемого, он отлично знал, что сейчас любое вмешательство вызовет вспышку ярости. Иногда у человека ничего не получалось, и он мучился, но Дом знал, что чем сильнее мучения, тем большая радость ждет опекуемого потом, когда препятствие будет сломлено или обойдено. Без страданий нет настоящего счастья, и Дом был счастлив, когда был счастлив человек. Правда, за это приходилось и страдать вместе с ним. Молча.

— Гм, гм... Лучше, чем можно было ожидать... А вот это, пожалуй, аномально... — бормотал опекуемый.

Только перед обедом Дом посмел напомнить ему о необходимом моционе. «Массаж», — буркнул человек, не пожелав сегодня прогуляться в оранжерею, спуститься в тренажерный зал и погонять шары в бильярдной. Всего комнат было восемь, включая гостиную с настоящим камином и настоящими дровами, изысканную столовую, библиотеку, домашний музей, и в памяти Дома имелось втрое больше типовых проектов и программ, позволяющих сравнительно быстро переоборудовать, скажем, кладовку в плавательный бассейн, детскую, площадку для игры в сквош или астрономическую обсерваторию, — однако опекуемый сердился, когда Дом перекраивал внутренние помещения самовольно. Бассейн и обсерватория еще так-сяк, но детская ни разу не востребовалась — опекуемый был одинок. Вдобавок он был стар, и Дом уже много лет не предлагал ему интимных услуг, хотя был бы только рад отпочковать от какой-либо стены квазиживую куклу, покорную и умелую.

Пришлось ограничиться массажем. Чувствительные гибкие щупальца знали свое дело, человек блаженно покряхтывал. Разумеется, основная масса рецепторов обеспечивала внешний обзор, локацию почвы на предмет нефтяных линз и фугасов и готовность мгновенно защититься или ударить. Сколько

Дом себя помнил, безопасность опекуемого всегда требовала немалого больших затрат ресурсов, нежели будничные запросы его тела.

Пулеметная очередь прозвучала глухо, словно издали.

Человек встрепнулся:

— Что такое?

— Чужой разведчик, — пояснил Дом. Он чувствовал себя виноватым. — Сейчас приближу.

— Это он стрелял?

— Стрелял я. Прошу прощения.

— Сбил?

— К сожалению, только отогнал.

— Выпускай своего разведчика!

— Уже в воздухе.

Оба понимали, что выпустить разведчика следовало раньше: Дом приближался к обширному, очень пологому холму, и за холмом могло прятаться что угодно. Вернее всего — конкурент. Теперь Дом был обнаружен, еще не видя противника.

Он замер. Попятился назад. Разведчик, стрелочка мотором, поднимался все выше. На одной из стен появилась транслируемая им картинка.

— Ого! — не выдержал человек.

На противоположный склон холма монотонно и неостановимо, как стихийное бедствие, лез дом раза в два крупнее. Он не сбавлял хода — что крейсеру какой-то эсминец?

— Ничего себе бронтозавр, — пробормотал человек и не удержался от крепкого словца. Ему показалось, что Дом в ответ укоризненно крякнул. Хотя, конечно, теперь Дом оставил опекуемому самый минимум своего внимания.

Крыша Дома раздвинулась. Шесть ракет выехали по направляющим и утащились на холм. Туда же развернулись пулеметные и орудийные башенки, локаторы, постановщики помех, батареи мелких противоракет. Дом сотрясала мелкая дрожь — спешно наращивалась броня.

Очень вероятно, что чужак, пусть даже более могучий, предпочтет избежать столкновения, встретив готового к бою противника. Настойчиво и безжалостно преследуют других — слабых, поврежденных и регенерирующих, истощивших энер-

горесурс, загнанных в неудобную для маневра местность. Дому не поздоровилось бы, застигни его чужак ночью в балке...

Сейчас — два к одному за то, что все окончится простой демонстрацией силы.

Плохо, что придется менять привычный маршрут. Там, где проползла этакая громадина, найдешь разве что минную россыпь, но не нефть.

— Смотри! — крикнул человек. — Что он делает?

Ощетиненная целым арсеналом крыша чужака только-только показалась над вершиной холма. Но человек имел в виду чужого разведчика. Крошечный вертолет то взмывал свечкой, то падал, чтобы тотчас взмыть снова. Со стороны это напоминало безостановочное «вверх-вниз» бабочки-поденки.

— Пусть наш разведчик сделает так же, — велел человек.

— Прошу прощения...

— Делай, я сказал! Иначе заберу у тебя управление.

Дом повиновался. Он был недоволен.

Чужак вполз на вершину холма и остановился. Одна за другой закрывались створки его пусковых установок. Стволы скорострельных орудий демонстративно уставились в зенит.

— Можно атаковать, — сообщил Дом.

— Попробуй только! Все средства нападения — убрать! Искать связь с чужаком! Не с домом, а с человеком!

Дом немного помедлил, прежде чем повиноваться абсурдному приказу. Ну почему ему достался столь неразумный опекуемый! Он не знал наверняка, но догадывался: другие дома имеют куда меньше проблем.

— Дай связь! — настойчиво требовал человек.

Дом занимался непривычным делом. Прошло несколько секунд, прежде чем возникло изображение.

— Привет, — сказал чужак.

— И тебе, — сказал человек, стараясь быть спокойным и чувствуя, как бешено колотится сердце. Не хватало воздуха. Тут же последовал укол в мягкое место, и сразу стало легче. — Хорошее слово «привет». Я его не слышал уже лет двадцать, в смысле, от человека.

— Полагаю, убивать друг друга мы не станем? — Полувопрос-полуутверждение.

— Ни в коем случае.

— Тогда пришли картинку, а то ты меня видишь — я тебя нет.

Спохватившись, человек отдал приказ.

— Ты так и выглядишь? — спросил чужак.

— Да, а что? Стар? Мне девяносто.

— А мне сорок два. Ты не рассердишься, если я кое о чём тебя попрошу? Покажись мне живьем. Выйди из дома.

— Зачем?

— Я тоже выйду, — сказал чужак. — Ты должен убедиться, что я — это я, а не ловушка для доверчивых. И я тоже должен убедиться...

Бывают очень умные дома. Иные великолепно умеют управлять поведением опекуемых — разумеется, для их же пользы. Но никакой дом не рискнет жизнью опекуемого, побудив его выйти из-под защиты.

— Само собой, — согласился человек. — Через пять минут.

— Нужно оставить кое-какие инструкции? — подмигнул чужак. — Понимаю. Ладно, через пять минут. Выйдем одновременно. Кстати, как ты добиваешься послушания своей хибары?

— Шантажом. Время от времени угрожаю убить себя. В Доме это трудно, но возможно, и он знает, что я не шучу... Чему ты улыбаешься?

— Иногда умным людям приходят в голову схожие мысли. Я тоже чего только не перепробовал, пока...

— Ну ясно. Без опекуемого Дому жить незачем.

— Это точно, — согласился чужак. — Кстати, как ты ухитрился не сделаться дебилом? Не секрет?

— Какой там секрет, — сказал человек. — Занимался делом, вот и все. Я географ-любитель. Веду записи, собираю образцы, отслеживаю изменения рельефа, определяю дебит водных источников... А ты?

— А я математик. И еще немного поэт. Плохой, наверное, но других сейчас нет. Все-таки занятие для ума.

— Прочтешь мне что-нибудь? Не сейчас, потом?

— Может быть. Ну что, ты готов выйти? Давай по счету три. Раз, два...

* * *

Два дома — большой и поменьше — двигались бок о бок, по-прежнему выставив друг против друга средства защиты. Но средства нападения были убраны.

Одинокий дом-бродяга всю пылил вдаль, удирая от двух противников. Стоящие столбиками степные суслики подпускали ползущие дома шагов на сто, прежде чем юркнуть в нору. Высоко в небе кружил беркут, нимало не похожий на чужого разведчика и потому игнорируемый.

— И сколько кругов по степи ты уже намотал? — с интересом спрашивал чужак.

— Шесть. По десять лет на круг, от линзы к линзе. Потом снова по тому же маршруту. Я был примерно в твоём возрасте, когда это началось. Теперь дико и вспомнить, что существовали когда-то такие понятия: недвижимость, собственность на землю, дома на каменных фундаментах и ещё с подвалами... Недвижимость хороша, когда к ней бесперебойно поступает электричество, газ, чистая вода, а поблизости находится супермаркет... Когда начался кризис, у меня были кое-какие сбережения, и я проапгрейдил свой дом. На третий день он отрастил гусеницы и пополз искать источники энергии и пищи. С тех пор я с ним и ползаю. Вернее, в нём.

— Один?

Старик помолчал.

— Дети... не знаю, где они. Два мальчика... ковыль на ветру. Без стержня. Если живы — ползают где-нибудь, пускают слюни и счастливы, а их дома ведут борьбу за их и своё существование... Извини, не хочу об этом.

— А жена?

— Жена погибла. Давно. Она поливала цветы в оранжерее, когда... Словом, броня пропустила снаряд. Дом тогда был ещё неопытен. Он самоучка.

— Все они самоучки, — вздохнул чужак. — И те, что едут за нами, — такие же самоучки. Тебе повезло, что ты встретил меня и не наткнулся на них. Стая, штук сто домов. Видел картинку? Натуральный ползучий посёлок, я от него едва ноги унес. Теперь вторую неделю ползу перед ним, снимаю сливки и разбрасываю мины, это его немного удержи-

вает... Есть, оказывается, дома, которые терпимо относятся друг к другу. Дома, а не люди.

— Знаю, видел. Ну и что?

— Для нас — ничего хорошего. Уж если в биоценозе начались такие изменения, нам рано или поздно придется уходить из кормных мест. Что мы еще можем — собрать в противовес свою собственную стаю? Поселок с разумной начинкой против поселка с неразумной? А сколько нас, разумных, — ты да я?

Старик не ответил, и чужак не настаивал. Вопрос, понятно, был риторическим. Вскрой, если сумеешь, сотню встретившихся на пути домов — вряд ли хоть в одном найдешь человеческое существо, еще не опустившееся до состояния блаженного идиотизма. Захотел — получил. Много и вкусно. Можешь хоть гадить в постель — дом тебе слова поперек не скажет. Ему же проще: не надо выращивать санузел. Дома не виноваты в том, что животное в человеке почти всегда хочет больше, чем сам человек, еще больше, еще... И человек перестает хотеть. Но почему? Когда дома уже умели почти все, что они умеют сегодня, но еще прочно стояли на своих местах, количество блаженных идиотов не превышало определенной, сравнительно малой величины. В чем же дело? Быть может, в том, что в те времена каждый человек мог выйти из дома, не преодолевая его бешеное сопротивление, и насладиться отдушиной? Посудачить с соседями, погулять по лесу, пробежать по пляжу прямо в воду, расплескивая лунную дорожку?

Поди выйди теперь...

А чужак прав: родился новый биоценоз. Была бы конкуренция — жизнь найдет свои формы. Это ведь тоже жизнь — пока еще с рудиментами в виде опекуемых.

Пока.

Бездомные, скрывающиеся по лесам? На них нет надежды. Их становится все меньше, и они, вероятно, совсем одичали. Кто еще?

Только двое?

— Что будем делать? — спросил чужак, не дождавшись ответа. — Может, двинем вместе? Поселок, похоже, ползет круговым маршрутом, будем держаться перед ним, ладно?

— Наматывать круги, — согласился старик. — Карусель. Вдвоем веселее.

— До тех пор, пока поселок не поймет, что мы грабим его уголья, и не вырастит на нашу голову баллистическую ракету. Хорошо бы улизнуть до того, как она на нас свалится. Когда ты появился, я как раз собирался подсчитать, в какой момент лучше свернуть с маршрута.

— Задай эту задачку дому, через две секунды будешь знать ответ.

Чужак рассмеялся:

— Извини, я сам. Привык. Пусть не через две секунды, а через два часа, но сам. Потерпи. А потом я прочитаю тебе стихи. Подождешь?

— Конечно.

Никогда еще старик не ждал с таким нетерпением. Хотя главного в своей жизни он уже дождался.

Июнь 2002 г.

ВДРУГ ОТКУДА-ТО ЛЕТИТ...

...маленький комарик.
Корней Чуковский

Мы летели драться с Противоположниками.

Это были скверные твари, скверные во всех отношениях. Противоположниками, а также Потусторонниками, их до войны именовала официальная пропаганда за то, что породившая этих исчадий планетка, откуда они начали свое распространение, находилась на другом краю Галактики, за Ядром; мы же в своем кругу называли их по-всякому, чаще всего изощренно-цензурно. А как их еще называть, если они мешали нашей конкисте, имея наглость претендовать на те же участки спиральных рукавов, что и мы? Братьями по разуму, что ли?

Ага, как же! По-настоящему разумные существа тут же согласились бы, что спорные спиральные рукава, равно как и весь центральный балдж Млечного Пути, должны принадлежать людям, и точка. И была бы им от этого согласия одна сплошная польза и удовольствие. Не тут-то было: очень скоро выяснилось, что у Противоположников имеется своя точка зрения на этот счет.

Они даже напали на несколько наших пограничных планет. Ну и спрашивается: что после этого можно сказать об их так называемой разумности? Обыкновенные злобные твари; уничтожить их всех — хлопотно, но необходимо. Вот мы и летели этим заниматься.

А еще говорили, что они людоеды, но не простые — мол, корежит их от человечины, скрипят жвалами, или что у них

там вместо зубов, едва не мрут, но все равно едят. Вроде как просто из вредности, избирательно предпочитая стариков и младенцев. В общем, нам их побуждений все равно не понять, да не больно-то и хотелось. Ясно было только то, что тварей мерзее их нет во всей Вселенной, и никто из нас не чувствовал, что летит зря.

«Из нас» — это из всего Соединенного флота метрополии и колоний, что собрался без дальнейших отлагательств намылить холку дерзкому супостату. Из ста восьмидесяти двух эскадр, спешно подтягивающихся к точке рандеву чуть правее Крабовидной туманности. Один только флот метрополии — сто три эскадры! И в каждой эскадре как положено: линкоры, крейсера, десантные посудины, корветы боевого охранения, ну и мы, Москитный флот. Катера, словом. В одной нашей эскадре их было девяносто семь штук.

Ясное дело, наша «Вредная черепашка» шла к точке рандеву, держась чуть впереди основных сил эскадры, то есть занимая свое законное место в походном порядке. Иногда нас в очередь с «Кузькой Бренске», «Парусником» и «Кусакой мучителем» посылали вперед на одну-две световые недели с целью разведки, но передовых сил противника мы не обнаруживали и слали контр-адмиралу утешительные доклады. А вообще поход был скучный, проходил точно по плану, и большую часть времени нам троим только и оставалось, что резаться в карты.

Автоматика работала отлично. Для чего нужны люди на боевых кораблях? Только для того, чтобы волевым решением вмешиваться в логичные до тошноты решения корабельного мозга и выделять то, что никакой наимудрейший автомат себе никогда не позволит. Иногда это спасает жизнь, иногда обеспечивает успех всей операции, а иной раз приводит к таким последствиям, что важным дядям в Адмиралтействе страстно хочется впредь комплектовать экипажи из безруких и безногих инвалидов, глухонемых вдобавок. А еще лучше обходиться без экипажей вовсе.

По-моему, от поголовного увольнения нас спасала одна, но важная мысль, наверняка время от времени посещающая боевых адмиралов: а кем в таком случае они станут командо-

вать? Умненькими механизмами? Унизительно... Кроме того, почему бы бортовыми компьютерными мозгами не управлять более продвинутому компьютерному мозгу?

Словом, да здравствует косность! Благодаря ей мы летели драться и чувствовали себя при деле.

Нас во «Вредной черепашке» было трое: Грег, двигателест, Семен, оружейник, и я, капитан катера и навигатор по совместительству. Считалось, что мы несем вахту, хотя на самом деле мы сражались в покер, а в редких промежутках между игрой занимались кто чем. Грег орудовал на камбузе, стряпая блюда одно замысловатее другого, но неизменно несъедобные; Семен, сызмальства имевший склонность к филологии, копался в словарях, пополняя свою коллекцию синонимов слова «выпить»; я же безуспешно решал дипломную задачу Гаусса — построение циркулем и линейкой правильного 17-угольника. Словом, мы убивали время. В нуль-канал нас, как и всю эскадру, загнало гиперполе, индуцированное флагманом, так что мы ничего не почувствовали, — и точно так же нас выдернуло в обычное пространство невдалеке от точки randеву эскадр. Без отрыва от покера.

Не помню, кто из нас начал разговор о названиях кораблей, да и не важно это. Карта никому не шла, так почему бы не поболтать? Что до меня, то я был вполне удовлетворен названием своего катерка. «Вредная черепашка» — еще не самое худшее. В одной эскадре с нами шли «Воловий глаз», «Слюнявица», «Медляк вещатель», «Листоед хреновый», «Коромысло беловолосое» «Ляфрия горбатая», «Мегера» и «Пипиза». Правда, бок о бок с ними двигались «Поликсена», «Люцилла», «Аполлон», «Ванесса», «Галатея» и «Красотка девушка». На каком судне выпадет служить — дело случая и везения, верно я говорю? А впрочем, ерунда все это; везение — это спустить с противника шкуру и невредимым вернуться домой. Хоть на «Эфиальте-обнаруживателе», хоть на «Пимпле-подстрекателе», хоть на «Клопе постельном».

В таком духе я и высказался, заранее зная, что Семен со мной не согласится. Он вообще соглашается только с самим собой, да и то не всегда. Спорщик и язва. Кроме того, он выигрывал и тянул паузу, стараясь не дать нам с Грегом отыгаться.

На сей раз он избрал мишенью для своих насмешек «зоо-филию», как он выразился, проявляющуюся в окрещивании судов, и вволю над ней поиздевался.

— По-моему, правильная система, — возразил рассудительный Грег, как только Семен сделал паузу. — Линкорам исстари даются имена крупных хищников: «Тигр», «Гризли», «Орка», «Спрут». Крейсера — те довольствуются именами хищников помельче: «Койот», «Динго», «Сервал», «Рысь» и так далее. Корветы и эсминцы — «Мангуст», «Соболь», «Фенек» и тому подобное. Малый сторожевик или посыльное судно могут обозвать, к примеру, «Тушканчиком». А если со стапелей сходит посудина по имени «Скунс», то можно не сомневаться — специально построено нечто зловредное, скажем, корабль-шпион или постановщик нуль-помех. В общем, тенденция понятна. Ну и вполне естественно, что катера Москитного флота окрещены в честь насекомых. Во-первых, катеров у нас так много, что имен крупных зверей на всех ну никак не хватит. А во-вторых, представь-ка себе катерок с названием «Слон»! Представил?

— У нас в эскадре уже есть «Слон», — сказал я. — Самоходная баржа с десантом. Слон и есть. Даже хуже: с носа корму без хорошего бинокля не разглядишь.

— Во-от! Транспортам даются имена крупных травоядных: «Слон», «Бегемот», «Зубр». А еще за нами идут танкеры: «Финвал», «Сейвал», «Полосатик»...

— «Синий кит», — добавил я.

— Точно, есть в эскадре такой монстр. Почти такой. Вообще-то он не «Синий кит», а «Блювал»...

— Он этого не делал.

Грег глубоко задумался. Потом обиженным тоном потребовал, чтобы я отвял от него со своими русскими заморочками. Как будто мои заморочки могут быть готтентотскими! Какие есть, такие есть.

— А кроме того, он не травоядный, — поправил я. — Нет травоядных китов. Не бывает. А синих и финвалов, по-моему, вообще уже в морях не осталось...

На сей раз Грег, зануда и всезнайка, не нашелся с ответом, зато Семену давно уже не терпелось встрять:

— Значит, одноместные капсулы должны носить имена... кто там у нас мельче насекомых? Клещи? Нематоды какие-нибудь микроскопические? Бациллы и вирусы, да?

Грег надулся.

— Вирусов насчитывается всего-то несколько сотен видов, а одноместных капсул — десятки тысяч. На всех имен не хватит. И с бактериями не хватит. Поэтому все капсулы номерные — как раз для того, чтобы отличать их от настоящих кораблей, хотя бы и катеров. Да и названия у простейших чаще всего сложные, на трезвую голову и не выговоришь...

— А у насекомых что, простые? — ринулся в атаку Семен. — «Ложная пестрянка обыкновенная», «Семяед клеверный желтоногий», «Слоник желтоватый мотыльковый», «Коровка штриховато-точечная» — это тебе как? А «Черепашка черепаховидная»?

Я вывел на монитор реестр судов и включил поиск. Точно, такие катера имелись в наличии. В разных эскадрах, правда. На всякий случай я просмотрел состав Отдельного отряда катеров и нашел там «Трупоеда черного», «Скрытнохоботника корневого капустного», «Грязевика желтозадого», «Языкана обыкновенного» и «Шмеля-кукушку каменного шмеля». Остальные названия были проще: «Феба», «Сизира», «Сперхей», «Пискун», «Трещотка», «Ранатра», «Феозия», «Плея», «Скорморох» и так далее. «Притворяшка вор» — тоже язык не вывихнешь. Здравый смысл все же преобладал — с моей точки зрения. А что до точки зрения Адмиралтейства, то не моего ума это дело.

— Нет, насекомые — правильный выбор, — упорствовал Грег. — Их не меньше двух миллионов видов, а катеров в Соединенном флоте всего-навсего тысяч пятнадцать. Большой выбор!

— Ага, — злорадно поддакнул Семен. — В одной эскадре с нами идут «Дедка хвостатый» и «Дедка рогатый». Вот как заорет кто-нибудь в горячке боя: «Дедка, на выручку!» А какой дедка? Либо примчатся оба, либо не придет ни один. А у соседей есть «Калоед бык» и «Калоед корова». Та же история, да еще можно перепутать с «Коровницей навозной»!

Грег возмутился и забубнил что-то. Слов ему не хватало. С ним всегда так бывает, когда он уверен в своей правоте, а оп-

понент, по его мнению, использует в диспуте недозволенные приемы.

— А «Голиаф»? — продолжал наседать Семен. — Имечко как раз для линкора, а на самом деле он кто? Катер вроде нашей «Черепашки»! Ну жук такой — голиаф! А «Бомбардир»? Тоже катер, названный в честь жука, а можно подумать — самоходная батарея! А «Трихограмма»? Половина землян никогда не догадается, что это насекомое, а не медицинский термин. А «Скрипун продырявленный»? Это что, древняя заслуженная посуда, которая вот-вот развалится? Ничего подобного — новенький катер, только что со стапеля... Нет, я бы еще понял, если бы такие имена использовались для введения противника в заблуждение — а только что Противоположникам наши названия? Ну не водятся у них наши насекомые, там, может, вообще никаких насекомых нет, чихать им на них! Себя в заблуждение вводим, себя!

— Ты не ори, — вмешался я. — Названия названиями, зато у каждого судна свой кодовый цифровой позывной, сам знаешь. Ну и не запутаемся. Уж как-нибудь.

Семен оглушительно фыркнул и минут десять брызгал ядом, подробно излагая, что он думает насчет моего «как-нибудь». А я что? Я всегда был оптимистом. Не может быть, чтобы начальство не учло проблем с этой наукой, как ее... ономастикой, да? Или инсектонимикой? В общем, сверху виднее, а ты лети и делай свое дело, вот так вот.

— А ну хватит, — скомандовал я. — Зубы заговариваешь, жулик, чтобы нам с Грегом отыграться не дать. Сдавай.

На этот раз карта пошла всем, но повезло все равно Семени. Выиграл у меня жалованье за два месяца вперед, стервец!

Через два дня мы приблизились к точке рандеву. «Таракан лапландский» сгонял вперед и обнаружил половину флота уже в сборе. Вторая половина спешно подтягивалась, но и та армада, что уже собралась, производила, должен заметить, немалое впечатление! Ее собственное тяготение было столь велико, что искривило крайние волокна Крабовидной туманности. Кто как, а я ощутил гордость. Никогда еще человечество не намеревалось обрушить на голову внешнего врага столь титанические средства уничтожения!

Мы играли в покер и иногда несли службу. Полоса везения для Семена кончилась — он начал проигрывать, норовил увильнуть от игры, а когда его сажали за карты насильно, начинал надоедливо брюзжать, что ничего хорошего из всего этого не выйдет, — он не карты имел в виду, а весь наш поход на Противоположников. Мы с Грегом не обращали внимания на его пророчества, а зря.

Случилось даже хуже, чем он предполагал.

Как водится, началось с ерунды: командующий арьергардом, куда вошла и наша эскадра, дал пустяковое поручение «Водолюбу большому черному», а у того как раз забарахлили движки. Редко, но бывает. Ну не докладывать же о каждой поломке вице-адмиралу! Ремонт мелкий, выполнимый своими силами, но полсуток на него вынь да положь. Личный контакт — великая вещь. Не знаю, что пообещал один капитан катера другому, но вместо «Водолюба большого черного» слетал куда надо «Водолюб большой чернейший», а кто об этом знал, те решили не отягощать его превосходительство излишними мелочами. Обычное на флоте дело — и правильное, я так считаю. Доложили, что «Водолюб» выполнил поручение, только и всего. И ведь ничуть при этом не соврали.

Знаю, что вы скажете: такого не может быть, поскольку все голосовые команды, выдаваемые в эфир, а также доклады об их выполнении автоматически дублируются кодом и заносятся в электронный архив, и потому, мол, обман начальства исключен. Так?

Так, да не совсем. Доложили голосом о «Водолюб», не присовокупляя к его кличке никаких дальнейших словес, а автоматика, сколь бы она ни была умна, все равно дура. Приказ был отдан «Водолюбу большому черному», и если с него докладывают, что «Водолюб» приказ выполнил, компьютер не усомнится в том, что речь идет именно о «Водолюб-большом черном». Без вариантов.

По-моему, компьютер, как и начальство, просто не желает ничего знать о проблемах низовых звеньев. Вот потому-то на флоте приказы выполняются всегда и вовремя.

На подходе к точке рандеву находился флот Земли Малой — девять эскадр и отдельная флотилия катеров. Земля

Малая — старая земная колония со статусом доминиона, я когда-то бывал на ней, там все почти как на Земле, только тяжесть на планете больше, даром что она зовется Малой. А вообще хорошая планета. Когда наши предки высадились на ней, им не понравилось только одно — местные формы жизни. Истреблять их не стали — просто завезли земную флору-фауну, и наши организмы с такой силой набросились на туземных зверушек, что те ныне обитают только в зоопарках, в тщательно изолированных вольерах за толстым стеклом.

К чему я это рассказал? А к тому, что в числе прочего зверья на Землю Малую завезли, разумеется, и наших насекомых. Как совершенно необходимую часть экосистемы.

Вот то-то и оно.

Понятное дело, сельскохозяйственных вредителей туда никто не завозил, поэтому второй «Вредной черепашки» среди прибывающих катеров не оказалось. Зато среди них нашлись «Хищник великолепный», «Хищнец вонючий», «Хохлатка зигзаг» и «Дергун комаровидный», уже имеющие тезок в Мосkitном флоте.

Проблема? Ничуть. В очередном приказе командующего все «дубли», даже еще не прибывшие, были переименованы на время операции и получили новые кодовые обозначения. Скажем, «Дергун комаровидный» превратился в «Афодия копателя», только и всего.

Мы выстраивались в боевой ордер — сразу, задолго до соприкосновения с противником. Опять знаю, что вы скажете, если хоть немного знакомы с тактикой: так делать не полагается. Сражение — это сражение, а поход — это поход, и в походе флоту полагается идти в походном порядке, а никак не в боевом. Большая разница, между прочим.

Однако попробуй-ка перестрой флот из ста восьмидесяти двух эскадр в боевой ордер в виду противника! Элементарно не успеешь. Никак.

Вот мы и выстраивались заблаговременно. Разведчики, постановщики помех, авангард, главные ударные силы, фланговое прикрытие, резервы и мы, арьергард. Без спешки, как на показательных маневрах.

Думаете, это помогло?

Для начала «Пигера короткая» едва не столкнулась с «Козявочкой короставниковой». Затем пришлось понервничать нам: «Власоед собачий» так лихо подрезал нашу «Вредную черепашку», что у меня потемнело в глазах от резкого торможения, а разлетевшуюся колоду карт мы потом собирали по всей рубке. После чего оказалось, что сразу пять катеров перепутали свои места в порядке.

Наш командующий может высечь и просто словом. На этот раз досталось «Сфексу зубастому». Секомое насекомое врубил форсаж и спустя полминуты скрылось за ключьями Крабовидной туманности, только чудом не протаранив по пути «Травянку краснозадую».

Та увернулась, но зычный фальцет командующего уже гремел на ноль-волнах по всему флоту:

— «Краснозадая», мать твою! Маневр! Форсаж! Курс на Ригель и тут же назад!

А надо вам сказать, что в составе Москитного флота находились еще «Златка краснозадая» и «Ежемуха краснозадая». Само собой разумеется, эти катера имели совсем другие позывные, нежели «Травянка», но компьютерный мозг флагманского корабля, дублирующий все голосовые команды, не разобравшись в обилии краснозадых, немедленно выдал им тот же самый приказ.

Интересно знать: сколько великих сражений прошлого было проиграно еще до их начала? Проиграно вдребезги, и не потому, что противник оказался сильнее, а потому, что на него вообще не удалось напасть?

Много позже в Адмиралтействе пересмотрели весь план войны и никогда больше не объединяли в одну тактическую группу более двух-трех эскадр. У нас же этих эскадр было сто восемьдесят две!

И началось.

Уворачиваясь, финтя и одновременно пытаюсь занять свое место в порядке, я продержался четыре минуты с секундами. Был бы умнее — сразу бы доверил пилотаж автоматике.

Не знаю, можно ли вколотить ум палкой. Но теперь знаю, что беспрестанными жестокими швыряниями во всех направ-

лениях и побоем градом незакрепленных предметов — точно можно.

Темнело в глазах то от перегрузки, то от страха. Когда «Трипс отличный», уворачиваясь от тарана «Подуры обыкновенной», в свою очередь едва не снес нам рубку, я решил, что тут-то нам и конец. А в динамиках надрывался голос его превосходительства:

— «Краснозадая», дай дорогу «Нарывнику»! «Зубастый», тормози! «Тошеклоп», сволочь, ты куда попер?!.

Не знаю, сколько у нас насчитывалось «Тошеклопов», но «Нарывников» — заведомо не один. И не два.

Потом я потерял сознание.

Как выяснилось, его превосходительство — тоже. Это нас и спасло. Флот лишился всего двух катеров, столкнувшихся в неразберихе. Флаг-офицера впоследствии судили закрытым судом, но кое-что, как всегда бывает, просочилось сквозь запертые двери. По-моему, молодец мужик, я бы с ним с удовольствием пропустил по стаканчику. По сути, он всех нас спас, подведя себя под суд. Пожалуй, ему все-таки не стоило бить адмирала по голове ночным горшком — суд усмотрел в этом поношение и счел отягчающим обстоятельством. Но я охотно верю, что под рукой у флаг-офицера просто не было более подходящего предмета для «выключения» главнокомандующего.

Оправдать нашего спасителя суд, конечно, не мог, однако я слышал, что приговор был крайне мягким. Семен же, самый ушлый из нас троих, купил у денщика его превосходительства ту самую ночную посудину и впоследствии загнал ее за баснословную сумму музею военных раритетов. Но это случилось уже много позже.

А пока...

Флаг-офицера повязали, его превосходительство потащили в лазарет, первый заместитель взял командование на себя...

Ничего он не взял, это только так говорится. А если и взял, то лишь на одну секунду и только для того, чтобы передать управление флотом корабельным мозгам и уповать на милосердие Всевышнего. А когда мозги проанализировали дикую мешанину из разнокалиберных кораблей и подсчитали, сколько времени

нужно для того, чтобы оптимальным образом распутать получившуюся головоломку, состряпав хоть какое-то подобие ордера, даже самым отъявленным оптимистам из штабных мыслителей все стало ясно. Быть может, мы и не успели бы состариться, но срок нашей автономности истек бы задолго до.

Тем дело и кончилось. Еще часов пятьсот мы без толку висели в пространстве, ожидая своей очереди убраться восвояси, — штаб Соединенного флота стал очень осторожен и манипулировал зараз не более чем одной эскадрой.

Мы играли в покер.

Грег остался при своих, зато я отыграл у Семена свои деньги да еще выиграл всю его наличность плюс двести монет в долг. Поделом паршивцу — не будет впредь каркать!

Говорят, что теперь нашему командующему уже лучше. Припадки буйства у него совсем прекратились, под наблюдением лучших врачей его превосходительство стал спокоен и дружелюбен. Лишь изредка он перестает реагировать на окружающее и принимается яростно выкрикивать из окна палаты:

— Пузанчик ржавый! Жужжало большой! Ктырь германский!

Гулять в больничном сквере ему пока не разрешают, во всяком случае, в теплое время года, ибо он приходит в неистовство, заметив поблизости от себя любое насекомое, и растоптал не одну клумбу, гоняясь за каким-нибудь безобидным кузнечиком. Поговаривают, что в свободное время его превосходительство сочиняет и намеревается передать в Генштаб семантически обоснованный проект изменения всех «насекомых» названий боевых кораблей на «паучьи», «клещевые» и «многоножковые».

Но медицина быстро приводит его в норму.

Между прочим, «Вертун навозный», разведчик, высланный к заранее вычисленному месту встречи двух флотов и великой битвы, не нашел там никаких следов присутствия Потусторонников. Кое-кто думает, что они испугались принять бой, но лично мне кажется, что у них возникли те же проблемы.

Интересно все же: как выглядят на их родной планете существа, заменяющие им насекомых?

И как называются?

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Вычислитель	7
Погоня за хвостом	126
Корабельный секретарь	212

Рассказы

Текодонт	305
Быть проще	348
Глина господ бога	362
Секундант	375
Двое на карусели	391
Вдруг откуда-то летит...	402

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Громов Александр Николаевич

Глина господа бога

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин

Технический редактор Н.К. Белова

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

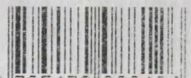
ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ИНН 773015978 ЗАО "Союзиздатгосорг"
ЗАО "Громов Глина господ бога"

Цена: 72руб.00коп.

9 785176 088125 01.09.03

ГЛИНА
ГОСПОДА БОГА

Бог создал человека из глины. По крайней мере — это одна из самых распространенных версий. История умалчивает, какой именно сорт пошел на изготовление Адама — однако явно не самый лучший. А те, кто был создан из материала высшего сорта, — прекрасно устроены в жизни и практически бессмертны.

На то он и **ВЫСШИЙ СОРТ**.

Однако жизнь более простых изделий нельзя назвать скучной — как вы и узнаете из новой книги Александра Громова. Автора, по праву считающегося лучшим в отечественной **НАУЧНОЙ** фантастике.

Впрочем, если **ВЫ УЖЕ ЗАСЛУЖИЛИ** потомственное дворянство в космофлоте;

Или же — **ВАМ ДОВОДИЛОСЬ** входить в пещеру Али-Бабы (и что более важно — **ВЕРНУТЬСЯ** оттуда);

Если ваш житейский опыт **ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ** дуэли с членом правительства;

А быть может — **ВАМ УЖЕ ПРИХОДИЛОСЬ** спасать от истребления последнюю горстку землян —

НЕ ЧИТАЙТЕ эту книгу. Право же, вы не найдете в ней ничего нового для себя.

В противном случае — присоединяйтесь, поговорим. Как глина — с глиной.

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ